

**Новая
Университетская
Библиотека**

А.Г. АЛТУНЯН

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Каменистые тропы науки – это горы литературы,
уступы книг, которые нужно прочесть, усвоить.
Но книги – это путеводитель, по которому можно
ориентироваться на дорогах науки.

А.Я. Янин, академик

А.Г. Алтунян

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Курс лекций

*Учебное пособие для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлениям и специальностям «Политология»,
«Журналистика», «Связи с общественностью», «Юриспруденция»*

Москва • Логос • 2006

Рецензенты

Ю.М. Антонян, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
А.А. Вербицкий, доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования

Алтунян А.Г.

А52 Анализ политических текстов: Учебное пособие. — М.: Университетская книга; Логос, 2006. — 384 с.
ISBN 5-98704-107-4

Рассматриваются общая концепция политического текста, риторические приемы, разнообразные аспекты анализа текстов, приводятся краткая история российского политического дискурса и сравнительная характеристика российского, советского, американского дискурсов. Анализируются конкретные политические тексты разных жанров, эпох, стран: современных российских, а также советских и зарубежных авторов. Отдельная глава посвящена одному из самых популярных жанров — политической карикатуре и политическому плакату. В приложении даны анализируемые тексты.

Для студентов вузов, получающих образование в области политологии, журналистики, связей с общественностью, юриспруденции и филологии. Представляет интерес для политических и государственных деятелей, политконсультантов и сотрудников политического аппарата партии и общественных движений.

ББК 66

ISBN 5-98704-107-4

© Алтунян А.Г., 2006
© «Университетская книга», 2006
© «Логос», 2006

Содержание

Введение	7
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КУРС	
Лекция 1. Феномен политического текста. Прагматика, стратегические и тактические функции политического текста. Жанры политических текстов. Специфика разных жанров. Устные и письменные политические культуры	11
Лекция 2. Построение и структура политического текста	28
Лекция 3. Анализ политического текста	47
Лекция 4. Политический текст как идеологический феномен. Как реализуются в политическом тексте убеждающая и мобилизационная функции. Политический текст в контексте политической борьбы	63
Лекция 5. Политический текст как исторический феномен. Специфика современных политических текстов	97
Лекция 6. Политический текст и другие типы текстов. Политическая реклама	114
Лекция 7. Адресат политического текста. Типология адресации в политическом тексте. Пропаганда и манипуляция общественным мнением	131
ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС	
Лекция 8. Работа с листовками и политическими текстами. Политическая карикатура	159
Лекция 9. Риторические приемы: образные системы, интонационные, графические акценты, системы и способы аргументации, мобилизации. Образы в политическом тексте	207
Лекция 10. Своеобразие российского политического дискурса по сравнению с советским дискурсом. Советский и нацистский политический дискурс. Советские и российские политические тексты. Своеобразие современного российского дискурса по сравнению с американским	240
Лекция 11. Анализ исторических политических текстов. Анализ российских текстов XIX в.	266
Лекция 12. Анализ современных российских политических текстов. Анализ текстов современных российских политиков и публицистов	285
Лекция 13. Разница между российско-советской письменной и англо-американской устной культурой	315
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Российские тексты XVIII–XIX вв.	
Приложение 1. Сон, счастливое общество (Трудолюбивая пчела. 1759. Декабрь. С. 738–747)	339

Приложение 2. Журнал «Всякая всячина» (С. 164–169)	341
Приложение 3. Ф.В. Растопчин. Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее (Афишки 1812 года)	343
Приложение 4. Перехваченное письмо. (СПб. Ведомости. 1831. № 168–169)	344
Советские тексты	
Приложение 5. Паника среди американских радиослушателей (Правда. 1932. 3 ноября. С. 5)	347
Приложение 6. Герои Хасана (Правда. 1938. 26 октября. Передовая редакционная статья)	348
Приложение 7. Большевицкая программа борьбы за устойчивый урожай. (Правда. 1938. 27 октября. Передовая редакционная статья)	349
Приложение 8. И.Г. Эренбург. Рабы смерти. (Правда. 1942. 7 апреля)	351
Тексты зарубежных политиков и журналистов	
Приложение 9. Дж. Кеннеди. Речь перед жителями Западного Берлина 11 июня 1963 г.	353
Приложение 10. М. Юсин. Самоцензура. Американское телевидение учится освещать войну с патриотических позиций (Известия. 2001. Ноябрь)	354
Приложение 11. К. Пауэлл. Партнерские отношения: работа продолжается (Известия. 2004. 26 января)	356
Тексты современных российских политиков и журналистов	
Приложение 12. Полемика А. Козырева и С. Станкевича	359
Приложение 13. А.И. Лебедь. «Новая империя» иаступает. На старые грабли. Размышления по поводу расширения НАТО (Известия. 1997. № 84)	367
Приложение 14. С.К. Шойгу. Взгляд на будущее России. Как вывести страну из зоны чрезвычайной ситуации (Известия. 1999. 29 октября)	373
Приложение 15. П. Анохин, В. Игнатов. У медведей свое лицо. «Единая Россия» решила стать интеллектуальным и политическим центром страны (Труд. 2003. 1 апреля)	379
Приложение 16. Г. Павловский. Почему мы эксперты? Тезисы клуба «Гражданские дебаты» дня Гражданского форума	381

Введение

Более полувека тому назад Джордж Оруэлл в статье «Политика и английский язык» писал: «В наше время политические речи и тексты — это, по преимуществу, защита того, что защитить невозможно. Продолжение Британского правления в Индии, чистки и депортации в России, атомную бомбу, сброшенную на Японию, конечно, можно защищать, но только аргументами, которые покажутся слишком грубыми для большинства людей и которые не совпадают с объявленными целями политических партий. Поэтому политический язык должен состоять по большей части из эвфемизмов, вопросов и туманных высказываний».

Свою мысль он развил в «Заметках о национализме», где, в частности, заявлял: «Я думаю, что каждый должен быть вовлечен в политику... и что каждый должен иметь предпочтения. Т.е. каждый должен различать, что одни явления в политике, политические направления, политические цели — объективно лучше других, даже если средства их достижения одинаково плохи».

Эти слова Джорджа Оруэлла, выдающегося английского политического публициста и писателя, написанные более 50 лет назад, сохраняют свою актуальность. Собственно, это и есть оправдание, *raison d'être* настоящего курса.

По-прежнему цель многих, хотя и не всех политических текстов — манипулирование, затуманивание, сокрытие реальности за симпатичными словами и милыми обещаниями. И по-прежнему в обществе, хотя бы отчасти демократическом, необходимо политикой интересоваться, пытаться сделать выбор, осмыслить свои предпочтения, даже если приходится выбирать из двух, почти одинаковых, зол.

В этом курсе автор постарается показать, что можно анализировать тексты и пробиваться сквозь намеренное затуманивание смысла, на основе анализа текста можно делать достоверные выводы. Основная цель курса — объяснить, как устроены политические тексты, показать, как можно их анализировать и какую информацию из них можно извлекать.

Умение внимательно читать политические тексты — необходимое условие осознанного отношения к политике. Умение разбирать тексты, видеть за произнесенными словами подразумеваемый, а иногда и скрываемый смысл, понимать смысловое значение стилистических,

риторических, графических приемов — необходимое профессиональное качество журналиста, политолога, аналитика. Настоящий курс направлен на развитие этих профессиональных умений.

Информация, которую несет любой политический текст, потенциально огромна. В каждом политическом тексте по существу мир создан, описан таким, каким его видит автор текста. И из этого описания мы можем выяснить не только, как автор видит мир, но и говорить о его отношениях, намерениях, понимании мира политики.

Основное внимание мы уделяли современным политическим текстам, с которыми мы сталкиваемся ежедневно и которые составляют основу современного политического дискурса. Тщательному анализу подверглись именно эти тексты.

Мы уделим внимание и классике политической риторики, текстам, вошедшим в историю, двигавшим массами людей, их сердцами и симпатиями. Работа с этими текстами пойдет параллельно, как бы в добавление к работе с «черствым хлебом» политического дискурса.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КУРС

Лекция 1

Феномен политического текста.

Прагматика, стратегические и тактические функции политического текста. Жанры политических текстов. Специфика разных жанров. Устные и письменные политические культуры

Рабочее определение политического текста

Вырабатывая дефиницию политического текста, определимся с тем, что же такое политический текст. Мы последуем примеру точных наук, которые, говоря о природных феноменах, не стараются раз и навсегда дать *истинное* определение, чем *является* феномен, а пользуются в определениях тем, что им известно на данный момент и что в данный момент *понимается*, скажем, учеными-физиками под тем или иным физическим феноменом. Если с течением времени наука вносит уточнение в концепцию или концепция перестает удовлетворять известным науке фактам, то в определение феномена вносятся необходимые коррективы. Итак, мы *будем понимать* под «политическим текстом» такой текст, в котором речь идет об *актуальных политических* проблемах и который обращен к *массовой аудитории*, при этом под словом «массовой» мы подразумеваем *потенциально массовую аудиторию*.

А теперь расшифруем наше определение.

Зачем пишут политические тексты? В конечном счете чтобы повлиять на политическую ситуацию, на расстановку сил, на мнение общества относительно политических проблем, явлений, событий, фигур.

Политическими проблемами мы будем называть проблемы, прямо, непосредственно касающиеся: а) распределения и перераспределения властных полномочий, завоевания политической власти; б) политического устройства общества, структуры власти; в) политического управления обществом.

Это значит, что все темы, все проблемы, которые могут оказать влияние на повышение рейтинга, авторитета одних политиков и/или

дискредитацию других; все тексты, где идет речь о борьбе за власть; все тексты, которые могут повлиять на эту борьбу, и т.д. — все они будут текстами «политическими». Если в тексте из отдела «Экономика» крупного общероссийского издания идет речь о споре собственников вокруг шоколадной фабрики и упоминается, что одной из сторон является американская фирма, интересы которой представляет американский посол, и что американцы скоро скупят все наши предприятия, то этот текст в нашей недавней (и текущей) ситуации прямо касается политических проблем. Почему? Потому что часть действующих политических сил ориентирована на привлечение иностранных инвестиций и не боится скупки иностранцами наших предприятий, а другая часть настроена значительно более осторожно. В тексте явно чувствуется нотка неодобрения агрессивной позиции американцев, и, таким образом, он направлен на ослабление одних политических сил и усиление других, т.е. он становится репликой в текущем политическом споре.

Актуальными мы будем считать такие политические тексты или темы, проблемы, поднятые в текстах, которые, с нашей точки зрения, *актуальны* для современной политической жизни. И хотя мы будем обращаться к политическим текстам прошлого, к иностранным политическим текстам, в строгом смысле тексты эти являются для нас политическими ровно настолько, насколько мы понимаем политический контекст времени и места их создания и/или насколько их темы являются актуальными для нас сегодняшних. Эти исторические тексты или тексты из другой политической реальности будут интересны нам прежде всего с точки зрения использованных в них *приемов*.

И последнее — потенциальная «массовость» политических текстов. Мы исходим из известного положения, что политика — это сфера общественного, не личного. Даже если текст толкует об актуальных политических проблемах, для того чтобы он стал политическим, необходимо, чтобы его аудитория хотя бы потенциально была массовой. Если студент NN размышляет в своем дневнике над политическими проблемами, его записи остаются дневниковой прозой ровно до того времени, пока он их не опубликует — хотя бы в виде статьи в университетской или факультетской газете или даже в виде тезисов, прибитых к двери университета.

Для политического аналитика очень важно научиться понимать и чувствовать, что важно, что неважно с политической точки зрения в текущих новостях, в публикуемых текстах; что станет политической новостью и политическим событием, а что нет. Другими слова-

ми, надо не только понимать события с точки зрения политической актуальности, но и уметь оценивать возможную реакцию общества: как политическая аудитория, отдельные ее части, воспримут это событие, как его можно использовать в политической пропаганде, контрпропаганде.

Еще несколько соображений о том, какие тексты являются политическими. Текст становится политическим, если таковым его начинает считать основной субъект политического процесса: в демократических странах — политическая аудитория, в авторитарных — сама власть или ее институты.

В разных политических системах одинаковые по своей структуре и актуальности для этих систем тексты будут оценены по-разному.

В сегодняшней России анекдоты про Путина, рассказываемые за кружкой пива, и опечатка в фамилии президента в центральной газете не являются политическими текстами. Одно из объяснений: они не рассматриваются самими говорящими как политические, и аудитория не считает, что они как-то могут повлиять на авторитет лидера, на распределение политической власти. И вспомним, чем могли кончиться (и кончались) опечатки в фамилиях высшего руководства СССР и анекдоты про Сталина. Власть рассматривала *любое* действие своих граждан как имеющее отношение к политическому процессу, к утверждению или подрыву авторитета властвующих.

В советские времена ситуацию абсурдности политических обвинений обыгрывал известный анекдот про цыпленка, считавшего себя политическим заключенным на том основании, что он «пионера в зад клюнул». Ирония заключалась в том, что обыкновенного задиру и мелкого хулигана сама власть начинала считать серьезным политическим оппонентом, поднимая его авторитет.

В демократическом государстве анекдот, рассказанный оппонентом про действующего президента, только в том случае становится политическим текстом, если аудитория соглашается считать его таковым, а не, скажем, пошлой, глупой шуткой, характеризующей не объект рассказа, а самого рассказчика.

А если сегодня цыпленок клюнет в зад члена молодежной организации коммунистов или «Единой России»? Будет ли это политический акт? Сегодня сам цыпленок, может быть, и будет считать это политическим актом, но для большинства аудитории это будет просто единичным фактом хулиганства, для общества это не будет политически важным актом, т.е. не будет относиться к сфере власти, к сфере политического устройства, борьбы за власть. А если власти

все же начнут преследовать «нарушителя» или хулиганить (шутить) станет не цыпленок, а, скажем, лидер партии или группа партийных активистов? Тогда — другое дело. Это затронет расстановку политических сил, например, повлияет на имидж самого политика-шутника и его партии.

Рассмотрим случай, произошедший в феврале 2004 г., накануне президентских выборов, в Петербурге. Около 50 членов молодежной организации КПРФ, надев резиновые маски Путина и майки с надписью «Лодка утонула, метро взорвалось, крыша упала, миссия провалилась», — пошли к дому, где в детстве жил Путин, и, когда девушка, якобы мама Вовы Путина, закричала: «Вова, домой!» — бежали к ней. На обратном пути, возле Гостиного двора на Невском, на них напали люди в штатском и избили, арестовали 12 человек по обвинению в оскорблении государственных символов и нарушении движения.

ФСБ, милиция восприняли эту демонстрацию не как шутку, а как правонарушение.

Являлись ли действия милиции *политическими* или они считали, что пресекают деятельность обычных правонарушителей? Судя по предъявленным обвинениям, по тому, как было оформлено задержание, их действия следует воспринимать именно как политический акт.

То, что действующий президент является для правоохранительных органов государственным символом — пример архаичного отношения к власти, придания ей священного, сакрального значения, не допускающего ничего, кроме уважительного, серьезного отношения, и никаких других действий, кроме восхваления. В данном случае даже не важно, искренни ли были органы правопорядка, усмотревшие правонарушение и оскорбление символов в шутке над действующим президентом, или они выполняли приказ и подгоняли закон под полученный приказ. В обществе, институты которого (в том числе и правоохранительные органы) действуют на основе современного секулярного понимания реальности, архаичное по своей природе понимание главы государства как сакрального символа приобретает отчетливые политические следствия, становится политическим актом. И значение этого политического акта не зависит от первоначальных интенций отдавшего приказ офицера, оно расшифровывается на основе того понимания действительности, которое существует в головах членов политической аудитории. Например, такое: все правильно, президент — это священный символ, его нельзя оскорблять, иначе будут

поколеблены все основы мироздания (именно в этом смысл архаического страха перед оскорблением священных символов), а любая шутка потенциально перерастает в оскорбление; или такое: шутка, насмешка — это легальные средства критики власти со стороны общества, и правоохранительные органы, защищая от критики авторитет Путина как президента, превращаются из органов общественного правопорядка в силовой отряд политической власти. Мы видим, что действия силовых структур, направленные на защиту «священных символов», способны возбудить политические споры, активизировать сторонников и формировать оппозицию.

Политический текст с точки зрения теории коммуникации

С точки зрения теории коммуникации феномен текста подразумевает существование автора (адресанта) — создателя сообщения, от чьего лица текст произносится; текста — самого сообщения; и наконец, адресата — аудитории, которой этот текст предназначается. Субъектами политического процесса являются: власть, политик, партии, автор текста, аудитория, отдельные группы или слои общества...

Задачи политического текста. У политического текста есть задачи стратегические и тактические. Любой политический текст потенциально, в стратегическом плане, нацелен на изменение или поддержание текущей политической ситуации, на перераспределение или поддержание существующего баланса сил власти. Но в чистом виде тексты, нацеленные на осуществление этих стратегических задач, как правило, связаны с избирательными и другими политическими кампаниями: маршами, протестами, забастовками.

Тактические задачи. Совсем не все тексты выполняют исключительно стратегические задачи. Часть политических текстов выполняет задачи по своей природе тактические: задачи актуальной политической жизни, борьбы: вброс информации, проведение определенной линии внутри партии, попытки способствовать принятию или неприятию определенных решений, влияние на конкретных лиц, конкретные структуры и институты.

В развитых демократических системах множество печатных политических текстов выполняет именно тактические задачи, в то время как роль прессы в современной российской политической жизни для

решения тактических задач не является столь уж важной. О причинах этого мы поговорим подробнее, когда затронем тему различия российского и американского дискурсов. (Под политическим дискурсом мы понимаем всю совокупность политических текстов, устных выступлений, ограниченных рамками того или иного социума, европейского, российского, советского и т.д., и рамками временными. Тексты, образующие политический дискурс, как заметил Мишель Фуко, строятся и функционируют по определенным правилам, о которых мы будем говорить.)

К *стратегическим задачам* политического текста мы будем относить следующие:

- привлечение внимания (факультативная функция);
- идеологическая функция (видение ситуации: какие проблемы надо решать и пути решения проблем);
- убеждение аудитории в правильности поставленных проблем и предложенных путей их решений;
- мобилизация аудитории на поддержку предложений автора.

Привлечение внимания к тексту — факультативная, но важная функция. Для некоторых жанров (например, листовок) она является решающей. В отличие от статьи, к которой читатель еще может вернуться, к листовке часто вернуться уже нельзя. Среднестатистический участник политической аудитории отправляет не заинтересовавший его клочок бумаги в мусорную корзину или проходит мимо, если листовка наклеена на стене, двери, в вагоне метро. Примерно то же самое можно сказать и о политических речах. Если с самого начала оратор или его выступление не привлекли нашего внимания и не смогли поддерживать его все время выступления — эффект от его речи невелик.

Идеологическая функция политического текста включает в себя несколько компонентов. Во-первых, она состоит в том, что автор текста выбирает и формулирует те проблемы, которые он считает нужным осветить и решение которых он предлагает. Сюда входят и описание общего контекста ситуации, и программа действий, и полемика с политическим противником. Мы называем эту функцию идеологической, потому что изображение действительности в политической речи или тексте дается так, как ее видит и понимает автор. И то, какие проблемы являются основными, и то, какие пути являются лучшими для решения этих проблем, и то, в какой обстановке разворачивается политическая борьба, — все это зависит от того, какой видит автор текста окружающую действительность. Как было уже давно замечено, политик в своих речах и текстах, даже если он старается быть

абсолютно объективным и достоверным, изображает не столько объективную действительность, существование которой до сих пор является спорным, а картину действительности, увиденную им.

Мы принимаем как аксиому, что таких изображений, точек зрения, видений ситуации может быть достаточно много, но не бесконечное количество. В конце концов, все разнообразие человеческих точек зрения можно свести к нескольким. И в каждый исторический момент их количество ограничено числом актуальных в данный момент и в данном обществе альтернатив, подходов, «видений» действительности — например числом подходов к решению какой-то актуальной политической проблемы. Политические партии в своих программах, отдельные политики в своих выступлениях, политические публицисты в своих текстах предлагают свое видение мира и способы решения актуальных проблем.

Но задача политика, политического публициста шире простого изображения ситуации в рамках определенной точки зрения. Ему необходимо, во-первых, *убедить* аудиторию, что именно его точка зрения истинна, что именно его видение проблем и общества адекватно реальности и что в рамках именно так понятой действительности возможно эти проблемы решить, причем решить наилучшим для аудитории образом. Ему нужно отождествить проблемы, которые он выдвигает, с проблемами аудитории или добиться того, чтобы аудитория восприняла выдвигаемые проблемы как свои собственные, нужно доказать аудитории актуальность этих проблем. Во-вторых, он должен предложить такую картину текущего момента и так ее изобразить, чтобы нашлись общие точки соприкосновения между видением ситуации аудиторией и его изложением. Контекст ситуации в изложении политика должен быть по крайней мере понятен, а лучше — близок и адекватен контексту, как его понимает аудитория. В-третьих, ему необходимо доказать, что предложенное им решение актуальных для аудитории проблем — лучшее из всех возможных. Что именно это решение наиболее приемлемо для аудитории, чтобы аудитория восприняла предложенное как свое собственное решение. Для этого автор использует различные системы аргументации: от логических доводов до обращения к авторитетным символам, от эмоциональных образов до риторических повторов, от интонационной игры до графических выделений. Правильный выбор акцентов (на логических доводах или на авторитетных символах, и на каких) зависит от мастерства автора, от того, насколько он представляет себе аудиторию, убежден в своей правоте и т.д.

Традиционно, вслед за Аристотелем, выделяют три основных способа, три источника аргументации: обращение к разуму (Logos), к нравственности, морали (Ethos) (это призывы, «основанные на качествах, на репутации, на престиже оратора») и эмоционально-психологические призывы (Pathos).

Известный американский специалист по политической риторике Теодор Уиндт объясняет: «Под logos Аристотель имел в виду доводы рационального порядка в отношении предлагаемого образа действий или занимаемой позиции. Никто не может убедить других, не предлагая каких-либо доводов, будь они разумны действительно или мнимо. Люди хотят иметь доводы в пользу того, во что они верят, что делают, или того, что их призывают делать. Идею логоса не надо путать с формальной логикой в ее философской или академической форме, а также с жесткой системой проверяемых на истинность посылок. Риторическое рассуждение исходит из личных мнений, из общественных мнений, ценностей, законов, обычаев, отклонений от очевидности и из множества других источников. Развивая свои мысли, рассуждая, политический оратор, стремящийся убедить публику, имеет две цели: 1) представить возможно лучшие доводы и аргументы в пользу своей позиции; 2) выбрать из этих доводов те, что будут наиболее понятны для той части аудитории, на которую оратор стремится повлиять и убедить.

Под ethos Аристотель имел в виду характер, престиж, авторитет оратора и тот уровень доверия аудитории, которым оратор располагает. «... То, каков вы есть, говорит столь громко, что трудно расслышать, о чем вы собственно говорите». ...Слушая, читая выступление, аудитория всегда берет в расчет, кто говорит. Люди запоминают мнения тех, кого они считают авторитетом. Они уважают тех, у кого есть характер, даже если они не согласны с ними. Они верят тем, кто пользуется доверием».

Но ethos относится не только к личным характеристикам, которые способствуют доверию людей. В общественной жизни занимаемый пост также наделяет человека престижем, авторитетом и доверием, т.е. своеобразным политическим капиталом. Политическая карьера может быть оценена с точки зрения того, как эффективно политик использует этот политический капитал, или, наоборот, насколько злоупотребляет им.

Под pathos Аристотель имел в виду две вещи: личные эмоции, которые влияют на поступки людей и их представления, и психологические особенности различных групп, составляющих целевую аудиторию (имеются в виду особенности возраста, пола, рода занятий и пр.).

Мы будем говорить также о доводах логических, эмоциональных и ценностных. Логические доводы построены как логически непротиворечивые утверждения, логические доказательства, рациональные по своей природе. Эмоциональные доводы основываются на эмоциональном призыве, на обращении к чувствам. Наконец, ценностные основываются на важных для потенциальной аудитории ценностях. Ценность обычно сопряжена с эмоцией, а вот эмоции бывают выражены образами и другими риторическими средствами без ценностной окраски.

Однако и убедить аудиторию в том, что политик прав, — это еще не все. Политику не нужна сочувствующая, но пассивная аудитория. Если в древних Афинах, на римском Форуме убеждение было главной целью оратора, так как решение принималось тут же, на Форуме, то современному политику недостаточно убедить. Ему нужно, чтобы слушатель или читатель ушел не просто убежденным, но и готовым на действие в будущем; например проголосовал бы так, как необходимо политику. Ему необходимо *мобилизовать* аудиторию в свою поддержку, в поддержку своей позиции. Необходимо добиться того, чтобы читатель, слушатель — член потенциальной политической аудитории — не просто понял: автор политического текста прав, — но и *поддержал* его позицию, его партию в разговоре с друзьями, на избирательном участке, на демонстрации или в пикете. О необходимости мобилизации часто забывали российские политики в начале экономических и политических реформ 1990-х гг. Ориентируясь на рациональную просветительскую парадигму и на политически ангажированную часть общества, многие демократические политики исповедовали тезис: убедить — это и значит мобилизовать. А это, конечно, далеко не так. И до сих пор в речах и текстах многих политических деятелей отсутствует яркое мобилизационное начало. Показательное исключение — Владимир Жириновский. В известном смысле ослабленная мобилизационная функция современных российских политических текстов свидетельствует о деформированности нашей демократии: она существует вне и без активного взаимодействия и взаимного интереса между аудиторией и политиками. Политики в лучшем случае добросовестно информируют население о своих планах и намерениях, оставляя мобилизацию на откуп политтехнологам, а иногда попросту уповая на прямое административное давление.

Мобилизация, по большей части, это работа с эмоциями, с чувствами, а не с логическими доводами, с разумом. Это выбор средств, которые воздействуют на эмоции скорее, чем на разум. Это попытка

прямого и косвенного обращения к чувствам: страха, надежды, чести, справедливости, благородства, долга. Наиболее ярко мобилизационная функция выражается в плакатах, лозунгах, листовках. Например известный плакат времен Гражданской войны: «Ты записался добровольцем?»; американский плакат времен Первой мировой войны: «I want you for the U.S. army. Enlist now» («Мне нужен *ты* для армии США. Запишись сейчас»). Но и многие политические тексты, а особенно речи, несли в себе яркое мобилизационное начало. Один из лучших примеров — известная первая речь Черчилля перед палатой общин в 1940 г. и знаменитая «I have a dream» Мартина Лютера Кинга.

Мы ограничили функции политического текста исключительно прагматическими задачами, т.е. теми, которые господствуют в политической практике демократического общества. Из того, что основными функциями политического текста являются убеждение и мобилизация, следует, например, такой вывод: политический текст должен быть совершенно понятен, прозрачен для той потенциальной аудитории, для которой он предназначен. Вернее, в нем не должно быть непонятных, трудных для понимания и расшифровки элементов. Все декоративные элементы, относящиеся к прямому слову, к очевидно высказанному, — например метафоры или иные риторические фигуры, — должны быть легко прочитываемы. Дополнительные смыслы, акценты могут быть сколь угодно изощренными (скажем, пропагандируя «борьбу за мир», угрожать войной тем, кому «не дорог мир»), но для потенциальной политической аудитории они тоже должны быть понятны. Возможные исключения — например туманность текста — должны чем-то компенсироваться (например, повышенной эмоциональностью), в противном случае они существенно снижают потенциал текста как мобилизующего и убеждающего фактора.

Чтобы политический текст выполнял свои функции, авторы используют разнообразные приемы: риторические, стилистические, приемы построения аргументации, с которыми нам еще предстоит работать.

А всегда ли политический текст имел именно те функции, которые мы назвали?

Нет, не всегда. Например, в дореволюционной России, в XIX в. в политических текстах, исходящих от власти, своеобразно преломлялись функции убеждения и мобилизации. В советском дискурсе последних десятилетий советской власти мобилизующее начало было очень сильным, но мобилизация шла не на *поддержку определенной*

точки зрения, а на безоговорочное выполнение определенных решений ЦК КПСС. Убеждающее начало осложнялось угрожающей интонацией¹.

Разница в функциях политического текста связана с тем, что разные политические системы нуждаются в разном воздействии на аудиторию. В частности, функциональные отличия обусловлены принципиально различными отношениями между субъектами политического процесса.

Функциональная специфика разных жанров. Основные жанры политического текста

Назовем основные жанры политических текстов:

- реклама, лозунги;
- листовки;
- политические речи;
- политические статьи;
- политическая публицистика;
- информационные статьи;
- политические новости.

В наиболее полном виде функции присутствуют в первых пяти жанрах. В рекламе, лозунгах, листовках все функции спрессованы, и кажется, что в них нет ничего, кроме призыва. На самом деле во всех лозунгах, в рекламе всегда есть и идеологическая составляющая, и убеждающая, и, конечно, мобилизующая. Мы расположили жанры политических текстов по нарастанию в них одной из важных характеристик: от субъективности к объективности. От рекламы и листовки никто не ждет объективности. В политической речи, статье субъективный взгляд вполне допустим, поскольку авторы являются непосредственными участниками политической борьбы. Публицистика же предполагает позицию наблюдателя политического процесса, и читатель ждет от публициста оценки, сделанной на основе объективного анализа, с представлением других точек зрения. Позиция наблюдателя не лишает публициста ни возможности сочувствовать одной из сторон в политической борьбе, ни права на субъективность. Но субъективность и сочувствие должны вытекать из рассмотрения

¹ Последнее отмечает и А.К. Михальская в своей книге «Русский Сократ». М., 1996.

разных точек зрения и их объективной, по возможности, оценки. Еще более жесткие требования объективности предъявляются к информационной политической статье. Обусловлены они природой политической информации в работающей демократической системе. Опытный член политической аудитории, опытный читатель политических текстов ждет от информационной статьи не агитации, а предоставления объективной картины происходящего. Если в статье есть описание конфликта, автор, даже если он склонен поддержать одну из сторон конфликта, все же должен дать мнение разных сторон, а выводы в конечном счете он предоставляет сделать читателю. Если выводы есть и в самой статье, все равно они должны быть сделаны на основе предоставления информации «за» и «против». Еще более жестко информационно-нейтральны должны быть новостные статьи.

Устные и письменные политические культуры. Устные и письменные жанры

Все политические культуры делятся на письменные и устные, т.е. на культуры, политическая риторика которых ориентируется на устное и на письменное слово. Англо-американская политическая культура — ярко выраженная устная культура. Российская политическая культура — столь же ярко выраженная письменная культура. Устные политические культуры образовались на базе устной проповеди, на базе личного обращения к активной части аудитории. Аудитория в этих культурах издавна является активным участником политического процесса. Устная традиция утвердилась в этих культурах до великой эры журнализма (т.е. до начала XVIII в.), до того, как политическая жизнь стала основной темой журнальных, газетных дебатов. Ораторское искусство — искусство спора, искусство диалога, искусство оратора — до сих пор занимает важную часть в образовании в США, начиная со школы.

Российская культура в течение многих веков ориентировалась на письменное слово. На скрижалях нашей исторической памяти не запечатлены ни выдающиеся речи политиков, ни известные речи адвокатов (редкие исключения относятся к выступлениям известных адвокатов последней трети XIX в., но и здесь мы знаем имена, но не знаем и не интересуемся собственно текстами), ни выступления общественных деятелей. Мы можем с ходу назвать несколько заме-

чательных политических писателей и несколько запомнившихся нам политических текстов, но мало кто назовет политического оратора или запомнившееся политическое выступление. За очень небольшим исключением, например нескольких выступлений времен перестройки и всем известных фраз российских политиков, наше политическое наследие сосредоточено в печатных текстах. Начиная с XIX в. практическое ораторское искусство оказалось вытесненным из школьных и университетских предметов и нашло прибежище только в подготовке духовенства. Но и в церковной практике роль проповедника обычно сводилась к разработке уже существующих канонов и к повторению уже написанных образцов. И тем не менее когда приходило время для живого слова, среди известных ораторов оказывались и священники. В нашей недавней истории — это священник Александр Мень; о его предшественниках мы упомянем в другом месте. Еще один источник живого общественно значимого слова — публичное судебное заседание — возникло в России лишь во второй половине XIX в. и просуществовало лишь до 1917 г. Но самый главный источник политического ораторства — публичные общественные и политические дебаты, был в России практически неизвестен. В Новое время можно назвать только дебаты Комиссии по составлению нового Уложения, работавшей с 1766 по 1768 г., когда ее деятельность была приостановлена (в работе комиссии принимали участие представители всех сословий, от крестьян до вельмож, а работу Комиссии освещала пресса), и работу Государственной думы с 1906 по 1917 г. Речи и дебаты проходили также на заседаниях отдельных общественных организаций, таких как Вольное экономическое общество, в особенности во второй половине XIX в., в ходе деятельности профессиональных союзов: союзов работников печати, земских деятелей, инженеров и множества других организаций, активно работавших в начале XX в.

Авторитарное правление делало невозможными ни открытые общественно-политические дебаты, ни свободное печатное слово. Общественные дебаты редуцировались до дебатов в салонах, а в советское время — до кухонных разговоров. В салонно-кухонных разговорах исчезала собственно общественная сторона полемики, исчезала основа, сердцевина публичного слова — публика, аудитория как главный адресат, а также агитация и мобилизация как основа всей стратегии, зато развивалось искусство диалога, частной по сути и ученой по форме полемики, где полемисты изоцплялись в учености и остроумии. Решение актуальных общественных вопросов выражалось в бесконечный обмен более или менее занятыми репликами.

При прочих равных условиях — прежде всего это наличие заинтересованной аудитории — живая речь способна вызвать несравненно более сильный эмоциональный отклик, чем напечатанный текст. Мобилизационный эффект живой, эмоциональной речи значительно выше, чем эффект от хорошо написанного текста. Именно поэтому в США во время избирательных кампаний любого уровня основной упор обычно делается на выступления разного рода: на митингах, на встречах с избирателями, пресс-конференциях, когда возможен непосредственный контакт с избирателями. Письменные тексты политиков занимают в избирательных кампаниях значительно меньшее место. (Среди аудиовизуальных жанров господствует реклама.) Даже если аудитория не очень заинтересована, то оратору при устном выступлении переломить ее апатию легче, чем заинтересовать безразличного читателя. Устное слово оставляет за оратором инициативу (ввода новой темы, интерпретации, повторения, регулировки эмоционального напряжения и т.д.), в то время как во время чтения инициатива принадлежит читателю. Читатель решает, когда начать и когда закончить, что прочесть внимательно, а что пропустить. Устное выступление дает возможность оратору контролировать степень воздействия, усиливая его, если он чувствует ослабление внимания, доводя его до максимума в нужных местах.

Стилистика, построение политических текстов сильно различаются в зависимости от того, предназначаются ли эти тексты для слухового или зрительного восприятия.

Канон устного выступления, восходящий к Аристотелю и Цицерону и отработанный веками ораторской практики, требует его трехчленного деления: речь делится на вступление, развитие темы, заключение. Количество затронутых тем обычно жестко ограничено, при возможном многообразии трактовок. Повторы, единоначатие, интонационно выделенные места — все эти приемы, направленные на усиление эмоционального воздействия, запоминаемости, мобилизации, хорошо работающие в устных выступлениях, будучи повторены в письменных текстах, не дают необходимого эффекта, а иногда даже мешают восприятию. В написанных текстах для создания того эффекта, который в речи достигается тоном, эмоцией, используются различные стилистические приемы, графические выделения.

Но написанный текст имеет свои преимущества. Его информационная насыщенность намного выше. Для устной речи существуют свои противопоказания: она не может быть сухой, скучной, все остальное, в том числе отсутствие логики, преодолевается эмоциональностью.

Единственное непереносимое условие письменного текста: он должен быть логичен. Эмоциональность не спасет письменный текст, если автор, а вслед за ним и читатель, утерят нить рассуждения.

Жанр печатной полемики в России (речь идет о Новом времени) ведет свое начало от первых сатирических журналов, самый первый из которых, — «Всякая всячина» — как известно, был основан Екатериной II. (Отдельные полемические по характеру выступления появлялись в печати и раньше.) Екатерина II дала начало общественной полемике по политическим, социальным, экономическим проблемам, и, при всем свойственном ей авторитаризму, императрица позволила полемистам, оскорблявшим и ее саму (самые резкие слова в отношении Екатерины II были написаны ее соратниками по сатирическому цеху), открыто высказывать свои мнения.

Достаточно терпимое отношение к обсуждению некоторых (далеко не всех и далеко не всегда) общественных проблем продолжалось до конца 1810-х гг. (Период правления Павла I, 1796–1801, стоит особо. Последним эпизодом, последней репликой в относительно свободном обмене мыслями на этом историческом этапе стало выступление П.Я. Чаадаева с его известными «Философическими письмами» в 1836 г.) С начала 1820-х и до середины 1850-х гг., до смерти Николая I, т.е. в самое важное для оформлявшейся российской культуры время, открытая печатная полемика свелась к спорам о стилях, об истинной народности и т.д. Актуальная общественная тематика из периодической печати не ушла, но полемика на эти темы редуцировалась до обмена репликами на эзоповом языке, понятном только посвященным.

И даже в таком виде, даже сведенная до обмена репликами на эзоповом языке, печатная полемика, в отсутствие возможности для устных дебатов, становилась важнейшим фактом общественной жизни. Именно печать, а не свободно высказываемое устное слово, стала основным медиумом между участниками дискуссии и широкой публикой в России. Даже относительно либеральный авторитаризм Александра II не освободил устное слово, а в печати освободил от запрета лишь часть обсуждаемых тем, отнюдь не всех и не полностью, поэтому роль эзопова языка не уменьшилась ни в 1860-х гг., ни тем более в последующие десятилетия. Не принесла свободу слова и конституция 19 октября 1905 г. Только февраль 1917 г. принес действительную свободу для полемики, во всяком случае в печати. Poleмика была прервана развитием революционных событий и с середины 1920-х гг. практически полностью исчезла. А с конца 1920-х гг.

независимая полемика на общественно важные темы исчезает даже и в форме эзопова языка. С начала 1930-х гг. любая печатная полемика, вне зависимости от формы, которую она приобретала, была санкционирована властью. И это не могло не повлиять на стиль и форму дискуссий, на восприятие выступлений читателями. Любая полемика кончалась официально санкционированным выводом, являвшимся истиной в последней инстанции. Воспринимались эти завершающие выступления как официальные заявления. Были они недвусмысленны, не допускали сомнений в истинности и окончательности решений. В самом их стиле четко звучала угрожающая интонация, поддерживающая их серьезность и окончательность решений.

Что касается живого слова, оно сыграло свою роль в большевистском перевороте, потому что ряд большевиков, прежде всего Лев Троцкий, Владимир Ленин, были замечательными трибунами. Ораторское искусство высоко ценилось во время революции и в первые послереволюционные годы. Однако постепенно, в ходе отвердевания новой политической системы, ораторское слово стало уступать слову письменному. Специфика советского тоталитаризма, в частности болезненная подозрительность вождя (Сталина), отразилась на соотношении устного и письменного политического слова. Происходило это прежде всего потому, что тоталитарный режим постепенно устанавливал тотальный контроль над всеми источниками и проводниками информации, а устное слово было труднее контролировать. Именно поэтому не санкционированное высшей властью устное слово быстро уходило из советской политической практики. Советские вожди рангом ниже Сталина все меньше выступали с речами и все больше общались с народом на страницах газет.

Новая эпоха дала нам замечательных публицистов и не дала замечательных трибунов. (Ярких, интересных было много. Самый яркий, конечно, это Владимир Жириновский.) Удивляться этому нечего, многовековая традиция, вся суть нашей политической культуры основана на слове письменном. Навыки ораторства достаточно просты и при наличии заинтересованной аудитории и некоторого энтузиазма даже почтенный профессор становится трибуном... на десять минут. Однако когда спала первая волна революционного энтузиазма, в отсутствие замершей в ожидании ораторского слова аудитории, когда аудиторию надо не только завоевывать, но и создавать, ораторы первой волны перестройки достаточно быстро ретировались в публицисты. Они оказались лишь предвестниками великого будущего русской устной политической речи. А у российской политической речи, несомненно, боль-

шое будущее. Слишком много проблем перед страной, а значит, многое надо будет объяснять людям, чтобы завоевать их доверие. И сделать это успешно смогут только по-настоящему крупные ораторы.

Лекция 2

Построение и структура политического текста

Различают построение текста и его структуру. *Построением текста* я называю последовательность содержательно-смысловых блоков текста, то, как подается информация в тексте. *Структура текста* — это более высокая степень организации текста: она включает содержательный уровень, уровень риторических средств и уровень априорных посылок. При этом построение текста является элементом одного из структурных уровней — риторического.

Построение текста по своей сути — это один из риторических приемов, используемых для лучшего воздействия, для более эффективной передачи информации. Основная цель построения политического текста, как и любого используемого приема, — добиться наилучшего для автора эффекта воздействия на аудиторию.

Каждый текст несет свою нагрузку и выполняет свою конкретную задачу, для решения которой он был создан. Каждый текст индивидуален в использовании разнообразных приемов, в том числе и в особенностях построения. Но можно выделить ряд признаков, которые характерны для построения текстов определенных жанров. При наличии таких отчетливо осознаваемых и авторами, и аудиторией закономерностей в построении текстов отсутствие этих закономерностей, их нарушение тоже становится приемом и признаком стиля, в данном случае отступлением от канона.

Опишем кратко некоторые закономерности построения текстов разных жанров.

Канон построения политической речи сохраняется уже более 2000 лет и обусловлен самим устным характером жанра и особенностями восприятия устного слова. Речи обычно затрагивают только одну тему и состоят из введения в тему, ее развития и заключения. Эмоциональное напряжение обычно идет по нарастающей, основной эмоциональный акцент приходится на развитие темы, затем напряжение несколько снижается и вновь поднимается к концу, так чтобы выделить заключительный момент речи.

Хотя большинство печатных текстов агитационного, пропагандистского содержания построено так же, как и речи, и состоит из

введения, развития темы и подведения итогов размышлений, между печатными и устными жанрами имеются существенные различия. Например, в политической статье возможно рассмотрение нескольких тем: две-три, иногда и больше, а в устной речи, как уже было сказано, доминирует одна, редко две темы.

Различие устных текстов и письменных (печатных) обусловлено: а) разным характером отношений между оратором и аудиторией и автором (адресантом) текста и читателями; б) особенностями восприятия письменного (печатного) текста и звучащего слова: наличием визуального контакта в одном случае и его отсутствием в другом; возможностью при чтении вернуться к уже прочитанному или, наоборот, бегло просмотреть текст.

Перед автором письменного (печатного) текста стоит задача не только задать общий контекст и наметить тему, конфликт и основные пути развития темы и разрешения конфликта, но и сделать это так, чтобы компенсировать отсутствие визуального контакта с читателем и потенциальной возможности для личного контакта, возникающей при слушании оратора. Автору статьи необходимо предпринять усилия, чтобы привлечь внимание читателя, используя разнообразные приемы, суметь обрисовать образ самого автора и т.д. В сравнении с устным словом от автора письменного (печатного) текста требуется более детальная проработка введения, поскольку именно по введению в статью (заголовок, подзаголовок, *лид* — первый абзац) читатель определяет, интересуется ли его этот текст.

Политические статьи информационного характера имеют несколько иное построение, чем агитационные и пропагандистские статьи. В начале статьи автор обычно дает основную информацию: главную тему, конфликт и основную идею, которые затем в ходе изложения проясняются и поясняются.

Какого-то канона построения текста в листовках не существует. Обычно авторы листовок используют возможности жанра: видеоряд, возможность дать информацию в нескольких по-разному оформленных блоках. Часто изображение выходит на первый план вместе с основным слоганом, и именно их сочетание создает ударный эффект. Лозунг отличается от слогана листовки одним важным моментом: лозунг должен быть понятен сам по себе, в то время как слоган, в особенности хороший слоган, неразрывно связан с изображением и иногда без него непонятен.

Структура текста

Выделяют три уровня политического текста:

- уровень прямого слова, содержательный уровень, то, *что* сказано прямо;
- риторический уровень: то, *как* сказано,
- уровень априорных посылок: идеи, представления, лежащие в основе прямого слова.

В первой лекции я уже говорил, что политическое послание автора политического текста состоит в том, что он: а) говорит о какой-то проблеме; б) ставит ее в контекст ситуации и в) исходя из своего видения контекста и проблемы, предлагает решение этой проблемы.

Значительная (но не вся) часть этого послания выражена прямыми словами: это то, что автор декларирует как свои политические, социальные и т.п. предложения, это формулировка проблем, путей их решения. Именно этот уровень текста мы будем называть уровнем прямого слова. Кроме прямого слова и прямого смысла, существует еще один уровень текста, о котором речь пойдет ниже, — это априорные послылки, то, из чего автор исходит, описывая ситуацию тем или иным образом. Обычно политические предложения автора являются прямыми высказываниями, а вот контекст видения ситуации задается отчасти прямым описанием, а отчасти тем, *как* автор смотрит, через какую «оптику», какие приемы использует при описании.

В реальной политической жизни существует несколько основных точек зрения на то, какие проблемы являются важнейшими; на то, какой является текущая ситуация (контекст) и какие решения той или иной проблемы являются наиболее приемлемыми. Поэтому, говоря о прямом уровне текста, мы будем иметь в виду, что автор излагает одну из нескольких актуальных точек зрения по той или иной политической проблеме и его прямое слово является репликой в политической полемике, выражением одной из нескольких точек зрения.

Второй уровень — это уровень риторических средств: то, *как* сказано, точнее, *как* автор оформляет свои мысли, свои предложения, выраженные прямым словом.

Содержание текста, прямое слово передается через определенным образом выбранные слова, составленные фразы, через порядок слов, построение текста и другие приемы. Для выражения своих мыслей автор использует определенные стилистические, графические, логические формы. Выражение и оформление мыслей кажется и часто

является чисто авторским, но и здесь существуют некоторые каноны и правила, например жанровые закономерности, стилистические и лексические нормы. Кроме того, для каждого актуального в пределах данного общества идеологического дискурса, для каждого распространенного в обществе взгляда на действительность, варианта ответа на главные вопросы существуют наборы риторических средств, выработанных и привычных, в рамках которых и идет обычно обсуждение проблем.

Один из самых крупных политических публицистов середины XX в., Джордж Оруэлл, заложивший основу критического анализа политического дискурса, говорил о «естественном» языке, имея в виду некий правдивый язык, объективно описывающий реальность, в противоположность языку политиков, стремящихся скрыть правду и использующих для этого разного рода эвфемизмы, образы, меняющие «объективную» картину действительности в нужном для манипуляторов направлении. Мы же будем исходить из того, что «объективного», «естественного», политического языка не существует, как не существует и естественных носителей естественного языка, некой референтной идеальной группы, например у Оруэла в романе «1984» — «простых» людей, «пролов». Подробнее об этом споре мы будем говорить ниже. Здесь же только отметим, что политик — это всегда заинтересованная сторона, стремящаяся к воздействию на политический процесс, на его поддержание или изменение, а заинтересованная сторона по определению не может и не должна быть объективна. В этом и состоит суть политического участия в демократической системе. «Объективно» смотреть на ситуацию может только незаинтересованный человек или группа людей. И в этом — главная проблема так называемой «объективности». Полностью объективными могут быть только суждения лиц, находящихся вне политического процесса. Такого рода суждения могут быть любопытны как информация, они могут даже обладать какой-то высшей правотой, но они не имеют отношения к реальному политическому процессу. Вторая проблема — это проблема компетентности. В реальном политическом процессе компетентны только участники. Как это ни странно звучит, оруэлловские «пролы» сохраняют свою спокойную объективность только потому, что они искусственно исключены из политической жизни, ограждены от политического процесса, не испытывают влияния со стороны субъектов, действующих лиц политического процесса, в данном случае — Большого брата. С тем же успехом сохраняли бы объективность по отношению к земной политической жизни, борьбе марсиане.

Хотя автор ограничен в своих трактовках и в выборе средств, у него всегда есть выбор: выбор слов и форм, которые наилучшим, с его точки зрения, образом отражают его мысли. Сама возможность и необходимость выбора не позволяет автору сохранять полную объективность.

Формы и приемы, с помощью которых авторы оформляют свои мысли, можно подразделить на явные и неявные.

К явным, очевидным приемам относятся:

- построение политического текста, способ подачи материала автором (с чего начинается, как развивает свою мысль (мысли), чем заканчивает, где помещена главная, «ударная» тема);
- риторические средства и фигуры: низкий, высокий, бюрократический, фольклорный и др. стили, сленг; использование разных стилей в одном тексте; образные средства (простые и распространенные); типы образов (рациональные, эмоциональные, персонально-этические (ценностные) структуры);
- другие риторические средства: инверсии, повторы, единоначатия, призывы, восклицания и др.;
- аргументативные, логические: способ рассуждения и доказательства (логические средства или эмоциональные; тезисная форма или развитие мысли; модальность рассуждений; умозаключения, декларации и пр.);
- графические выделения в тексте и их смысловое значение: кавычки, различные шрифтовые выделения (курсив, жирный шрифт и др., позволяющие выделить значимость); знаки восклицания: вопроса, многоточие — в основном являются знаками интонационно-выразительными; в речах — интонационные выделения.

Смысловое значение «формальных» выделений (например, графических)

Графические выделения: кавычки, шрифтовые выделения — имеют разное по своей интенсивности смысловое значение. Наиболее очевидное выделение — шрифтовое, обычно имеющее значение общего смыслового акцента. Вот отрывок из статьи Колина Пауэлла в «Известиях» (26 января 2004 г. См. приложение 11): «...Нет сомнений, что будущее величие России будет достигнуто за счет формирования стабильных демократических институтов». Здесь очевидно простое акцентное выделение словосочетания.

Смысловое значение прописных букв (мы говорим о начальной букве в слове; выделение прописными целых слов и блоков текста используется очень редко) более конкретное и обычно состоит в акценте на важности конкретных понятий, которые иногда начинают выступать в символическом значении.

Кавычки, кроме известного значения имени собственного для феноменов и материальных объектов, имеют еще более узкое значение, вернее, два значения: одно синонимично союзам «будто», «как бы», часто в ироническом значении «якобы»; второе значение — отсылка к чужой речи, чужим словам.

В отрывке из памфлета Ильи Эренбурга целая россыпь кавычек с разнообразными значениями: «Я говорю о тех гитлеровцах, которые равнодушны к курятине и к “трофейным” сапогам... Я приведу показания военного корреспондента “Дойче альгемайне цайтунг” (24 марта 1942): “В пустой избе сидели немецкие стрелки и ждали начала боя. Их лица преследуют меня, я их никогда не забуду... Тупость превращается в непобедимость”. ... Миф о “непобедимости” германской армии основывался на “тупости” молодых солдат» (И. Эренбург. Рабы смерти. (см. приложение 8)).

«Трофейные» сапоги — иронические кавычки; миф о «непобедимости» германской армии — кавычки в значении «якобы»; «тупость» молодых солдат — отсылка к чужой речи.

А вот отрывок из современного текста: «Мы идем на выборы с одной главной целью — добиться единства интересов каждого человека и Государства Российского. ...Единства с теми, кто хочет жить в стабильной, сильной, развивающейся стране, а не в «княжествах» и «ханствах», объединенных в конфедерацию. (С. Шойгу. Взгляд на будущее России. (См. приложение 14)).

«Княжества» и «ханства» — это типичный пример иронических, снижающих кавычек. «Государство Российское» — пример того, как прописные буквы превращают обычное словосочетание в символический фразеологизм, имеющий отчетливые имперские, государственнические коннотации и восходящий к названию известного труда Н.М. Карамзина «История Государства Российского».

Разграничить прямое слово и прием часто очень трудно. Скажем, использование Ричардом Никсоном ключевого для его риторики образа «молчаливое большинство» («silent majority») или известное выражение В.В. Путина «мочить в сортире» легко назвать только риторическими фигурами, формальными приемами. Однако за каждым из этих выражений стоит определенное политическое, социальное

содержание, не названное прямо, но улавливаемое слушателем. Это неявное содержание может быть с той или иной степенью достоверности раскрыто аналитиком, интерпретатором. Для того чтобы не упустить это содержание и в то же время отделить *интерпретацию* образа, приема от того, что автор выражает прямо и очевидно, мы вводим третий уровень текста — уровень априорных смыслов. Наша цель: понять, что добавляют риторические, стилистические приемы (имеется в виду тот политический, социальный смысл, которые они несут в себе) к тому, что политик высказал прямо.

К неявным приемам и риторическим средствам относятся большая группа инструментов, применяемых в политических текстах.

Как это ни странно звучит, иногда приемы бывают неосознанными, т.е. авторы, ораторы используют их неосознанно. Эти характеристики текста часто бывают тесно связаны с мировоззрением авторов и поэтому воспринимаются не как приемы, а как характеристики мировоззрения.

Назовем некоторые из таких характеристик политического текста.

1. *Субъектно-объектные отношения в политическом тексте.*

Это проблема активного субъекта действия, т.е. того, кто в изложении автором событий или в его картине мира является активным субъектом, а кто — пассивным объектом конкретного политического действия. Казалось бы, чисто грамматическая характеристика «субъект действия» оказывается важной в тех случаях, когда от того, кто является субъектом, зависит оценка события. Известный пример: «Демонстранты забросали полицию камнями, полиция применила силу и разогнала демонстрацию» и «Полиция применила силу и разогнала демонстрацию, демонстранты забросали полицию камнями». В двух описаниях, двух точках зрения на, казалось бы, одно и то же событие, даны разные субъекты действия. В одном случае полиция отвечает на провокационные действия демонстрантов и, таким образом, согласно нормам нашего дискурса ее ответные действия получают моральное оправдание. В другом случае демонстранты оказываются жертвой, и уже их действия являются лишь ответом на провокацию полиции. Если в описании событий (скажем, информационной статье) автор последовательно подчеркивает субъектность (активность) или, наоборот, объектность (пассивность) в действиях полиции, этим автор задает политическую (мировоззренческую) трактовку событий, а сам текст становится скрыто, неявно оценочным. Это особенно важно, если автор анализируемого текста стремится сохранить в описании формальную объективность, что обычно бывает, если текст является

информационной статьей, политической новостью. В этих случаях сквозь формальную авторскую объективность проглядывает сочувствие к той или другой стороне конфликта.

Примером того, какое важное значение в структуре текста имеют субъектно-объектные отношения, является текст Александра Лебеда (см. приложение 13). В его статье задано несколько значимых оппозиций: Россия и — Запад, НАТО; западные лидеры и — западные народы, американский избиратель; народ российский и — российские политики. Во всех этих оппозициях Лебедь задает четкие характеристики активного (и агрессивного) субъекта и пассивного объекта воздействия. В одном случае пассивным объектом выступает Россия, а агрессивным субъектом — Запад, во втором активную позицию занимают западные народы, избиратели, а защищаются — их политики; в третьем случае полностью пассивную роль играет российский народ, а активным субъектом действия выступают российские политики.

Адресат и адресант политического текста, их отношение, наполнение, статус

Адресат текста — это та аудитория, к которой обращен данный конкретный текст, а адресант — это автор послания. В некоторых, хотя и редких случаях, автор текста не совпадает с адресантом. (Мы сейчас не касаемся очевидного несовпадения, когда текст написан кем-то для другого лица.) Такое несовпадение, например, случается, когда автор принимает на себя роль, явно не соответствующую его реальному статусу, положению. Например прокламации Емельяна Пугачева, составленные им от лица чудесным образом выжившего императора Петра III. Автор — Пугачев, а адресант, от лица кого произнесена речь, — Петр III. Бывают и противоположные примеры: афишки графа Ф.В. Ростопчина 1812 г. (см. приложение 3), в которых адресант позиционирует себя по отношению к московскому люду как «братец», что, конечно, не мешало ему сохранять свой реальный социальный статус. В советском официальном дискурсе 1970–1980-х гг. автор текста произносил речь от лица коллективного «мы»: Политбюро, ЦК КПСС, бюро обкома и т.д. Подобные несовпадения встречаются и в современном политическом дискурсе.

Формальный адресат текста или речи — это та аудитория, для которой произносится речь; адресат газетной статьи — это круг читателей, подписчиков данного издания.

Фактический адресат — это адресат, к которому автор текста прямо обращается в речи. Формальный адресат может не совпадать с фактическим или совпадать лишь частично. Например, в речи главы иностранного государства, обращенной к парламенту, звучат также обращения ко всему народу. Понятно, что парламент является лишь частью народа Израиля.

Подразумеваемый адресат. Иногда текст кажется формально обращенным ко всей аудитории, ко всем читателям, а в действительности имеется в виду один вполне конкретный чиновник, или парламентарий, или ограниченная группа лиц. В особенности это относится к текстам, преследующим тактические цели, стремящимся повлиять на конкретные политические решения.

Еще одним распространенным вариантом адресации текста является обращение к властным структурам.

Иногда адресат текста оказывается достаточно экзотическим, не имеющим, казалось бы, никакой связи с конкретной политической ситуацией. Таков подразумеваемый адресат уже упоминавшейся статьи А. Лебеда — это американский, натовский генералитет.

Обычно автор политического текста адресуется к конкретной социальной, политической, национальной группе или нескольким группам. Если автор в одном тексте обращается к нескольким группам и у этих групп отчетливо разные экономические интересы, разные видения социально-политических проблем, должен быть найден какой-то механизм нейтрализации разных интересов для объединения этих групп в одну общность, например один общий для всех интерес, более высокий по своему статусу, чем отдельные групповые интересы. Отступления от этого правила встречаются достаточно редко, и в таком случае, если мы имеем дело с талантливым демагогом, аналитику стоит поискать другие механизмы: каким образом, за счет чего оратору, автору удастся нейтрализовать свое очевидное невнимание к гомогенности фактического адресата. Например, в тексте В. Жириновского¹ идет последовательное обращение к разным группам с разными интересами, и они никак не объединяются в одну группу. Более того, Жириновский, обращаясь к новой группе, как бы забывает о предыдущей и дает обещания, ущемляя интересы первой группы. Это очевидное противоречие всей логике общения с избирателями находит свое объяснение в состоянии той части российского общества, к которой обращался политик.

¹ Жириновский В.В. О собирательской роли России и молодых волках//Известия. 1994.

Хотя любая группа упоминается в тексте неслучайно, нельзя лишь на основании положительного или отрицательного упоминания считать ее адресатом. Часто автор упоминает отдельные социальные группы только как символы, значимые при обращениях к другим группам. Так, в статье Сергея Шойгу (см. приложение 14) упомянуты в отрицательном контексте чиновники, но это не обращение к чиновникам с порицанием, а жест автора в сторону «простых людей», жест символический: я, как и вы, «простые люди», тоже не люблю чиновников и бюрократов. Фактический адресат в статье Сергея Станкевича (см. приложение 12) — министр иностранных дел Козырев, к которому и обращается автор, однако подразумеваемый адресат — Президент России.

И, наконец, несколько замечаний общего характера об адресации в политическом тексте.

Все тексты пишутся для определенной аудитории. Нет политических текстов вообще. Текст всегда адресован какой-то аудитории. С прагматической точки зрения, текст не бывает вообще хорош или вообще плох. Он хорош или плох для определенной аудитории, в момент произнесения или в момент зрительного восприятия, здесь и сейчас.

Занимаясь критикой текста, мы не должны забывать, что наши соображения — это соображения специалистов-политологов, а написан был анализируемый текст не для нас, а для совершенно другой аудитории. В процессе критики текста одна из важнейших задач — понять, насколько хорошо писавший данный текст справился с задачей воздействия на целевую аудиторию. Поэтому, разбирая текст, мы должны понять, что там сказано; потом, сообразив все обстоятельства, понять, для кого он написан, кому автор предназначал свой текст, и только после этого мы можем делать какие-то выводы относительно текста. То, что одна аудитория воспринимает как дешевый популизм и немедленно отторгает, для другой является ценным символом, способным мобилизовать эту аудиторию. Оценить отдельный прием и текст в целом можно, только зная, для какой аудитории предназначался текст.

Политолог должен не просто понимать, что происходит в стране. Его должно занимать, как понимают происходящее разные группы населения; как их взгляды можно рационализировать, объяснить, например связав с тем, к какой социальной группе они относятся. Политолог должен видеть по тексту, к кому обращается политик. И он должен уметь оценить, хорошо ли политик выполнил свою задачу именно в отношении данной конкретной группы.

Поэтому для политолога важно изучать общество. Важно знать все слои населения, важно как можно больше разговаривать с самыми разными людьми. Это не отменяет важности знания теории, истории, приемов воздействия. Но основной принцип современной демократической политики — направленность на человека. С чем обратиться к человеку — вот вопрос. И для понимания этого важны и опросы общественного мнения, и косвенные свидетельства, и ваш личный опыт.

Образ автора. Всегда важно проследить, какой образ автора (адресанта) возникает из текста, как он прямо или косвенно интерпретируется: говорит ли автор от своего имени или акцент сделан на включенность автора в какую-то общность, социальную, политическую группу — «мы». Если автор говорит от своего имени, это подчеркивает личное начало, акцент делается на ответственном авторском слове. Если же он выступает от имени некоего группового «мы», авторитетной социальной, политической общности, например «народа», или КПСС, или мирового сообщества, «стран с развитой демократией» и т. д., автор как бы ссылается на авторитет этой группы, как на дополнительный ресурс для придания авторитетности своим суждениям.

Как справедливо подчеркивали П. Серио, а за ним П. Паршин и Р. Андерсон, в официальных советских политических текстах личное начало было чрезвычайно ослаблено (особенно в последние десятилетия советской системы)². Вне зависимости от того, от чьего лица делались эти официальные заявления, в них преобладал образ исключительно коллективного авторства.

Со времени перестройки личное начало вернулось в политические тексты. Более того, отсутствие политической культуры приводило к тому, что появилось множество текстов с резким доминированием персонального начала, персонального слова. Недавно начался обратный процесс некоторой балансировки «я» — «мы». И это абсолютно естественно, потому что в стабильной политической ситуации авторское «я» не должно быть слишком выделено, иначе нарисованная автором картина мира, видение социальных, экономических проблем и путей их решения становятся слишком персонализированными; текст и трактовки теряют свойства, важные для убеждения и мобилизации аудитории — объективность и готовность учитывать мнение и взгляды аудитории. (Сегодня, правда, тенденция к кол-

² Analyse du discours politique soviétique. Paris, 1985. См. также: Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт // Язык и наука 20 века. М., 1995.

лективному «мы» в текстах политиков, принадлежащих к «партии власти», опять начинает доминировать и напоминать дискурс советского времени.)

На тонкие нюансировки образа автора указывает Дэн Хан (Dan F. Hahn) в своем анализе риторики президента Джимми Картера³. Он обращает внимание на то, что в речах президента в значительной степени отсутствовала идея активного «Я». На роль активного субъекта выходила аудитория, граждане, а автор-президент стремился показать, что он не отрывается от аудитории, следует за ней («быть на уровне» избирателей). Президент допускал возможность ошибок, которые избиратель должен был корректировать. Американский избиратель, как и все избиратели падкий на похвалу и превознесение своих достоинств, оказался все же достаточно искушенным, чтобы почувствовать опасность отсутствия четких лидерских качеств, инициативности и ответственности.

Еще одна проблема, связанная с адресацией текстов, — это известная проблема оппозиции «мы» — «они». Разбирая тексты, важно отмечать, кто включен в группы «мы» и «они», как описаны «мы» и «они», какие образы возникают. Роль этой оппозиции понятна: положительный образ «нас» апеллирует к конкретной аудитории и получает дополнительные характеристики через оппозицию отрицательным «им». В предвыборной листовке «Единства» (парламентские выборы 1999 г.) среди мнений «референтной группы» было следующее соображение Сергея Ю., 28 лет, сержанта милиции из Воркуты: «Голосовать буду за Гурова (Александр Гуров — генерал-майор милиции, входил в тройку лидеров «Единства». — А.А.): он показал, что мафия — не пустой звук. Если сейчас не задушить гадину, то наши дети будут страдать от всех этих «братков». Гуров — профессионал: он воспитывает кадры на собственном примере, показывает, что необходимо сделать, чтобы страна стала дышать свободнее».

Образ «нас» положителен: наши дети, профессионал Гуров, воспитатель, стремится к тому, чтобы «страна дышала свободнее» — и получает дополнительные положительные акценты за счет противопоставленности отчетливо отрицательному образу «их»: *мафия*, задушить *гадину*, дети будут *страдать*, «братки».

Есть еще одна связанная с адресацией текстов проблема. Каково статусное соотношение адресата и адресанта? Автор обращается к нему как равный к равным, или сверху вниз, или снизу вверх?

³ Hahn D.F. The Rhetoric of Jimmy Carter: 1976–1980 // Essays in Presidential Rhetoric / Ed. by Th. Windt. 1992.

Соотношение статусов адресата и адресанта, на первый взгляд, полностью зависит от двух параметров: конкретных обстоятельств, контекста ситуации, и от индивидуальных особенностей стиля. Однако кроме этих, всегда важных параметров, есть еще, так сказать, параметр исторический: каково в данный исторический момент базисное соотношение, какова типичная конфигурация отношений между тремя основными субъектами политического процесса: властью, аудиторией и политическим писателем, оратором. Конфигурация этих отношений зависит от исторической и политической ситуации в обществе. Можно выделить несколько основных типов соотношений. Далее, когда мы будем говорить о политическом тексте как об историческом феномене, мы подробнее остановимся на эволюции этих типов.

Соотношение автора и адресата всегда является политически значимым. Сергей Шойгу пишет в своем программном тексте: «Что толкнуло нас (членов «Единства») к объединению? Прежде всего, то тяжелейшее положение, в котором оказались Россия и ее великий народ. Та боль, которую мы испытываем, глядя, как обернулись против миллионов простых людей реформы в экономике...» «Спасая пострадавших в результате стихийных бедствий... я не раз убеждался: ...прежде всего, человека надо вылечить, накормить, найти ему жилье, дать работу, защитить от мародеров... Мы знаем, как надо действовать и в той чрезвычайной ситуации, в которой сейчас оказалась вся Россия».

Из текста отчетливо видно, что автор находится вне той ситуации, в которую попал «простой» человек. Он — спасатель, он откуда-то извне приходит на помощь попавшему в катастрофу «простому» человеку, обладая при этом недоступными для «простого» человека ресурсами: он находит для него жилье и работу. Это внешнее, отстраненное положение задается и оппозицией «спасатель—спасаемые» (спасатель приходит на помощь извне, например прилетает на вертолете), и позицией наблюдателя, благородного наблюдателя, негодующего на бюрократов, болеющего за «простых людей», наблюдателя, который сам лично никак не затронут описываемыми Шойгу «реформами» и «экспериментами», т.е. опять же находящегося вне их действия. Отказываясь от роли пассивного наблюдателя, Шойгу предлагает себя «простым людям» в качестве «спасателя».

Модальность в политическом тексте

Под «модальностью» мы понимаем отношение автора к высказываемому в тексте.

Современный российский политический дискурс — дискурс молодой, и формируется он на основе дискурса тоталитарного. Нынешняя российская политическая аудитория состоит в основном из людей, слабо представляющих суть политического процесса, слабо ориентирующихся в динамике политических сил, в том, какие силы представляют их интересы. Более того, перед рядовым избирателем еще реально стоит такая первичная политическая проблема, как осознание своих интересов: каковы они в общем плане и в чем состоят конкретно; кто выражает его интересы, а кто стремится их ущемить; кто в политической борьбе его союзник, а кто противник.

Реальность же такова, что мы до сих пор являемся нацией управляемых подданных, а не свободных граждан. Политические выступления агитационного порядка для основной части политической аудитории — явление новое, и относится эта аудитория к таким выступлениям как к развлечению, более или менее интересному. Поэтому основным риторическим приемом у нас являются, и еще долго будут являться, приемы самые броские, самые очевидные, а именно — образы. Более тонкие приемы текстов и речей наша аудитория еще не различает, во всяком случае на сознательном уровне, и, следовательно, на них не реагирует. К таким тонким приемам, характеристикам текста и относится модальность вместе с такими приемами, как образ автора текста, подразумеваемая адресация и др.

В демократическом обществе с долгой традицией политических выступлений модальность — это одна из основных характеристик текстов, поскольку модальность много говорит об авторе, о его отношении к актуальным проблемам, его понимании собственной роли как политика. А ведь все характеристики чрезвычайно важны для политического лидера, во всяком случае не менее важны, чем умение облекать свои слова в яркие и запоминающиеся образы. Именно модальность отличает выступления дешевого популиста от выступлений серьезного политика, сильного лидера от политика, не уверенного в своих силах.

Уже упоминавшийся Дэн Хан отметил в риторике президента Картера важную черту: даже потенциально сильные риторические ходы, эффектную концовку речи президент умудрялся испортить предположительной модальностью, неопределенностью: «И я бы надеялся, что все нации в мире могли бы сказать, что мы построили прочный мир».

Модальность различных политических текстов может быть разной: автор может претендовать на то, что он высказывает «истину»; или «одну из точек зрения»; или на то, что «должно» делать; или «объективную картину». Он может ссылаться на других, высказывать неуверенность или быть уверенным в себе, брать ответственность на себя, прятаться за обобщенным «мы» или говорить от первого (своего) лица.

Отношение автора к своему высказыванию только на первый взгляд кажется чисто индивидуальным. Модальность, как и многие другие характеристики, зависит не только от личности автора, но и от жанра, тематики, а также от существующих в конкретной политической действительности норм дискурса. Например, А.Н. Радищев считал, что он является носителем просвещенной «истины», и в качестве «истины» он предлагал Екатерине II свою критику социальных условий в России конца XVIII в. Подобные претензии были нормой для дискурса эпохи Просвещения. Если для России середины XVIII в. идея просвещенного дворянина — носителя «истины» была идеей, безусловно, смелой и новаторской, то в середине XX в. претензии на знание «истины» выглядели уже несколько архаичными. Но и в сегодняшнем дискурсе мы можем встретить самые разные модальности: от «истины в последней инстанции» до «одной из точек зрения».

С исторической точки зрения очень важно, что именно автор считает своим правом в отношении политических суждений. Начиная издавать в 1802 г. журнал «Вестник Европы», Н.М. Карамзин полагал, что *советовать* власти он не может, но считал себя вправе высказать частное суждение относительно политических событий. Исторически можно проследить развитие этого процесса: как менялось понимание авторами своей роли и, соответственно, их отношение к собственным текстам.

Например, на определенном этапе становления политического дискурса в европейском обществе Нового времени возникла модальность долженствования в отношении к власти и к ее действиям. Авторы политических текстов почувствовали себя вправе *указывать* власти, что *должно* делать, а что нет. (Об этом мы будем подробнее говорить в лекции 7.) Причем речь здесь идет и о текстах неофициальных, не санкционированных высшей властью, и о текстах официальных. Ведь и в случае «верховного» авторства, т.е. в текстах, написанных монархами, высшими представителями власти, исторически изменялось и понимание своей роли, и отношение к своим высказываниям.

Уровень априорных посылок

В своем описании проблем, в том, какие именно проблемы поднимает автор, что он считает главным, в каком контексте он подает эти проблемы, какие пути решения предлагает, он опирается на априорные для него системы оценки, на очевидные для него истины.

Под априорными посылками мы будем понимать те идеи, ценности, установки, мнения, из которых автор исходит в своих рассуждениях, то, что он принимает как «естественное», «всем очевидное», то, что, с его точки зрения, не требует доказательств. Это тот комплекс идей, на который автор, сознательно или бессознательно, опирается в своих построениях и который имплицитно присутствует в его рассуждениях.

Политические авторы в своих текстах и выступлениях выстраивают иерархию, раздают оценки, произносят суждения. Предлагая аудитории суждение по какому-либо актуальному для нее вопросу, автор описывает проблему, окружающий контекст, пути решения проблемы. Он задает политические приоритеты, ставит какие-то проблемы на первое место, какие-то — на второе и третье, выделяет из окружающей действительности черты, которые, с его точки зрения, наилучшим образом характеризуют саму эту действительность, и не замечает другие черты, которые, в свою очередь, с точки зрения других участников политического процесса, могут являться более значимыми. (Кто-то характеризует уменьшение плюралистичности политического процесса как зло, а другие политические лидеры видят в этом здоровые тенденции.) Совсем не все оценки и суждения при этом получают доказательное подтверждение или даже ссылки общего порядка, например такие: «Права человека в демократических странах пользуются приоритетом перед нуждами государства». Часть оценок автор излагает напрямую, в особенности те из них, которые касаются актуальной политической борьбы. Обычно речь идет о таких «вторичных» оценках, как отношение к каким-то конкретным проблемам: безработица, продажа земли. «Вторичных», потому что оценки конкретных проблем базируются на общих оценочных структурах: на этических ценностях, убеждениях, видении мира, истории, прогресса и т.д. И если свои оценки конкретных проблем (например, касающихся продажи земли в городах) авторы обычно аргументируют, ссылаясь на свой опыт, на опыт других стран, на имущественные интересы аудитории, на их представления о мире, то как раз то, на чем базируются его собственные оценки, так сказать, «первичного» поряд-

ка, обычно не оговаривают и не проясняют. Эти базисные ценности принимаются (и преподносятся) авторами текстов как данность, не требующая доказательств. Между тем именно эти «первичные» оценки определяют важнейшие, глубинные идеологические, мировоззренческие ориентации автора: что такое «хорошо», что такое «плохо», что он считает «злом», что «добром», какие категории лежат в основе его системы оценок, как он видит ход развития и т.д.

Понимание того, на чем основывается политик в своих суждениях, очень важно и для аналитика, и для политтехнолога. Для анализа выступления политика, для проведения успешной политической кампании важно разобраться в системе ценностей и ориентаций политического лидера. В неумелом пропагандистском предвыборном тексте, составленном по принципу «что хочет услышать аудитория» или «что хочет заказчик», априорные послышки могут быть случайными, разнородными (разные априорные послышки могут вступать в противоречие между собой), не совпадать с оценками политическими или даже противоречить им. Все это резко снижает эффект воздействия текста. С другой стороны, любое несовпадение между априорными ценностями и ориентациями и прямыми политическими суждениями дают хороший повод для критики и могут быть использованы как в аналитике, так и в контрпропагандистских кампаниях.

Выделим следующие комплексы априорных посылок:

- ориентационные системы (во времени, в пространстве, истории, в социальной сфере и пр.);
- ценностные структуры (ценностная оценка социальных, политических феноменов, отношений и пр.);
- основные концептуальные схемы понимания, осмысления действительности.

В любом описании, при постановке общественных проблем, разработке их возможных решений можно выделить по крайней мере некоторые из основных ориентационных систем. Как автор понимает свое место, место своего общества в Большом времени: мы развиваемся, стоим на месте, идем назад; хорошо или плохо, что мы развиваемся, или стараемся законсервировать ситуацию, или обращаемся к старине как к идеальному обществу. Как автор видит себя и общество в Большом пространстве: мы — центр мира, все другие к нам примыкают; мы — промежуточный мостик, переход (между культурами, частями света, Востоком и Западом); мы — на окраине мира, маргиналы; мы расширяемся или съеживаемся, мы символический Север или Юг, Восток или Запад. И опять же, хорошо это или плохо, т.е.

с какой оценкой связано видение нашего общества в Большом пространстве. С проблемой времени связано и видение себя и общества в истории: происходит ли развитие, или движение идет по кругу, или его вообще нет, есть ли прогресс или автор видит нашу историю как нисходящую, как регресс. Если прогресс существует, на каком этапе мы находимся, и т.д.

Ориентация в социальной сфере предполагает выделение из текста того, как автор видит социум: из каких слоев, групп социум состоит, по каким признакам автор различает слои, как эти слои, группы соотносятся друг с другом. Есть ли социальная иерархия, наделенная ценностными характеристиками, статусностью, или группы сосуществуют вне иерархии; какие основные признаки, по которым делится общество: профессиональные, имущественные, половые, возрастные. Есть ли социальный конфликт, где проходит разделение на «мы» и «они» внутри общества, чем определяется социальный статус. Каково положение автора в социуме, удовлетворяет ли оно его. Что в социальной сфере удовлетворяет автора, и как устроено идеальное общество — желаемое направление социальных изменений.

К важнейшим ценностным ориентациям относятся понимание автором природы добра и зла, характер априорной оценки различных социальных, политических и прочих феноменов, событий. Важно оценить, есть ли в тексте ценностная иерархия: что важнее, что менее важно, что является главным критерием оценки и как это связано с ценностной системой, с авторским пониманием добра и зла.

Основные концептуальные схемы понимания, осмысления действительности — это схемы, лежащие в основе понимания автором текста мира, действительности, структурирования мира.

К ним относится использование автором, осмысляющим мир, таких априорных категорий, как: а) системы оппозиций («мы» — «они», «добро» — «зло»); б) иерархии (социальной, этической, политической и т.д.); в) причинно-следственные схемы (осмысление действительности в причинно-следственных связях, теория заговора (видение действительности, политических проблем как тайного заговора врага), «вредителей», «империи зла», «капиталистического мира», «малого народа», роль непознаваемых, не зависящих от человека факторов, например мистическое понимание истории России у А. Проханова); г) прогрессивный — регрессивный комплексы (осмысление действительности как прогресса, развития, улучшения или как регресса, упадка); д) различные модели действительности (органическая модель (развитие, влияние, расцвет, увядание, старение, упадок), механичес-

кая модель (работа идеального механизма, разного рода механистические воздействия на мир, общество — манипуляции, исправление); ж) сакральное или секулярное понимание мира.

Более конкретное видение действительности, например «государь» как единственный субъект политического действия или как один из субъектов; ощущение автором своего *права на мнение*, отличное от мнения власти, и *права на критику* мнения власти; статус автора как «помощника» или как «слуги» мы будем относить уже к уровню прямых деклараций.

Одним из основных источников, с помощью которых мы можем судить о том, из чего исходит автор в своих рассуждениях, являются метафоры, которые задают рамки обсуждения темы.

Подробнее о политической метафоре, о ее роли в политическом тексте мы остановимся в следующих лекциях.

Лекция 3

Анализ политического текста

...О мой читатель ...чего бы ты... здесь ни искал...
...Живых картин, иль острых слов,
иль грамматических ошибок...

А.С. Пушкин

Анализ политического текста всегда зависит от намерений, знаний и умений анализирующего: что именно в тексте будет подвергнуто анализу, какому именно анализу, что хочет получить анализирующий в результате. Поскольку цели анализа тоже могут быть разными. Кто-то ищет основания для полемики, критики; кто-то стремится к лучшему пониманию текста, лучшему пониманию политической борьбы и актуальной политической ситуации. Кто-то собирает данные для исследования. От конечной цели зависит и технология, и методы анализа.

Если нам нужно выяснить, меняет ли содержание российско-американских отношений статья Колина Пауэлла в «Известиях» от 26 февраля 2004 г. и если меняет, то в каком направлении, мы будем работать прежде всего с содержанием, с прямо сказанным и с намеками, а стилистикой и риторикой займемся во вторую очередь. Если же нам надо оценить тон статьи, насколько он резок, насколько отлично от предыдущих заявлений американской администрации звучит эта статья и требуется ли специальное заявление МИДа по ее поводу, мы займемся прежде всего стилистикой, лексикой и риторикой.

Если мы разбираем листовку движения «Единство», чтобы определить, на какую аудиторию делает ставку движение, какие приемы агитации при этом использует, мы будем работать со всеми приемами, касающимися адресации, обратим внимание на риторику и оформление. Если же наша задача — разработать концепцию контрпропаганды, мы должны будем пойти несколько дальше и заняться анализом содержания, априорных посылок и той же риторики.

Но несмотря на различие разных подходов к тексту, на разность акцентов у разных методов, практически во всех случаях анализа политических текстов приходится иметь дело с такими основными блоками политического текста, как прямое политическое послание,

риторические приемы и их смысловое значение. Поэтому в качестве базового подхода к политическому тексту мы будем рассматривать комплексный анализ текста, состоящий из четырех этапов.

Первый этап: политический анализ на уровне прямого слова

На этом этапе необходимо ответить на следующие базовые для политического текста вопросы:

- Какие проблемы автор выделяет в качестве важнейших?
- Какие пути их решения он предлагает?
- К кому автор обращается? Кто адресат текста? К чьему мнению он апеллирует, чьей поддержки ищет?
- Как автор определяет сам себя с политической точки зрения, как определяет занимаемое им место на политическом поле?
- Кого он видит союзником, кого противником?
- Как предложения (программа) автора относятся к текущему моменту, к проводимой политике, на какие моменты этой политики обращается особое внимание?
- С кем автор вступает в полемику? По каким вопросам (точки полемики)?
- Что нового вносит текст в политический расклад, в каком направлении автор стремится изменить баланс политических сил?

С большинством из этих вопросов мы уже встречались, когда говорили о функциях и уровнях политического текста, к другим вопросам мы обратимся позднее.

Отметим сейчас несколько тем, которые еще не рассматривались.

Одна из основных задач автора — обрисовать свою позицию по отношению к важнейшим, с его точки зрения, политическим проблемам, назвать их, наметить пути решения; показать, чем он (автор) отличается от оппонентов, в чем его правота и их неправота. В этом смысле политический текст — это всегда декларация конкретного видения конкретного политика. Однако эта конкретность политического текста осложнена двумя аспектами: во-первых, все множество точек зрения можно сгруппировать в несколько основных, характерных для данного общества в данный исторический момент, а во-вторых, каждая такая точка зрения существует не в безвоздушном

пространстве, она всегда есть часть и следствие более общего взгляда на мир — мировоззрения, и еще шире — идеологии, даже тогда, когда сам политик об этом и не подозревает.

Чтобы понять место политика на политическом поле, мы должны вначале обратиться к его самопозиционированию. Между самопозиционированием политика и тем, как видит этого же политика сторонний наблюдатель, есть существенная разница. Априорных, всеми разделяемых критериев разметки политического поля не существует. Для одних все политическое поле сводится к позиционированию по отношению к доминирующей политической силе, к власти: партия власти — оппозиция. Такое позиционирование оставляет огромные возможности для интерпретаций. Для других позиционирование на политическом поле определяется отношением к какой-то одной насущной проблеме, например отношению к частной собственности. Для третьих политическая позиция определяется несколькими характеристиками, например вопросом о собственности на землю в связке с позицией по вопросам политических прав и свобод и их соотношению с правами и нуждами государства. Чем многочисленнее позиции, по отношению к которым политик ориентирует себя, тем точнее можно локализовать его место на политическом поле. Но все это касается только политиков, придерживающихся хорошо разработанной идеологии, когда ответ на вопрос о собственности каким-то образом непротиворечиво и логично связан с вопросами о правах человека, о роли государства и т.д. Если же идеологии нет вообще, или она эклектична, или политическое выступление полно демагогии, то даже если политик отвечает на многочисленные вопросы, его положение не становится более определенным. Все его ответы связаны лишь случайной связью, а его положение на политическом поле описывается не точечной областью, а большим расплывчатым пятном с подвижными границами.

При работе с политическим текстом полезно выделить две—три характеристики, важнейшие, с вашей точки зрения, для автора разбираемого текста. Затем задать эти характеристики двум осям на плоскости, или трем для пространственной модели, и найти в этой плоскости (политическом поле) примерное место для автора, для его оппонентов, для других политических игроков, партий, организаций.

Как мы уже говорили, при всем кажущемся разнообразии позиций, интересов и взглядов в каждый момент в обществе существует ограниченное число политически актуальных тем, по которым происходит политическое размежевание и ориентация.

Проблема полемичности политического текста — это принципиальная проблема, и мы будем рассматривать ее отдельно.

Вопрос о том, что всякий текст стремится повлиять на существующий баланс сил, изменить его, тесно связан с полемичностью политического текста и с нашим пониманием политической проблематики. Любой текст — это факт политической борьбы, это прием в политической борьбе, в схватке за голоса избирателей, в стремлении усилить одного участника политической борьбы за счет другого, в усилении или ослаблении влияния на властные структуры, на структуры, обладающие политическим ресурсом. Даже тогда, когда автор текста стремится сохранить или утвердить существующий баланс, он работает на усиление доминирующей стороны и на ослабление оппозиции.

Безусловно, это не полный перечень вопросов, касающихся прямого плана политического текста. Каждый текст, каждая конкретная ситуация может ставить перед аналитиком новые задачи и поднимать новые вопросы, требующие своего решения.

Из перечисленных вопросов видно, что «политический» анализ мы понимаем прежде всего в духе политики, присущей демократической системе, определяемой политической борьбой, соперничеством политических сил. При этом основным политическим ресурсом является поддержка рядовых избирателей. Эти вопросы, с некоторыми поправками, приложимы и к текстам, созданным в другой, недемократической политической реальности. В авторитарном дискурсе, складывающемся сегодня, возникает проблема симуляции политической борьбы, а в тоталитарном — агрессивного утверждения внутреннего единства и гипертрофированной роли таких средств воздействия на аудиторию, как угроза. Поэтому для анализа тоталитарного дискурса неизбежна коррекция поставленных вопросов и постановка некоторых дополнительных вопросов.

Второй этап: анализ используемых автором средств и приемов

Этот этап включает поиск ответов на следующие вопросы:

- Какие риторические, стилистические, графические средства автор использует?
- Образ автора, образ адресата, образы оппонентов и союзников: «я» — «мы» — «они»?
- Каковы субъекты действия?

- Каков образ врага, возникающий из текста?
- Какие способы аргументации используются?
- Какова модальность суждений?

Анализ использованных автором риторических средств в той или иной степени необходим практически всегда.

Чтобы успешно анализировать риторический уровень текста, недостаточно хорошо разбираться в политическом контексте, знать общую конъюнктуру мнений, читать и анализировать, недостаточно чисто политического опыта, для этого нужны еще и знания риторики, навыки анализа дискурса. Нужно знать, что ты ищешь, т.е. знать приемы и понимать их значение в тексте. Нужно читать не только сами политические выступления, но и комментарии разных специалистов, разборы текстов. Следует понимать разницу между системами аргументации: эмоционально-ценностной, построенной на образах, символах, и логической, построенной на основе логически непротиворечивых рассуждений.

Только неразвитостью нашей демократии можно объяснить тот факт, что риторика до сих пор остается теоретической дисциплиной, что курсы ораторского искусства, полемического мастерства еще не занимают прочного места в учебных планах политологических и других факультетов. Знание приемов ораторского искусства и написания текстов необходимо и для того, чтобы успешно вести политическую дискуссию, писать речи, создавать тексты. Знание, разнообразие и уместное применение приемов дает силу политическому выступлению. Анализ текстов и выступлений политического противника, осведомленность об обычном арсенале его приемов помогает и в прямой с ним полемике, и при написании текстов во время политической кампании.

Этот вид анализа представляет значительные трудности, в особенности для неискушенного аналитика. Об элементах анализа риторических приемов мы говорили, когда рассматривали риторический уровень текста. Есть приемы, которые очевидны даже для дилетантов, например значительная часть образов, используемых политиками, или жесткие оппозиции: «мы», радеющие о благе, и «они», бандиты и негодяи. Но есть более тонкие приемы, которые не воспринимаются как приемы, глаз скользит по ним не останавливаясь. При чтении, восприятии на слух эти приемы кажутся естественными, как естественно каждое слово у хорошего рассказчика. Конечно, эти приемы все же нами воспринимаются, но на более глубоком уровне, чем сознательное восприятие. Именно через них, неосознанно, мы улавливаем общую картину мира, авторские симпатии, ценности.

При чтении текста мы можем не заметить ни одного приема, ни одного четкого заявления о симпатиях автора, однако если задать себе вопрос, как автор относится к тому, что он описал, как он пытается представить себя, можно догадаться о его позиции. И помогают нам в этом именно скрытые приемы, которые не воспринимаются нами на сознательном уровне, но которые читает и понимает наш мозг. Они работают как бы подспудно, на уровне правил, норм дискурса: коннотаций образов, правил использования кавычек, заглавных букв, логики рассуждений и др.

Только с опытом приходит умение видеть за прописной буквой прием с целым набором политических смыслов: адресацией, отсылкой к контексту символов и т.п. Только с опытом аналитик начинает отмечать использование в тексте персонально-личного «я» и обобщенно-личного «мы» и понимать внутреннюю логику авторского выбора. Нужно знать арсенал приемов, используемых в политических текстах, а для этого нужно много с ними работать, писать их (тексты), читать и даже переписывать (часто при переписывании чужих текстов можно заметить прием, который не замечен даже при самом внимательном чтении). И здесь мы уже переходим к третьему уровню анализа.

Третий этап: анализ идей и априорных посылок

Можем ли мы понять, из чего исходит автор, если автор об этом не говорит прямо? Что для этого надо делать?

Некоторые идеи автор декларирует, но в любом тексте есть комплекс идей и априорных посылок, из которых он исходит как из само собой разумеющегося, не декларируя их истинности. Об этом шла речь в предыдущей лекции.

Анализ идей и априорных посылок состоит из двух этапов, двух частей: первая — анализ прямого слова, вторая — анализ того, на чем базируются прямые декларации, но о чем сам автор не говорит.

В качестве примера разберем небольшой отрывок из речи Сергея Шойгу (см. приложение 14). «Мы убеждены: преодолеть кризис невозможно, пока все политические силы не перестанут тянуть одеяло на себя, устремляясь в разные стороны. ...“Единство” — это не политическая партия. Это объединение здравомыслящих людей, которым надоело смотреть, как кто-то за них определяет их судьбы. ...Единство с тем, кто выступает за единственную в мире справедливую диктатуру — “диктатуру здравого смысла”...».

Поговорка «тянуть одеяло на себя» и сам процесс перетягивания имеют отрицательные коннотации агрессии, эгоизма. Стремление в «разные стороны» в российском дискурсе означает бессмысленность усилий, глупость участников (вспомним символ этого стремления: Лебедь, Рак и Щука). Иными словами, те, кто «тянет одеяло на себя», тоже характеризуются отрицательно. Даже опытный читатель может не оценить эту поговорку как прием, но его подсознание отметит отрицательные эмоции, связанные с ней и со всеми действующими лицами, к которым эта поговорка применяется. Под перетягиванием одеяла в данном тексте понимается не только деятельность конкретных политиков, но и вообще борьба политических сил за влияние, за электорат.

Таким образом, сама борьба политических сил получает отрицательные коннотации агрессивного эгоизма, бессмысленности усилий, глупости. Неявные оценочные высказывания в отношении политической борьбы получают развитие в декларации: «“Единство” — не политическая партия, а объединение здравомыслящих людей». Эгоистичной и бессмысленной борьбе противопоставлено «объединение людей». Понятия «единство», «объединение» имеют в русском дискурсе положительные смыслы, которые усиливаются еще одним положительным понятием «здравомыслящие». Замечательно, что автор не останавливается на этом положительном образе, но доводит противопоставление с идеей борьбы до предела: политическая *борьба* (перетягивание одеяла) — *единство* здравомыслящих людей — *диктатура* здравого смысла, где «диктатура» выступает как крайняя степень «единства».

Мы видим, что автор отказывается от идеи политики как борьбы и политических партий как субъектов этой борьбы. С. Шойгу не декларирует свою идею и не приводит доводов в ее пользу, однако анализ его суждений, выбора лексики говорит о том, что он пытается *дискриминировать* саму идею политической борьбы.

Следующий пример взят нами из «Записки об общественном мнении и о цензуре...» Ф.В. Булгарина, адресованной императору Николаю I (1826 г.):

«Чтобы управлять общим мнением, надобно знать его элементы. Бросим краткий взгляд на сословия, составляющие нашу публику. ...Нижнее состояние включает в себе подьячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и... раскольников. На нижнее состояние у нас поныне вовсе не обращали внимания... и по их безмолвию судят о них весьма неосновательно. Нет другой возможности

совершенно овладеть их умами как силою убеждения. Магический жезл, которым можно по произволу управлять нижним состоянием, есть МАТУШКА РОССИЯ. Искусный писатель, представляя сей священный предмет в тысяче разнообразных видов, легко покорит умы нижнего состояния...»

Как видно, по мнению автора «Записки...», в деле пропаганды нижним состоянием нельзя пренебрегать: *на него можно влиять*. Из слов Булгарина можно сделать вывод (правильный), что правительство основную угрозу видело не в «народе», поскольку проблема управления общественным мнением для нижнего сословия даже не ставилась (его «пренебрегали»). Далее, из его утверждений следует, что этим состоянием так же *легко* манипулировать, как и другими («легко покорит»). Ссылка на «Матушку Россию» «в... разнообразных видах» предполагает, что влиять на нижнее сословие нужно с помощью ценных символов, а из этого, в свою очередь, следует, что нижнее сословие характеризуется некритичным, символическим мышлением. Из отрывка следует, что Булгарин в данном случае ни в коей мере не является идеологом (патриотическим, или либеральным, или выразителем интересов зарождавшейся буржуазии — было и такое понимание Булгарина), он чистой воды технолог политической власти, политтехнолог, если воспользоваться современным термином.

Этап анализа априорных посылок и идей — это анализ приемов с точки зрения того, какие идеи стоят за использованием того или иного приема.

Значительная часть сказанного и написанного автором не имеет прямого политического значения: образы, сравнения, выбор слов, модальность и т.д. Они, как может показаться, не несут ни политической, ни значительной смысловой нагрузки. Однако это не так.

Фундаментом рассуждений о конкретных политических проблемах в тексте служит определенное видение мира, система представлений о мире, ценностях, времени. И это абсолютно естественно: самое простое суждение, например: «Авторитаризм в долгосрочной перспективе нежизнеспособен», «Детей бить нельзя» — опирается на опыт человека, на опыт культуры, на опыт человечества (в авторской, конечно, интерпретации). Автор в своих прямых декларациях не может представить нам все свое мировоззрение, его задача уже: описать актуальные проблемы и предложить пути их решения, но он, конечно, опирается на свое представление о мире, на свое знание об окружающем мире, политическом контексте. И от основательнос-

ти этого фундамента, от аккуратности намеченного, обрисованного контекста зависит основательность и убедительность авторских суждений. По сути, прямое слово автора, его прямые декларации и рассуждения — это лишь верхушка айсберга, основная же часть айсберга находится под водой, ее не видно, как не видно фундамента здания, но именно благодаря этому фундаменту здание прочно (или не прочно) стоит на поверхности. До этого мировоззренческого фундамента еще надо докопаться.

Задается этот фундамент, основа рассуждений, контекст описания, идеологическая, мировоззренческая позиция не только в прямых словах, но и *выбором* слов образов, модальностью, адресацией и другими риторическими, стилистическими, графическими средствами. Даже мало искушенный читатель или слушатель по выбору слов, по логике аргументации может понять или почувствовать, в рамках какой идеологической конструкции решает автор конкретные, актуальные для общества проблемы. Профессионал, различающий за словами приемы, сможет ответить на вопрос о фундаменте текста несравненно точнее. Анализ риторических средств, анализ системы рассуждений, анализ логических посылок дает нам возможность прояснить априорные послылки автора текста, определить фундамент, на котором построен текст или выступление.

Смысл этой процедуры — в лучшем, более глубоком понимании текста. Такой «анализ ради понимания» в особенности необходим политологам, аналитикам, комментаторам, журналистам: и для того чтобы лучше писать свои тексты, и для того чтобы лучше понимать чужие. Кроме того, в политической борьбе анализ априорных посылок, понимание текста оппонента необходимы, чтобы вести эффективную полемику. Аргументированные доказательства слабости фундамента, его разломов, несовместимости с прямыми декларациями — сильный полемический ход для сколько-нибудь серьезной и заинтересованной политической аудитории. Овладеть приемами такого анализа интересно и просто политически ангажированным людям, сознательно относящимся к своему политическому выбору.

Вот один из примеров подобного анализа: С. Шойгу в уже разбивавшейся статье несколько раз обращается к проблеме человека и общества. В середине статьи: «Повторюсь еще раз: мы будем работать, исходя прежде всего из нужд Человека. Понимая при этом, что Человек и Общество, Человек и Государство — единое целое». И последний раз в заключении: «Мы идем на выборы с одной главной целью — добиться единства интересов человека и Государства

Российского». Каждый раз, обращаясь к этой теме, автор использует прописные буквы (Человек, Государство), имеющие значение акцентного выделения, также и символическое значение.

Выражение «нужды Человека» задает приоритет нужд человека, причем Человек имеет значение безусловной, основной символической ценности в известной оппозиции: человек–государство. Второе упоминание: «Человек и Общество, Человек и Государство — единое целое» — задает уже другие значения. «Человек» как важный символ уравнивается с Обществом и Государством, также подчеркнуты выделенными. (С точки зрения манипуляции это грамотная последовательность: вначале «общество», так как это вызывает меньше вопросов и возражений, а только потом уже — «государство».) «Человек», таким образом, уже отнюдь не безусловная ценность, а относительная, и, если говорить о «нуждах», не имеющая приоритета по отношению к нуждам общества (массы, большинства) и государства. Если говорить в терминах идеологических доктрин, Человек — символ идеологии либеральной — заменен идеологией единства, хотя и равноправного, Человека и Государства, идеологии, в своем наиболее гуманном воплощении, близкой неосоциализму, еврокоммунизму. Третье же упоминание о проблеме отношений человека и государства задает уже новую установку: «единство интересов каждого человека и Государства Российского». Казалось бы, здесь есть только акцентирование интересов Государства. Но наше сознание, знающее о нормах дискурса, немедленно соотносит: один субъект выделен, второй нет. Такое выделение автоматически умаляет важность нужд человека. То, как именно представлен второй член оппозиции «человек–государство», говорит о том, что интересы человека оказываются полностью подчиненными интересам государства. Дело в том, что «Государство Российское» в русском дискурсе имеет четкие коннотации: сильное государство, державность, имперскость, сознательное пренебрежение нуждами человека ради утверждения государства — восходящие к названию известного труда Н.М. Карамзина «История Государства Российского». (Эти коннотации подтверждены фразой, следующей в тексте за вышеприведенной: «Единство с теми, кому нужна великая Россия и не нужны великие потрясения». Фраза эта восходит к известному высказыванию П.А. Столыпина в адрес Государственной думы и имеет те же коннотации, что «Государство Российское».)

Если говорить о единстве интересов, понятно, что к чему будет присоединяться и чьи нужды будут доминировать в этом «единстве». Идеологическую конструкцию, к которой восходит подобное слово-

употребление, можно охарактеризовать как авторитарно-имперскую, государственническую, в советском варианте — государственническо-тоталитарную.

Мы видим, что эти три упоминания о человеке и государстве, о нуждах человека базируются на разных идеологических комплексах. Одна и та же тема получает три различные трактовки, что, безусловно, странно. Странность эта, однако, компенсируется тем, что все три упоминания о человеке и государстве представляют собой как бы этапы эволюции: от безусловного приоритета нужд «Человека», идеи либеральной, к признанию равноправной важности интересов государства и далее — к безусловному приоритету государственных «нужд». И что самое замечательное, все эти идеи не высказаны прямо, а даны через приемы, в данном случае — с помощью графического выделения.

Анализ системы рассуждений, анализ логических посылок

Для того чтобы лучше понять автора и спорить с ним, нужно разобраться и в том, как с точки зрения формальной риторики построены его рассуждения: являются ли они последовательно разворачивающимся логическим рассуждением или тезисом, подтверждаемым фактическими доказательствами, либо опирающимся на рассуждения общего порядка, на эмоциональные восклицания, ценные символы; приводит ли автор точку зрения оппонента или его рассуждения являются по форме строго монологичными, а точка зрения оппонента скрыта в тексте и нуждается в прояснении.

В качестве примера проанализируем полемику министра иностранных дел Андрея Козырева и советника президента Сергея Станкевича о путях решения Приднестровского кризиса (см. приложение 12).

Козырев: «В Приднестровье можно говорить о межнациональном конфликте. Но ни один из этих конфликтов силового решения не имеет! В том же Приднестровье живет 150 тысяч русских, а на остальной территории Молдовы — 450 тысяч. Есть только два варианта действий. Или ... оккупировать войсками территории республик, миллионами высылать людей, ... расстреливать... Или уж все решать мирно на основе международного права, цивилизованно. А третьего... способа защитить русскоязычных, оказавшихся среди других народов, просто нет».

Рассуждения Козырева построены так: тезис «Но ни один из этих конфликтов силового решения не имеет» — и серия доводов в его защиту. (Мы не будем обсуждать правдоподобность и реалистичность приводимых Козыревым доказательств и правомерность именно такой постановки вопроса.) Первый аргумент — рационального порядка — апеллирует к элементарной способности сравнивать числа: 150 и 450 (защищая силой 150 тысяч, мы подвергаем опасности 450 тысяч). Второй аргумент состоит в том, чтобы представить спор как оппозицию двух крайних точек зрения, из которых арбитра-адресату (формально — читателю) надо сделать выбор. Одна точка зрения: если пойдем на вмешательство, надо быть готовыми к полномасштабному военному конфликту, — вторая: решать проблему в рамках международного права. Хотя Козырев прямо не говорит о том, какая точка зрения лично для него более приемлема, но описание одной из точек зрения дается с использованием понятий с резко негативными коннотациями, эту точку зрения дискредитирующими: оккупировать, высылать, расстреливать миллионы, — и, наоборот, вторая точка зрения представлена с помощью понятий с положительными коннотациями: мирно, цивилизованно, в рамках международного права. В целом аргументация Козырева построена как сочетание рациональных и эмоционально-логических доводов.

Станкевич отвечает на статью Козырева: «Трудно понять, что с нами происходит. Нам говорят, что на правом берегу Днестра живут 450 тысяч русских, и мы тут же готовы поддаться шантажу: пусть режут 150 тысяч на левом берегу, если мы не полезем заступаться, может быть, остальных и помилуют. Полноте, Андрей Владимирович, разве уместны здесь арифметика и рассуждения о том, кого в первую очередь надо жалеть?»

Станкевич пытается представить свое выступление как голос человека, который, будучи частью российской политической аудитории, пытается осмыслить ее (аудитории) поведение: «трудно понять, что с нами происходит», «нам говорят, мы готовы поддаться...». Кажется, что он занят не спором с оппонентом, а анализом и критикой восприятия событий аудиторией. Но в этом ходе самоанализа задается абсолютно четкая авторская интерпретация точки зрения Козырева. Вначале Станкевич представляет точку зрения оппонента: «нам говорят...» — и «нашу» реакцию: «мы готовы *поддаться*». Затем идет ее авторская интерпретация. Прямого опровержения автор не предлагает, но интерпретация дается как нагнетание крайне негативных символических образов и понятий: «поддаться шантажу», «режут

150 тысяч» — уничижительных рассуждений: «если мы не полезем заступаться...». Возникает образ беззащитного русскоязычного населения: его «режут», «жалеют», за него надо «заступаться», его, может быть, «помиляют», и образ всей российской аудитории, нашедшей в себе нравственные силы противостоять не только убийцам, но рациональным доводам в пользу этих убийц. Мнение «нас» опирается прежде всего на доводы нравственного порядка, в противоположность рациональным доводам оппонента. В подтверждение своей точки зрения (т.е. «нашей») автор ссылается на эмоционально-нравственную максиму общего порядка: разве уместны здесь рассуждения...

Станкевич пытается снять сильный рациональный аргумент Козырева, его оппозицию: защита 150 тысяч русских обернется угрозой для 450 тысяч, с помощью нагнетания крайне эмоционального напряжения. Там, где «режут» беззащитных, нет места холодному сравнению цифр, там надо не рассуждать, а бросаться на помощь.

Мы видим, что рациональному по своей природе ходу рассуждений Козырева противостоит крайне эмоционально насыщенное рассуждение, не без некоторой психологической ухищренности, о которой мы упоминали ранее: автор претендует на то, чтобы говорить от имени всей аудитории, сначала поддавшейся было на доводы оппонента, но затем с помощью нравственного усилия нашедшей в себе силы преодолеть соблазны чистого разума.

Четвертый этап анализа текстов

Что добавляет анализ риторических средств, идей, априорных посылок к политическому анализу, к прямо сказанному автором?

На этом этапе нужно свести анализ прямых деклараций и те результаты, которые были получены в ходе анализа риторических средств, идей и априорных посылок. Как дополняются прямые декларации значениями, выявленными в ходе анализа приемов и идей? Воспользуемся еще раз в качестве примера статьей Сергея Шойгу. В одном конкретном пункте — в вопросе об отношении к человеку и его нуждам — автор выражается следующим образом: «Прежде всего человека надо вылечить, накормить, найти ему жилье, дать работу, защитить от мародеров...» Здесь очевидно патерналистское, покровительственное отношение к человеку и его нуждам. Оно существенно дополняется и корректируется вышеприведенным анализом использованных приемов и идей. Государство покровительствует человеку и са-

мо определяет его нужды. В случае же столкновения интересов человека и государства приоритет останется за государством. Человеку отводится роль второстепенная, роль ресурса, в буквальном смысле: «Воля, талант и высочайшая квалификация людей... — это огромный ресурс, на который *мы намерены опираться*» (выделено мною. — А.А.). Ключевые слова здесь: «мы» и «опираться», — т.е. акцент делается не на том, что наличные умения и качества человека — это его личный ресурс, опираясь на который он сам может и должен достичь успеха, а роль государства — лишь в создании для всех равных и справедливых условий. Акцент делается на том, что использовать эти ресурсы намерена власть, и прежде всего в интересах государства.

Здесь, конечно, надо помнить, что для той аудитории, на которую был нацелен текст, быть ресурсом государства — это совсем не второстепенная роль, наоборот, это единственно реально значимый и высокий приоритет. Подобные ценности формировались советскими пропагандистами: «гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей». Быть «гвоздем», крепким, надежным, необходимым в государственной постройке — это важный приоритет, важный символ для значительной части современной российской аудитории. То, что этот факт был замечен, осознан и использован современными российскими политтехнологами, безусловно, говорит об их мастерстве.

И последнее, касающееся анализа политических текстов и контекста. Есть два предрассудка.

Первый: анализ текста можно заменить знанием политического контекста.

В основе этого предрассудка лежит представление, что текст является исключительно функцией контекста, т.е. такой-то расклад политических сил и такая-то позиция политического лидера плюс его/ее такие-то планы дают в результате политический текст, который полностью исчерпывается этими (или другими) данными политического контекста. Конечно, это один из тех предрассудков, которые легче критиковать, чем искоренить, и тем не менее критика необходима. Во-первых, никогда не удастся учесть всех важных в данный момент для политика политических факторов, а это значит, что, рассуждая о раскладе политических сил, мы можем попасть пальцем в небо, потому что, например, политик был озабочен не раскладом, а задачей наведения мостов со слабо его поддерживающей частью электората. Во-вторых, политический текст — это штучный, индивидуальный продукт, это творчество, взаимодействие разных пластов сознания, и без ущерба для понимания его никак нельзя свести к полной обус-

ловленности внешними факторами. Слабая форма этого предрассудка заключается в том, чтобы брать примеры из какого-то текста и считать выводы, сделанные на основе анализа и априорных знаний о политическом контексте, дополнительной характеристикой этого контекста. Например, такое-то место в таком-то тексте имеет значение расистское, потому что в этом обществе сильны расистские взгляды. Ergo: в обществе сильны расистские взгляды, а автор — расист.

Второй распространенный предрассудок: контекст не имеет большого значения, и анализ политического текста способен дать всю необходимую информацию, если исследователь будет добросовестен и будет обладать всеми необходимыми навыками.

Действительно, текст потенциально способен дать полную информацию не только о своем авторе, но и об актуальной политической конъюнктуре. Однако ни один исследователь никогда не сможет полностью выжать из текста заложенную в нем информацию. Обычно же попытки обойтись без контекста превращают анализ в более или менее интересные аналитические, текстологические замечания, где интерпретатора больше, чем автора текста. Даже подробные, но слабо связанные с политическим процессом аналитические размышления по поводу текста не способны заменить знания одной, но важной детали политической конъюнктуры — например, что напечатанный в газете текст первоначально предназначался для произнесения на съезде партии.

Теоретически, исходя из прагматичности политического текста, можно утверждать, что любое высказывание автора неслучайно и направлено на определенную аудиторию, исповедующую определенные представления. Дело за малым: суметь полностью проникнуть в замысел автора, что невозможно. Совсем не простая задача — ответить, например, на такой вопрос: прием, который использовал автор — это личное «творчество» или сознательный грамотный ход профессионала. Например, понятие «диктатуры здравого смысла», акцентно выделенное в статье С. Шойгу, вызывающее у некоторых читателей недоумение, — это отнюдь не «творчество», а грамотно использованный прием. Понятие подразумевает, что для той части общества, к которой обращается текст, идея о том, что у всех и каждого — разный здравый смысл, еще не является очевидной. И это вполне реалистичное видение аудитории автором текста. Второе — оно подразумевает, что «здравый смысл», который будет осуществлять свою диктатуру, — это здравый смысл, исповедуемый автором статьи. И третье, «диктатура» означает, что других «здравых смыслов»

в обществе, обрисованном Шойгу, не предполагается. Последнее замечание коррелирует с известным контекстом 1999 г. — популярность идеи «жесткой руки» среди малообеспеченных, мало- и среднеобразованных слоев, в основном бюджетников.

Каждое слово в политическом тексте несет информацию, каждое слово потенциально маркировано, задает оппозицию, уточняет позицию автора по актуальным политическим спорам. Невладение контекстом превращает потенциально значимое и ценностно ориентированное выражение в нейтральную данность. В политических спорах 1930-х гг. встречалось выражение «Americo-British». Для осведомленных современников — это выражение задавало позицию в актуальном для того времени споре, соперничестве двух стран: Британии, утасяющей, но все еще мощной державы, и молодой и уже более сильной страны — США. Употребляя упомянутое выражение, американские публицисты выражали этим свое неудовольствие более распространенным термином «Anglo-American», якобы подчеркивающим первенство Британии по сравнению с США. Сегодня, когда спор этот стал историей и никто не сомневается в лидерстве США, выражение «англо-американские» (отношения) ощущается как нейтральное и не вызывает протеста даже со стороны сторонников Америки как «новой империи».

Завершая тему, я хочу повторить: анализ нельзя превращать в пересказ политических событий, и он не должен становиться самодостаточным толкованием политологических тетеревов. Задача политолога, аналитика, журналиста — не только овладеть навыками анализа, но и вдумчиво, внимательно относиться к политическому процессу, изучать исторический контекст, быть политически ангажированным, не в смысле «сторонником» и «проводником» каких-то идей, а в смысле знания и владения актуальным контекстом.

Лекция 4

Политический текст

как идеологический феномен.

Как реализуются в политическом тексте

убеждающая и мобилизационная функции.

Политический текст в контексте политической борьбы

Политический текст, формулирующий и решающий политические проблемы, всегда содержит то или иное понимание реальности, осмысление ее. Выделение какой-то проблемы как важной, предложение путей решения этой проблемы, как и любая попытка оценки и целенаправленного действия в социальной, политической реальности, предполагают понимание того, как этот мир организован, какие в нем действуют закономерности, и возможны только в рамках структурированного мира, мира осмысленного, понятного. Именно поэтому любое описание политических проблем и путей их решения потенциально несет в себе мировоззренческую, идеологическую составляющую, т.е. того, как автор понимает действительность, в рамках которой он предлагает действовать.

Три понятия: идеология, мировоззрение, точка зрения

Российские словари определяют идеологию как «систему правовых, политических, нравственных, религиозных и других взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и ее оценка»¹. Некоторые современные словари добавляют в соответствии со значениями этого слова, принятыми на Западе, что идеология — это комплекс идей, на котором базируются политические и экономические системы; что идеология может иметь негативные

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983; Новый энциклопедический словарь. М., 2002.

смыслы, связанные с тоталитарными идеологиями: нацистской, коммунистической, маоистской — и с претензиями любой идеологии на тотальное, полное объяснение мира.

Идеологий в широком смысле, т.е. в смысле системы идей, объясняющих мир, много: религиозные идеологии и самые различные идеологические конструкции, создававшиеся и создающиеся отдельными идеологами-мыслителями в рамках той или иной религиозной традиции, конфессии; идеология просветительская; гуманистическая; рыночная идеология (свободного предпринимательства), коммунистическая, фашистская, разного рода националистические идеологии, феминизм и т.д. Но в каждом конкретном обществе можно насчитать лишь несколько актуальных идеологических комплексов, различающихся по степени распространенности, авторитетности, осознанности, по статусу и т.д.

В пределе каждая идеология (в лице своих идеологов) стремится объяснить весь мир, дать оценку любому общественно-политическому феномену, от права и морали до политики и предпринимательства, хотя бы в такой редуцированной форме, как «Кесарю — кесарево». Причем развитая идеология стремится не просто дать оценку, а вывести ее из своих базовых идей; на основе определенных оценочных и логических процедур ответить на вопросы: хорош оцениваемый феномен или плох, как его нужно понимать, как он связан с другими социальными, политическими и другими феноменами, правилами, нормами. В пределе задача идеологов состоит в том, чтобы в соответствии с базовыми принципами сформулировать представления обо всех социальных, политических феноменах и институтах; построить стройную, непротиворечивую систему идей, оценок, отношений, охватывающую все сферы человеческой жизнедеятельности и всего универсума. Любой базовый общественно-политический институт любого общества — право, образование, экономические системы, политическое устройство — построен на основе определенных идеологий, одной или нескольких. Эволюция этих институтов получает свое оправдание как изменение в направлении большего соответствия базовым идеологическим нормам. Нередко идеология, которая давно перестала ощущаться как целостная актуальная система идей, например гуманистическая, просветительская, оставляет после себя своеобразное наследие, например систему современного права в европейском мире. (Мы говорим о самых общих понятиях: «вина», «преступление», «права личности», «наказание», «презумпция невиновности» и т.д.)

Под мировоззрением мы понимаем набор идей, оценок, представлений, сквозь призму которых авторы описывают действительность.

В отличие от идеологии — обычно упорядоченной системы представлений, гомогенной, однородной, согласованной, обнимающей в идеале все области человеческих отношений и знаний — мировоззрение более индивидуально, не всегда полностью логично и согласованно, в нем встречаются противоречия, несогласованность, совмещение нескольких идеологий, оно обнимает более узкую область — сферу интересов конкретного человека.

Под точкой зрения мы понимаем набор представлений, идей, который определяет позицию человека по какому-то конкретному вопросу.

Формирование значения понятия «идеология».

Эволюция в отношении к этому понятию в западной мысли

Наше современное представление об идеологии несет в себе следы марксистской и советской трактовок. Марксистская трактовка идеологии — это сфера идей, представлений о действительности, которая определяется, детерминируется экономикой, экономическими отношениями (способом производства) и тем, какое место мы занимаем в сфере производства (владеем или не владеем средствами производства). В советской трактовке «идеология» — это система взглядов, истинная (официально — коммунистическая, реально — та, которую в данный момент партия признает истинной) или ложная («враждебная идеология», «идеология эксплуататоров», «капиталистическая идеология», «фашистская» и т.д.)

Основное отличие советского взгляда заключалось в том, что лишь единственная идеология, единственное мировоззрение и единственная точка зрения официально считались правильными, все другие были ложными. Думать и оценивать по-другому было небезопасно, а действовать на основе другой системы ценностей означало совершать преступление против народа, государства, здравого смысла и самой истины. Насильственно поддерживаемая единственная идеология характерна и для фашистских, и для всех современных тоталитарных государств.

Отказавшись от советской тоталитарной идеологии, мы внутренне остаемся крепко с нею связанными: мы нетерпимы к другим точкам зрения, повышенно идеологичны, мы чувствуем острый дискомфорт, оставшись без внешней референтной системы оценок.

Именно из-за тотальности государственных идеологий в тоталитарных режимах отношение ко всякой гомогенной системе идей, претендующей на возможность описания и оценки социальной, экономической, политической действительности, установившееся в среде западных ученых с 1930-х гг., было отрицательным. «Идеология» становится негативным понятием — это пристрастный, необъективный взгляд на мир. Идеология противопоставляется «научному» взгляду, «беспристрастному», иногда взгляду «простого человека». (В Советском Союзе проблема «научного» взгляда на мир и официальной идеологии решалась просто: действительность, в том числе и научные факты, должны были подтверждать идеологические догмы. Если факты противоречили догмам, тем хуже для фактов, целых наук и научных направлений. В поздние годы советской власти, времени идеологической дряблости, «неудобным» фактам можно было попытаться найти «правильное» объяснение, сколь угодно искусственное, но идеологически выдержанное.)

В его современном значении термин «идеология» стал общераспространенным лишь в 1950-е гг. В 1946 г. Джордж Оруэлл, описывая феномен, который мы сегодня называем идеологией, говоря о фашизме, сталинизме, не смог найти лучшего имени для этого феномена, чем «национализм». Он объяснял свой выбор тем, что люди, преданные идее, похожи на националистов, превыше всего ставящих свою нацию.

Клиффорд Гирц (Clifford Geertz), известный американский антрополог, подробно описал это презрительное отношение к идеологии у самых серьезных социологов 1930–1950-х гг. «Идеология» стала тогда почти бранным понятием: «У меня социальная философия, у вас — политические взгляды, у него — идеология» — эта шутка была типична и для более позднего времени. В статье Гирца дан более рациональный взгляд на идеологию: «Мнение Парсонса², будто идеологию определяет ее когнитивная ущербность, по сравнению с социологией, не так уж далеко ушло от мнения Конта, будто религию отличает некритическая образная картина мира, которая быстро устареет с приходом очищенной от метафор трезвой социологии. Конца идеологии мы можем ждать столь же долго, сколько позитивисты ждали конца религии. Как воинствующий атеизм был ответом на воинствующий религиозный пыл нетерпимости (и на расширение

² *Толкотт Парсонс* (1902–1979) — американский социолог-теоретик.

знаний о природе), так и вражда к идеологии — ответ на политические гекатомбы последнего полувека (и на расширение знаний об обществе)*³.

В 1960-е гг. возникает другое понимание идеологии, менее оценочное: идеология как система взглядов, как ответ на необходимость понять этот мир, что особенно важно в критические для этого мира моменты.

Идеология как система представлений, оценок, ценностей, упорядочивающая действительность. Идеологическое поле. Подвижность его очертаний. Отражение современных идеологических процессов в риторике и структуре политических текстов

В устоявшемся нетоталитарном обществе обычно можно найти несколько актуальных идеологических комплексов. Каждая идеология имеет свои отличительные признаки содержательного и формального порядка: определенные идеи, оценки, символику, ключевые образы, метафоры.

Каким образом получается, что люди живут в одном обществе, а исповедуют разные идеологии? Что влияет на то, какие идеи мы исповедуем?

На формирование идеологии влияет широкий круг факторов: семья, общество, книги, характер окружения, традиции, внешняя информация, исторические обстоятельства, личные представления о добре и зле и еще много всего. Когда-то Достоевский выделял два решающих фактора, определяющие поступки человека: среда и сам человек как духовно независимая сущность. Сегодня принято говорить о множественности факторов, влияющих на наши взгляды, прямо или косвенно определяющих наше поведение.

Почему же сегодня многие бывшие советские граждане так тоскуют, оставшись без официально санкционируемой и поддерживаемой авторитетом государства идеологии, и многие мечтают заменить ее какой-нибудь новой идеологической конструкцией? Дело в том, что без системы оценок, без представления о том, как и на основе чего надо действовать, мир для человека превращается в хаос. Советская

³ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. Гл. 8: Идеология как система культуры.

идеология была действительно тотальной, полностью вытеснившей, или по крайней мере сильно потеснившей даже память о других, «не советских» нормах поведения, оценки, о других идеологиях и ценностях. Советская идеология давала четкие ответы на все вопросы. А возникающие провалы, несовпадения идеологически правильных ответов с реальностью жизни советские люди научились купировать с помощью разнообразных механизмов, своеобразной коррекционной оптики. Они искренне не замечали этих расхождений; выработав двойной стандарт поведения и взглядов, один — для работы и внешнего мира, второй — неофициальное мировоззрение — для «кухни», близкого круга друзей, неофициальной литературы, анекдотов, отношения к социальной иерархии и другим социальным институтам. Конечно, в основе этого приспособления к внешнему обуху, которого плетью не перешибешь, было внешнее принуждение, страх и чувство самосохранения, что только способствовало лениности сознания, формированию беспечной и безропотной покорности. Но самым главным следствием тотальности советской идеологии было то, что советские люди в своем огромном большинстве прекратили попытки самостоятельной оценки действительности и, что еще важнее, попытки действия на основе самостоятельной оценки.

Внезапно жизнь резко изменилась, разрушилась привычная жизненная ткань, исчезли ключевые феномены: дефицит, очередь, одинаковая зарплата, тотальное принуждение, контроль и опека, — изменились приоритеты и признаки статусности: высшее образование, престижные профессии, приметы успешности. Старые стереотипы перестали работать, старые бытовые истины перестали быть истинными. Ни старая советская идеология, ни старые компенсаторные механизмы приспособления официальной системы оценок к реальной жизни не могли объяснить новую реальность и помочь человеку сориентироваться в этой новой реальности. А ведь речь шла о повседневности, о каждодневном выживании: нужно ли откладывать копейку на завтра или сегодня купить мешок сахара? Нужно ли отдавать ребенка учиться в университет или прежде престижная профессия ученого перестала быть таковой? Готовых ответов на эти вопросы ни у кого не было. «Бытовой здравый смысл» в ситуации постоянных изменений давал чудовищные сбои: люди теряли нажитое в финансовых пирамидах и государственных банках, дети отрывались от семьи, прежняя скучная, строгая официальная жизнь превратилась в дешевый мыльный сериал с «эротическими» сценами, пьяными лидерами, проворовавшимися вождями.

Специфика нашего недавнего прошлого и сегодняшнего мира с идеологической точки зрения заключается в том, что он почти не структурирован, а значит, непонятен, хаотичен. Структурирует же мир идеология: она задает оценки, предлагает свой взгляд на события, помогает сориентироваться в постоянно меняющемся мире, помогает строить свое будущее, выстраивает иерархию ценностей, помогает понять, что важно, что неважно, за что стоит бороться, что стоит менять, а с чем можно согласиться или терпеть. Примитивные идеологии дают простые и четкие ответы, например: «во всем виноваты инородцы». Более сложные идеологии — экономические, религиозные предлагают другие ответы. Но и те и другие помогают человеку понять этот мир, осмыслить происходящее.

После крушения советской идеологии и советского режима мы оказались в новом, хаотичном мире без ориентиров, без шкалы ценностей. Бытовой здравый смысл и так называемая естественная мораль немедленно вошли в противоречие с бурно возникающей новой социальной, экономической, политической действительностью. Нет выработанных цельных идеологий, которые определяли бы для людей их жизненную позицию, выбор, помогли бы организовать новое видение мира. Есть отдельные идеи, более или менее распространенные, есть адепты новых идей и их пропагандисты, есть творцы символов, программ и лозунгов. В то же время новые идеи в значительной степени — умственные, они взяты из чужого опыта, зарубежных или дореволюционных книг, мы сами эти идеи не пережили, не пытались реально воплотить в жизнь, не боролись за них.

Еще одно важное уточнение. Когда постсоветские идеологи, официальные и неофициальные, партийные и представители гражданского общества, осознали важную роль идеологии, ощутили огромную потребность общества в объясняющей и организующей мир системе взглядов, развернулся широкий поиск новой национальной идеологии. Перед обществом, как когда-то перед князем Владимиром, выбиравшим религию для себя и всей Руси, прошли (и проходят) представители многих идеологий, пытающиеся соблазнить общество своими ценностями, идеями, будущими перспективами. Настойчивость, с которой адепты той или иной идеологии пытаются внушить обществу ценность своей веры, просто замечательна, но объясняется она просто. Как уже было сказано, идеология структурирует мир, оценивает мир, исходя из своих базовых ценностей. Соответственно новые адепты будут смотреть на мир так, как нужно идеологам, партийным лидерам, политтехнологам и другим заинтересованным сторонам. Но все

эти заинтересованные стороны забывают об одной вещи: самые симпатичные идейные ценности нельзя вбить в головы, если каждодневный личный опыт не подтверждает предложенной идеологом системы оценок. (Советской власти с ее мощным аппаратом принуждения понадобились для этого десятилетия.) А личный опыт современных россиян свидетельствует только о том, что и сами идеологи не искренни, и их идеи не помогают лучше ориентироваться в современном мире.

Не сформировалась и еще одна важная для идеологической ориентации структура — устойчивые социальные группы, общности, с которыми мог бы идентифицировать себя член общества, ценности которых были бы для него авторитетными или по крайней мере референтными.

Вернемся к политическому тексту. Важнейшая его задача, как мы уже говорили, в том, что он предлагает свое видение проблем общества и путей их решения. Особенность современного политического текста как идеологического феномена — это проблема понимания действительности, освоения новых реалий. В обществе, развивающемся эволюционно, без резких скачков, существует размеченное идеологическое, концептуальное поле. Каждая идеологическая, мировоззренческая концепция осмыслена, соотнесена с другими концепциями, с партиями, их исповедующими, каждая доктрина обладает выработанным набором ключевых понятий, формул, лозунгов и символов. Для любого активного члена политической аудитории не будет большой проблемой указать место этой концепции на размеченном идеологическом поле. Каждой концепции свойственны определенный набор символов-понятий. И ангажированный член политической аудитории уже по первым словам текста легко понимает, в рамках какой концепции автор трактует затронутую им проблему. Предлагая же новую точку зрения, необходимо оспорить всю систему связей, дискредитировать старую систему отношений. И тем не менее попытки ввести новый взгляд и утвердить его — это постоянно идущий процесс обновления идейного поля.

Кардинально изменить всю прежнюю идеологическую картину может только революционный переворот или события, сравнимые с ним по своему влиянию на общество.

Российская ситуация, начиная с конца 1980-х гг., — это ситуация становления абсолютно нового идеологического поля, полного идейного обновления.

На уровне формальных признаков это выражается, например... в величине текстов. Вот конкретный пример: статья об указе прези-

дента о пробной приватизации земли в Московской области (1993 г.) занимала целую газетную полосу, в ней детально объяснялся смысл произошедшего. И ее читали! Во-первых, потому что автором статьи был первоклассный журналист, во-вторых, потому что нужно немало места для популярного рассказа о том, что значит приватизация, что такое проводимая политика. Читателю же статья была нужна, чтобы осмыслить, что происходит в стране вообще и в данном конкретном случае, чтобы соотнести этот подход с фигурой автора, с другими подходами. Уже через несколько лет в отношении приватизации появился набор устоявшихся подходов со своими ключевыми образами и фразеологией, которые сразу давали читателю общий контекст, оставляя автору его основную задачу — рассказать и высказать свое мнение о конкретном случае.

Любопытно, что когда в американской жизни происходит какое-то событие, действительно меняющее жизнь, немедленно в газетной журналистике, с ее обычно небольшими информационными и политическими статьями, появляются многочисленные статьи большого формата. Это произошло, например, после взрыва в Торговом центре в Нью-Йорке (1993 г.), а потом и после 11 сентября 2001 г. Эти события породили массу больших политических статей, где на уровне осмысления, на уровне общих идей, символических терминов обсуждались новые явления: мусульманская угроза, терроризм, проблема антиамериканизма и т.п.

Европейский и американский политический дискурс отличается от российского большая информационная сбалансированность, идейно-стилистическая и политическая определенность. Однако и в Европе в последние пятнадцать лет встала проблема новой идеологии, новых символов (статьи и речи английского премьер-министра Т. Блэра в его начальный период) в ответ на новую реальность: конец холодной войны, конец противостояния Восток–Запад, попытки преодолеть старые предрассудки (национальные, расовые).

Повышенная идеологичность, концептуальность политического текста как одна из отличительных особенностей российского дискурса выражается, между прочим, в обилии оценочных суждений даже в информационных статьях. Связано это, в частности, с активным освоением новой реальности. Политики и политические журналисты не могут просто ограничиться рассказом о новом явлении: ново не только явление (та же приватизация городской земли), нов и весь контекст (муниципалитеты и их роль, формы самоорганизации жителей, главные игроки на сцене приватизации). Именно потому, что

нов контекст, нет общеизвестных норм оценки: «хорошо — плохо», рассказ о явлении в виде информации не будет усвоен читателями, они не будут знать, как к нему подступиться. Читателям нужно не только рассказать о событии, но и объяснить его контекст, показать, каким образом это событие входит в контекст и какое место в этом контексте занимает читатель, как он может ориентировать себя по отношению к новым реальностям. Только тогда читатель получает возможность, соотнеся оценку журналиста или политика с самим событием, со своим опытом, понять происшедшее.

Идеологическая составляющая политического текста как оформление, объяснение, оценка действительности

С самого рождения европейской политической журналистики, с начала XVIII в., было замечено, что, казалось бы, частные суждения журналистов, предложенные ими объяснения становятся фактами общего мнения, т.е. становятся политически значимыми. В России о важной роли журналистов в обществе одним из первых, в начале XIX в., заговорил Ф.В. Булгарин: публика не думает, она предпочитает черпать мнения из газет; за людей осмысляют события, думают и делают выводы журналисты. Суть этого феномена, хотя и на другом материале, замечательно передал Чехов в «Душечке»: героиня не понимает, что значит то или иное событие, она не может объединить простейшие явления в сколько-нибудь осмысленную общую картину. «Осмыслением» занимались ее мужья.

Чтобы понять событие, человеку надо обладать опытом, найти параллели, надо уметь отстраниться и взглянуть на событие со стороны, отойти от события подальше и увидеть всю картину. Надо в единичном и случайном заметить закономерное и сделать выводы. Необходимо уметь абстрагироваться, владеть языком символов и образов, а не только языком фактов. В этом суть «идеологического» толкования факта или события. Критики «идеологического» языка, т.е. языка оценок и мнений, часто этого не понимают. Для них «идеологический» язык — свидетельство конъюнктурного отношения к действительности. На самом же деле символическое описание, оценочные слова — это попытка понять, какова сущность конкретного факта: убийства, правонарушения, трагедии. Эта попытка может быть конъюнктурной и даже провокационной, например нацеленной на воз-

буждение вражды к какой-то социальной группе. Но этим самым не отменяется очень важная роль символов, образов — помощь в осмыслении события как идейного феномена. В становящемся идейном дискурсе осмысление конкретного события дополняется и задачей: дать представление, определить, что такое собственно «преступление», «право», «справедливость», в чем их сущность. И это — задача уже целиком идеологического плана. В социальном, политическом плане она абсолютно необходима. (Здесь мы вынуждены спорить с замечательным философом Карлом Поппером, который все разговоры о «сущностях» считал пустой тратой времени. С его точки зрения, нужно заниматься конкретными проблемами, оставляя вопрос о сущности, например «преступления», для досужих болтунов.) Дело в том, что в становящемся идейном пространстве, а тем более в становящемся обществе, разговоры и споры о «сущностях» абсолютно естественны и даже необходимы. Никакое конкретное предложение о пути решения в России важнейших практических проблем, например роста насилия в семье, детской преступности, содержания заключенных, не могло быть решено, пока не подверглись обсуждению и коррекции старые, советские взгляды на то, что является собственно «преступлением», что считать за таковое, что такое «наказание», в чем его смысл. А смысл этих феноменов — в значительной степени идеологический. Только после обсуждения и обрисовки нового подхода к этим феноменам можно было говорить о конкретных формах наказания за конкретные преступления. Никакая серьезная реформа той же системы наказаний, например ответственности детей за преступления, совершенные в возрасте 5 лет, в США невозможна без оспаривания существующих в американском обществе идей относительно наказания и преступления.

К 1999 г. прежде сильная идеологическая составляющая информационных политических статей начала отступать. Все большее место стали занимать информационно-объективные жанры. Постепенно место статей — идеологических конструкций, с четко выраженной точкой зрения (я вижу событие так-то и так-то), явно выраженными оценками, ориентациями автора (это хорошо, плохо и т.д.) начали занимать статьи более сдержанные, с меньшим идеологическим напором. Процесс шел очень медленно и проходил по-разному в разных изданиях. Скажем, в газете «Известия» статей-мнений стало меньше, а в еженедельнике «Новое время» их по-прежнему было много. Читатель, как в перестроечные годы, открывал журнал — и на него обрушивались «голоса», мнения авторов, эмоциональные и убеж-

дающие. До тех пор пока сама возможность того, что можно думать по-разному, не так, как, кажется, думает власть, воспринималась как новинка, эти статьи — яркие, громкие, часто с ненормативной лексикой, противоречащие всем канонам и привычным мнениям советских газет — были интересны читателям. Пока им сложно было разобраться в происходящем, объясняющие статьи сохраняли привлекательность. Ситуация изменилась, когда читатель почувствовал, что может разбираться в происходящем сам.

В американских газетах — ведущих, как «Нью-Йорк Таймс», и провинциальных — есть лишь две полосы для «редакционных статей и комментариев», на которых печатаются статьи-мнения на актуальные темы, где звучит именно оценивающий, с ярко выраженными пристрастиями голос. А вся остальная газета — это прежде всего сбалансированная информация. Публикация на полосе мнений — это привилегия специалистов, ведущих политиков, бизнесменов. Рядовые журналисты там не печатаются, право на то, чтобы твой голос прозвучал как мнение, надо заслужить. Надо заслужить интерес к себе. В российских же общественно-политических СМИ право на то, чтобы публично высказывать свое мнение, считается естественной принадлежностью всего цеха журналистов. В нашей журналистике считается нормой писать газетные статьи не столько о событии, сколько по поводу события. Журналистика у нас до сих пор понимается как творческая профессия, в основе которой — самовыражение, в частности, высказывание своего мнения. Но, как я уже сказал, к 1999 г. интерес читателей к идеологическим материалам стал проходить — в частности потому, что к этому времени читатель собаку съел на идеологической информации. В том, что касается мнений и оценок, он чувствует себя по крайней мере не глупее авторов газетных статей.

Некоторым профессиональным журналистам такие читатели не нравятся. «Изучение отдельных писем в редакцию заставляет предположить, что многие из читателей не столько читают, сколько проверяют. Как учительница — диктант. Совпал текст с мироощущением читателя — обошлось! Не совпал — значит, автор козел»⁴. Автор статьи на читателя обижен. Обижаться, в общем, не на что. Если многие читатели видят в статьях именно и только «мироощущение», значит, мироощущения в них действительно много. «Казалось бы, ясно, — продолжает В. Кичин, — для того строки и пишутся... чтобы

⁴ Кичин В. Не блей, козленочком станешь! // Известия. 1999. 26 июня.

обменяться равноправными мнениями... И газету большинство покупает, чтоб узнать что-нибудь новенькое, а не вскипеть в очередной раз — нет, ребята, все не так, все не так, ребята!»

Речь идет именно о том, что читателю предлагается не «новенькое», а «мнения», не «что», а «как» все происходит. И это не мнение известного, авторитетного специалиста, а «равноправные мнения». А читатель уже и сам знает «как», и у него есть свое «равноправное мнение». Вот он и высказывает это свое «равноправное мнение» примерно с тем же напором, с которым журналисты высказывают свое. И требует публикации, так как полагает, и часто справедливо, что его интерпретация отнюдь не менее равноправна, чем интерпретация, «мнение» журналиста. Журналисты на подобное неуважительное отношение обижаются и пишут статьи с подзаголовками: «Наш человек на миру».

Читателей закармливали интерпретациями. Читатель взбунтовался: в конце концов, он тоже грамотный и может не хуже многих авторов интерпретировать события. Очевидным образом, читатель, во всяком случае читатель «Известий», просто потребовал смены акцентов: основной упор делать на информации, а «мнения» (т. е. мировоззренческий, объясняющий антураж) давать в виде гарнира.

Вернемся в 1998 г., когда читатель стал предпочитать информацию интерпретации. Вскоре, однако, этот процесс успешного освоения новой реальности в рамках свободного обмена информацией был прерван. Начиная с 1999 г. ситуация в области обмена информацией коренным образом изменилась. В новой политической реальности возникла новая задача ее освоения. И вплоть до сегодняшнего дня общественно-политические СМИ по-прежнему наполнены оценками и мнениями, а читатель продолжает осваивать происшедшие изменения и усваивать новые значения. Новых требований к объективности в информационных статьях читатель пока не выдвигает.

Осмысление мира, точка зрения, мировоззренческая позиция автора текста и принципиальная возможность ее реконструкции

Еще совсем недавно можно было сказать, что отдельные наборы идей, актуальных и распространенных в нашем обществе, еще не оформились в цельные большие идеологии, со своими четкими формулиров-

ками, со сформировавшимися наборами символов, лозунгов, образов. Шло скорее нащупывание, предпринимались попытки руководствоваться какими-то идеями, казавшимися политикам и политическим писателям симпатичными, но без осознания того, куда они могут привести, во что развиться. Иногда это были попытки игры на поле популярных общественных ценностей: коллективизма, нелюбви к агрессивному индивидуализму, на стремлении вернуться в прошлое с его определенностью и устойчивостью. Так же политики, политтехнологи использовали и образы — наощупь, исходя из своих взглядов и своих представлений. Эти образы не были осмыслены как единая система и часто при ближайшем рассмотрении вели к неожиданным общим выводам: народ — стадо баранов (см., например, статью А. Лебеда, приложение 13).

Многие сегодняшние политики, вернее политтехнологи, уже работают вполне профессионально. Образные системы создаваемых ими текстов, идейные базы этих текстов осмысленны и однородны. Выводы, которые на их основе можно сделать, не случайны, хотя для неподготовленного человека и могут показаться неожиданными, например: народ — жертва, подопытное животное (из статьи С. Шойгу). В современных текстах легко вычленить главный идейный комплекс, поддерживающие его образы и другие приемы. На пути создания новой общей идеологии сделан большой шаг вперед, хотя, безусловно, речь в большинстве случаев может идти только об абсолютно искусственном, «технологическом» построении идеологической конструкции.

Политический текст дает объяснение событию, явлению, ставит его в контекст реальности, убеждает, что именно такое видение события является истинным. Автор политического текста использует определенные слова, образы, понятия. Он определенным образом описывает отношения социально-политические, юридические. Он выстраивает субъектно-объектные отношения, выделяет основные мотивации и т.д. Говоря о частном случае, он объясняет его, ссылаясь на другие факты, ценности, символы, по его мнению, очевидные и проясняющие суть описываемого события. Создавая контекст события, автор описывает мир таким, каким он хочет чтобы его восприняла потенциальная аудитория. При этом вольно или невольно он задает и свою позицию. Это то место в идеологическом пространстве (буквально — точка зрения), из которого мир предстает таким, каким его описывает автор. И для анализирующего текст читателя эта позиция автора вполне может быть реконструирована.

Автор, поставив точку в конце своего текста, завершает не только объяснение события, т. е. прямой план текста, он завершает также описание своего понимания действительности. В законченном политическом тексте создан мини-универсум. Мир понят и объяснен, «завершен», в терминологии М.М. Бахтина⁵. Анализируя текст, мы можем не только стараться понять, что именно говорит автор по теме своего выступления, о конкретных проблемах, но мы можем претендовать и на то, чтобы понять мировоззренческую позицию автора, описать его универсум или хотя бы его часть. Сделать это возможно, если мы будем анализировать априорные послышки, из которых автор исходит. И в анализе априорных посылок одинаково важно исследовать как прямой план текста, так и риторический. Выбор автором тех или иных риторических средств во многом проясняет его мировоззренческую позицию.

Мировоззренческая позиция не всегда отчетлива, не всегда осознанна и часто внутренне противоречива. Иногда бывает, что мир, возникающий из прямых высказываний автора, не совпадает с миром, реконструированным из априорных посылок. Если выводы об этих противоречиях сделаны аккуратно и основаны на реальных фактах языка, текста, то они чрезвычайно важны и для аналитика, и для оппонирования заявленной в анализируемом тексте точки зрения. Но в грамотно составленном тексте основная мысль автора находит подкрепление в используемых им риторических средствах, системе аргументации, априорных послышках. Такое внутреннее единство текста значительно усиливает его воздействие на аудиторию.

Очень редким примером такого текста может служить статья С. Шойгу. В тексте заявлена политическая идея «единства», объединения всей страны вокруг одной группы политиков, причем эта идея противопоставлена идее политической борьбы. Идея единства подтверждена характеристикой-дискредитацией политических партий как носителей идеи борьбы, отдельных политиков — как субъектов борьбы. Весь риторический комплекс, все стилистические средства направлены на поддержание основной идеи: образ «одеяла», которое политические партии тянут каждый на себя; образ парламентской деятельности — «престижного клуба», «говорильни»; образ современного положения России, народа и роли «команды Шойгу» — катастрофа, жертвы катастрофы и спасатели. Сюда же относится грамотное построение концовки (если учитывать, что это на самом деле не статья,

⁵ См., например, его работу «Марксизм и философия языка».

а текст устного выступления): единоначатие, слово «единство» повторено в трех десятках газетных строк более 20 раз; использование иронических кавычек: «ханства», «княжества» — цитаты, аллюзии и т.д.

Идейно-стилистический центр политического текста

Подобное единство идей и риторико-стилистических средств в политическом тексте образует идейно-стилистический центр текста. В политическом тексте обычно можно выделить один идейно-стилистический центр: определенный комплекс идей, который оформлен определенным риторическим, стилистическим комплексом, включающим в себя систему метафор, символов, аргументативных средств. То, что такой центр один, естественно вытекает из задач политического текста. Автор, предлагая решение политических проблем, должен представить картину действительности, увиденную с одной точки зрения, внутренне непротиворечивую. В противном случае столкновение разных идей, противоречие разных априорных посылок разрушает аргументативную базу, убеждающую силу текста. Обычно это возникает в том случае, если политик обращается одновременно к разным группам населения, обладающим разными интересами и разным видением актуальных проблем. Подобные тексты, выступления обычно оказываются неуспешными. Аудитория не узнает себя среди многих адресатов текста. Исключения редки, но показательны, например риторика Владимира Жириновского. Ему удалось найти слой людей, благодарных ему уже за то, что он их заметил. Они стремятся услышать не то, как политик решает их проблемы и решает ли, им нужно услышать сигналы того, что их заметили, что о них помнят. От выступления Жириновского они ждут не решения проблем, а слов-сигналов, слов-символов, услышав которые, они успокаиваются и уже не обращают внимания на то, что в том же тексте содержатся и другие слова-символы, обращенные к группам с прямо противоположными интересами, обещания, находящиеся в прямом противоречии с уже обещанным другому адресату того же текста.

Идейно-стилистический анализ не только дает возможность работать с неявным планом текста, с непрямым, невысказанным словом, но и помогает прояснить идеологические процессы, идущие в обществе: как именно, в какой форме идет усвоение и актуализация идей

и идейных комплексов, превращение их в идеологические, мировоззренческие парадигмы, как идеи проходят путь от отдельного высказывания до усвоения их в качестве общего места, фразеологизма, который принимается как данность. Это две, так сказать, крайние точки: начало и конец, — а между ними — длительный процесс усвоения, утверждения, полемики с другими точками зрения, другими идеологическими парадигмами.

Метафора и ее роль в идеологической конструкции

Наше мышление насквозь метафорично. Мы мыслим метафорами, аналогиями. Понимание — это нахождение подобия тому объекту, феномену, который мы пытаемся осмыслить. Понять, представить ранее нам неизвестное, не понятое, не проясненное можно, сравнив его по каким-то замеченным нами признакам с другими, уже известными феноменами. В любом случае это будет описание с помощью сравнения, в частности метафоры.

Это верно и для философии (еще Мишель Монтень заметил, что философия — это усложненная поэзия), и для научного мышления. О важности метафоры для процесса научного познания писал Фридрих Ницше («О истине и лжи во неморальном значении»): научная «истина» — это меняющаяся армия метафор, метонимий, а вся физика — это ложное, но временно полезное соглашение, метафорическое по своей природе.

Все новые объясняющие гипотезы о феноменах, которых мы не можем реально увидеть, пощупать, мы строим как метафоры, сравнения: «планетарная» модель атома, теория «большого взрыва» — о зарождении вселенной, «третья волна» модернизации, теория маятника в историческом развитии обществ и т.д. Феномен осмысливается в рамках предложенной метафоры, в рамках правил, задаваемых образом. Изучаемое явление, феномен должны удовлетворять тем рамкам, правилам, закономерностям, которые задает предложенная модель, метафора. Скажем, планетарная модель атома «работала» постольку, поскольку все математические и физические данные, известные на начало XX в., когда была предложена эта модель, удовлетворяли априорно заложенным в метафору «планетарной системы» идеям: солнца-ядра с массой, определенными физическими свойствами, планет-электронов, вращающихся по орбитам, и т.д. Научная

ценность предлагаемой модели-метафоры (в терминологии Томаса Куна — «парадигмы»), выявляется (или не выявляется) в том, что она позволяет отвечать на вопросы о свойствах данного феномена, его отношениях с другими феноменами и явлениями, позволяет строить предположения и делать предсказания. Пока эта способность (вернее, возможность) отвечать на вопросы исследователей, оставаясь в рамках, задаваемых используемой метафорой, сохраняется, описываемая модель феномена, например планетарная модель атома, считается достоверной. Когда накапливается достаточно много данных, противоречащих принятой модели, ученые предлагают пересмотреть взгляд на рассматриваемый феномен. В результате обычно появляется новая модель, метафора, в рамках которой можно ответить на некоторые, или все, накопившиеся вопросы.

Несколько разных образов, моделей феноменов могут сосуществовать, оспаривая друг у друга первенство или взаимно дополняя друг друга, как теории волн и корпускул в понимании природы света.

Все идеологии оформляются в виде систем метафор, символов, сравнений. Смена представлений, идей, даже если название самой идеологии остается прежней, обычно приводит к обновлению образного, символического ряда. И часто смена идей внутри одной идеологии идет по линии критики образов и символов, оформляющих идеи. До тех пор пока, по мнению идеологов, эти образы отражают истинный смысл пропагандируемых взглядов, идей, образы не оспариваются идеологами и используются в пропаганде. Это легко проследить по истории развития таких древних идеологических комплексов, как христианство, мусульманство. Но и современные идеологии — в частности, фашизм, коммунизм, — дают большой материал по смене образов и символов на протяжении своей относительно короткой истории.

Эта особенность идеологий (оформленность в виде метафор) замечена очень давно, и, в первую очередь, практиками: журналистами, революционерами, агентами тайной полиции. Правда, говорили они не об идеологиях, а о «представлениях», «взглядах», но по сути это было то, что мы сегодня называем идеологией и мировоззрением. В недавнее время метафоричность наших представлений, идеологий отметили ученые-гуманитарии. Замечательна та степень удивления, которое испытали антропологи, лингвисты, философы, вновь открыв феномен, описанный за полтора века до них практиками тайного сыска и управления обществом. Практики, т.е. люди, участвовавшие или желавшие участвовать в управлении обществом, в поддержании или ниспровер-

жении государственного строя, никогда не забывали о важности образов, метафор в идеологии и, предлагая, например, свои услуги власти, объясняли, как они будут бороться с «враждебными» образами, предлагали свои образы и символы для использования в качестве манипуляционных инструментов: лозунгов и пропаганды.

Одним из первых на русском языке эту идею высказал провокатор, агент тайной полиции Михаил Грибовский (именно ему приписывают донос, который мы цитируем), объяснявший властям, каким образом предполагают действовать заговорщики, члены Союза спасения в 1821 г.: «...тайная цель главных руководителей — возыметь влияние на все отрасли правительства... Средства к тому избраны: распускаемые слухи, рассказы в обществах, сочинения, особенно журнальные статьи, как более и скорее расходящиеся, дабы дать направление общему мнению и нечувствительно приготовить все сословия. Есть многое, до чего, как до больного места, чтобы не почувствовать, не должно прикасаться; но частые напоминания... понятия о рабстве, цепях, неволе, тиранстве, ненаблюдении правосудия и пр., врезываясь в памяти, давали бы дурное мнение и поселяли бы отвращение от существующего очерняемого порядка и желание перемен» (выделено мною. — А.А.).

Мы видим здесь превосходную формулировку сущности пропаганды — всякой идеологической пропаганды: давать свои имена вещам, событиям, отношениям, классам и т.д., называть существующие отношения, классы именами, которые дискредитируют (или оправдывают) эти отношения, создавать цельную картину общества, описываемую в выработанных пропагандой образах, где отношения между, например, крестьянином и помещиком описываются как «рабство», «цепи», «тиран»; в суде — «ненаблюдение правосудия», произвол.

Предлагаемая пропагандистами картина мира, «врезываясь в памяти» читателя, который до этого мог воспринимать окружающий мир как нейтральную данность, меняет его отношение к действительности, дает «дурное мнение», поселяет «отвращение» и, как следствие, вызывает «желание перемен».

Характерно, что и сам доносчик видит ситуацию через призму метафоры-фразеологизма: «есть вещи в обществе, до которых, как до больного места, чтобы не почувствовать, не должно прикасаться». Эта метафора имеет и свою прогностическую логику: если больное место не беспокоить, оно, во-первых, не будет постоянно напоминать о себе, во-вторых, больное место скорее заживет. Мы видим, что метафора задает рамки осмысления социальных проблем и предлагает свою логику развития событий.

Метафора, задавая определенное видение действительности, может вызывать протест со стороны людей, которые действительность видят по-другому. И тогда они оспаривают... употребленную метафору. Так Грибовский оспаривает метафору рабства: «тиран», «цепи»... Для него, как и для многих других членов российского общества, такое описание отношений между помещиками и крепостными было ложным, не просто искаженным, а именно ложным и опасным. С их точки зрения, эти отношения описывались в других терминах, например как «отеческое попечение». В те же годы член Государственного совета адмирал А.С. Шишков отказался рассматривать записку о крестьянах Н.И. Тургенева на том основании, что Тургенев упоминал о «духе времени», которым нужно руководствоваться в государственных установлениях. Шишков резко возразил: в монархическом государстве руководствуются отнюдь не «духом времени», а волей монарха и установленными законами. Для него «дух времени» в значении, предложенном Тургеневым, был ложной метафорой.

А еще за два десятилетия до этого Павел I запретил употребление в печати нескольких слов, связанных с идеями французской революции, в частности, слов «гражданин» и «общество». С помощью этих понятий вожди революции оформляли свои лозунги, сделав их частью своей идеологии. Понятия обросли дополнительными смыслами, возникшими именно в связи с событиями и практикой революционной Франции. Император, кажется, неосознанно, отметил тот факт, что эти слова стали символами революции, причем символами значимыми и ценными для части российской аудитории.

Политический образ возникает как метафора, как новое видение проблемы. Если образ удачно вписывается в дискурс, он остается, иногда становится популярным и авторитетным, способным оформлять действительность просто самим фактом своего употребления («дух времени», «перестройка»), иногда превращается в термин, а иногда — в значимый политический символ. Обычно со временем образ утрачивает способность описывать и оформлять действительность для воспринимающего сознания, превращается в малозначачий фразеологизм⁶.

Важную роль образов в идеологии отметил Джордж Оруэлл. Истинного гуманиста, как и провокатора Грибовского, заинтересовало прежде всего стремление идеологов дать «неистинную» картину мира. Он тоже обратил внимание на «инструменты», с помощью

⁶ См. Алтунян А.Г. Политические мнения Фаддея Булгарина. М., 1998.

которых идеологи «искажали» картину мира и отдельных событий. Текстом Дж. Оруэлла, о котором здесь идет речь, начинается введение к данному курсу.

Отношение к метафоре как инструменту управления и обмана, причем обмана легкого, глубоко неверно. А именно такое понимание роли метафоры распространено до сих пор не только среди лингвистов, антропологов — критиков политического дискурса, но и среди политологов. Заметив, что любой политический дискурс по преимуществу метафоричен, лингвисты начали изучать и описывать эти метафоры с целью показать их как инструмент «манипуляции» и разоблачить «неистинность». Сейчас уже понятно, что описать их полностью невозможно, что ни одна метафора сама по себе не объясняет существа политического процесса, победы или поражения, использующего их политика. До недавнего времени подобным заблуждением грешили и российские технологи⁷, но, судя по текстам, часть из них вполне поняла, что проблема, скажем, трансформации, не в том, чтобы просто поменять систему образов и символов. Метафора не просто должна обладать объясняющим потенциалом для значительной части аудитории. Тогда все было бы просто: используй спортивные образы, популярные народные игры, футбол, бокс, как делали немецкие и продолжают делать итальянские политики, или называй рабочее законодательство «рабством», как это попытались сделать американские политики — и ты добьешься успеха. Однако все совсем не так просто. Аудитория может совсем не разделять идеи политиков и профсоюзных боссов, считающих (вернее, делающих вид, что считают), будто новый закон о труде — это «порабощение», подобное сталинским лагерям (такой пример попытки использовать метафору в политических целях приводит в своей статье Клиффорд Гирц). А казалось бы, почему бы и нет, если эта мысль пришла в голову политику, почему ее отвергли простые рабочие? С другой стороны, значительная часть итальянской аудитории согласилась с идеей политтехнологов, что между политической борьбой и футбольным матчем есть много общего (президентская кампания Сильвио Берлускони строилась на этой метафоре). Аудитория должна быть готова к тому, чтобы увидеть за метафорой адекватное описание. Иными словами, метафора может быть инструментом влияния, например сокрытия смысла произошедшего, но это совсем не простой инструмент и им совсем не просто пользоваться.

⁷ Некоторые лингвисты-консультанты советовали политикам сменить лексику на либеральную в качестве условия успешного преодоления народом старых «иллюзий».

«большинству людей могли бы показаться слишком brutальными». Речь идет о словах, сказанных президентом В.В. Путиным после штурма театрального центра на Дубровке, в ходе которого погибли 137 человек: «Россия не встала на колени».

Террористы требовали начать переговоры о мире и угрожали в противном случае взорвать себя и заложников. Президент отказался идти на переговоры, санкционировал штурм, при котором погибли все террористы и 137 заложников. Отказ от мирных переговоров, смерть значительной части заложников — все это в накаленной обстановке того времени у огромной части аудитории, находившейся в состоянии растерянности и шока, явно не вызывало никаких положительных эмоций. Поведение президента, его высказывания, в частности приведенная фраза, смогли оформить происходившее таким образом, что у значительной части аудитории сформировалось положительное видение исхода трагедии. Конечно, совсем не у всех, а лишь у тех, для которых предложенная метафора является ценным символом, у тех, кто внутренне был готов оправдать действия властей, но нуждался для этого в некоторой объясняющей конструкции. Ценный символ (России, которую пытались унизить, а она превозмогла и победила) и послужил таким объяснением. С точки зрения политической манипуляции это рядовое достижение политика оформить понимание событий у растерянной части аудитории таким образом, чтобы эта часть прежде растерянной аудитории поддержала его действия. Мы говорим «манипуляции» только в смысле инструментальности, вполне возможно, что действия президента и его слова были искренними, но в любом случае предложенный им образ действовал также, как действуют удачно выбранные метафоры в любой политической аудитории: они оформляют видение действительности у части аудитории выгодным для политика образом.

Посмотрим, что делает образ с реальностью. Террористы требуют мирных переговоров и угрожают взорвать 750 человек — президент Путин не соглашается. Субъекты: террористы и президент, — отношения: террористы требуют — Путин не соглашается. В результате происходит штурм, террористы мертвы, но и большая часть заложников погибла. В таком виде описание произошедшего в день штурма не вызовет энтузиазма у большинства аудитории.

Посмотрим теперь, какие отношения и субъекты задает образ, использованный Президентом. Субъектом активным являются те же террористы, а вот субъектом страдательным является уже не Путин, а Россия, причем Россию пытаются унизить, поставить на колени. Отметим, что если бы Президент сказал: террористам не удалось пос-

тавить на колени Президента России, то такое описание не вызвало бы энтузиазма: проблема личного унижения одного человека, даже если он президент, не может идти в сравнение с гибелью 137 человек. А вот подстановка вместо Президента образа России существенно меняет всю картину. Образ «России, страдающей от насилия», для значительной части аудитории — это сильный, ценный образ, настолько ценный, что для ее жизни и для спасения ее чести нет жертв, которые нельзя было бы не принести. Избавление ее от страданий и спасение ее чести вполне оправдывают любые жертвы, даже жизни 137 человек. Использованный президентом прием задал видение ситуации в рамках ценного образа «страдающей, унижаемой России». Такое видение принесло огромное облегчение значительной части аудитории. Оно избавляло людей от необходимости осмыслить ситуацию и самим сделать мучительный моральный выбор, самим «расставить все по полочкам», претворить хаос действительности в осмысленный порядок. Образ «осмыслил» ситуацию за них, преобразил хаос случившегося в отчетливую мировоззренческую позицию. Логика образа не только оправдывала гибель людей, она придала этой гибели характер героической жертвы, принесенной ради России. Ценный образ «страдающей, унижаемой России» оказался способным создать новый образ действительности: для многих исход трагедии стал очищающим катарсисом.

Конечно, речь может идти только о растерянной части аудитории, находившейся в шоке и потому неспособной к сознательному осмыслению действительности. Это аудитория, которую можно мобилизовать на жертвы, обращаясь к образу «страдающей России». Для других образ, использованный президентом, был и остается спорным и мало что объясняющим. (Заметим, что еще одна часть аудитории, также не растерянная, вообще не испытывала никакого неудобства от самого факта большого числа жертв и вполне оправдала бы любое развитие событий, если бы оно привело к полному уничтожению террористов.)

Этот случай — замечательный пример эффективного использования метафоры в политической борьбе. Нам остается только подчеркнуть, что использованный образ не случаен, его выбор основан на глубоком знании российской политической аудитории. Выбранный образ оказался ценным и авторитетным для значительной части аудитории. Но политическая аудитория неоднородна, и для другой ее части образ остается спорным. Но именно критическое отношение к образам, предлагаемым политиками, критика доводов, основанных на образных средствах убеждения, делает возможным развитие ситуации, не позволяя политику раз и навсегда оформить действитель-

ность в благоприятном для себя виде и получить полное оправдание своим действиям. Из нашего примера видно, что, для того чтобы образ оказался способным оформлять понимание, видение действительности у аудитории, необходимо, чтобы часть аудитории разделяла ценности, на которые опирается образ. Только в этом случае образ оказывается эффективным инструментом, способным оформить действительность в соответствии с заложенными в нем ценностями. Чем более сложна и напряжена ситуация, тем важнее, чтобы ценности задаваемые используемым образом, были значимыми ценностями для политической аудитории. Только такие образы способны убеждать в сколько-нибудь критических ситуациях.

Стоит отметить еще один факт. Обычно образы, подобные «страдающей, но непокоренной России», относят к архаичному, патриархальному слою. Корни этого образа действительно фольклорные, и архаичность его не стоит преувеличивать. Это обычный образ из романтического дискурса, зародившегося в конце XVII в. и хорошо проработанного в популярном официозе на протяжении всего XIX и XX в. Сюда же относятся такие образы, как твердость, жесткость, несгибаемость истинных россиян: железные люди, «гвозди бы делать из этих людей» и т.д. Замечательна и та наивная откровенность, с которой официоз, в сущности, говорил о ценности человеческой жизни, о том для чего нужны стране и государству, власти эти самые «железные люди»: чтобы делать из них хорошие, лучшие на свете гвозди. Но если члены аудитории полностью согласны с логикой образов «страдающей и просящей о жертве России», грандиозной стройки коммунизма требующей жертв и усилий от всех, то и судьба стать «жертвой» или «гвоздем», использованным во время строительства, — это почетная и даже завидная участь.

Уже в начале XIX в., когда Ф. Булгарин предлагал использовать образ «Матушки России» (схожий по ряду характеристик с разобранными нами) в качестве инструмента управления мнениями «нижнего сословия», тогда же князь П.А. Вяземский записал куплет-пародию не на булгаринскую записку (он о ней не знал), а на «Матушку Россию» в том ее понимании, к которому обращался Булгарин:

Матушка Россия,
Не берет насильно.
А все добровольно,
Наступя на горло.

Образ, который еще был способен мобилизовывать и убеждать с помощью заложенных в нем априорных оценок, являющихся цен-

ными для «нижнего сословия» (по крайней мере, для части его), для представителей более образованного и критически мыслящего сословия этот прежде ценный образ (что очевидно из пародии), подвергся критическому анализу. Вернее, подверглось осмеянию несовпадение идеи и внутренних ценностей образа «Матушки России» и тех действий, насильственных и угрожающих, которые от ее имени предпринимало государство.

Любой образ задает систему оценок, точку зрения на действительность, логику его бытия и развития, с тем чтобы добиться определенного понимания событий у аудитории, ее определенной реакции на события. Именно в этом смысл любого идеологического построения: оформить у аудитории определенное видение действительности и, таким образом, добиться от членов аудитории действий в духе этой идеологии. В этом его (образа) идеологическая сущность.

Можно ли понять по тем приемам, которые используются в политических текстах, мировоззренческую позицию автора текста, даже если автор ни о чем, кроме текущей ситуации, не говорит? Мы считаем, что можно, а в ситуации, когда от того, что творится в голове у политика, зависит наше будущее, даже нужно. Понять мировоззренческие установки политика можно, анализируя риторические, стилистические приемы, им используемые. Любая оценка: и модальность высказывания, и специальные оценочные слова, положительные, отрицательные образы — позволяет реконструировать мировоззренческие составляющие, точку зрения, с которой автор, использующий эти приемы, смотрит на действительность и которую пытается внушить своей аудитории, добиваясь от нее определенной реакции: поддержки, мобилизации, действий в духе предложенной идеологом точки зрения.

Индивидуальное, авторское и исторически, политически, социально, культурно обусловленное в политическом тексте

Порой кажется, что при отсутствии внешнего принуждения автор волен толковать ту или иную проблему так, как он сочтет нужным, используя любые средства. Эта иллюзия часто возникает, когда речь идет о современных нам текстах. Претензии на наличие авторской свободы были у многих авторов даже при авторитарном режиме, иногда в форме почти пародийной. Как заметил один известный критик

своим менторам-редакторам, «слова пускай будут ваши, но порядок слов пусть будет мой». С другой стороны, известна и точка зрения о полной исторической, политической и т.п. детерминированности любого политического выступления.

В нашем подходе к политическому дискурсу мы исходим из того, что в свободном обществе точка зрения на проблему и пути ее решения, а также риторические средства, выбираемые при оформлении идей и мнений в реальный текст, выступление всегда являются более или менее свободным выбором из некоторого ограниченного набора вариантов. (Ситуацию тоталитарного дискурса мы оставляем за рамками обсуждения: внешняя несвобода превращает любое легальное неантитоталитарное политическое выступление в профанацию, сама проблема свободы и детерминированности политического выступления — это проблема политически свободных обществ и дискурсов этих обществ. Существование жестких правил построения политического дискурса в тоталитарных обществах, правил, внешних по отношению к дискурсу, задаваемых и поддерживаемых силовыми ведомствами снимает проблему свободы и детерминированности.)

Любая политическая проблема в обществе имеет несколько вариантов решения. Подчеркнем — не множество (сколько людей — столько мнений), а именно несколько, причем не вообще решений, а лишь таких, которые актуальны в данный момент в данном сообществе. Скажем, проблема приватизации земли имеет сегодня несколько вариантов решения: приватизировать, запретить приватизацию, ограничить ее несельскохозяйственными землями... Набор вариантов в данном случае обусловлен выбором между разными субъектами владения: личностью, государством, муниципальным органом, причем их количество в реальной политической ситуации четко ограничено. Чем вызвана склонность отдельного члена политической аудитории или аудитории в целом к тому или иному субъекту владения — этот вопрос остается открытым и до сих пор вызывает жаркие дискуссии.

Принципиальная полемичность текста.

Лозунги. Точка зрения, объективность

Мы уже несколько раз говорили о том, что в политическом тексте выражается точка зрения на события, проблемы и пути их решения. Однако политический текст не является просто декларацией опреде-

ленной точки зрения. Это всегда полемика с другими точками зрения на проблему, это всегда опровержение других подходов и других путей решения затронутых проблем. И дело здесь не только в особенностях нашего мышления, а в сущности политического текста как феномена. Политический текст — это часть политического процесса, т.е. это всегда политическая борьба. Любой политический текст можно рассматривать не только как набор доводов в пользу чего-то или кого-то, но и как спор с другими субъектами политической борьбы, с другими программами, тактиками и стратегиями, с другими актуальными альтернативами. Утверждая определенную проблему как первоочередную, политик полемизирует со своими оппонентами, которые видят ситуацию по-другому и считают первоочередными другие проблемы. Утверждая такие-то пути решения выбранных проблем, политик вольно или невольно полемизирует с другими точками зрения на решение этих проблем. Даже голая констатация: «Путин — наш президент» или «Единство с теми, кому нужна великая Россия и не нужны великие потрясения» — это очевидная полемика, в первом случае, с другими точками зрения на то, кто именно должен быть «нашим президентом». Вторая декларация — это очевидная полемика с другими точками зрения на суть того, какой должна быть страна, на пути дальнейшего развития России. Поэтому, предпринимая анализ текста, недостаточно описать позицию автора, его программу и мировоззренческую позицию. Необходимо отметить те моменты текста, где автор вступает, открыто или скрыто, сознательно или нет, в полемику с оппонентами, с другими точками зрения.

Полемичность есть суть и смысл даже такого, казалось бы, полностью декларативного жанра, как лозунги. Даже если речь идет о простых декларациях, здравницах и призывах, как: «Свобода. Равенство. Братство», или «Землю — крестьянам! Фабрики — рабочим! Мир — народам!», или «Слава КПСС!» — все они оказываются насквозь полемичными, открыто или скрыто, с другими точками зрения, с внутренними или внешними оппонентами. Любопытно, что советские граждане на сознательном уровне просто не замечали этой полемичности. Лозунги воспринимались как просто положительные утверждения. Причиной этому — полное отсутствие опыта политической борьбы, неполитическое восприятие советской действительности. И все же понимание полемичности лозунгов иногда проявлялось — на бессознательном уровне. Так один пятилетний мальчик сделал следующий вывод из внимательного просмотра политической телепрограммы, посвященной СССР — защитнику мира во

всем мире: «На Америку надо бомбу сбросить, чтобы она против мира не боролась». Это квинтэссенция того мировоззрения, того образа врага, который хотели сформировать у своей аудитории советские пропагандисты с помощью таких, казалось бы, неполемических лозунгов как «СССР — оплот мира во всем мире»⁸.

Политический текст как реплика в актуальном споре

Политический текст — даже самый декларативный — никогда не бывает окончательным решением спора. Он может закрыть спор, если речь идет о тоталитарном дискурсе, но в открытом дискурсе политический текст — это всегда реплика в развивающемся споре актуальных альтернатив. Даже победа одной из точек зрения не ставит точку в споре. Спор переходит на другой уровень, появляются новые субъекты, новые доводы, но он не оканчивается, потому что споры о собственности, о справедливости, о политическом устройстве, о правах личности, о правах меньшинств — это суть политической жизни во все времена. Даже когда речь идет о конкретных решениях: начать или окончить войну, закрыть какую-то программу помощи, ратифицировать договор, — спор продолжается и после принятия окончательного решения и совершения соответствующего политического действия. Спор о выводе американских войск из Вьетнама идет и сегодня, но на другом уровне и часто по поводу других проблем. Спор о договорах и границах продолжается и после их ратификации и т.д., и т.д. Важно не только определить точки полемики в тексте и обрисовать образ оппонента и его позицию, важно зафиксировать этап спора, поставить текст в исторический контекст, т.е. в контекст развивающейся полемики.

Проблема объективности политического текста

Объективность — это категория, в принципе неприменимая к политическим текстам. В разрабатываемой нами концепции политического текста он принципиально не может быть полностью объективным.

⁸ См. статью «Лозунг в политическом дискурсе» в книге Алтунян А.Г. От Булгарина до Жириновского. М., 1999.

Описание мира всегда субъективно: видение ситуации, точка зрения, с которой автор политического текста смотрит на события, видит и описывает действительность, — это принципиально одна из многих точек идеологического пространства. При этом есть ряд ограничений необъективности причинами, так сказать, объективного характера: число таких точек зрения в отличие от физической модели поля не бесконечно. Можно утверждать, что в каждый конкретный исторический момент, в каждом конкретном обществе существует несколько основных точек зрения на проблемы, пути их решения, к которым можно свести все высказываемые мнения.

Выбор точки зрения определяется как сознательно (стремление, по тем или иным причинам, защитить именно эту точку зрения, в том числе по причинам мировоззренческого порядка: руководствуясь определенными ценностями, идеями), так и бессознательно, на уровне симпатий и антипатий. Выражается выбранная точка зрения и с помощью прямых деклараций, и с помощью риторических средств, выбора слов, метафор, приемов, акцентов. Идея «президента-менеджера», многократно заявляемая президентом Путиным начиная с 2002 г., предполагает в современной действительности вполне определенный подход к событиям, манеру и стиль поведения, определенную ориентацию по отношению к другим участникам процесса. Идея «президент — отец нации» предполагает совсем другое видение действительности, другой тип отношений к участникам процесса.

Вторая причина, по которой нельзя требовать объективности от политического текста, состоит в том, что текст — это всегда спор, борьба за полную победу над оппонентом, в ходе которой идет поиск и демонстрация слабых его сторон. Объективность политического текста состоит в том, чтобы вести спор корректно, придерживаться правил спора, принятых в данном дискурсе, например, не лгать.

И все же проблема объективности политического текста существует, если речь идет о политических жанрах, связанных с журналистикой. В этом случае объективность — это реальная проблема, но состоит она, с нашей точки зрения, не в том, объективно ли описание. Политическая журналистика, будь то политическая новость, статья или комментарий, должна помочь читателю самому сориентироваться. Политик же пишет свой текст или выступает, чтобы ориентировать читателя определенным образом.

Предлагая свое мнение, критикуя другие мнения, рассказывая новости, журналист дает читателю информацию к размышлению. Журналист по определению не политический пропагандист. Описание — это всегда

выбор слов и приемов, в нем всегда проявятся симпатии или антипатии. Объективность политического комментария, статьи состоит в том, насколько корректно делается описание, насколько корректно фиксируется точка зрения, позиция описывающего. Под фиксацией точки зрения мы понимаем, во-первых, необходимость высказать свою позицию: за, против, нейтрален. Нейтральность — это тоже корректная позиция, некорректно лишь оставить адресата в неведении относительно позиции автора. В последнем случае, когда невозможно понять, какой позиции придерживается автор, политический текст (или его часть) выпадает из политического дискурса. (При этом текст может становиться частью другого дискурса, например, развлекательного.) Во-вторых, политический журналист в отличие от политика должен сориентировать читателя относительно других точек зрения. Точка зрения оппонента может быть подвержена критике, но она должна быть определена.

Если в политическом комментарии, политической публицистике автор фиксирует и свою точку зрения, и точку зрения оппонента, представляет проблему, освещенную с авторской точки зрения, то мы можем говорить об объективности политической статьи.

Объективность остается важным положительным критерием политического текста, кто бы ни был автор — журналист или политик. Если политический текст можно описать как объективный, если в нем корректно представлена точка зрения оппонента (именно потому, что по правилам политического дискурса это делать необязательно), у читателя, в особенности политически грамотного, возникает доверие к автору, это довод в пользу автора. Поэтому многие авторы стремятся выглядеть объективно, хотя бы формально⁹. Чтобы подчеркнуть объективность, используются приемы.

К ним относятся: объективная модальность (не субъективная); предложение нескольких точек зрения с «привязкой» (т.е.: кто, где, когда сказал, считает, сделал); изложение личного мнения с четкой аргументацией «за» и «против»; оценка доводов оппонента, а не его личности; оценка доводов оппонента с точки зрения их правильности, а не для опорочивания соперника; беспристрастность, принципиальность: выраженная точка зрения — это следствие убеждений, а не стремление подыгрывать чьим-то интересам.

Итак, от политического выступления, речи не ждут объективности. Политическая речь должна убедить и мобилизовать, настроить

⁹ Солганик Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX веке // Вестник МГУ, сер. 10: Журналистика. 2002. № 2. С. 39–53.

аудиторию в пользу автора, а не давать объективную картину мира. Но даже в политической речи, резко выраженная предвзятость может повредить, а заявка на объективность способна принести дополнительные очки политику. Во-первых, излишняя субъективность политика не помогает уверить избирателя, что предлагаемые решения проблем действительно будут работать. Во-вторых, хотя никто и никогда не оценивает политическое выступление с точки зрения объективности, но есть мера, баланс, нарушение которого может вызвать неприязнь аудитории. Уровень допустимой предвзятости зависит от того, что в данном обществе, аудитории расценивается как справедливость, а что — как откровенная несправедливость. Естественно, первыми замечают «несправедливость» политические оппоненты. В американских политических баталиях политикам позволяется быть достаточно субъективными, но и здесь есть мера, и ее нарушение будет замечено и политическими комментаторами, и оппонентами. Никто, скажем, не ждал, что президент Буш и члены его штаба будут подчеркивать добросовестное выполнение Джоном Керри своего воинского долга во Вьетнаме, но попытки скомпрометировать воинское прошлое Керри были с негодованием восприняты не только в демократическом лагере и были контрпродуктивными для президента.

Разница в объективности между новостью, комментарием и политической речью

В политической новости сообщение должно быть подчеркнуто объективно, в идеале личность автора должна быть полностью устранена из текста. Сообщение дается с привязками по времени, месту, источникам сообщения. Сообщение подается в нейтральном стиле, объективная модальность здесь обязательна.

Допустимый уровень субъективности информационной политической статьи колеблется от издания к изданию. Если говорить о среднем американском стандарте, то в политической статье может быть видна точка зрения автора, его оценка события. Например, с очевидными симпатиями и антипатиями автора освещаются российские события во влиятельной американской газете «Вашингтон Пост». Такое освещение вызывает возражения и даже протесты со стороны ангажированной, пророссийской части аудитории (статьи в «Вашингтон Пост» вызвали несколько выступлений американского политолога Дмитрия Саймса и близких к нему исследователей). Хорошим тоном в аме-

риканской журналистике считается нейтральность в информационных статьях. Если в информационной политической статье идет речь о столкновении, конфликте интересов, освещение полемики *должно* сопровождаться прояснением точек зрения всех заинтересованных сторон, вне зависимости от того как позиционирует себя автор.

Жанр политического комментария допускает значительно большую степень субъективности: автор волен описывать событие так, как он лично его видит. Комментарий первый предполагает большую степень беспристрастности, объективности, чем в статье-мнении. Вместе с точкой зрения автора, если таковая есть, предполагается изложение и других точек зрения с указанием их авторов и, если это нужно, положения последних в политическом поле.

Статьи-мнения — в американской журналистике редакционные и *opposite editorial* — по месту расположения, с противоположной стороны от редакционных. Корректность в этом жанре состоит в умении не казаться слишком субъективным и пристрастным, в учете других точек зрения.

Лекция 5

Политический текст как исторический феномен. Специфика современных политических текстов

Современный политический текст — это феномен Нового времени. Возникновение современного политического текста в Европе и, в частности, в России мы относим к середине XVIII—началу XIX в. Перечислим несколько факторов, сыгравших важную роль при его формировании.

Первый — это идеологическая парадигма Нового Времени, распространение мировоззрения Просвещения, того мировоззрения, о котором Кант говорил как о «смелости жить своим умом», не прибегая при осмыслении мира к помощи внеположенных человеку факторов, не ссылаясь на Божественное провидение. У адептов просветительской идеологии было отчетливое стремление осмыслить политические процессы, социальные отношения, отношения между государствами, внешнюю политику, перемены, происходящие в обществе и нравах исходя из умопостигаемых причин. Возможность рационального объяснения практически всех существовавших феноменов в рамках причинно-следственных связей, формулировка причин и следствий без обращения к Божественному провидению стала идеологическим потрясением для людей, еще помнивших времена, когда на вопросы о государстве и обычаях принято было отвечать: «это ведает Бог да Государь». Некоторые из российских политических писателей XVIII в. (А.П. Сумароков, А.Н. Радищев, М.М. Щербатов), судя по их текстам, считали себя способными не только видеть причины и следствия текущих явлений, но и предсказывать будущее. Оптимистическая идеология Просвещения, предлагавшая рациональную, механистическую модель мира, давала основания и оправдания для смелых идеологических построений и предсказаний.

Эта «идеологическая революция» стала основой политических и социальных изменений всех европейских институтов, от семейных отношений до торговли, газетного дела, управления государствами. События в мире — политические, экономические, социальные, в сфере культуры и нравственности переставали осмысляться как воля Божья.

Им стали искать объяснения в рамках компетенции человеческого разума, в рамках причин, доступных человеческому разуму, исходя из факторов, схем, мотиваций, присущих человеку, его интересов, а также учитывая внешние по отношению к человеку, но доступные пониманию причины: природные, климатические условия. В это время в западном общественном сознании утверждаются такие феномены, как законы природы, а на основе парадигмы законов природы происходят попытки понять и сформулировать законы общественного развития, законы человеческой психики.

Изменился взгляд на «обычного человека». Из прихожанина церкви, члена общины и члена религиозного, общеевропейского христианского братства он постепенно становится членом общества и гражданином государства, со своей национальной (государственной) принадлежностью, со свойствами, специфическими для каждого народа. Огромным достижением эпохи Просвещения было признание за человеком так называемых естественных прав: на жизнь, на собственность, а также права иметь свое мнение, и постепенное распространение идеи естественности прав на всех людей, от крепостных до представителей других рас.

Развитие идеи права человека на мнение привело к постепенному утверждению права на *выражение* этого мнения. Этот, казалось бы, небольшой шаг в развитии сознания (осознание права на свое мнение и права на его выражение) в одних обществах занял десятилетия, а где-то — даже столетия. Ведь речь шла о глубоких общественно-политических изменениях: изменении статуса человека в обществе, возникновении новых и изменении старых общественных институтов, в том числе регулирующих отношения членов общества между собой и государством (цензура, суд, пресса и др.).

Следующим шагом стало осознание своего права на *критическое мнение*. И конечно, эти изменения в понимании человеком самого себя, своих отношений с обществом затронули политический дискурс и нашли свое выражение в политических текстах. Самые очевидные изменения — это новые темы, разрешенные к рассмотрению, открытые для критики, постепенное расширение объектов критики. Например в критике нравов (с нее начиналась сатирическая журналистика): шло расширение от частных нравов до нравов социальных, нравов чиновников, нравов привилегированных слоев, черт и характеров конкретных лиц, в том числе занимающих государственные посты. Параллельно шло изменение модальности суждений, т.е. изменение отношения журналиста к высказываемому, например осознание воз-

возможности высказывать свое мнение не как дарованной милости, а как своего *права* сначала на мнение относительно действий правительства, а затем — и на критику этих действий.

Идеология Просвещения трансформировала человеческое сознание и, как следствие, весь политический дискурс. Приведем несколько примеров, связанных с модальностью и адресацией текстов.

Идея существования умопостигаемой истины, открытой для просвещенных умов, предполагала, что истина одна, неизменна, что ее можно вывести из всей совокупности известных фактов, что по самой своей природе она, будучи предъявлена аудитории, легко займет место существовавших «предрассудков». Отсюда модальность долженствования, уверенности в знании истины в большом числе политических текстов. Доказательств истинности предлагаемой «истины» могло и не быть: автор, например, давал понять, как «не должно», иногда эксплицитно, иногда в виде оппозиции «должному». Предполагалось, что истина в доказательствах не нуждается, что простая демонстрация истины в сопоставлении с «неистинным» вполне достаточна для того, чтобы стать ее приверженцем. («Не должное» обычно и было актуальной для автора реальностью.)

Идеологи «должного» ссылались на рациональность своих рассуждений, на объективную реальность: к крестьянам должно относиться как к людям, а не как к скотам, потому что они по своему *физическому строению* ничуть не отличаются от господ — это идея присутствовала в российском дискурсе с середины XVIII в. (новостью была лишь точка зрения, сама же проблема человеческого отношения обсуждалась в российском дискурсе на протяжении всего его существования). Кроме того, «должное» подразумевало еще и связь с категориями моральных императивов: это так, потому что это правильно, правдиво, справедливо. И надо иметь в виду, что многие утверждения идеологов просвещения, например об одинаковости человеческой природы рабов и господ, кажущиеся сегодня очевидными, в то время для значительной части грамотной аудитории были отнюдь не очевидны. Моральная составляющая рассуждений могла достигать сильного накала, как в риторике А.Н. Радищева, а до него — у Н.И. Новикова, но и в ней пафос понимания и объяснения мира, идея истины, ее единственности занимают главенствующее место. В это время некоторым публицистам уже стало ясно, что просто рассказ об истине, как и рассказ о недобросовестных судьях, взяточниках, не способен радикально повлиять на поведение читателей. Утрата реформаторского оптимизма в некоторых случаях вела к усилению

морализаторства, к появлению не только убеждающей составляющей, но и призывов, например не быть жестокими по отношению к крестьянам.

Других точек зрения, равноправных авторской, даже не предполагалось: какое-то мнение является либо истинным, либо предрассудком или заблуждением, чаще всего объясняемым неспособностью понять истину или корыстными соображениями. В одном из первых опытов российской политической утопии «Сон о счастливом обществе» (см. приложение 1) А.П. Сумароков писал об идеальном государстве: «Страной этой обладает великий человек... Всех подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо. ...В начальники (там) производятся по достоинству, и оттого подчиненные исполняют их (начальников) повеления с великим усердием, а они о их благополучии стараются. Сей Государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной своей пользе кроме истинной своей славы никогда не думает».

«Истина» просто описана в положительных терминах. Автор, казалось бы, ни с кем не спорит. То, как не надо, и как на самом деле обстоят дела в реальности, выстраивается как оппозиция заявленной истине: великий человек «о пользе общества не забывает» — не великий думает о себе, а не о пользе общества; в начальники он производит по достоинству — а не по прихоти, связям; начальники заботятся о благополучии подданных — а не безразличны к ним.

В другом очерке А.П. Сумароков описывал встречу слуги и господина на «том свете»: «Тем-то только здешняя жизнь и хороша, что все можно выговорить... Здесь истина беззаконием не почитается, и маскарадов здесь нет, все в своих лицах: добрый человек называется добрым, а худой — худым. Там ты назывался честным, хотя ты честным и никогда не бывал; а здесь честным человеком называют меня...»

Главное доказательство «истинности» рассуждений слуги, обещающего своего бывшего господина, состоит в том, что так считается на «том свете», более высоком по своему статусу, чем «этот свет».

Пафос знания истины был присущ как «рядовым» политическим писателям, так и самым высокопоставленным особам, писавшим политические тексты. Среди последних была распространена идея о том, что знание истины доступно только тем, кто обладает знанием всех обстоятельств и фактов, т.е. это прерогатива власти, если она, конечно, является «просвещенной». Рядовые политические писатели, например А.Н. Радищев, ссылались на то, что знание истины — это

прерогатива не места на социальной и государственной лестнице, а просвещенного ума. Просвещенный человек, используя яркий образ Радищева, снимал бельма с глаз правителя.

Своеобразие адресации

Идея единственности истины, доступной просвещенному уму, отразилась и в специфике адресации. Многие российские и западно-европейские политические тексты были рассчитаны на прочтение прежде всего монархами, властителями: рациональная основа идеологии Просвещения предполагала, что вместо «искоренения предрассудков» в каждом отдельном человеке можно «просветить монарха»; истина же, внушенная монарху, автоматически будет воспринята (внедрена) его подданными и легко станет всеобщим достоянием. В данном случае идеология Просвещения поддерживала и существовавшее распределение политического суверенитета.

Все это задавало особый тон и жанровое своеобразие европейским, прежде всего английским, политическим текстам начала XVIII в., а также российским второй половины этого века. В них господствовало обличение, сатира, проповедь. И даже в критике нравов был слышен голос пророка. В «Адской почте» (возможно, Федором Эминым) были сказаны следующие слова, обращенные к одному из авторов «Всякой всячины» — журнала, фактическим редактором которого была Екатерина II, и относящиеся к тому, как последняя понимала роль сатиры в обществе: «Знай, что от всезнающего времени ничто укрыться не может. Оно когда-нибудь пожрет и твою слабую политику. Когда твои политические белила и румяна сойдут, тогда настоящее бытие твоих мыслей всем видным делается».

Здесь необходимо отметить, что идея европейской политической прессы XVIII в. как прессы рациональных дебатов (что-то вроде золотого века общественной, публичной сферы), во всяком случае в том, что касается известной нам прессы Англии, является неверной¹. Это был век глубоко пристрастных дебатов, глубоко пристрастных выступлений. Идея рационально-критических дебатов вынесена из теоретических рассуждений, которые имели мало общего с текущей политической жизнью.

¹ Идея эта развивалась в работах немецко-американского социолога Юргена Хабермаса и его последователей.

Второй фактор, способствовавший формированию современного политического дискурса, — это возникновение и утверждение представительного образа правления. Институт выборов сделал необходимым обращение за поддержкой к той части населения, которая обладала правом голоса, а это, в свою очередь, повлияло на развитие политической публицистики, политической риторики. Именно представительная политическая система диктует необходимость убеждения и мобилизации избирателей в свою поддержку, что ведет к выработке и активному использованию риторических приемов убеждения и мобилизации. Среди приемов убеждения, в соответствии с идеологией Просвещения, особую ценность приобретают рациональные, логически непротиворечивые рассуждения, основываемые на неких априорных истинах, отчасти морального порядка, например стремлении к «общественному благу», отчасти на рациональном, реалистическом восприятии мира: знании законов развития и функционирования общества, экономики. Развиваются и приемы, нацеленные на выполнение мобилизационной функции: нагнетание эмоций, формирование устойчивых образов, внимание к обрисовке образа автора-адресанта (его роли, важности, способностей и ресурсов). Приемы, нацеленные на мобилизацию, получают тем большее значение, что институт выборов предполагал временной лаг между событием агитации и выборами. Изменились доминирующие функции политического текста. Мобилизующая функция усилилась за счет убеждающей и объясняющей функций.

К важнейшим характеристикам парламентской демократии, оказавшим в то же время влияние и на формирование феномена современного политического текста, можно отнести идею разделения властей и сам принцип принятия важнейших для общества решений, который можно охарактеризовать с помощью лозунга судопроизводства того времени: «гласность, устность, публичность». Борьба и обретение гласности — в Англии в начале XVIII в., в России в последний раз в конце XX в. — кардинально меняют политический дискурс. Дальнейший процесс освобождения (полное уничтожение цензуры, законодательное оформление свободы слова) также оказывает влияние на развитие дискурса, на особенности политических текстов, но различий между периодами «до гласности» и «гласности» существенно больше, чем между ситуацией гласности и свободы слова.

К важным политическим факторам нужно отнести и изменение в распределении политического суверенитета в обществе. Причем мы говорим не только об английской ситуации XVIII — начала XIX в.,

о переходе части суверенитета к населению, обладающему правом голоса, но и о России начала XIX в. Это может показаться странным: ведь в России до начала XX в. не было никаких политических реформ демократического порядка. Реформ не было, но были институты, заимствованные у Европы и по самой своей природе демократичные. Так, например, журналистика, развивавшаяся в России по европейскому образцу, с постепенно утверждавшимся правом журналиста на собственное суждение относительно социальной, государственной реальности, подразумевала ограничение безусловного суверенитета монархической власти в пользу той части общества, которая была активно вовлечена в обсуждение затронутых в печати тем. Идея реальности общественного мнения, утвердившаяся в умах российского образованного класса в начале XIX в., при всех оговорках и сомнениях также подразумевала ограничение суверенитета высшей власти в пользу слоев и групп, формирующих общественное мнение.

Под влиянием этих факторов менялась риторическая структура политического текста. Так, наряду с обращением к власти как к единственному субъекту политического действия возникает обращение к читателю, к общественному мнению как к носителю части суверенитета. Еще одно свидетельство шедших перемен в рамках абсолютной монархии: в российской легальной журналистике начала XIX в. становятся возможными обращения к действующему правительству в модальности долженствования; трактовка «народа» как субъекта, обладающего, по крайней мере, частью политического суверенитета.

Когда иностранный путешественник XVI в. спрашивал русских жителей об их государстве, государственных делах, они отвечали: «То ведает Бог да Государь». В 1759 г. А.П. Сумароков опубликовал первую русскую легально изданную утопию (о ней мы уже упоминали): «Сон, счастливое общество», имевшую отчетливые признаки социально-политической критики с претензией на знание истины о «счастливом обществе» (отрывки из нее цитировались выше). Тогда же, завершая издание своего журнала «Трудолюбивая пчела», едва ли не впервые в российской истории, Сумароков в печати обратился к авторитету совокупного мнения читателей (то, что мы сегодня называем представителями общественного мнения) для подтверждения своей позиции.

Спустя всего десять лет, в 1769 г., императрица Екатерина II сама обратилась к публике с объяснением своих действий, своего понимания событий. В «Сказке о кафтане», напечатанной в ее журнале

«Всякая всячина» (см. приложение 2) — уникальном примере императорской политической журналистики — Екатерина, по существу, изложила свою точку зрения на деятельность комиссии по составлению нового Уложения. Работа комиссии 1766–1768 гг. была одной из вех в истории российского общества; там заседали представители всех сословий, в том числе государственных крестьян. Споры в комиссии о правах и привилегиях, невозможность договориться и прийти к одному мнению, оскорбительные для властей подозрения депутатов стали причиной безрезультатности ее работы. Так, во всяком случае, толкует события Екатерина в своей «сказке». Это значит, что она признавала важность публики — если не как оппонента, то как собеседника, признавала необходимость обращения к ней, ее убеждения в том, что государыня считала истинным положением вещей. Разница в том, что она сочла необходимым не только *изложить*, как, например, Петр Первый *излагал* в «Ведомостях» свои и государственные нужды, но и *объяснить свою точку зрения*. Из этого неоспоримо следует: Екатерина II принимала во внимание существование других точек зрения и считала необходимым воздействовать на них; и воздействовать она пыталась с помощью политических текстов, прежде всего высмеивая точку зрения и поведение оппонентов.

Н.М. Карамзин в одной из статей 1802 г. писал: наше мудрое Правительство, «конечно, не имеет нужды в наших советах; но мы имеем право рассуждать о том между собою и спрашивать друг у друга...»². Спустя несколько месяцев он сделал еще более сильное заявление: «Государи, вместо того, чтобы осуждать рассудок на безмолвие, склоняются на его сторону. Будучи, так сказать, вне обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всех низких побуждений эгоизма, которые делают людей несправедливыми и даже злыми, имея все, они должны и могут³ чувствовать только одну потребность: *благотворить*, и, смотря на всякого гражданина, думать: “Я заслужил любовь его!”»

В той же статье говорится о том, что правительства *нуждаются в союзе с лучшими умами*, т.е., в частности, с самим Карамзиным. Политический публицист не только сам осознает важность своей роли, но *претендует* на реальную значимость своего мнения в обществе. Карамзин писал, что «мы» (журналисты) не вправе указывать, но вправе обсуждать.

² NN [Карамзин Н.М.]. О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 362.

³ В данном отрывке мы видим еще более сильное заявление: монархи *должны* (в данном случае быть благотворителями).

Эта, казалось бы, скромная претензия на свободу высказывания была на самом деле смелым шагом, отвоевывавшим новые рубежи для свободы самовыражения. В позднейшей практике цензура старалась запрещать (вплоть до середины 1850-х гг.) именно рассуждения, а вот пересказ событий, даже революционных, часто не представлял с ее точки зрения опасности.

В статье, напечатанной в журнале «Невский зритель» в 1820 г., утверждалось: «Влияние Правительства на промышленность, чтобы быть оной полезным, должно быть основано на благоразумии и просвещении; ему следует постоянно руководствоваться одним началом — общему пользою, быть удалену пристрастия и переменчивости...» И далее автор несколько раз обращается к тому, что именно правительство «должно» делать.

Разница между этим обращением и описанием того, что должна делать власть у Сумарокова, Новикова, Радищева и других авторов XVIII в., в том, они писали вообще о власти, в их текстах были общие рассуждения, идеальные построения общего порядка, обычно в форме иносказания. Иносказанием были «Сон...» и другие произведения Сумарокова, «Путешествие...» Радищева. Иносказание, эзопов язык — один из основных типов английского политического дискурса на протяжении XVIII в., в XIX в. оставался важным, но вспомогательным жанром. В российском же политическом дискурсе бурное развитие эзопова языка относится к середине — второй половине XIX в. Рассуждения о судьях, вельможах касались нравственности, моральной добросовестности, но никогда — конкретных лиц. В единичных случаях Новиков, Эмин (1769) позволяли себе намекнуть на лиц, которых они имели в виду, но они ни разу не применили модальности долженствования, когда прямо обращались к императрице, к высшим чиновникам. А авторы «Невского зрителя» уже позволили себе говорить о конкретных действиях, указывая, что именно должно делать правительство. Причем речь идет не вообще о правительстве, а о правительстве российском. По существу же это развитие тех же идей Просвещения: право на мнение, суждение и критику.

Молодые публицисты из «Невского зрителя» уже не испытывали никаких сомнений в том, что правительство нуждается в их мнении.

Вот еще один замечательный отрывок из статьи в «Духе журналов» (1819):

«Народы не льстятся химерами: они желают существенного:

— ...они вздыхают о мире и спокойствии, на прочном основании утвержденном;

— гонимые за разное верие (веру), испрашивают свободы совести, терпимости вер;

— обремененные налогами, желают облегчения, которое само собою последует после сокращения излишних расходов, от простейшего порядка дел государственных, всего же более от уравнительной раскладки налогов;

— стесненные в правах личности и собственности, ищут неприкосновенности прав сих;

— не находя в судах защиты от притеснений сильного и богатого, но встречая везде лицемерие, мздоимство, подлоги и коварство, они просят о правосудии строгом, нелицеприятном, скором и гласном.

...Так, народы желают *владычества законов!* Коренных, неизменных, определяющих права и обязанности каждого; равно обязательных и для Властей, и для подвластных; при которых самовластие места иметь не может и которые невозможно было бы ниспровергнуть, как и отклониться от них».

Мы видим рассуждение, в основе которого лежат следующие априорные посылки: у народов есть желания относительно своей судьбы, и эти желания необходимо выполнять. Как и «монарх» у Сумарокова, у Радищева, здесь «народы» — это обобщенное понятие, автор говорит не о конкретном русском народе, который «желает владычества законов», а о народах вообще. В русском дискурсе новые идеи утверждались вначале в обобщенном виде, в качестве общего для всех закона, а затем уже, иногда спустя десятилетия, в легальной прессе появляются утверждения о желаниях собственно русского народа (всего или отдельных групп). В первом случае «желание народов» — это теоретическое обобщение, тезис, утверждаемый как истинная идея. Из этого утверждения следует столь же теоретический вывод: если народы чего-то «желают» и даже требуют от властей, то это значит, что «народы», пусть в ограниченной мере, являются одним из факторов, влияющих на принятие политических решений. Во втором случае, когда речь начинает идти о конкретной ситуации претензий, требований, желаний российского «народа» к российской власти, теоретическое предположение становится фактом реальной политической жизни, реальным претензий к власти, реальным требованием части суверенитета.

Так постепенно претензии отдельных просвещенных членов общества на право на критику становятся общепринятыми установками, правом любого просвещенного человека подвергать критике власть.

Общие теоретические построения относительно «монархов», «народов», лежащие в основе претензий интеллектуалов, постепенно становятся базой, априорными посылками, лежащими в основе реальных политических требований к конкретным представителям власти.

Таким образом, промежуточный этап — это появление новых субъектов еще не действия, но мнения и критики: политического автора, общественного мнения, журналиста. В качестве объектов обсуждения выступает некое обобщенное правительство, власть. Этот процесс политического самосознания шел вместе с другими идейными, социальными процессами. Причем, как это часто бывает, эволюция идей разительно обгоняла социальные, политические изменения в реальной жизни. Скажем, в реальной политической жизни сословные привилегии были основой социальной структуры, до уничтожения рабства оставалось почти полвека, до уничтожения сословных привилегий — почти столетие, а в идейной сфере уже появляются новые концепции социальной структуры общества. Например, в рассуждениях на политические темы деление на сословия, привилегированные и лишенные привилегий, формально отражавшее насущную социальную проблему, постепенно вытесняется более актуальными для тогдашнего состояния европейского общества стратификациями: по признакам профессиональных занятий, по уровню доходов, уровню образования и т.д. Одним из таких признаков становится грамотность — единственное и неперемное условие вхождения в читательскую аудиторию политических текстов. В российском политическом дискурсе появляются такие понятия и идеи, как «общественное мнение» и «влияние» на него, *publicité* («гласность»), «массовый читатель» (прессы, политических текстов) и «читательская аудитория», актуальные для сознания идеологов и некоторых политических писателей. (Конечно, как и претензии политических писателей XVIII в., это еще чисто идейная реальность, до реальности политической этим идеям еще предстоит развиваться в жесткой борьбе с другими идеями, а носителям этих идей, их адептам предстоит еще долгая и жестокая борьба с их политическими оппонентами.)

В российских политических текстах XIX в., в том числе и официальных, в рассуждениях о государственных делах появляются ссылки на причины событий, так сказать, реального порядка, человеческие интересы, природные условия и пр., и возможные последствия. Уже не Божественное провидение и не Истина, а государственные институты, политические деятели, партии (т.е. человеческие по своей природе феномены) становятся основными субъектами действия, и интересы

этих субъектов (от «всего общества» до интересов отдельных слоев и личностей) становятся главной мотивацией, санкционирующей действие, главным авторитетом.

Стремление власти к контролю общественного мнения, манипуляции им. Отношение к прессе как к инструменту влияния в российском обществе в XIX–XX вв.

В 1820–1840-х гг. под влиянием авторитетных идей и идеологов в обществе происходило утверждение реальности феномена «общественного мнения», важности роли общественного мнения в политической жизни, необходимости гласности. Эти идеи (общественного мнения и его важности при принятии политических решений) начинают считаться существующей реальностью многими крупными представителями российской бюрократии и аристократии, разного рода идеологами, в том числе официальными. (Сатирический журнал «Всякая всячина», затеянный Екатериной II, политические материалы журнала — еще игра, эксперимент. Ни о каком общественном мнении, гласности тогда не могло быть и речи.)

Возникло удивительное явление: общественного мнения как реального фактора политической, социальной жизни еще не было, но в умах оно уже существовало, адепты этой идеи на него ссылаются, а власть (во всяком случае, те ее представители, которых не устраивают политические следствия этой идеи, но которые не отрицают самого феномена) стремится им управлять.

Известны высказывания Наполеона об «общественном мнении» и его стремление этим мнением управлять. После 1804 г. Наполеон резко ограничивает количество газет; большинство независимых частных изданий было уничтожено; формировалась система государственной прессы с центральным органом «Монитор», как со стороны императора, так и со стороны специального комитета осуществлялся полный и плотный контроль над прессой.

В среде европейски образованной части российской бюрократической элиты сомнений в существовании «общественного мнения» было не больше, чем в среде европейски образованной части оппозиционного дворянства. Однако высшая российская власть, даже принимая эту идею, глубоко презирала ее носителей — журналистов. Поэтому первые

предложения, сделанные журналистами власти по управлению общественным мнением, встретили холодный прием. В известной записке 1826 г. Ф.В. Булгарин, талантливый журналист и доносчик, впервые в России высказал идею влияния на общественное мнение с помощью журналистов. Булгарин, один из умнейших людей своего времени, опять же впервые заговорил о проблеме, встающей перед всяким пытающимся влиять на общество с помощью прессы и без использования мощного аппарата подавления: чтобы успешно управлять обществом с помощью прессы, нужно доверие общества. Общество должно верить публикуемым материалам, а это невозможно при полном государственном контроле за прессой, полном отсутствии критики. Добиться доверия можно, только допустив некоторую гласность.

Первоначально отвергнув эту почти гениальную мысль, российская власть впоследствии несколько раз пыталась ее претворить в жизнь. Спустя всего пять лет, во время польского восстания 1831 г., российская власть использовала Булгарина для формирования негативного образа восставших среди российской читательской аудитории. Причем тексты, использованные для манипуляции общественным мнением, и сегодня представляются своего рода шедеврами (см. приложение 4). Речь идет о «перехваченных письмах» времен польского восстания. Основная идея текстов: создать отрицательный образ восставших не через обличения и близких к официальной точке зрения рассуждения, а с помощью текстов, написанных от лица *сочувствующих* восставшим, но критикующих эксцессы восстания, отдельных вождей восстания. Умело выстроенная «критика», от сердца, с болью, создавала мощный негативный образ восставших, негативный, конечно, для среднего обывателя.

И, наконец, третий фактор, способствовавший формированию современного политического текста, — это возникновение потенциально массовых средств информации, газет и журналов, когда стало возможным распространять свои взгляды, одновременно воздействуя на всю массу читателей, сообщая всем им идентичную информацию и оказывая влияние на формирование общественного мнения. К началу XIX в. относится возникновение средств массовой информации современного типа. Тиражи газет выросли с нескольких сот до нескольких тысяч и десятков тысяч экземпляров; наблюдалось постепенное ослабление, а затем и отмена политической цензуры в большинстве европейских стран; возникла идея независимой (от политических сил) точки зрения. В России тиражи популярных газет и журналов в 1830-х гг. достигали 4–9 тысяч. Дальнейшее усовершенствование печатных

станков (паровой пресс Кенига, а затем ротационные печатные станки) и средств доставки (железные дороги и новые, покрытые щебнем, шоссе) привело к скачкообразному росту тиражей на протяжении всего XIX и начала XX в. Все это вело к удешевлению печатной продукции. Заодно с факторами экономическими действовали факторы политические: в Англии в 1885 г. был отменен налог на печать (stamp duty), в России в это же время значительно уменьшилось давление цензуры. Возможность обращаться к малообеспеченной аудитории и другие факторы способствовали появлению в начале XX в. первых изданий, тираж которых превысил 1 млн экз.

Все это дало возможность политикам обращаться к массовой аудитории и способствовало изменению формально-риторических средств, использующихся при написании текстов. В целом можно говорить о большей демократичности современного текста, меньшей его «изысканности» по сравнению, например, с иносказанием XVIII в., рассчитанным на немногочисленную внимательную, образованную и компетентную аудиторию.

Необходимость обращаться за поддержкой к разнородной аудитории приводит к тому, что в современных политических текстах мы практически не встречаем свежих, неизвестных самой широкой публике образов. Сильных и тривиальных образов при этом — сколько угодно. Объяснение этому в том, что политический текст должен быть полностью понят всеми членами предполагаемой аудитории, он должен полностью поддаваться расшифровке. И чем опытнее политик, тем более осторожен он в выборе риторических приемов. Но и в совсем далеком прошлом особенности политических текстов во многом определялись количеством и составом предполагаемой аудитории. Если политический текст предназначался для единиц или десятков читателей — представителей одного культурного слоя, узкого круга «просвещенной публики» (например — переписка Андрея Курбского и Ивана Грозного), функции подобных текстов зависели от конкретной ситуации, в данном случае это самовыражение, обличение оппонента, дискредитация его доводов; функция убеждения в силу крайне ограниченной аудитории играет второстепенную роль; мобилизация практически отсутствует; образная система этих текстов более изысканна, а ее художественное значение образной системы более сильное. Если же тексты предназначались для более многочисленной и разнообразной аудитории, как, скажем, «послания» земским людям времен Смуты или прокламации Пугачева, эти документы по своим функциям, типу риторики оказываются очень сходными с современными текстами.

Юрген Хабермас в своей классической работе «Структурная трансформация общественной (публичной) сферы» писал, что прес-са в XVIII в. становится по преимуществу «выражением политических взглядов, главным форумом политических споров». Вхождение, доступ в состав публики был ограничен двумя критериями: собственностью и уровнем образования. Поскольку речь шла об Англии прежде всего. Упоминание собственности в числе критериев необходимо; для участия в парламентских выборах необходимо было иметь недвижимость и доход минимум в 40 шиллингов в год; число имеющих право голоса в начале XVIII в. составляло примерно 250 тыс. при общем населении Англии в 6 млн человек. Необходимость определенного уровня образования, для того чтобы прочесть и понять известный памфлет Арбетнота «History of John Bull» (Джон-бык — образ англичанина и Англии), очевидна. Политический памфлет, иносказание требовали для понимания несколько больше, чем простая грамотность.

Тот факт, что грамотность и компетентность в понимании даже простых текстов — это разные вещи, стал осознаваться сравнительно недавно. Американцы впервые провели тестирование грамотных новобранцев в 1917 г. и обнаружили, что у 30 % отсутствует понимание элементарных текстов. В 1942 г. 433 тыс. призывников провалили достаточно простые тесты.

И все же всеобщая грамотность была и остается одним из важнейших условий, способствующих появлению феномена современного политического текста, рассчитанного на все социальные группы. Именно всеобщая грамотность сделала возможным появление наряду с феноменом общественного мнения такого явления, как «массовый читатель», «массовая читательская аудитория». Осознание связи грамотности и социальной, политической активности было очевидно для образованного класса. Еще в середине XVIII в. один из российских публицистов замечал, что грамотный крестьянин будет презирать свою долю. Сомнение в необходимости грамотности для крестьян звучали еще 1820-х гг. («Вестник Европы», 1826). И эти сомнения были распространены не только в России: сэр Джозеф Бэнк (Joseph Banks) президент Английского Королевского Общества писал в 1807 г., что он боится, что грамотность научит бедного «презирать свою жизненную долю», что, вместо того чтобы удовлетвориться чтением безвредных популярных романов, грамотные английские и шотландские работники будут читать «подстрекательские памфлеты и порочные книги». Сегодня грамотность — единственное и неперемнное условие вхождения в читательскую аудиторию политических текстов.

В Европе почти поголовная грамотность раньше других стран была достигнута в северных протестантских странах: Швеции и Норвегии. В этих странах существовала лютеранская традиция домашнего обучения и ежегодные экзамены по чтению и письму, которые устраивали пасторы. В Норвегии без этого нельзя было вступать в брак. Пруссия обязана массовой грамотностью отцу Фридриха Великого, тоже Фридриху, который в 1698 г. приказал крестьянам учить своих детей.

В Англии в 1750 г. уровень грамотности достигал 40 %. С начала XIX в. и до 1880-х гг. уровень грамотности в Англии и во Франции падал из-за разрушения сельского уклада. Перебравшиеся в город бедняки, а тем более фабриканты, к которым в большинстве случаев попадали дети бедняков с 6–7 лет, не очень за этим следили⁴.

В 1850 г. в Швеции уровень грамотности достигал 80 %; в Италии — 20 %; в Испании — 25 %. В 1890 г. в России — 20 %.

Мы уже упоминали, что одной из особенностей российского политического дискурса, отличающей его от дискурса европейского и американского, является его преимущественно письменный характер. И это понятно — ораторское искусство в современном мире растет из трех источников: адвокатской практики, церковного проповедничества и политических дебатов. Традиция адвокатского красноречия в России имеет недолгую историю и ведет свое начало со времени судебных реформ начала 1860-х гг. вплоть до октябрьской революции, которая упразднила старую судебную процедуру, заменив ее революционным судом. Хотя позже адвокаты вновь начали принимать участие в судебных процессах, но общественная роль ораторского мастерства была практически равна нулю. Традиции публичных политических дебатов в России практически не существует. Небольшой период в XX в. и короткая практика в последние пятнадцать лет пока не стали традицией. Церковное проповедничество тоже не составило общественно значимой традиции, несмотря на отдельные замечательные примеры этого жанра. Дело в том, что руководство Русской православной церковью было возложено со времен Петра I на бюрократию, которая пыталась контролировать всю церковную жизнь и не поощряла самостоятельных, оригинальных, не прошедших предварительную цензуру проповедей. Письменные же жанры, начиная с 1830-х гг., сложились как оппозиция двух основных дискурсов: официально-

⁴ American media. / Ed. by Ph. S. Cook, D. Gomery, L. W. Lichty. Washington (DC): The Woodrow Wilson Center Press, 1989.

го, за редкими исключениями (выступления властей в критические моменты жизни страны) не имевшего большого резонанса в обществе, и неофициального, включающего в себя самые разные идеологические направления, легальные и нелегальные тексты, объединенные только одним, — противостоянием официальной точке зрения и институтам государственного контроля за словом: цензуре, тайной полиции. Именно в текстах публицистов и критиков «Отечественных записок», «Современника» сложилась традиция эзопова языка, скрытого обсуждения политических проблем в рассказе о новых произведениях литературы, а у читательской аудитории, соответственно, развился вкус и интерес к чтению между строк и дешифровке иносказаний и эзопова языка.

Неподцензурное слово, обращенное к широкой российской аудитории, имеет очень долгую традицию. Еще в XVIII в. ходили по рукам самого разного рода послания, фальшивые указы — их обращение в обществе началось еще до появления первых институтов официальной цензуры. Лучше всего изучена та часть неподцензурных политических текстов XIX—начала XX в., которая была обращена против самодержавия. Типологически это особая часть дискурса. К сожалению, ограниченный объем курса не позволяет останавливаться на этом интересном дискурсе сколько-нибудь подробно.

Особенности советского политического дискурса будут обсуждаться в лекции 10.

В целом можно сказать, что к началу демократических реформ в конце XX в. российское общество подошло без всякого представления о политической риторике, политических текстах — одной из самых важных составляющих демократического процесса. Мы оказались абсолютно неподготовленными, доверчивыми, девственно безграмотными во всем, что касается политической риторики и политического дискурса. Опыт советской жизни и советского политического дискурса, несмотря на многочисленные сходства с современностью, оказался абсолютно чужд новым реалиям. Предреволюционный опыт был забыт, его носители уничтожены еще в первые годы советской власти. Новый же опыт пока еще очень недолог и говорит только об одном: толпой, плохо осознающей свои интересы, легко манипулировать не только без помощи средств устрашения, но и просто умелым использованием соответствующей риторики.

Лекция 6

Политический текст и другие типы текстов. Политическая реклама

Напомним несколько уже известных тезисов. Политические тексты — это тексты, обладающие определенной интенцией — общей установкой, направленностью текста на реализацию определенного результата, например убеждение аудитории.

Политический текст стремится убедить меня как потенциального читателя в том, что нарисованная автором картина мира верна, что его проблемы (проблемы народа, его города и т.д.) будут решены наиболее эффективным, выгодным для него (его народа, города) образом, а его интересы будут наилучшим образом защищены именно в рамках той картины мира, которая нарисована автором. Но убедить читателя в правоте нарисованной картины мира — это еще не все. Политический текст должен мобилизовать меня для поддержки именно той точки зрения, которая изложена в тексте.

Итак, основная интенция политического текста — убедить аудиторию и мобилизовать ее для поддержки изложенной точки зрения.

Политический текст наряду с жанровыми особенностями, общими и для других типов текстов (некоторая логическая, синтаксическая, семантическая, риторическая упорядоченность, важность образной системы, системы риторических приемов), обладает особенностями, обусловленными функциональными задачами именно этого рода текстов.

Отличительная черта политического текста — в его функции убеждения и мобилизации. Конечно, в любом политическом тексте присутствует и стремление автора к самовыражению, и желание найти истину, и другие мотивации, но все они отходят на задний план по сравнению с двумя главными функциями. Поэтому для политического текста правомерна редукция: все риторические, аргументативные, стилистические и прочие средства, сознательно или бессознательно использованные автором политического текста, можно рассматривать как прием, функции которого полностью исчерпываются убеждением и мобилизацией. Все другие функции, которыми политический текст может обладать, например эвристическая, эстетическая, исследова-

тель может рассматривать как подчиненные и важные только в той мере, в какой они влияют на выполнение текстом его основных политических функций.

Поэтический текст схож с политическим своей упорядоченностью, большой ролью образной системы, риторических приемов. Отметим одно важное различие между художественным (поэтическим) и политическим текстами. Поэтический текст в силу самой своей природы никогда полностью не исчерпывается прагматической функцией, т.е. стремлением определенным образом воздействовать на читательскую аудиторию. В пределе поэтический текст может существовать вне аудитории читателей, он может вовсе не предназначаться для публикации, быть обращенным на самое себя. Это может быть разговор с Богом, с вечностью. Отсюда возможность использования самых неожиданных приемов, художественных средств, возможность установки на полноту самовыражения автора в ущерб пониманию возможных читателей. Напротив, политический текст вне потенциальной политической аудитории не существует. Текст, трактующий злободневные политические проблемы и не предназначенный для предания гласности в той или иной форме: от письменного послания и чтения в дружеской аудитории до распространения в сети Интернет — это все что угодно (философские размышления, поэзия, форма самовыражения, исторический документ), но только не политический текст. Для политического текста характерна принципиальная направленность на потенциального читателя, слушателя. Более того, функция политического текста *полностью* исчерпывается его прагматической функцией. В то время как поэтический текст — всегда больше чем обращение к потенциальной читательской аудитории. Поэтические (как и вообще художественные) произведения очень трудно разъять на идеологически значимые приемы, не повредив ткань стиха и не лишив их собственно поэтического смысла. Поэтому поэтический текст нельзя без остатка разложить на приемы. Политический же текст не существует сам по себе и для себя, что теоретически возможно для других типов текстов. Он всегда — инструмент воздействия на потенциальную аудиторию. Все его приемы принципиально должны поддаваться расшифровке, а все его смыслы — полностью исчерпываться при анализе прямого слова и тех приемов, которые употребил автор текста. *Политический текст, как мы утверждаем, принципиально поддается такому виду анализа.* Политический текст может быть полностью разложен на свои составляющие.

Соответственно, и приемы, например изобразительные средства, в политическом тексте должны отличаться от изобразительных средств в других типах текстов.

Однако с некоторыми оговорками можно утверждать, что существуют и пограничные жанры: политическая поэзия, пропагандистская поэзия. В своих лучших образцах поэзия А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, В.В. Маяковского — это просто хорошие стихи, которым политический накал придает дополнительный пафос. Это поэзия, создающая яркие образы, которые со временем могут превращаться в символы, становиться частью политического дискурса: «заря свободы», «обломки самовластья», «свободы сеятель», «да здравствует солнце, да скроется тьма», «Царь-голод», «Кому на Руси жить хорошо», «Партия и Ленин — близнецы-братья» — и т.д., и т.п.

Но подобные тексты единичны и уникальны, а в своем огромном большинстве политическая поэзия — это рифмованные лозунги, к поэзии, к разговору с вечностью не имеющие никакого отношения. Впрочем, хорошими политическими текстами они также являются чрезвычайно редко.

То, что хорошая поэзия — это кузница политических образов, потенциальных символов, способных стать сильным мобилизующим началом, уже давно понимали и поэты, и ученые-лингвисты. В середине 1920-х гг. многие политически ангажированные поэты, ученые, а также политики обратили внимание на то, что революционные лозунги, когда-то яркие и обладавшие мощным убеждающим, мобилизующим потенциалом, выдохлись, метафоры стерлись, превратились в повседневные фразеологизмы, лишённые сколько-нибудь сильного эмоционального, а зачастую и смыслового содержания. Молодой лингвист Григорий Винокур, в будущем выдающийся ученый, ссылаясь на авторитетное мнение Льва Троцкого (шел 1923 г.), предложил власти целую программу обновления старых лозунгов с помощью новой политической поэзии, ориентированной на кружок ЛЕФа (прежде всего, на творчество Владимира Маяковского). Власть на это не пошла, предпочитая старые стертые метафоры, утратившие всякое смысловое значение, возможным неожиданностям на важном идеологическом фронте.

Хотя в официальный политический дискурс изредка попадали новые слоганы («Родина-мать зовет», «день Победы»), стандартный официальный набор лозунгов не менялся до середины 1980-х гг. Мы будем говорить об этом подробнее в лекции 10.

Чем более опытен политик, тем осторожнее он в выборе метафор и риторических средств. Никогда опытный политик не употребит

принципиально новой, незнакомой, рискованной метафоры, которую может не понять его аудитория. Напротив, поэтическая метафора может быть нацелена на введение в поэтический дискурс новых образов. Однако именно поэзия является главным поставщиком новых или обновленных образов для политического дискурса, из поэтических образов формируются политические символы.

Метафора в политическом тексте, как и любой другой используемый в нем риторический прием, должна быть понятной для потенциальной аудитории; она полностью инструментальна, полностью подчинена основной функции политического текста. Итальянский философ Бенедетто Кроче отмечал, что в науке, философии, прозе и ораторском искусстве метафора — это чистый инструмент, средство направления внимания (аудитории) для достижения практического результата. На этом основании он делал вывод, что от метафоры нужно отказаться ради использования «буквального языка», что представляется неверным. (Подробнее об этом будет сказано в следующей лекции.)

Если же в политическом тексте на первый план выходит художественная или иная функция, например функция самовыражения, что часто бывает с неопытными политиками, потенциальная политическая аудитория может не воспринять, не понять тот или иной риторический прием, образ, а это неминуемо повлечет за собой снижение мобилизующей способности текста. Поэтому политическая метафора, как и политический текст в целом, принципиально должна поддаваться полному разбору. Поэтическая же метафора никогда не может быть исчерпывающе, до конца объяснена, а ее роль и значение — полностью раскрыты. Именно в этом отличие политической метафоры от метафоры в поэтическом тексте. (Мы говорим только о современном типе политических текстов, т.е. о политических текстах Нового времени.)

Реклама и политический текст. Политическая реклама. Рекламизация политической жизни

Легко заметить, что политический текст по своим задачам, по своим функциональным характеристикам очень схож еще с одним типом текстов, которые сравнительно недавно ворвались в нашу жизнь. Это, конечно, рекламные тексты. Как и политический текст, реклама немыслима без аудитории. Так же, как и в политическом тексте, в задачу рекламы входит определенным образом воздействовать на аудиторию, мобилизуя ее на покупку. Отмечая ряд сходных черт

между этими типами текстов, некоторые зарубежные (Н. Фэркланд, И. Тойбин) и отечественные специалисты относят рекламные и политические тексты к одному, «убеждающему, уговаривающему», жанру («persuasive genre»).

Сходство рекламного текста и текста политического обусловлено тем, что функции этих текстов очень схожи. Оба типа текста политически функциональны, они нужны для выполнения определенных задач воздействия на аудиторию. В случае политического текста речь идет об убеждении и мобилизации потенциального избирателя на поддержку политика, той или иной точки зрения проводимой политической программы, линии. В случае рекламы мы говорим о мобилизации потенциального потребителя на покупку, о привлечении внимания к рекламируемому бренду.

Воспользуемся известной аналогией, сравнением политического влияния с обладанием особым родом капиталом, политическим капиталом. Можно сказать, что и тот и другой текст обращаются к потенциальному владельцу капитала с одинаковым предложением: потратить этот капитал определенным образом, а взамен получить некоторые дивиденды. В одном случае это дивиденды экономического порядка, в другом — дивиденды политические (проведение политики в интересах владельца капитала и т.д.). Но очень часто помимо экономических и политических дивидендов потенциальный покупатель или избиратель, потративший свой капитал определенным образом, получает дивиденды и иного рода, например психологические: радость обладания, удовлетворение своих социальных амбиций, радость от победы своих сторонников.

Рассмотрим внимательнее ситуацию покупателя. Для большей корректности рассуждений выделим три типа покупателей. Вначале обратимся к типу «опытного покупателя», для которого покупка сама по себе — достаточно рутинное занятие, поведенческий стереотип. Итак, реклама обращается к потенциальному «опытному покупателю». У такого покупателя может быть вполне достаточно денег, чтобы купить то, что он хочет, например дорогую импортную стиральную машину. Но покупает он ее не потому, что это престижно, а потому, что для него важны прежде всего конкретные характеристики машины или удовлетворение требований к качеству. Реклама для опытного покупателя выступает как один из источников сведений (как информация), хотя и не самый важный.

Есть и другая категория покупателей. Это такой потенциальный покупатель, у которого немного денег, иногда даже просто мало. Он

может их легко потратить даже на то, что ему очень нужно, и поэтому должен быть очень осмотрительным. И вот тут в действие вступает реклама. Рекламе не надо его (такого потенциального покупателя) *убеждать*, что заграничная стиральная машина по своим характеристикам лучше российской; ей (рекламе) надо каким-то образом заставить покупателя потратить те очень небольшие деньги, которые у него есть, не на дешевую, а именно на дорогую машину, отказавшись, например, от поездки к морю. Реклама стремится соблазнить, выманить деньги у потенциального покупателя.

Существует еще одна категория покупателей, которым товар, в данном случае стиральная машина, не очень-то и нужен. Но у них есть лишние деньги, которые они могли бы потратить на какие-то товары. В этом случае также важна реклама как соблазняющий инструмент.

Каким же образом воздействует реклама? Механизм соблазнения, на первый взгляд, достаточно прост. Автор рекламы пытается найти значимый для какого-то слоя потенциальных покупателей символ, образ, который апеллирует к чувству, к подсознанию, и связать определенный товар с этим чувством, с ценным образом, наделяя рекламируемый товар этой ценностью. Реклама внушает покупателю, что, приобретая товар, он приобретает нечто значительно большее, реализует мечту, стремление к гармонии, идеалу. Теоретическая простота объяснения механизма рекламного соблазнения, конечно, совсем не означает простоты практической. Создание хорошего рекламного продукта — дело большого труда, часто тяжелого и творческого.

Политический текст обращается к потенциальному избирателю с похожей целью — убедить потратить имеющийся у избирателя политический капитал, причем потратить определенным образом. Здесь, как и при рассуждении о потенциальном покупателе, мы начнем с ситуации, когда выбор того, как потратить свой политический капитал, делает «опытный избиратель», для которого процесс политического выбора является рутинной, хорошо известной процедурой. Сущность политического капитала и его отличие от капитала денежного в том, что у потенциального избирателя, к которому обращается политический текст, капитала не бывает много или мало, — его всегда достаточно, и именно для определенной траты¹. Таким образом, по своим

¹ Мы не рассматриваем более сложные случаи, например политический капитал, которым обладают профсоюзные лидеры или крупные чиновники, губернаторы. В частности потому, что и «работа» с такими лидерами обычно ведется не на уровне политического текста.

свойствам политический капитал более всего походит на капитал первой из описанных нами категорией покупателей, у которого есть достаточно денег, и он может (должен) их потратить вполне определенным образом, так как ему нужен определенный товар. В этом случае потенциальный избиратель намеревается обменять его на определенные политические дивиденды: например привести к власти человека, защищающего его, избирателя, интересы. Обычно в таком случае политический выбор потенциального избирателя зависит от ряда вполне рациональных факторов: приобретаемых выгод, возможных потерь, рисков. Процесс выбора в большинстве случаев вполне рационален и обусловлен потребностями избирателя, который знает и понимает сферу политическую, знает свои интересы и представляет себе нужный ему тип услуг. (Политический выбор — это выбор не товара, а услуги. В свою очередь, политическая реклама — это реклама услуги.)

Мы можем предположить, что, как и опытный покупатель, опытный потенциальный избиратель, знающий свои интересы и нужные ему услуги, в большинстве случаев не поступит иррационально, купив абсолютно неподходящую ему марку только из-за того, что соблазнился рекламой. Только в очень небольшом количестве случаев опытный потенциальный избиратель соблазняется каким-то политическим текстом и тратит свой политический капитал абсолютно нерационально, например поддерживает партию или политика, политическая риторика, программа которого кажутся ему соблазнительными, но реально противоречат его интересам. Следовательно, в большинстве случаев при обращении к опытной политической аудитории тактика рационального убеждения является вполне результативной.

Второй тип потенциального избирателя — избиратель, не очень четко представляющий себе, в чем собственно состоят «услуги», предлагаемые разными политиками, чем разные «услуги» отличаются друг от друга, и какой политик предлагает «услуги», наилучшим образом удовлетворяющие его, избирателя, реальные (социальные, экономические, политические) потребности.

Из-за невозможности или нежелания сделать рациональный выбор такой избиратель руководствуется другими критериями: ищет то, что «ближе лежит», или реагирует на знакомые символы и образы, или поддается иного рода соблазнам. Для избирателя этого типа основным критерием выбора оказываются не собственные реальные потребности (социальные, экономические), а, например, полученное удовлетворе-

ние от символической идентификации², радость освобождения от определенных чувств и эмоций. Он часто ищет в политической речи, политическом тексте решение проблем неполитических по своей природе: избавления от одиночества, например. Для этого типа избирателей потребность в символической идентификации оказывается важнее личной материальной выгоды. Политический текст, построенный как рациональный дискурс, с рациональным описанием, рациональной системой доказательств, оказывается для него малопонятным и невразумительным. Только эмоционально наполненный текст, предлагающий возможность символической самоидентификации, избавления от психологического напряжения, фрустрации путем идентификации с ярким лидером и его лозунгами, текст, предлагающий решение проблем неполитических, личностных, психологических, имеет для такого избирателя смысл и значение. На такого избирателя трудно подействовать рациональными доводами, обещанием расширить экономические, социальные возможности: не их он ищет в политическом тексте и политической речи. Поэтому его легче соблазнить. (Не следует думать, что речь идет исключительно о маргинализированных слоях. Скорее наоборот, социально маргинальные слои в большинстве относятся к следующему, третьему типу избирателей — избиратель безразличный.)

Данный тип избирателя можно было бы назвать «идеалистом»: «покупатель» политических услуг тратит свой капитал нерационально с точки зрения своих насущных социально-экономических интересов. Например, он начинает видеть исполнение своих истинных интересов в таких странных (для постороннего наблюдателя, не для самого избирателя!) призывах, как обещание потоптаться сапогом по лицу инородцев или иностранцев. С другой стороны, интеллигенция, в огромном большинстве живущая на зарплату, т.е. являющаяся потенциальным резервом социально-ориентированной партии и тем не менее голосующая за правую либеральную партию, с точки зрения сиюминутного экономического расчета — это тоже идеалистический абсурд, не меньший, чем интерес к Жириновскому жителей пригородов.

Существует и такой тип потенциального избирателя, которому безразлично, как именно он потратит свой политический капитал и потратит ли его вообще. Этот тип похож на покупателя, которому при наличии денег в общем безразлично, тратить их или нет, и если

² Включение слушателей, читателей в некоторую общность, в некоторое «мы», обладающее ценными, значимыми для члена аудитории характеристиками, достигается либо прямым названием: мы те-то и такие-то, — либо косвенными, риторическими средствами.

тратить, то как именно. В этой ситуации и в экономической, и в политической сферах значительно возрастает роль соблазна. Для воздействия на потенциально безразличного избирателя значительную роль начинают играть внеэкономические средства убеждения: испугать, соблазнить. Но и рациональные способы убеждения остаются в силе: убедить, например, в том, что в его же, избирателя, рациональных конкретных интересах проголосовать тем или иным образом.

Отличия политического текста (как функционального жанра) от рекламного не столь явны, как их сходство, но тем не менее очевидно. Политический текст обычно *убеждающий* и лишь иногда соблазняющий; рекламный текст обычно *соблазняющий* и лишь иногда убеждающий. Приемы, использованные для создания рекламного текста в отличие от инструментария текста политического, могут быть не прояснены и с трудом поддаются расшифровке. (Объяснению, субъективному толкованию — да, но не однозначной расшифровке.) Рекламный текст обращается не столько к сознанию, сколько к эмоциональной сфере, к подсознанию. (Отсюда важность творческого начала в рекламном бизнесе, а поскольку творчество трудно поставить на поток, отсюда же преобладание безвкусного «антитворческого» продукта, где главным творцом выступает компьютер, а творчество заменено более или менее ловким владением современными компьютерными технологиями.)

Из всех жанров политического текста наиболее близко к потребительской рекламе стоит реклама политическая. Какие примеры политической рекламы можно привести? Ельцин танцует народный танец; Ельцин стоит возле березки, и надпись: «Голосуй сердцем» (президентские выборы 1996 г.). На парламентских выборах 1995 г. Егор Гайдар, лидер «Выбора России», идет по рельсам впереди группы людей. Накануне президентских выборов 2000 г. — Путин в истребителе; Путин на ферме и т.д.

Как работает политическая реклама и каков ее механизм? Так же, как и реклама потребительская: на уровне целевой политической аудитории нащупать значимый, важный символ, ценность, чувство и через изображение, слоган связать его с определенным лицом, партией.

Это современная российская рекламная практика. В рекламе американской за точку отсчета обычно, хотя и не всегда, берутся не ценности аудитории, а положения политических программ, политические идеи, личности политиков. Ее творцы пытаются нащупать связь между ними и образами, ценными для аудитории. Лозунг «Yes America can!» («Да, Америка может!») был выбран республиканским избирательным штабом не для того, чтобы соблазнить аудиторию

полную патриотического оптимизма. Он отражает идеологию новой программы Джорда Буша, построенной как дальнейшее смелое (даже, по мнению многих, слишком смелое) движение в военной и экономической областях, в отличие от программы его соперника, посвященной в основном ревизии политики Буша.

Основа политического послания в современной российской политической рекламе — не рациональное убеждение, не логические рассуждения, а опора на эмоциональную сферу, иногда — на бессознательное. Наиболее удачной оказывается реклама, использующая образ, органично соединяющий в себе важный для целевой аудитории символ, ценность и одновременно тесно ассоциирующийся с рекламируемым продуктом. Этого результата редко удается достичь. Зато есть множество самых забавных примеров, когда создатель рекламного продукта автоматически подставляет «теплые» образы к кандидату и мы видим, например, бывшего секретаря Совета безопасности Ивана Рыбкина с коровой на лугу (президентские выборы 2004 г.), или примитивно соединяет образ лидера партии с буквальной интерпретацией результатов опросов фокус-групп относительно их ассоциаций, связанных с партиями и лидерами. На выходе получается Егор Гайдар, лидер «Выбора России», ведущий группу людей (читай — лидер ведет народ) по рельсам (подразумевается — энергия, направленность, устремленность), а все вместе — странная, вызывающая недоумение картинка.

На какие чувства, эмоции, символы опираются создатели политической рекламы? Один из самых известных и впоследствии многократно пародировавшихся рекламных образов — это Ельцин рядом с березками, а избирателю предлагается «голосовать сердцем». Послание этой рекламы было очевидно: Ельцин — свой, родной, искренний, душевный. Основа образа — березки, душа России, чистая, внеэрациональная, любимая. Слоган задавал оппозицию: сердцем — не умом; теплой душевностью, а не холодным разумом. Реклама очевидным образом обращалась к теплой эмоциональной сфере, причем делала это почти лубочными по своей прямоте средствами.

Впоследствии именно из-за этой прямоты и лубочности реклама «Голосуй сердцем!» подверглась многочисленным обыгрываниям, направленным на снижение, на пародирование образа и идеи. Сама многочисленность этих критических откликов говорит в пользу рекламного продукта — он действительно оказался успешным и выполнил свою функцию. А спустя несколько лет политические комментаторы добились того, что этот лозунг на самом широком уровне стал осмысляться как символ дешевой демагогии.

Как и в потребительской рекламе, здесь действует соблазн. Соблазняет не объект рекламы (Ельцин), а образ, создаваемый изображением и слоганом. В свою очередь, волна душевной теплоты и сочувствия распространяется и на того, кто выбран в качестве объекта рекламы. Разумеется, все не так просто, разумеется, именно Ельцин, с его лицом, фигурой, смотрелся достаточно органично — для российского избирателя образца 1996 г. — на фоне березок. Поставленный среди березок Жириновский был бы скорее комичен. Удача или неудача рекламного продукта зависит именно от таких «мелочей», от того, насколько чувствует создатель рекламного продукта аудиторию и политика, насколько органично сопрягает создаваемый образ, символ и политическую фактуру.

Потребительская реклама сегодня несравненно более профессиональна, чем политическая. Объясняется это хотя бы тем, что политические кампании происходят значительно реже, чем рекламные кампании новых товаров, брендов. Кроме того, реклама в политике, как и вообще «презентующие», «убеждающие» средства, до настоящего времени не считались важным фактором политической кампании. Сегодня ситуация изменилась к худшему, политическая реклама кажется почти изжившей себя — административный ресурс настолько силен и успешно действует, что нет смысла тратить на рекламу. Это становится дурным тоном.

Как справедливо заметил Д.А. Леонтьев в своем курсе «Психология рекламы», рекламодатели из сферы бизнеса обычно не рекламируют просто плохой товар, так как это экономически невыгодно: возникают риски рекламации, скандала, эффекта антирекламы. А вот политическая реклама часто рекламирует «плохой товар», так как выбранного политика, плохо выполняющего свои обязанности, никуда «вернуть» нельзя, некому подать на него «рекламацию».

Это не совсем так: политический аналог процессу рекламации существует — это отзыв, импичмент. Осуществить его гораздо сложнее, чем добиться рекламации товара, но он существует. Кроме того, до недавнего времени у российского избирателя не было опыта, он не умел *пользоваться* избранным политиком. Интерес к политическому процессу ограничивался предвыборным периодом и выборами, т.е. в нашей аналогии — выбором продукта и его покупкой³. Но для потребителя реальных товаров самое главное наступает в процессе

³ Если делать аналогию более точной, то политические выборы — это покупаемая коллективно услуга. Причем покупается та услуга, за которую проголосовало большинство.

пользования продуктом, именно в процессе пользования выясняется, хорош товар или плох, и насколько плох или хорош, и не лучше ли его вернуть, если он просто никуда не годится. В политическом же процессе, при «покупке» определенной политики, у российского избирателя до недавнего времени не было интереса к проверке того, что же он получил в результате покупки и соответствует ли полученное обещанному политической рекламой.

Пассивность избирателя, неумение и нежелание внимательно следить за поведением выбранного им политика или партии говорят только о неопытности потребителя политических услуг; о неумении и незнании того, как устроена политическая сфера жизни, как можно регулировать политическую сферу, наконец, зачем этим заниматься. (Для большинства избирателей ответ заранее известен — бесполезно и незачем.)

Любой товар, в том числе услуга, покупается для того, чтобы им пользоваться, его применять. Такие понятия, как «качество товара», «качество услуги», возникают только в процессе «профессионального» пользования купленным товаром: «опытный покупатель» знает, для чего собственно товар куплен, умеет активно пользоваться им в соответствии с инструкцией. Пока же в российском политическом мире лишь очень немногие научились пользоваться услугами, предоставляемыми политиками, депутатами, мэрами, активно следить за качеством их работы и при необходимости корректировать их деятельность. (Мы, конечно, не говорим о той небольшой группе лobbyистов, которые активно и профессионально пользуются услугами политиков.)

Для большинства же избирателей механизм «рекламации» и контроля пока неинтересен. Но логика демократического политического процесса толкает нас именно в этом направлении. Интерес к политическим услугам выбранных представителей рано или поздно возникнет в связи с постепенным осознанием избирателем своих интересов и их зависимости от деятельности политиков. Вероятно, только тогда поднимется качество политической рекламы и изменится ее природа. Когда потребитель рекламы станет более опытным и будет подходить к политическому выбору более сознательно, реклама начнет ориентироваться на пропаганду собственно политических по своей природе идей, а использование внеполитических, аполитических теплых образов и символов заметно уменьшится.

Проблема негативного восприятия политической рекламы

Российская политическая реклама часто вызывает насмешки комментаторов и становится предметом пародии. Но и европейская политическая реклама иногда вызывает негодование интеллектуалов. Известный писатель Умберто Эко в 2001 г., критикуя избирательную кампанию Сильвио Берлускони и его партии, обвинил последнего в том, что он «превратил предвыборную кампанию в маркетинговую, в ходе которой фирма-партия, продающая какой-то продукт-персонаж, апеллирует не к гражданам, а к потребителям»⁴.

Сущность претензий У. Эко к руководителям избирательной кампании — в противопоставлении «гражданина» «потребителю». Мы исходим из другой точки зрения: гражданин — это и есть потребитель, потребитель политических услуг, причем активный потребитель. Отсутствие какой-либо идейной, программной базы в ходе избирательной кампании, сведение ее к кампании маркетинговой, рекламной должно было прежде всего насторожить избирателя. Если же итальянский избиратель, избиратель достаточно опытный, удовлетворился рекламой, дело тут не в предвыборном штабе Берлускони, а в самом итальянском обществе. А штаб Берлускони как раз можно поздравить, так как он почувствовал настроения общества и сумел успешно их использовать.

В наиболее отчетливом виде проблема политической рекламы была сформулирована в начале 1960-х гг. известным немецко-американским социологом Юргеном Хабермасом.

Хабермас писал, что политическая реклама разрушает общественную сферу буржуазного демократического общества; что политическая реклама обращается к практике и идеологии массовой культуры, вместо того чтобы способствовать развитию критической мысли, поскольку именно критическая мысль, рациональные, идеологически окрашенные доводы, по мнению Хабермаса, составляет основу буржуазно-демократического общества и являются неременным условием его существования. Он сделал чрезвычайно тонкое замечание: политическая реклама является чем-то вроде пародии на лозунг «Become what you are!» — «Будьте тем, кто вы есть!»⁵, — т.е. про-

⁴ См.: *Георгий Ильичев*. Страна Пиария // Известия. 2002. 11 января.

⁵ Суждение Юргена Хабермаса нам кажется более адекватным, чем аргументы многих критиков рекламы. Рекламный слоган: «Если ты обуян страстью к жизни, никаких табу не существует. Нарушай все правила» — Мэлор Стурра вслед за американским ученым

славляет, воспроизводит и оправдывает существующее положение дел. Политическая действительность интерпретируется, переводится в потребительскую действительность, воспроизводящую самое себя. Адресаты этой политической рекламы — «новые безразличные». («Безразличные», по Хабермасу, — это политически безразличные.) «Новые безразличные» оценивают политика или партию не по его политическим идеям, предложениям, а по тому, как он выглядит, на каких машинах ездит, какие костюмы носит. Поэтому, по мнению ученого, теряют значение критические споры о конкретных политических действиях, программах политик не считает нужным вырабатывать четкую позицию по политическим вопросам, концентрируя свое внимание на поддержании своего имиджа.

Хабермас считает, что рекламизация политической жизни представляет собой утрату собственно политических доводов, проблемно ориентированных аргументов, она придает политической жизни, политическим доводам социально-психологический уклон, направленный на бессознательное. Политические доводы деградируют в более или менее эффективную символическую идентификацию. В самом ли деле это так? Так ли уж безнадежно дело с собственно политическими доводами, с рационально-идеологическими доводами, политическими программами? Совсем нет. Рекламизация — это не утрата политических доводов, а лишь дополнение к ним. Это лишь политическая реклама, не более того. Ведь и распространение потребительской рекламы не означает исчезновение споров, критической информации относительно товаров и услуг. В обществе, где идет

Дж. Лео называет «разрушением общества» (*Стуруа М.* Беспредел по-американски. Реклама призывает не подчиняться законам. Известия. 1995. 15 сент.).

Рекламу обвиняют в том, что она поощряет возникновение антиобщественных настроений среди молодежи.

Так ли это?

Реклама в данном и большинстве других случаев — это утилизация уже имеющихся ценностей, а не создание новых «антиобщественных» настроений (как это происходило в романтической, индивидуалистической поэзии, романтической философии начала XIX в. и накануне европейских революций 1848 г. Это не романтическая борьба с обществом, как в европейском молодежном движении второй половины 1960-х, а последний отзвук этой революции, ее вырождение, почти пародия: нарушай правила и *будь, как все*. Именно в этом смысл любой рекламы: делай так, потому что это престижно, делай, как все, потому что с этим согласны все. Тем более что «и нарушай правила» в данном случае значит: носи джинсы Klien, бутсы на платформе и накладные ногти разных цветов. Переход бунтарских лозунгов в потребительскую рекламу означает не актуализацию, а вырождение этих лозунгов. Реклама, использующая старые бунтарские лозунги неконформистской молодежи 1960-х, ныне формирует глубоко конформистскую психологию.

борьба мнений, соперничество партий и политиков, избирательную кампанию обычно нельзя выиграть только на основе рекламы, только с помощью символов, даже удачных (символов идентификации авторитетности, эмоционально убедительных).

Возвращаясь к разговору о рекламных приемах, только на основе идентификации свой-чужой (мы — близкие, мы — свои; они — чужие, опасные); или на основе символа, ценного для какой-то части политической аудитории («настоящий немец», «настоящий мужчина», «в единстве — сила»); теплого чувства любви к Родине, — без политической программы, тщательно разработанной системы убеждения, без политической узнаваемости (биография, знаковые поступки) политическую кампанию выиграть трудно.

С другой стороны, рекламизация, символизация политической жизни началась не сегодня и даже не вчера. Она присуща любой политике в любой политической системе; в демократической системе это свойство проявляется особенно очевидно. Рекламизация присутствовала с самого возникновения современных демократических государств. Королева Анна, сменившая в 1702 г. короля Вильгельма III голландца по происхождению, и поэтому, в частности, не особенно любимого в Англии, в своей тронной речи несколько раз повторила, что она настоящая англичанка, и этим вызывала восторг у подданных. То, что подобная опора на значимый символ оказалась возможна именно в Англии начала XVIII в., очень показательна, так как именно это время, согласно Хабермасу и многим другим ученым, было временем, когда возникло критическое, рациональное начало современной политической жизни. В это же время появляется знаменитая сатира Даниэля Дефо «Чистокровный англичанин» и сатира Джона Арбетнота «История Джона Була», в которых шла речь о национальном образе Англии и англичан. Один из символов английской нации (Джон-бык) возник как сатирический образ в то самое время, когда апелляция к чистокровному английскому происхождению оказалась важным аргументом в английском политическом дискурсе.

Среди наиболее известных символических идентификаций в современной истории — апелляция правых политиков к «настоящим» немцам, французам и т.д. Но это и знаменитое «Ich bin ein Berliner» («Я — берлинец») Джона Кеннеди — выражение, прозвучавшее в речи американского президента в Западном Берлине в 1963 г. (см. приложение 9), в которой Кеннеди заявил о солидарности всего американского народа с западными берлинцами, находившимися в фактической осаде, посреди враждебного восточногерманского государства.

Эта идентификация, как и идентификация королевы Анны, как и многие политические идентификации, была выражением политической программы, политических взглядов, хотя и являлась по форме типично рекламным приемом.

Важность политической рекламы, увеличение ее роли по сравнению с рациональными способами воздействия может особенно усиливаться как в ситуации несформировавшегося политического рынка, политической неопытности избирателей (типичный пример — ситуация в России в начале 1990-х гг.), так и при размывании серьезных политических различий между политическими соперниками, партиями, когда избиратель или не понимает различий между ними, или считает, что они неинтересны, неактуальны. В этом случае в дело идет реклама, с ее эмоционально-ценностной аргументацией. Но и небольшой опыт российской демократии, и опыт европейский и американский говорят о том, что рекламизация политической жизни все же не приводит к появлению в массовом порядке на политической сцене абсолютно случайных политических фигур без всякой внятной политической программы.

Да и политическую индифферентность, безразличие части политической аудитории невозможно отнести только на счет рекламизации политического процесса. И наоборот, во всех развитых демократиях, в том числе и в США, в самые критические времена и во времена спокойные сохраняется важность такого, казалось бы, абсолютно рекламного подхода, как внимание значительной части аудитории к тому, как внешность кандидата — его манеры, риторика, внешний вид. В современных условиях эти качества становятся до известной степени зависимыми от умелых действий имиджмейкеров. Несмотря на всю кажущуюся иррациональность, архаичность подобных оценок политических лидеров, за ними стоит опыт поколений, психологический, политический опыт. Политическое решение, сделанное на основе предпочтения образа какого-то политика (а не на основе критического рассмотрения политических позиций) — это тоже своего рода критический взгляд, и при желании эту «апелляцию к бессознательному» и ответную реакцию «бессознательного» вполне можно рационализировать.

История европейской и американской демократии говорит, что по мере расширения избирательных прав в обществе и вовлечения в избирательный процесс все более широких масс населения роль политической рекламы возрастает. Значительная роль политической рекламы, символической идентификации не есть факт регресса. Она

присутствовала всегда. И в любом политическом тексте, сколь угодно рациональном, можно найти те или иные элементы символической идентификации на уровне «свой–чужой», «друг–враг», как и другие приемы, обращенные к «бессознательному».

Реклама и лозунг

Отличие большей части рекламы от большей части лозунгов в том, что (и эти отличия видны невооруженным глазом) лозунг вполне самостоятелен как высказывание, рекламный же слоган обычно непонятен вне контекста. Высказывание «Голосуй сердцем!» в момент своего появления было бы не понято без березок и Ельцина. А лозунг Александра Лебеда на выборах 1996 г. «Закон и Порядок» был понятен и без Лебеда. Политическая реклама сегодня — это синтетический жанр, где видеоряд неразрывно связан со слоганом, и весь ее эффект заключается в комбинации видимого образа и слогана. Вне рекламы слоган не имеет самостоятельного смысла. Лозунг в большей степени, чем реклама, обращен к разуму, к сознанию, к способности сравнивать, и поэтому мы считаем лозунг одним из жанров политического текста.

Лекция 7

Адресат политического текста.

Типология адресации в политическом тексте.

Пропаганда и манипуляция общественным мнением

Три типа отношений между политическим автором, потенциальной аудиторией (обществом) и властью в современном политическом тексте

Мы уже говорили о проблеме адресации политического текста. Рассмотрим сейчас более частную проблему: конфигурацию отношений трех главных субъектов политического процесса: политического автора, власти и аудитории.

У политиков, журналистов, чиновников, рассуждающих о предметах, подчас не имеющих никакого отношения к масс-медиа, обязательно найдется предлог, чтобы бросить взгляд на проблемы политической прессы и власти, прессы и общества. Эта тема слишком важна, чтобы политик, журналист, чиновник мог позволить себе забыть о ней. Поэтому всякий сколько-нибудь опытный потребитель политической информации не удивляется, услышав в речи президента, обращенной к деятелям культуры — лауреатам Государственной премии (2000), что интеллигенция (в том числе и политические журналисты) — это «посредник между властью и обществом», или заявление в комментарии, связанном с пожаром на Останкинской телебашне, бывшего руководителя ТВ-6 Олега Попцова: «Мы, журналисты, работаем не для власти, а для общества; а власть — лишь часть нашей аудитории»¹. Некоторые формулировки относительно роли журналистов постепенно становятся устойчивыми понятиями, например, российские чиновники часто повторяют утверждение: журналист не должен становиться «диктатором», не должен «навязывать» обществу свои решения политических вопросов.

Идея о том, что «власть — это лишь часть аудитории», стала популяризироваться в середине 1990-х гг., но сегодня ее уже не встретишь

¹ Интервью радиостанции «Эхо Москвы» 28 сентября 2000 г.

в качестве значимой, авторитетной точки зрения. Идея «посредничества» еще недавно была общим местом российской общественной мысли, а сегодня собственно политическая журналистика даже не претендует на эту роль, и в дискурсе власти более популярна точка зрения об опасности «диктатуры» масс-медиа.

В рассуждениях политиков и журналистов о прессе есть и личный расчет, и политическое столкновение, но также и спор идей о мире, об обществе. В этих спорах идея гласности спорит с идеей свободы слова; идеал Единства, милый сердцу нашей сегодняшней власти, оказывается в непримиримом противоречии с идеалами гласности; невинное, на первый взгляд, замечание Путина о посредничестве журналистов оказалось идеологическим базисом очередного витка нашей политической истории.

Конфигурация отношений между политическим публицистом, властью и аудиторией — одна из ключевых тем не только современной российской, но и мировой политической истории. Именно поэтому важно разобраться в них, связать идеи, лежащие в основе понимания этих отношений, с современной политической конъюнктурой, попытаться понять, как политический публицист, автор политических текстов понимает свою позицию, свою роль в обществе, отношения между властью, прессой и аудиторией. Как эти представления публициста связаны с более общими мировоззренческими проблемами, то есть с тем, как именно он, публицист, видит и понимает общество?

Анализируя прямые высказывания и априорные посылки различных политических авторов, мы выделяем три типа отношений, существующих между основными субъектами политического дискурса — между властью, аудиторией и политическим публицистом. Об этих трех мировоззренческих конструкциях и пойдет речь в этой лекции.

Власть едина с народом. Вопрос: где в этом единстве место политического автора, публициста?

Обратимся к свидетельствам самих политиков и публицистов.

Сергей Шойгу, министр по чрезвычайным ситуациям, критикует партийную раздробленность. Он пишет, что главная цель возглавляемого им политического объединения «Единство» — «добиться

единства интересов каждого человека и Государства Российского. И ради этой цели мы готовы объединить всех и вступить в единство со всеми»².

Шойгу противопоставляет партийную раздробленность единству каждого человека с государством. Это не единство *всех отдельных граждан*, а подчинение каждого *интересам «Государства»*³.

Губернатор Александр Лебедь, говоря о тяжелом положении России, писал: «В этой ситуации (когда Россия, наконец, обратится “к своим исконным ценностям “общины” с ее иерархичностью и элементами авторитаризма...”) основная роль российских политиков, их искусство должны состоять не только в умении навязывать свою волю народу, сколько в способности чувствовать, осознавать и реализовывать скрытый общественный потенциал нации»⁴.

А вот как крупный российский правительственный чиновник говорит о причине недопущения представителей прессы на заседание правительства: «Когда в семье, скажем, взрослые решают какие-то серьезные... вопросы, они же не разрешают, чтобы дети их слушали...»⁵.

Современные российские политики не придумали ничего нового. Идеологию единства власти и общества проповедовали в нашей стране и раньше.

М.Н. Катков, известный и чрезвычайно влиятельный публицист консервативного направления, в 1863–1887 гг. — редактор газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник», писал: «...Истинная сущность русского самодержавия... в том, что самодержавная власть нераздельна и едина с целым народом...»; «Зачем между Верховной Властью и народом, который не отделяет себя от нее и видит в ней свое истинное и единственное представительство, втирать какие-то еще представительства...»⁶. То, что у консервативного публициста можно найти идеи, близкие взглядам представителей нынешней власти, не странно, однако и в рассуждениях демократических публицистов, скажем, Некрасовского «Современника», мы найдем трактовку идеальных отношений народа и власти как *единения*.

² Шойгу С. Взгляд на будущее России // Известия. 1999. 29 октября.

³ «Государство Российское» (обратим внимание на прописные буквы) отсылает к российской имперской, государственнической традиции, к государству как высшей ценности в сравнении с интересами отдельных граждан.

⁴ Лебедь А. «Новая империя» наступает. На старые грабли // Известия. 1997. № 84.

⁵ Савватеева И. Заседание правительства: мужской разговор... // Известия. 1994. 6 мая.

⁶ Московские ведомости. 1881. № 104, 119.

Официальная риторика последних десятилетий советской власти строилась на бесконечно повторяемых декларациях о «единстве», о полном единении народа и власти, народа и партии. Лозунги типа «Партия и народ — едины!» еще памятли многим. Современный автор писал о ситуации после августа 1991 г.: «Они (представители власти. — А.А.) были нашими товарищами. Без всякого сомнения, это была наша, демократическая власть!»⁷

Все эти политики и публицисты — разные по своим политическим убеждениям люди. Но в их суждениях заключена одна и та же концепция отношений власти и публики. В чем смысл этой концепции, этой идеологической парадигмы? — Идеальные отношения между народом и властью понимаются как отношения полного единства. *Общественный идеал представляется как целостное, нерасчленимое единство власти и народа.*

Что же представляет собой идеал единой с народом власти? — Власть как бы обнимает собой общество, как материнское лоно обнимает плод, как отец, патриарх обнимает детей и заботится о них. Общество объято властью и неотделимо от нее. А власть «чувствует» народ, по выражению Лебеда, как чуткая мать чувствует плод. Единство власти и народа, как единство плода и матери, — залог жизни плода. Раздельное существование власти и народа, плода и матери, патриарха и детей немислимо и невозможно.

В реальной же действительности, говорит большинство из этих авторов, единства нет, идеальные отношения оказались нарушенными. (Только советский лозунг заявлял о реальном существовании, об осуществлении идеала единства.) Для М.Н. Каткова причиной нарушения единства являются происки внешних и внутренних врагов. У современного автора нарушение идеальной картины произошло из-за предательства власти: власть предала идеал, соблазнилась материальными выгодами и отделилась от «народа», «простого человека». И в некоторых других приведенных примерах нарушителем идеала, причиной того, что отношения неидеальны, что народ и власть не составляют единства, является испорченность самой власти. Интересно, что народ, его действия вообще чрезвычайно редко трактуются как причина разъединения. Народ в подобных рассуждениях по сути своей непогрешим, а если и грешен, то по неведению или по неискусности. Враг единства, провокатор, вне его. Наилучший выход из сложившейся ситуации разъединения: уничтожая внешнего врага, стремиться к воссоединению власти и народа.

⁷ Независимая газета. 1992. 1 дек. С. 5.

Эта же мысль о ценности цельного, спаянного общества и гибельности разделения видна в многочисленных противопоставлениях так называемого духа партий (разъединенности, преследования частных, сословных, групповых интересов) единству общих интересов в российском обществе. Последняя тема развивалась на протяжении по крайней мере двух последних веков представителями самых разных политических направлений — от консерваторов до революционеров, она слышна в приведенных современных высказываниях, т.е. актуальна до сих пор⁸.

Какова же роль политического публициста в том обществе, которое вырастает из описаний Лебеда, Каткова, Шойгу? У Александра Лебеда власть должна «чувствовать» «потенциал нации». То, что «нация», «народ» могут сами *высказаться* о своем «потенциале», Лебедь даже не подозревает. Нация, такая, как ее видит генерал Лебедь, *молчит*, и это принципиальный момент. Если же нация молчит, то роль политического комментатора, публициста может состоять в чем угодно, но не в выражении мнения молчащего народа. В пределе же, если пристальнее всмотреться в ту картину общества, общие черты которой набрасывает Лебедь, о которой подробно писали Катков и многие консерваторы, политический публицист, политическая журналистика как общественный институт не нужны вовсе.

В обществе, которое понимается как идеальное единство народа и власти, политический публицист не нужен. Единый, целостный организм сам знает о своих потребностях и вполне может обойтись без внешних интерпретаторов. Между частями органической целостности не нужен внешний посредник. Более того, такой посредник может представляться даже вредным: оказаться своекорыстным, как у Каткова, или даже стать «диктатором», как характеризует российские масс-медиа Шойгу⁹.

⁸ Все это отнюдь не означает, что между всеми консерваторами и всеми революционерами на идеологическом уровне нет различий. Однако наша российская история дает нам примеры, когда архиконсерваторы и радикальные демократы в своем понимании отношений между властью и народом оказывались очень похожими друг на друга.

⁹ «...Четвертая власть не должна превращаться в диктатуру. ...Закон должен защищать не только прессу от произвола власти, но и общество от произвола прессы» (*Шойгу С.* Известия. 1999. 29 октября). Страх, что звучащее слово может стать «диктатором», — это, конечно, страх чиновника, не желающего оставаться один на один с прессой, обладающей свободой критиковать любые его действия. При свободе прессы иногда случаются эксцессы, но эта свобода никогда не превращалась и не может превратиться в «диктатуру». Природа «четвертой власти» принципиально иная, чем власти исполнительной. А вот стремление политиков освободиться от свободной прессы, т.е. от критики, всегда чревато диктатурой.

Истоки представлений об идеальной власти, единой с народом, уходят в давнюю историю. В текстах Священного писания, в течение 1000 лет являвшегося доминирующей и авторитетной мировоззренческой парадигмой, власть всегда от Бога. Народ вручен властителю как стадо пастырю, как дети отцу. В фольклорных текстах, средневековых и более поздних, мы находим, что идеал отношений между царем (князем) и народом состоит, в частности, в том, что царь доступен, к нему всегда можно обратиться, в ноги броситься, а возникающая бюрократия и дворянство воспринимаются как ненужные посредники, как нарушающие единение между царем и народом, так же, как нанятый приказчик нарушает патриархальное единство между добрым баринном и мужиком.

В советские времена произошло оживление архаичной модели¹⁰. Партии, которая «едина с народом», не нужен посредник между ней и этим народом, не нужны гласность, свободная пресса и свободный парламент. И действительно огромному большинству общества до поры до времени это было не нужно! Архаизация оказалась возможной, так как опиралась на существовавшие в обществе представления об идеальном народном целом (в противопоставлении самостоянию индивидуумов) и об идеальной власти как о единой с народом. Единство обусловлено действием высших сил, воплощением которых выступает власть. Декларируемое единство Советской власти и народа, как и стремление современных политиков достичь единства интересов народа и государ-

¹⁰ Называя идеал единой с народом власти «архаичным», мы лишь фиксируем его архаичные истоки. Советское государство и в самых общих положениях, и в частности своей политики утверждало идеал единства и дискредитировало идеалы индивидуализма. Вот характерная деталь: В.И. Ленин корил прессу начала 1920-х гг. за чрезмерное внимание к «тем мелочам политики, тем личным вопросам руководства, которыми капиталисты всех стран стремились отвлечь внимание народных масс от действительно серьезных... коренных вопросов их жизни». «Буржуазный», якобы, интерес прессы к «мелочам» личной жизни руководителей государства — это, конечно, стремление прессы удовлетворить интерес рядового гражданина, обывателя к тому, как живут его вожди. Этот критический, разоблачающий взгляд прессы, считающий комнаты в квартирах, уточняющий содержание пайков, конечно, не правился новым властью имущим. Типичный для частного человека интерес к «мелочам» жизни политиков противопоставлен «коренным» проблемам народных масс: индивидуум в самих априорных посылах ленинского мировоззрения оказывается поглощен массой, «целым», «классом».

К архаичным чертам общественных отношений мы также относим и постоянное подчеркивание народности, доступности власти (возможности для доярки послать письмо съезду КПСС) и стремление КПСС, властей охватить своим вниманием («заботой») весь народ — все это должно было напоминать об идеологическом единстве народа и власти.

ства — это лишь отчасти демагогия, а отчасти — тоска по еще существующему в нашем сознании идеалу, неосознанное стремление вернуться к ставшему привычным за многие столетия состоянию общества. Поэтому не стоит с высокомерным презрением относиться к призывам современных политиков и публицистов к единству, целостности общества и власти. Именно эти идеи (а не идеалы личной свободы и индивидуализма) составляют наше идеологическое наследие; пропагандируя ценности «единства», политики играют на реально существующих мировоззренческих стереотипах. Попытка же осуществить в современной реальности единство народа с властью, с государством грозит нам новым выпадением из трудной «взрослой» жизни. На практике это будет означать, что общество и каждый конкретный человек отказываются в пользу государства (а вернее, партии власти) от ответственного участия в решении проблем как личного порядка, так и общественного и государственного уровней; это, в частности, включает отказ от реальной возможности периодической смены власти. А чтобы поддерживать эту систему и контролировать молчащее общество, необходимо будет вновь усилить репрессивный аппарат.

Лозунг идеального единства нации использовался не только в сегодняшней России. Один из распространенных символов американского политического дискурса — это символ единства, лозунг «Единые, мы выстоим!» («United we stand!»), «миф о единстве», как назвал его политолог Муррей Эдельман, что-то вроде нашего «Если мы едины, мы непобедимы»¹¹. Франклин Рузвельт, четырежды (с 1933 по 1945 г.) избиравшийся президентом США, считается символом «единства американской нации». С этим лозунгом пришел в Белый дом Джон Кеннеди. И у президента Линдона Джонсона (1963–1968) «единство нации» было одним из важнейших для его риторики символов. Даже свой неожиданный уход с политической арены, отказ от борьбы за переизбрание он обставил именно как желание избежать партийного, фракционного разделения, как стремление избежать нарушения достигнутого нацией единства. Главным врагом единства выступили, по мнению Джонсона, влиятельные политические комментаторы, масс-медиа, критиковавшие его политику. В демократической Америке многие политики, опирающиеся в своей риторике на идеал единства нации, трактуют некоторые выступления в свободной прессе, в критической политической публицистике как реальную угрозу осуществлению своего идеала.

¹¹ *Edelman M. Politics as symbolic action. New York: Academic Press, 1971.*

Концепция журналиста как посредника, медиатора

Концепция идеологического «единства» — отнюдь не единственная концепция, которую можно обнаружить в нашем современном российском политическом дискурсе.

Как видно из уже приводившейся цитаты из речи Владимира Путина, в 2000 г. он понимал роль творческой интеллигенции, в том числе и журналистской, как посредничество между властью и обществом. Интеллигенция объясняет, истолковывает обществу намерения власти, а властям — чаяния общества, критическое мнение общества относительно власти. Об этой же функции прессы в интервью с президентом пытался напомнить главный редактор «Известий»: «Тогда что для Вас СМИ: канал для *передачи информации от государства к обществу* или все же возможность общества *выражать и доносить [до сведения власти] свое мнение?*»¹² (Курсив мой. — А.А.)

Идеологический феномен, названный нами идеей посредничества, получает все большее распространение в нашем идеологическом пространстве. Даже известные правозащитники вплоть до недавнего времени стремились стать «посредниками»: «Увы, в российском обществе, как и в советском, нет диалога между властью и гражданами. Раньше гражданам не давали возвысить голос. Теперь же они вольны кричать и вроде бы кричат очень громко, но власти — их не слышат. Правители живут, по-прежнему отгородившись от общества и привычно пренебрегая общественным мнением. В стране и сейчас нет механизма влияния общества на власть». Региональные комиссии по правам человека, создаваемые местными властями, по мнению правозащитников, «могут стать местом встречи местных правозащитников с властями»¹³.

Еще одно мнение.

«Власти считают, что прессе пора становиться по-настоящему независимой. К концу этого года истекает срок действия льгот, предоставленных законом [прессе]. ...Но власть, которая сегодня малопопулярна и попросту нелюбима, теряет своего единственного посредника, а зачастую и союзника, в общении с собственным народом»¹⁴.

¹² Известия. 2000. 14 июля.

¹³ Алексеева Л. Посредники между властью и обществом // Известия, 1997. 16 октября. Видимо, не надо говорить, что концепция посредника — это далеко не единственная концепция правозащитной деятельности. Значительно более распространенной является другая концепция: правозащитники защищают человека от государственной машины, от бюрократии и т.д. Не посредничают между нарушителем и жертвой, а защищают жертву.

¹⁴ Бородин В. Власть теряет прессу // Известия. 1998. 3 июля.

Эта цитата явно демонстрирует видение автором роли прессы. Политический комментатор — посредник, которому так не хочется отдаляться от власти, лишиться роли толкователя действий власти для публики, что его доводы больше похожи на шантаж.

В основе понимания отношений власти, общества и политического публициста как отношений *посредничества* лежит следующая посылка: власть и общество априорно понимаются как *разделенные*, они понимаются как два разных, отдельных феномена. Раздельное, автономное существование власти и общества воспринимается как *естественная норма*. Казалось бы, сегодня подобный тезис звучит достаточно обыденно. Конечно же, власть существует отдельно от общества!¹⁵ Но ведь так же обыденно звучит и тезис об идеале единства власти и общества, а между тем эти две концепции разделяет идеологическая пропасть. Эти две схемы отражают принципиально разное понимание мира. И совсем не случайно, что в советские времена ни о каком *посредничестве* интеллигенции, политических публицистов и речи не было. Эта концепция стала доминирующей только в начале перестройки. Что же произошло со старой концепцией единства (единства партии и народа, народа и правительства и т.д.)?

Пуповина, связывающая власть и народ в одно нераздельное целое, оказалась разорванной. (Речь, конечно, идет о представлениях, а не о реальности. В реальности ни в российской империи, ни в советском государстве единства никогда и не было, но существовал идеал единства, и многими, искренно верившими в идеал, его разрушение воспринималось и воспринимается до сих пор как трагедия, как кризис.) Прежнее идеальное целое, например советское общество, каким его рисовала пропаганда и каким его хотели видеть очень многие, распадалось на отдельные части, социальные группы, имеющие разные цели, противоположные интересы. Они если и соединяются в одну цельную общность, то лишь под воздействием внешних сил, при внешней угрозе, например во время известных московских взрывов в сентябре 1999 г., и только для того, чтобы вскоре опять разойтись. Временно объединяющимся обычно ясно, что, объединяясь, они поступаются частью своих интересов, и объединение для них — не осуществление идеала, а жертва. В этом их отличие от искренно верящих в идеалы единства.

¹⁵ «Нормальность», обыденность для нашего сегодняшнего идеологического контекста раздельности власти и общества не надо преувеличивать. Все еще может повернуться вспять — недаром политики обращаются к обществу с призывом единения всех с государством.

Восприятие обособленности общества от власти как естественной нормы выражается в возникновении определенных институтов, формировании представлений, на первый взгляд, очень естественных, например о том, что власти можно давать советы. В таком, к примеру, виде: «...Президент не имеет права молчать в сложившейся ситуации. Он обязан в полный голос заявить о своей позиции. Иначе молчание может расцениваться, как проявление бессилия власти перед лицом набирающих силу экстремистов (нацистского толка. — АА.) и даже как поощрение этих сил, придерживание их в своем резерве... Редакция считает глубоко ошибочной, опасной для будущего России недооценку нависшей над ней угрозы»¹⁶.

Мы видим, что автор, редакция (это редакционная статья) обращаются к президенту, к власти с *истолкованием* того, что происходит в обществе, и с советом относительно того, как надо действовать в складывающихся обстоятельствах.

Легальная возможность давать советы предполагает, что, с точки зрения журналиста, власть, будучи отдельным и отделенным от общества субъектом политического действия, может не все знать, не знать того, что знает кто-то из общества, отдельный его представитель. И это очень важно. Ведь когда власть и общество понимаются как единое целое, сама мысль, что власть может чего-то не знать или что какие-то проблемы она знает хуже, чем журналист или любой другой рядовой член общества, сама эта мысль оказывается еретической, кощунственной. В советские времена такая мысль становилась поводом для психиатрического освидетельствования засомневавшегося в единстве народа и партии, поскольку человек, решивший, что он знает о проблемах народа больше Коммунистической партии, демонстрировал явные признаки психического заболевания, мании величия. И действительно, если народ и партия едины, если народ — это и есть власть, то что нового, неизвестного властям мог рассказать о народе какой-нибудь журналист (продажный писака, отщепенец)?

Пафос известных политических публицистов времен перестройки — это пафос «советничества». Пафос искренний и абсолютный понятный. Дело в том, что возможность для власти через «приводные ремни» политической прессы с той или иной степенью эффективности воздействовать на общество никогда никем не оспаривалось. А вот обратной связи не существовало; более того, советская власть, печатая в прессе наказания доярок и сталеваров съезду КПСС, преследовала

¹⁶ Плутник А. За Россию без расизма // Известия. 1998. 9 июня.

цели, несколько отличные от имитации обратной связи. (Еще раз подчеркнем: в обществе советского типа проблема обратной связи непринципиальна. Единство не нуждается в обратной связи.) Письма «простых советских людей» и лживые статьи советских «мастеров пера» с рассказами о жизни «простых тружеников» были не демонстрацией обратной связи, не уведомлением власти о нуждах и проблемах народа, общества, а *демонстрацией и подтверждением их единства*, т.е. утверждением разобранного выше типа отношений власти и общества. Пафос перестроенного советничества, когда публицисты взапуски бросились учить власть предрежающих, что такое хорошо и что такое плохо, и как на самом деле живет общество, и какие перед нами проблемы, и что делать, был вызван искренним желанием наладить обратную связь от общества к власти, в данном случае — с помощью советов «честных и наиболее добросовестных» представителей общества.

Но перестройка — это отнюдь не первая попытка общества зафиксировать, оформить свою отдельность от власти. В начале XIX в. в российском обществе шел очень похожий процесс. Мы уже приводили статью из журнала «Невский зритель» (1820): «...Иногда случается, что одним мало обдуманном постановлением... стесняется ход общества... к народному богатству... Ошибка в отношении к промышленности повлечет... вредные последствия. ...Правительству надобно быть убежденну, что все его постановления имеют... влияние на успехи промышленности. Оно не должно ничего делать наудачу»¹⁷.

Здесь самое главное — это тон, которым автор говорит о правительстве, *обращаясь к рядовому читателю*: правительство что-то «должно», а чего-то «не должно» делать. Правительство совсем не все знает, не полностью компетентно. «Невский зритель» говорит о правительстве прямо, не пользуясь ни эзоповым языком, ни условной маской. Чрезвычайно важно, как уже было отмечено, что публицист считает себя вправе легально говорить о правительстве в тоне долженствования. Высказывание своего мнения, отличного от мнения властей, осознавалось как естественное право, хотя за назидательную интонацию журнал и получил внушение от тогдашнего министра народного просвещения князя А.Н. Голицына.

В России в начале XIX в. рождался новый феномен: осознание политическим публицистом своей отдельности, своей субъектности по отношению к политической жизни. Рядовой российский журна-

¹⁷ Невский зритель. 1820. Ч. 1. № 3. С. 1–2.

лист начал с того, что нарушил молчание, осмелился произнести *суждение* о конкретных фактах российской политической жизни, как Н.М. Карамзин в «Вестнике Европы» (1802–1804)¹⁸, а затем подал *совет*.

Был ли это наш, чисто российский феномен, или и в Европе отношения между властью, прессой и обществом развивались таким же образом? Мы можем здесь снова сослаться на мнение социолога Юргена Хабермаса: в конце XVIII в. немецкое общество под влиянием различных факторов, в том числе развития печати, развилось в публику, аудиторию; бывший объект политического влияния развился в *субъект* размышления, вынесения суждений; общество, прежде *объект* регуляции власти, развилось в *советника* руководящих властей. Речь у Хабермаса в основном идет о Пруссии, но те же самые процессы можно обнаружить во Франции и в Англии¹⁹.

Политический публицист брал на себя роль «советника» власти и посредника в отношениях между властью и обществом. Он пытался играть роль «советника» и в других европейских странах. Вплоть до настоящего времени идея прессы как посредника между властью и обществом оставалась авторитетной в политических кругах Европы и Америки. Еще в 1960 гг. она была актуальна и для академического, и для журналистского сообщества²⁰.

Поговорим теперь подробнее о том, в чем состоит социальная, политическая роль журналиста в новом, разделенном, обществе.

То, что власть и общество существуют сами по себе как независимые социально-политические феномены, создает проблемы и мировоззренческого, и политического плана. Это прежде всего проблема коммуникации, проблема осведомленности власти об обществе, и наоборот. Отчасти эта проблема компенсируется деятельностью поли-

¹⁸ Касаясь вопроса о том, что учителя в России в основном иностранцы, Н.М. Карамзин писал: «Мысль прискорбная для всякого патриотического сердца! ... Предмет, достойный внимания нашего мудрого Правительства! Оно конечно не имеет нужды в наших советах; но мы имеем право рассуждать о том между собою и спрашивать друг и друга, каким способом можно заменить в России иностранных учителей...» (NN. О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 362.)

¹⁹ Во время 1-й Мировой войны в Англии была введена военная цензура. Оппозиция и журналисты сразу же заявили свой протест. Премьер отвечал на критику: «Правительство может лишь приветствовать критику прессы, которая внушена не желанием создать затруднения, но, наоборот, стремлением дать ему... разумный совет относительно настоящей минуты». (The Times. 1914. Nov. 12; цит. по: Русские записки. 1914. № 2. Декабрь. С. 303).

²⁰ Berdes G.R. Friendly Adversaries: The Press and Government. Milwaukee. Marquette University, 1969. P. 24. Seymour C. The Press, Politics and the Public. L., 1968. P. 20–24.

тических публицистов. Их роль — роль посредников между властью и обществом, медиаторов, осуществляющих связь. Именно на эту роль претендовал А.С. Пушкин, когда планировал в начале 1830-х гг. издание политической проправительственной газеты. Предполагаемая газета должна была сообщать правительству мнение общества и, с другой стороны, — объяснять обществу намерения власти.

Новое понимание отношений между властью и обществом основывалось на следующих априорных посылах: предполагаемого или действительно существовавшего единства народа и власти больше не существует; общественное мнение, мнение публики существует независимо от желания власти и при любом образе правления часто не совпадает с мнением самой власти.

Трактовка прессы как посредника исходит из этих идей, по своей природе либеральных. Дальнейшее развитие их приводит к парламентской демократии. Но трактовки идеи «посредничества» и в XIX, и в XX в. были отнюдь не только либеральными. В уже упоминавшейся записке 1826 г. Фаддей Булгарин писал императору Николаю I, что для управления общественным мнением необходимо проводить политику «гласности». Суть ее состояла в следующем: только пушками с общественным мнением уже не сладить; если власть хочет *влиять*, а тем более *управлять* общественным мнением, необходимо, чтобы общество *доверяло* власти и тому хорошему, что журналисты говорят о власти. Последнее же возможно, если эту власть можно за что-то критиковать. Возможность критики рождает доверие и к положительному о власти суждению. Только при наличии такого доверия газета сможет действительно пропагандировать мероприятия властей, сможет рассеивать «неосновательные мнения» относительно власти и «управлять общим мнением»²¹.

Очевидно, что мысль о возможности манипулирования общественным мнением с помощью печати по своей природе тоталитарна, но вот парадокс: механизм, с помощью которого предлагалось осуществлять манипуляцию — доверие общества в ответ на возможность критики, — безусловно либерален и демократичен. Критика хотя бы некоторых мероприятий правительства предполагает, что

²¹ Имению Булгарин впервые описал «гласность» как политический феномен, как политику властей в отношении печати, направленную не столько на то, чтобы дать обществу дополнительную информацию о мерах, принимаемых властью, сколько на то, чтобы, допустив возможность критики в отношении некоторых мер правительства, добиться тем самым доверия общества к любой публикуемой информации, в том числе и проправительственной. Доверие же к публикуемой информации нужно для более успешного управления общественным мнением.

правительство как бы *обязывается отчетом перед публикой* в своих действиях²². Постепенно ширина канала критической информации, гласность неизбежно будут расширяться, пока не достигнут своих пределов — свободы слова.

В самом общем смысле это и есть то *посредничество*, о котором В.В. Путин, а до него очень многие российские политики, в частности П.А. Столыпин, просили, а иногда и требовали от прессы. Критика должна быть умеренна, количество предметов, подлежащих критике, ограничено (за этим должны следить специальные органы). Следовательно, ширина канала информации, или гласность, оказывается достаточно ограниченной. Важно, однако, что необходимость такого канала, необходимость медиатора, влияющего на общество и способного влиять и на власть, была очевидна для многих журналистов и некоторых крупных чиновников уже в начале XIX в. Обществу необходима гласность, и ее нужно осторожно вводить, но отнюдь не в качестве начала либеральных реформ, а прежде всего как инструмент управления российским обществом.

Более чем через сто лет, к концу существования советского режима, эта история повторяется вновь. К концу 1970 — началу 1980-х гг. становится очевидным, что значительная часть общества не считает официально декларируемое единство народа с руководством страны хоть сколько-нибудь реальным. Возникшая идеологическая ситуация разъединенности общества и власти была очевидна всем заинтересованным наблюдателям; ее фиксировал фольклор, она проявлялась в массовой приверженности неофициальной контркультуре, от Высоцкого до Макаревича. Со временем и отдельные представители партийной, культурной элиты, апологеты так называемого нового мышления увидели советское общество как разделенное, не-единое. И здесь не важно, что именно послужило толчком для нового видения — Милован Джилас с его «новым классом» или личный опыт «застрельщиков перестройки». Важно, что они признали реальность: власть и общество разделены. Нужен посредник. В качестве одного из посредников власть призвала политического публициста. Началась политика гласности. И хотя о гласности в политическом смысле речь заходила каждый раз, когда в России начинались процессы либерализации: в 1860-х, в 1900-х, в начале 1960-х гг., — но только в последний

²² Именно эту опасность введения «некоторой гласности» сразу увидел тогдашний министр просвещения А.С. Шишков. Монархическое устройство и политика гласности несовместимы, подчеркивал он.

свой приход — в конце 1980-х гг. — гласность, исчерпав себя, разродилась свободой слова. Впрочем, это не означает, что мы не можем опять вернуться к политике контролируемой гласности.

Гласность, являясь прежде всего сознательной политикой власти в отношении общества, направленной на поддержание существования власти, одновременно является и идеологической парадигмой. Как бы это ни казалось странным, но если политика гласности в начале 1990-х гг. сменилась политикой свободы слова, то идеологическая парадигма гласности до сих пор владеет, или, что вернее, лишь постепенно овладевает, нашими умами. Мы медленно и нехотя привыкаем к разделенности власти и общества. Этот тип отношений власти, общества и политического публициста мы так и называем: схема гласности. В рамках этой концепции публицист ориентирует себя как «медиатора», «посредника». Он информирует «власть» о состоянии общества, он выражает мнение народа, рассказывает о его нуждах и требованиях; в то же время политический публицист интерпретирует, объясняет намерения и цели власти в отношении общества, народа и т.д. При этом не имеет значения, поддерживает ли политический писатель власть и ее политику или настроен против. В случае поддержки публицист часто претендует на роль «советчика» при власти имущих, на то, чтобы власть прислушивалась к его советам; в случае оппозиционной настроенности публицист занимает критическую позицию в отношении власти, но при этом в своей критике он главным своим адресатом все равно видит власть: именно она должна что-то понять, принять меры, исправиться и т.д. Автор критической публицистической статьи излагает свое видение происходящих процессов в надежде, что его прочтет начальство, что оно заметит и будет действовать именно по его совету. В рамках схемы гласности идеальным материалом, содержащим критику власти и информацию о нуждах общества, является такой материал, который бы лег на стол к самому высокому начальству.

Эта концепция отношений хорошо иллюстрируется вертикальной схемой: власть — сверху, общество — внизу, между ними существует связующее звено, связующий их информационный канал. Ширина этого информационного канала может контролироваться властью. Обратная связь еще плохо работает, но власть уже не полагается на идеальное предполагаемое единство. (Я здесь намеренно упрощаю проблему. Конечно, власть полностью никогда на это единство не полагалась. И в советские, и в дореволюционные времена существовали такие институты, как тайная полиция, перлюстрация и т.п.)

Циничные в своей основе идеи Булгарина об «управлении» общественным мнением с помощью «гласности» и искреннее желание современных журналистов быть «посредниками» между властью и обществом вырастают из одной и той же идеологической, мировоззренческой концепции: прежнее единство распалось, общество разделено на несколько социальных, политических групп, и между ними необходим посредник²³.

***Возникновение новой парадигмы отношений власти, общества и политического публициста.
Концепция плюрализма***

В американской политической прессе, где до сих пор стараются придерживаться разделения на объективную информацию и субъективное мнение, статьи из раздела «мнения» — очень престижного раздела, трактующие политику, методы действий и т.п., обычно не только обсуждают, но и предлагают свой вариант политики, решений, подходов. Иногда эти предложения оформлены в виде советов, рекомендаций, более того, иногда прямо говорится, кому именно адресованы советы. Один из руководителей среднего звена администрации президента Клинтона во время обсуждения проблемы адресации заметил: когда я пишу статью, я всегда знаю, в расчете на кого я ее пишу.

Возьмем статью в какой-нибудь крупной американской газете, посвященную действиям американского президента. Вот статья в «Вашингтон пост» от 18 ноября 1999 г.; в ней выражается мнение, что во время визита Клинтона в Турцию на встречу глав стран-участниц ОБСЕ ему следует при встрече с российским президентом вести себя так-то и так-то. Даже не пересказывая содержания, поставим вопрос: кто является главным адресатом статьи?

Судя по высказанному мнению, это — президент Клинтон или государственный секретарь. Но, если это основные адресаты, почему бы автору попросту не послать им свой текст по электронной почте,

²³ Просьба В. Путина о посредничестве творческой интеллигенции — это не просто пропагандистский ход, не попытка актуализировать уже пройденный обществом этап развития. Не только власть, но и сама пресса до сих пор хочет видеть себя посредником между властью и обществом, до сих пор «посредничество» и «советничество» остаются актуальными для российского общества идеологической реальностью, актуальным видением мира.

зная, что благодаря известному имени письмо не затеряется? Зачем публиковать свои соображения в газете? Тем более что гонорары даже в ведущих газетах небольшие. Дело в том, что мнение, опубликованное в газете и выраженное убедительно и красноречиво, — это уже не просто мнение, пусть даже замечательного специалиста, эксперта. За опубликованным мнением стоит авторитет газеты (причем даже если оно не совпадает с мнением редакции) и, в потенциале, мнение части аудитории. Именно этот факт придает статье в «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Лос-Анджелес таймс» и других популярных изданиях вес и значительность и заставляет администрацию относиться к статье и выраженному в ней мнению со вниманием. Именно поэтому в статье, обращенной, казалось бы, с советом к чиновнику или президенту, главным адресатом является вся аудитория. Автор старается убедить аудиторию и этим придать вес своему мнению. Статья пишется в расчете на *каждого читателя* из аудитории. Президент, администрация, члены Конгресса, конечно, учитываются, но учитываются как члены читательской аудитории, одни из многих. Я бы назвал эту парадигму, это понимание отношений между властью, обществом и политическим публицистом плюралистической парадигмой.

В рамках этой концепции задача публициста заключается не в посредничестве между властью и обществом, а в том, чтобы быть посредником между различными идеями, между политически равноправными членами общества. Главным адресатом политического текста является не власть, не «человек с улицы» и не народ, а *читатель*. В это понятие, конечно, входят и представители власти.

Эта схема предполагает неиерархическое понимание отношений между «властью, обществом и политическим публицистом». Если концепция гласности базируется на иерархической вертикали власть — общество, а между ними находится посредник-публицист, новую концепцию можно представить в виде горизонтальной схемы, где политики, представители власти — лишь одни из многих читателей.

Приведем отрывок из статьи Уильяма Сэфайра, известного политического публициста, постоянного автора «Нью-Йорк таймс»: «Вот то послание, с которым помощники Буша (младшего) должны бы ему посоветовать обратиться к ... пакистанскому лидеру: ...демократия, даже если в это время в стране правит коррупция, лучше для народа, чем даже самая мягкая диктатура или технократия. Удивите мир тем, с какой скоростью вы сможете провести честные, свободные выборы. Только тогда хорошие политики смогут заменить плохих».

Первым цитирование и заметим, что известный американский комментатор, совсем как наши публицисты, дает советы политикам. Посмотрим, однако, что он говорит дальше (высказанное Сэфайром замечание обращено к известному пакистанскому дипломату Якуб Хану, у которого совершенно иное понимание демократии, чем у автора): «Эта точка зрения удивила моего друга-дипломата своей непрактичностью. Он вспомнил историю о Шарле де Голле, который, услышав возглас одного раздраженного реформатора: “Смерть всем дуракам!” — измученно покачал головой и заметил “Это очень обширная программа”»²⁴. На этом статья кончается.

Мы видим, что совету политического публициста (совету вполне справедливому и достойному) противопоставлена *другая* точка зрения, причем она, будучи поставлена в самый конец статьи, оказывается более выделенной по сравнению с собственно авторской. Автор, имея свою точку зрения, свое видение проблемы (это очень важно — плюрализм не отменяет убежденности в своей правоте), не настаивает на том, что именно его точка зрения является истиной. И обращен его голос не только к помощникам Буша-младшего и к самому Бушу, но, что гораздо важнее, ко всем читателям. Это для них он выделяет эффектную концовку.

Сравним теперь позицию американского публициста с позицией российского: «Что делать премьеру? Как с честью выйти из деликатнейшего положения (*sic!*)? Прежде всего, необходимо правильно выбрать тональность разговора с лидерами ЕС. Да, вы наши партнеры и союзники, поэтому мы приехали объяснить с вами... Вот только оправдываться Путин ни в коем случае не должен, потому что оправдываться перед Западом России не в чем»²⁵.

Мы видим, что публицист настолько поглощен советами премьеру (слишком очевидно, что это его единственный адресат), что уничтожает себя как отдельного субъекта политического диалога. Автор начинает говорить тоном не публициста, а нанятого советника, причем советника ближайшего, готового говорить на «деликатнейшие» темы. В своем порыве российский публицист не смущается, что начал буквально «изображать», что именно и с какой интонацией премьер должен говорить при встрече с иностранными лидерами. Совет, кото-

²⁴ The Skillful Envoy // The New-York Times. 1999. Nov. 8.

²⁵ Юсин М. Нам не в чем оправдываться перед Западом // Известия. 1999. 23 октября. Мы сознательно выбрали текст либерального публициста либеральной, во всяком случае до недавнего времени, газеты.

рый дает российский публицист, он считает единственно верным. Утвердительная, пафосная интонация подчеркивает, что другое мнение просто невозможно.

Разница между анализируемыми статьями состоит в том, что американский политический публицист, по существу, обращается не с советом к Бушу-младшему, а с текстом к аудитории. Он не посредник и не советчик, он сам является членом той аудитории, к которой обращается, и находится не между обществом и властью, т.е. сверху и вне общества, а на одном с ним уровне. Его точка зрения — не единственно правильный совет или единственно верный «глас народа» (что всегда присутствует в текстах публицистов-посредников), а одна из точек зрения, вполне допускающая существование других мнений. И обращается он ко всем членам аудитории. Если мы можем говорить о посредничестве, здесь мы видим посредничество между разными точками зрения и между разными *равноправными* членами политической аудитории. Именно эта плюралистическая схема свойственна для демократий с развитым гражданским обществом. И именно эта схема начинает утверждаться и у нас.

Так же, как и между первой и второй парадигмой, между второй и третьей лежит идеологическая пропасть. Они являются отражением принципиально разных мировоззрений, в том числе и политических. Тот факт, что наши политические институты, которые соответствуют именно последней, плюралистической, парадигме, не стыкуются с теми идеологическими схемами, которые все еще сидят в наших головах, говорит лишь о том, что мы находимся в самом начале пути утверждения плюрализма.

Еще несколько лет назад можно было бы сказать, что в нашем обществе идет несколько параллельных процессов, из которых два казались важнейшими: изживание идеалов единства и становление гласности, изживание гласности и становление идеалов свободы слова и плюрализма. Сегодня эти процессы если и не обращены вспять, то сильно заторможены и даже приостановлены. (Приостановлены властью, но с молчаливого согласия общества.)

Если свободы не востребованы обществом, если общество не готово их защищать каждый день и каждый час, их забирают. Взамен нам предлагают «гласность», когда «наиболее ответственные и честные» представители общества смогут напрямую обращаться к власти и быть посредниками между «народом» и властью.

Начало правления В. Путина было озаглавлено необычайной «советнической» активностью. Пример М. Юсина — лишь один

из многих. Каждый день до нас доходил десяток разнообразных советов от политиков, бизнесменов, журналистов: все взапуски бросились объяснять и надеяться, что у президента хватит мудрости... Сегодня это уже кажется почти фрондерством. Затем пришел период «партнерства» с властью: «Мы все делаем одно дело, надо перестать постоянно ругать власть и начать сотрудничество с нею в духе партнерских отношений». Как именно реализуется партнерство, видно по тому, что сегодня становятся актуальными идеи политического заказа: политические деятели, публицисты, так называемые неправительственные организации выстроились в очередь за заказами на исследования, разработку программ и т.п., обычно хорошо оплачиваемых.

Можно надеяться, что политическим комментаторам, публицистам по-прежнему будут разрешать «выражать общественное мнение» и «доносить» его, а всем вообще разрешат дискутировать на определенные темы без ограничений, на некоторые — с ограничениями, а про часть тем нам придется забыть. «Либеральные» органы, такие как газета «Известия», будут пропагандировать идеалы гласности, а правительственные издания — идеалы «Единства».

Пропаганда и манипуляция общественным мнением. Разница между пропагандой и манипуляцией

Пропаганда и манипуляция могут рассматриваться как содержательная и инструментальная сторона политического процесса. Причем содержательная сторона обычно неотделима от инструментальной. Пропаганда — это попытка внушить, убедить в правильности, адекватности определенной точки зрения на действительность. А манипуляция — это способ (способы) добиться поддержки обществом таких действий власти, которые без использования специальных приемов манипуляции были бы обществом отвергнуты; это способ добиться поддержки общества, не предполагающий дискуссии.

Основная цель манипуляции — не получить поддержку (как в случае пропаганды), а вызвать, добиться определенной ответной реакции, которую уже затем можно использовать. Политические тексты при этом могут служить инструментами. При кажущейся очевидной разнице между пропагандой и манипуляцией различить их иногда бывает сложно. Вспомним Джорджа Оруэлла, который считал, что использование понятий «перемещение населения», «умиротворение», «трудовые лагеря» — это и пропаганда, и бесчестная манипуляция,

стремление ввести в заблуждение общественное мнение, так как в реальности эти «нейтральные» понятия описывали убийства, рабский труд, тяжелые лишения для миллионов, и общественное мнение никогда бы не согласилось поддерживать подобную политику, если бы она описывалась в адекватных терминах²⁶. Действительно, использование терминов с нейтральными коннотациями помогает скрыть от внимания общества негативные явления. Именно такой подход к пропаганде и манипуляции, т.е. практическое неразличение их, стал основой для многих современных исследований дискурса. Например, Гюнтер Кресс утверждает, что масс-медиа (и политики), «постоянно создавая материалы, интегрируют их в своеобразную идеологическую систему с тем, чтобы оформлять и влиять на идеологические структуры в обществе. Подобное производство материалов журналистами является идеологическим по своему воздействию и в большинстве случаев, в своем намерении и воздействии, также политическим»²⁷.

С другой стороны, некоторые исследователи, в частности, американский ученый Майкл Гайз, полагают, что манипуляции общественным мнением как феномена не существует. Существует только пропаганда. Идея М. Гайза: манипуляция предполагает цинизм и отстраненность, а журналисты и политики *верят* в то, что они говорят и пишут. Они описывают действительность так, как они ее видят. При таком подходе действительно трудно говорить о манипуляции. Ведь даже наблюдая полностью разрушенный город, можно при наличии искренней веры не замечать натяжки в заверениях военных о «точечных бомбардировках». То что для одних было «братской помощью народу Чехословакии» в 1968 г., для других было «неспровоцированной вооруженной агрессией». Для одних наблюдателей парламентские выборы 2003 г. в России — это «массовые нарушения и злоупотребления», а для председателя Центральной избирательной комиссии выборы «в целом» прошли без нарушений.

²⁶ В ходе первой чеченской кампании официальные источники сообщали о «точечных бомбардировках» (этот термин должен был занять свое почетное место в списке Оруэлла как отражающий гуманное отношение к войне), а НТВ показывало полностью разрушенный Грозный, причем, в основном, жилые дома. Сопоставление официальной пропаганды и телевизионной картинки вызывало явное нежелание продолжать войну. Этот эпизод служит замечательной иллюстрацией к идее Оруэлла: если людям показывать, что такое «точечные бомбардировки», властям трудно будет добиться поддержки продолжения войны.

В 2001 г. одним из обвинений против НТВ стало то, что Россия проиграла «пропагандистскую войну», потому что идеологам чеченской независимости помогало НТВ.

²⁷ Kress G., Hodge R. Language as Ideology. London, 1979.

Выйти из этого противоречия трудно даже с помощью приведенного выше разграничения: пропаганда — это убеждение, а манипуляция — стремление добиться определенной реакции. Поскольку приведенные примеры отражают ситуацию пограничную: пропаганда пытается убеждать, для того чтобы получить необходимую политикам реакцию общества, умение развести эти понятия в каждом конкретном случае требует большого внимания и усилий. В конце концов, иногда удается доказать, что пропагандист *понимает* разницу между точечными бомбардировками и ковравыми, и даже способен различить результаты разных бомбардировок. Если же пропагандист продолжает настаивать, что образ «точечные бомбардировки» корректно описывает реальность полностью разрушенного города, здесь мы, без сомнения, имеем дело с попыткой манипуляции общественным мнением, а не с «верой в истинность своего описания».

Общепринятыми инструментами манипуляции являются: целенаправленный вброс информации, обычно дискредитирующего характера; вброс проблемной провокативной информации: люди заняты обсуждением, кто прав, кто виноват, и меньше замечают процессы, идущие параллельно; организация массовых акций протеста или одобрения и т.д. Но есть и неконвенциональные способы манипуляции, например известный «25 кадр». Это манипуляция тайная, полностью скрытая от сознания человека. Общественные способы отличаются от неконвенциональных общепринятых тем, что открыто пытаются влиять на члена политической аудитории; открытым способом можно противостоять, как бы искусно они ни были устроены.

Перечисленные приемы манипуляции можно назвать «сиюминутной манипуляцией»: они нацелены на почти автоматическое воздействие, на автоматическую реакцию, например взрыв негодования на проворовавшего политика. Но существуют и приемы долгосрочной манипуляции: придание общего направления, управление процессами. Долгосрочная манипуляция — настоящее политическое искусство. Примерами таких манипуляций, имеющих отношение к дискурсу, были кампании по разработке и пропаганде идей «Единства»; по дискредитации парламентской системы, масс-медиа, правозащитной деятельности; перенос социального недовольства с президента на бюрократию; кампании по пропаганде «партнерства», партнерских отношений общества (прессы, неправительственных организаций) с властью; создание образа Путина — успешного менеджера, в меру консервативного и в меру прогрессивного.

Механизмы, отчасти компенсирующие эффект от манипуляции, — это присутствие в политическом дискурсе других точек зрения, с которыми приходится вести полемику, которые необходимо опровергать и дискредитировать. Это чрезвычайно важный момент. В нашей современной действительности распространено мнение, что политики, все и везде, врут. При этом иногда ссылаются на мнение такого тонкого наблюдателя, как Оруэлл, который не делал различия между врущими политиками Британии и России: «В наше время политические речи и статьи в значительной степени произносятся и пишутся в защиту того, чего защитить нельзя... Поэтому язык политиков должен состоять из эвфемизмов... и туманных высказываний».

На самом деле разница была, и очень важная. В британском политическом дискурсе даже во время военных действий в Индии в 1940-х гг. существовала возможность высказывать *другую* точку зрения на то, что же происходило в Индии и что официально называлось «умиротворением». Легальное существование других точек зрения существенно ограничивало саму возможность манипуляции общественным мнением. В советском политическом дискурсе для другой точки зрения на чистки и депортации не было места принципиально. Поэтому лингвистически схожие явления использования эвфемизмов в абсолютно разном политическом контексте имели разные значения и разные последствия. Британские эвфемизмы провоцировали интеллектуальную и политическую активность оппозиции и всей политически ангажированной аудитории. Советские эвфемизмы в контексте подавления любого инакомыслия, за очень небольшим исключением, порождали апатию и безразличие.

Отсутствие компенсаторного механизма в недемократическом дискурсе только на первый взгляд облегчает работу официальных пропагандистов. Знакомых с советским и любым тоталитарным опытом не надо уверять, что общество, лишённое альтернативных точек зрения, перестает доверять официальной точке зрения. Под страхом репрессий общество проявляет податливость к любым внушениям начальства, но никогда им не доверяет и всегда остается себе на уме.

Проблема «идеального, нормального, естественного, народного языка» — языка, выступающего как оппозиция «искусственно насаждаемому языку политиков и демагогов»

Многие европейские интеллектуалы 1930–1940-х гг., Дж. Оруэлл, Бенедитто Кроче и др., — предполагали, что возможен некоторый вариант «естественного» языка, который, например, поставит преграду политикам-демагогам и манипуляторам. Предполагалось, что есть некоторый естественный, народный язык, который может описать явления объективно и беспристрастно. Сегодня, как мы уже отмечали во второй лекции, стало понятно, что такого языка нет. (Одним из тех, кто еще в 1970-е гг. писал о невозможности «естественного», неидеологического языка, был швейцарский исследователь Патрик Серио²⁸.) Нет нейтрально-объективного описания, а то, что многими воспринимается как таковое, есть описание незаинтересованное, безразличное. Именно так смотрели «пролы» Оруэлла на реальность в мире Большого брата. Но этот безразличный взгляд — не спасение от манипуляции. Единственное оружие против нее — это, как мы уже сказали, заинтересованный, ангажированный *иной* взгляд на действительность. Но когда этот *иной* взгляд в ходе борьбы становится доминирующим, спасение надо искать уже от него самого и опять в наличии других *иных* взглядов.

Знаменательно, что в последнее время (начало 2004 г.) в современном российском политическом дискурсе возникли идеи о необходимости «однозначных» понятий, так как «неоднозначность» способствует использованию идей в спекулятивных целях и их искажению. Благодаря многозначности понятий ЛДПР Жириновского якобы исказила идею «либерализма», СПС исказил идею «правых», а коммунисты — идеи «справедливости». Источник стремления к однозначности и определенности становится понятен, если отметить, что одновременно с нападками на многозначность идут нападки на прессу, на толерантность и на «всякие -измы», якобы исказившие «простой русский язык», к которому нам надо вернуться. Новые люди, пришедшие к власти, пытаются нащупать подходы к сложным проблемам и ответы дают в соответствии со своим уровнем понимания, в рамках усвоенного ими профессионального мировоззрения.

²⁸ См.: Философия языка: в границах и вне границ. Харьков: ОКО, 1993.

Простота и однозначность понятий не спасают от ловких демагогов и манипуляторов. Наоборот, они порождают безразличие, апатию и недоверие. Кроме того, однозначность как раз создает возможность опасного *усиления* влияния демагогии. Советский официальный дискурс создал наилучшую с точки зрения однозначности систему понятий. «Свобода» — осознанная необходимость. «Справедливость» — коммунистическая. «Демократия» — это советский строй и т.д. К какому эффекту привело почти идеальное однообразие, мы увидели во время перестройки. Любой талантливый демагог, ловко используя понятия, не важно какие — положительные или отрицательные («свобода», «диктатура», «права человека», «демократия»), играя на «несоветскости», «неофициальности» при их использовании, получал возможность манипуляции толпами сотен тысяч людей.

Идея искусственно вводимой «однозначности» «простого русского языка» утопична, тоталитарна и потенциально чревата потрясениями. Любое сообщество в процессе коммуникации, пользования языком, само вводит ограничения на излишнюю многозначность понятий. И этого естественного ограничения многообразия значений вполне достаточно для успешной коммуникации. Другая крайность — бесконечное многообразие значений (воображаемое, поскольку ни один язык еще не допускал подобной многочисленности значений даже у самых важных понятий) — в пределе может привести к эффекту вавилонской башни, когда люди перестанут понимать друг друга. А искусственная однозначность приведет к утрате интереса к новому, к поиску и творчеству.

Лекция 8

*Работа с листовками и политическими текстами.
Политическая карикатура*

Выработка навыков содержательного анализа политических текстов. Содержательная структура политических текстов. Анализ текстов с точки зрения того, что сказано. Смысловые блоки. Навыки анализа структуры текстов. Анализ политических текстов на уровне прямого слова. Адресация текстов

Реклама, листовка, лозунг являются агитационными, пропагандистскими материалами, основная задача которых зависит от складывающейся конъюнктуры. Это может быть создание благоприятного образа кандидата, партии; убеждение потенциального избирателя; мобилизация его на поддержку. Они заняты пропагандой, поэтому никто не ждет от них объективности (см. лекцию 7).

Реклама, листовка состоит из изобразительного ряда и текста (подписей, лозунгов, программы, выдержек разного рода). В рекламе, листовке все — каждая деталь оформления, расположение материала, структура — имеет важное значение, потому что каждая деталь должна работать на выполнение основной задачи, которую поставил перед собой создатель пропагандистского материала. Если она не работает, листовка лишается возможного потенциала.

Взглянем на листовку межрегионального движения «Единство», подготовленную во время парламентской избирательной кампании 1999 г. Избирательная кампания этого блока строилась тщательно и очень умело, что выгодно отличало ее от кампаний их оппонентов, и от того, как строилась кампания преемницы «Единства» — партии «Единая Россия» на последних выборах 2003 г.

Три лидера стоят, фон — нечеткий, как бы утреннее изображение рожи: угадываются освещенные солнцем березы и редкие сосны. Как расположены фигуры политиков? — Посредине и чуть впереди стоит Сергей Шойгу, за ним Александр Карелин и Александр Гуров. Ракурс

ЦЕЛИ ЕДИНСТВА

ЕДИНСТВО ЗА

- приоритет национальных интересов
- поддержку армии и правоохранительных органов
- развитие федерализма
- поддержку российских производителей
- развитие культуры в столицах и провинции

ЕДИНСТВО ПРОТИВ

- экспериментов над страной
- разбазаривании национальных богатств
- коррупции
- засилья бюрократической системы
- депутатских привилегий

Сергей ШОЙГУ
Александр КАРЕЛИН
Александр ГУРОВ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ЕДИНСТВО
(М Е Д В Е ДЬ)

В ЕДИНСТВЕ - НАША СИЛА

взят чуть снизу, поэтому Шойгу кажется выше Карелина. Цвет одежды — ярко-красная «спасательская» куртка Шойгу и темные цвета его соратников. Композиция и цветовая гамма выделяют и подчеркивают первенство Шойгу.

Как они одеты? Шойгу и генерал Гуров одеты в «служебную форму»: куртка спасателя на Шойгу и милицмейская куртка на Гурове. Куртки подчеркивают практический, деловой, «рабочий» характер наших героев. Фуражка с высокой тульей на маленьком Гурове делает его чуть выше, и он не кажется меньше ростом по сравнению со своими соратниками. Только Карелин одет в цивильное. И понятно почему. У каждого персонажа на картинке свой имидж, свое положение: Шойгу — «спасатель» (что подчеркивается его красной служебной курткой), Гуров — генерал милиции, силовик и борец с мафиошными практиками, непарадная форма подчеркивает это. Карелин — формально — подполковник налоговой полиции, но его имидж, который работает в листовке, — другой. Прежде всего, он — борец, трехкратный олимпийский чемпион, символ силы и победы. Показать в форме налогового — значит затемнить предлагаемый в листовке образ. Мощь и сила этого человека видны сразу: мощная шея, широкое плечо.

кие плечи, по фигуре и рукам чувствуется высокий рост. Гражданская одежда: легкое пальто, костюм-тройка, галстук — несколько сглаживают, придают цивилизованный вид этой мощи и силе.

Фон — типичный российский лесок, солнечная опушка. Береза — теплый, светлый национальный символ. Замечательно, что фон дан нечетко, бледно. Создатели явно не хотели лобового хода: три русских политика на фоне русских берез, что само по себе уже напрашивается на пародию: три богатыря, три медведя. Нечеткий фон не провоцирует ненужные ассоциации, сосредотачивает внимание на переднем плане, на фигурах лидеров, но при этом глаз читателя отмечает его, и к восприятию трех лидеров добавляются связанные с изображением теплые, положительные ассоциации.

Слово «Единство» выделено в одном случае величиной шрифта, в другом — цветом. Помимо стремления как можно прочнее зафиксировать в сознании аудитории название блока здесь есть расчет на положительные коннотации, которые имеет это понятие. Символ движения — медведь — также не случаен. Это и символ России, символ силы, и отражение ожиданий значительной части населения, ностальгирующей по «сильной руке» сильного лидера, «сильной державе». (Реальное воплощение «силы» — борец Карелин.) Эмблема движения — медведь — отнюдь не олимпийский мишка. Это изображение мощного животного, хотя сама эмблема и небольшая по размеру.

На примере первой полосы листовки мы видим, как умело подобраны символы, названия, фигуры (так!), как они взаимосвязаны и поддерживают друг друга, создавая устойчивое смысловое и ассоциативное поле. Уже по первой полосе мы можем попытаться охарактеризовать адресата листовки: это избиратель, тоскующий по «сильной руке», уважающий силу, предпочитающий чиновникам конкретных деятелей, спасателей, хранящий в памяти или ориентирующийся на ценности «счастливого советского детства»: природу, единство. Очевидный акцент на символику, образы визуального характера (за счет собственно политического послания) говорят об особенностях восприятия потенциального сторонника «Единства», о его видении мира вообще и политического мира в частности: оно образное, символическое, слабо рационализированное.

Разворот листовки сформирован так: лидеры Единства — с формальными биографиями и портретами на левой полосе¹; в цент-

¹ Если в горизонтальном ряду доминантой является центральная фигура, то в вертикальном ряду доминантой оказывается то, что разложено сверху.

коррупции», «бездарные управленцы и казнокрады», Дума должна перестать быть «столичным политическим балаганом». «Мы хотим жить в сильной, богатой, развивающейся России», нам «нужна великая Россия, но не нужны великие потрясения». Выражение: «И на том стоим» — при множественности коннотаций говорит прежде всего об уверенности политика в себе и своих силах.

Риторика этих отрывков создает не только положительный образ «команды Шойгу», но и ряд отрицательных образов: во-первых, образ бюрократа, чиновника как врага, вора, коррупционера; во-вторых, отрицательный образ политики и политиков прошлых лет: «эксперименты горе-политиков», «системный кризис»; в-третьих, отрицательный образ парламентария как «балаганного болтуна», краснбая. Замечательно, что в программном отрывке собственно политическая программа ограничивается общими фразами: будем действовать «быстро и решительно», бороться с бюрократами и казнокрадами, расточительством, — без четкого политического позиционирования.

Высказывания избирателей: «Голосую за Единство: за Шойгу, Карелина, Гурова» — подобраны следующим образом:

- они характеризуют личности лидеров: четыре раза идет речь о Шойгу, по одному разу — о Гурове и Карелине;

- Гуров и Карелин, Шойгу — хорошие профессионалы, Шойгу еще и незапятнан, «светлая голова», «настоящий мужик», организатор;

- авторы высказываний — среднестатистические россияне: бюджетники, невысокого социального ранга (учитель, сержант милиции, пожарный), среднего возраста (26–40 лет), городские (но не столичные!) жители (из шести — один москвич). Единственное, но знаковое отступление от «среднестатистического россиянина»: четверо из шестерых — мужчины.

Из высказываний вырисовываются четкие оппозиции, наполненные эмоциями и символами, позитивными и отрицательными ценностями:

- «чистые руки» (у Шойгу) — против воров-политиков;
- мафия, «задушить гадину», «братки», угроза детям — Гуров хочет ее «уничтожить», чтобы «страна дышала свободнее». К символической оппозиции добавляется мобилизация: «необходимо сделать»;
- «настоящий мужик», «надежный», «не проспали бы Союз, и Россию выстроили бы *по-другому*» — в подразумеваемой оппозиции те, кто Союз развалил и выстроил сегодняшнюю Россию;

- Российский гимн в честь победителя, Карелин «ломал» противников, «здоровая сила» — в противоположность «безвольным болтам-депутатам», подразумеваемая оппозиция — противники внешние и внутренние. Мобилизация: «надо»;

- «страну доверить не страшно», «светлая голова» — против чиновников — «свадебных генералов»;

- «что говорит, то и делает», надежный, спасатель; не такой как обычно, у него «все как у людей», нет обычной «русской безалаберности».

И последний структурный элемент — полоса с целями «Единства» представлена как оппозиция «за» и «против».

Лозунги «Единство — за» построены как общие заявления, они опираются на символы и ценности, но за общими словами можно увидеть и контуры политического направления. Уже первый лозунг «За приоритет национальных интересов» при всем своем неопределенно-общем характере (кто определяет, что является «национальными интересами?»), опоре на положительный образ («национальный» задает возможные оппозиции: эта декларация подразумевает подчинение интересов частных, индивидуальных и части общества интересам «национальным». Второй лозунг «За поддержку армии и правоохранительных органов» при всей политической неопределенности (какого рода поддержка?) несет в себе очевидные политические установки: солидарность со слоем военных и силовиков. Остальные лозунги носят такой же общий характер: поддержка федерализма (видимо, против конфедерализма, сепаратизма), развитие культуры (интересно, как же против?). Единственный лозунг, касающийся экономики, обещающий поддержку российских предпринимателей (т.е. возможные покровительственные тарифы, высокие ввозные пошлины и пр.).

Лозунги «Единство — против» по сравнению с лозунгами «за» более эмоционально насыщены, символичны и столь же неопределенны. Но и за этой неопределенностью угадываются политические контуры.

- «Против экспериментов над страной», разбазаривания национальных богатств, коррупции, засилья бюрократической системы...

Очевидно стремление создать отрицательный образ предыдущей политики, политической и управленческой системы, сформировавшийся в стране, представить главными оппонентами и виновными в бюрократов и «экспериментаторов». Последнее понятие задает неопределительность, неочевидность реформ 1990-х гг. — не каких-то конкретных, а вообще всех реформ: экспериментаторы удовлетворяли св

любопытство за счет страны, а страна вполне могла обойтись без всяких экспериментов. Эта деталь, поддерживаемая другими символами: дискредитацией парламента, образом кризиса, спасения, опорой на советскую символику, а также политическими заявлениями о поддержке силовых структур, — задает политический вектор — назад, к стабильности, к единству, надежности, гордости за великую Россию, к сильным правоохранительным органам.

На основе нашего разбора можно сделать следующие выводы: листовка рассчитана на рядового, среднестатистического избирателя, при этом создатели отнюдь не заняты автоматическим «заполнением клеточек» в кроссворде политической кампании. Они знают о большей роли мужчин в политическом выборе, т.е. о маскулинности российского общества, и дают слово мужчинам. Все приемы, использованные создателями листовки, не случайны, не разнородны, все они нацелены на конкретную аудиторию. Создатели листовки хорошо представляют себе свою целевую аудиторию и очень умело и аккуратно работают с ней. Они ориентируются на политически ангажированного жителя провинции, но ангажированного на уровне эмоциональных, символических реакций; не имеющего четко осознанных собственных экономических, политических интересов и судящего о политиках по их символическим жестам, о политике — по словам и лозунгам; обращающего внимание не на политические, а на символические действия. Этот избиратель голосует не за партию и программу, а за Шойгу, Карелина, Гурова. И эти личности ему интересны прежде всего как олицетворение важных для него символов: надежности, силы, борьбы с «гадиной». Они не позволяют экспериментировать и принесут стабильность.

Политики для этого избирателя — не проводники определенных программ, определенной, конкретной политической линии, а «защитники», «борцы», т.е. символическое олицетворение Отца-защитника.

Любой политический текст прежде всего обращается к аудитории. Он нужен только для того, чтобы убедить, мобилизовать аудиторию. И мы видим, как отдельные приемы работают на то, чтобы привлечь внимание, описать действительность в понятных для аудитории терминах, образах, символах, описать ситуацию как кризис, создать образ врага и убедить аудиторию, что данные политические фигуры — это наилучшее решение всех проблем. Мобилизация аудитории достигается за счет нагнетания напряжения, с помощью модальности долженствования, необходимости, срочности, с помощью эмоционально насыщенных образов.

В политическом дискурсе нет «вообще хороших» приемов, нет «вообще результативных» ходов. Каждый успешный, т.е. выполняющий свои функции, текст работает в конкретной обстановке, для конкретной аудитории, в конкретное время и в конкретном обществе. В другом обществе в другое время этот же текст, этот же прием может стать объектом пародии, насмешек и быть контрпродуктивным.

Дядя Сэм зовет на войну

Известный американский плакат художника Джеймса Флегга (James M. Flagg) времен Первой мировой войны изображает «дядю Сэма» с направленным на зрителя пальцем и надписью: «I WANT YOU FOR U.S. ARMY» — («Ты мне нужен для армии США»). Плакат был необычайно популярен и во время своего создания (1917), и во время Второй мировой войны, и был символом патриотизма. Многие американцы записывались на войну добровольцами.

Первые изображения «дяди Сэма» появились еще в середине XIX в. Тогда и сложился несколько сатирический образ худого пожилого человека в высокой шляпе и полосатых брюках, — типичного американца. Изображение, созданное Флеггом, отличают лишь некоторые новые детали: звездно-полосатая шляпа — символ американского флага, а сам «дядя» — пожилой джентльмен, суровый и требовательный, но именно этот образ стал символом Америки.

Вариантом этого плаката можно считать известный плакат Дмитрия Моора времен Гражданской войны (1920): «А ты записался добровольцем?»

Самый известный подобный плакат времен Отечественной войны — это знаменитое произведение Ираклия Тоидзе: «Родина-мать зовет». Вариант 1941 г. изображал пожилую женщину с призывно поднятой рукой, смотрящую сверху на зрителя. Это символическое изображение Родины, поднятая рука — театральный жест, наследие французского классицизма (символическое изображение Франции — Марион, а также символы французской революции: Марсельеза, Свобода — изображаются с поднятой рукой). Характерно, что, подняв призывно руку, внимательно смотря на зрителя и протягивая ему текст присяги, женщина молчит. «Родина-мать зовет» — это голос (подпись) комментатора. Автору было явно недостаточно просто создать сильный визуальный образ, он хотел буквально назвать ее, произнести слова: «родина-мать». Этот символ, один из наиболее ценных и авторитетных

**I WANT YOU
FOR U.S. ARMY**

символов в русском национальном сознании, был скорее на слуху, в культурной, фольклорной памяти нации. Соответствующего визуального изображения этого символа к началу войны не существовало.

Оно было создано только во время войны и после войны и уже в этом виде вошло и существует в национальном сознании.

У французов символ родины — молодая, здоровая, воинственная женщина, сестра, подруга. У россиян символ родины — мать. Соответственно мы — дети, с обязанностями по отношению к матери. То, что женщина смотрит сверху вниз, соответствует ее высокому символическому значению; не забудем, что взгляд сверху — это и формально более высокое положение по сравнению со зрителем. Плакат стремится актуализировать эмоции, связанные с ценным символом родины-матери, оформить осмысление реальности через образ зовущей родины-матери, что влечет за собой желание подчиниться, выполнить сыновний долг. Это опосредованная мобилизация — активизация эмоций, когда действия должны стать результатом эмоционального подъема.

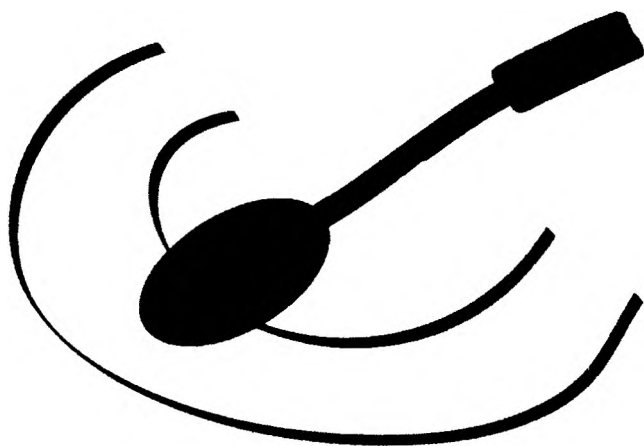
Американский плакат отличается от советских своей настойчивостью, требовательностью, персональной обращенностью призыва. Дядя Сэм обращается лично: мне нужен именно ты, зритель. Это говорит не Родина, и даже не Отечество, это говорит «типичный американец», отчасти государство, но государство демократическое, выбранное тобою — зрителем, и представленное более опытными и пожилыми твоими, зритель, родственниками. Дядя Сэм смотрит прямо на зрителя, как равный на равного, и буквально требует от него записаться в армию. В обращении нет ничего патетического, только личное обращение, голая прагматика: для армии нужен именно ты, записывайся. Символическая опора этого постера невелика: возраст «типичного американца» и государственная символика. По сравнению с плакатом «Родина-мать зовет», американский плакат прибегает к принципиально иному способу мобилизации: персональному призыву, персональному требованию: я к тебе обратился, теперь ты знаешь, что ты мне нужен, дальше решать тебе самому, согласишься или откажешься, это будет твой сознательный выбор. Идет прямое обращение к сознанию, прямой призыв к действиям, а не возбуждение эмоций, на основе которых затем должно быть произведено желаемое действие. (Мы не говорим об «обертонах» — эмоциональности, возникающей как результат настойчивого требования.)

Судя по реакции современных российских студентов, такое персональное, требовательное, прямое обращение, обращение равного к равному, направленное на то, чтобы поощрить зрителя записаться в добровольцы, произвело бы сегодня в России совершенно обратное действие. Подобное обращение у многих вызывает эмо-

циональный отпор. Конечно, реакцию студентов можно объяснить конкретной сегодняшней российской ситуацией (неудачная война в Чечне, низкая репутация российской армии), неоформленностью патриотических чувств, контингентом студентов. Но есть, видимо, и принципиальная разница в типах обращения, типах мобилизации, обусловленная разным культурным опытом, разной политической культурой. Многие наши рекламные плакаты обращаются прежде всего к символам, ценностям, актуализируют образы, возбуждают эмоции, а обращение к сознанию с прямым личным призывом встречается не очень часто.

Плакат Дмитрия Моора «Ты записался добровольцем?» принято считать точным ремейком плаката Флегга. Однако мы видим, что красноармеец, как и Родина-мать, смотрит несколько сверху. Взгляд его сильно отличается от пристального взгляда дяди Сэма: красноармеец смотрит широко открытыми круглыми глазами как бы мимо зрителя. Мощная фигура — это символ народной силы и, возможно, некоторой угрозы, возмездия незаписавшимся. Красноармеец прямо не требует, он спрашивает, записался ли зритель, это призыв к выполнению долга, подкрепленный символическим изображением народа.

Замечательный пример опосредованной мобилизации, хотя и другого типа, появился во время парламентских выборов 2003 г. Изображение на плакате — тарелка и ложка (вариант — расческа). Надпись: «Уходя на выборы, не забудьте вымыть посуду» (вариант: не забудьте причесаться). Смысл этих забавных плакатов отнюдь не юмористический. Это своего рода пропедевтика, профилактическая психологическая обработка. Ребенку, не любящему манную кашу, умная мама перед завтраком говорит: «Ты хочешь пойти в кино или поиграть, после того как съешь кашу?» — вводя таким образом кашу как неизбежность на пути к удовольствиям. Аналогично поступили и заказчики плаката. Они старались опосредованно ввести в сознание избирателя идею того, что на выборы сходить надо. В надписи, выполненной черным шрифтом: «Уходя на выборы, не забудьте вымыть посуду», — выделены красным слова: «выборы», «не забудьте». Замечательно, что даже у студентов-политологов первое впечатление от постера: это розыгрыш! Психолого-манипуляторский смысл рекламы выполнен настолько грамотно, что сразу не бросается в глаза. Натренированный глаз ищет четкого, прямого агитационного хода, а не найдя его, выбирает самое очевидное объяснение: «розыгрыш!». Но глаз уже зафиксировал, и на подсознательном уровне отложилось:

УХОДЯ НА ВЫБОРЫ, НЕ ЗАБУДЬТЕ ВЫМЫТЬ ПОСУДУ

выделенные красным шрифтом слова, идея естественности прихода на выборы как мытья посуды, как причесывания. Чего, в общем, и хотели достичь создатели рекламы.

Политическая карикатура

Политическая карикатура является таким же политическим текстом, как и любая статья или речь. Так же, как и словесный текст, карикатура о чем-то рассказывает, дает оценку и в некоторых случаях даже предлагает решение проблем. Для передачи смысла, того, что хотел сообщить читателю автор, в карикатуре используется сочетание языка изобразительных, художественных средств и словесных реплик, в редких случаях авторы обходятся одними изобразительными средствами.

Карикатура внешне похожа на плакат. Плакат по своей сути является иллюстрацией какого-то тезиса, прямого слова. Это иллюстрация, подкрепляющая, дополняющая, разъясняющая лозунг. Специфика карикатуры, отличающая ее от плаката и от обычного

политического текста, в том, что она иносказательна и по большей части сатирична. Образную иносказательность еще можно встретить в плакате («Родина-мать зовет»), а сатиричность — это специфика карикатуры. Если пользоваться лингвистической терминологией, у карикатуры и плаката разные модальности. Карикатура предлагает свой взгляд на мир, но дает она его не прямо, а через образы, символы, иносказание и, что является важнейшим, — особую сатирическую модальность. Смысл сатирической модальности в том, что это прежде всего оценка чужого прямого слова, критическая оценка нормы. Плакат — это прямое авторское слово, карикатура — это прежде всего критическая оценка чужого прямого слова. В карикатуре тоже можно найти некую декларацию. Например, в американской карикатуре (2005) это голос белого обывателя: «Опять этим неграм потакают», — но эта декларация является по существу чужим прямым словом и осмеивается автором с помощью особых изобразительных и риторических приемов. В другом случае, карикатура на Луначарского (1925) — это прямой голос автора, а осмеянию подвергается внешний, чужой голос, в данном случае — официальный образ Луначарского как революционного героя, не совместимый с мещанством.

Автор не говорит нам, например, так: я считаю, что такой-то политик омещанился и у меня есть такие-то и такие-то доказательства. Он создает карикатуру, в которой этот политик изображается в окружении символов мещанского быта. Изображение политика гиперболизировано, черты утрированы, и все это подчеркивает правильность предложенного автором тезиса.

Автор карикатуры лишен возможности развернутого повествования, которую имеет автор политического текста. Политический тезис, политическую идею карикатурист облекает в образ, часто, на первый взгляд, не имеющий никакого отношения к собственно тезису. А читателю как бы предлагается произвести обратный процесс: понять образ и из него реконструировать замысел автора, перевести образ в первоначальные тезис, идею. Эта задача требует от читателя творческого усилия, иногда большего, чем чтение и понимание обычного политического текста или плаката. Собственно, подобную задачу ставит любое художественное произведение, словесное, музыкальное, изобразительное или пластическое: все они предполагают некоторое постижение замысла творца читателем, слушателем, возникающее в результате понимания и оценки, усвоения формы и содержания произведения.

Любую карикатуру, в особенности это верно для карикатуры без словесного текста, надо не просто понять и интерпретировать, ее надо

Газета «Нью-Йорк таймс», 16.06.2005 г.

разгадать. Роль читателя состоит в разгадывании творческого замысла, загадки. Идет процесс, обратный созданию карикатуры: отдельные символы, черты, образы, которые читатель находит в карикатуре, он пытается понять, расшифровать их значение, каждой в отдельности и всех вместе. Понять в данном случае значит: разгадать замысел автора, на интуитивном уровне сформулировать — тот тезис, идею, которую имел в виду автор. Отличие карикатуры от других художественных жанров, которые тоже предполагают возможность или необходимость понимания аудиторией замысла автора, в том, что для жанра карикатуры подобное восстановление абсолютно необходимо, причем авторскую идею возможно восстановить с почти стопроцентной полнотой. В этом смысле карикатуру можно сравнить с загадкой: загадка предполагает однозначный ответ, и для карикатуры можно восстановить почти однозначно первоначальный замысел автора.

В описанном нами процессе восстановления замысла автора кроется замечательное свойство карикатуры, то, собственно, из-за чего этот жанр активно используется в политической жизни, а не похоронен в сборниках головоломок. Идею, представленную в обычном полити-

ческом тексте, читатель, слушатель воспринимает более или менее сознательно и критически и, соответственно, до некоторой степени соглашается с ней или отвергает. А та же идея, заложенная в карикатуре, *разгадывается* читателем, он к ней приходит сам в результате собственного творческого умственного усилия, более того, он как бы сам для себя на интуитивном, а иногда и сознательном, уровне формулирует эту идею в виде тезиса. Этот тезис является для читателя своего рода *открытием*, его *собственным выводом*. Эффект сотворчества, состоящий в том, что читатель как бы сам приходит к задуманному автором тезису и даже сам формулирует этот политический тезис, является одним из важных факторов, способствующих тому, что карикатура получила значение инструмента пропаганды.

Конечно, здесь возникает ряд ограничений. Загадка не должна быть слишком сложной. Читатель может разгадать только то, что он уже знает, т.е. символика, образы должны быть ему понятными. Кроме того, читатель должен легко их сопрягать с предполагаемым объектом сатиры, т.е. понять символы и согласиться с их оценкой в приложении к объекту сатиры. Если же он не может этого сделать, карикатура остается непонятой и полностью теряет свое значение. Кроме того, если читатель не разделяет базовых символов и оценок автора, также может возникнуть непонимание или неприятие. Некоторые исследователи даже полагают (как кажется, не совсем справедливо), что карикатура как «инструмент пропаганды наиболее эффективна не в противодействии и оспаривании (враждебной точки зрения), но скорее в усилении и поддержке (общих для автора и аудитории) ценностей и символов и предрассудков»¹.

В случае обычного политического текста вероятность непонимания тоже есть, но она значительно ниже, так как один неудачно выбранный прием, образ, риторический ход может быть компенсирован благодаря другим, удачным, приемам или эмоциональному напору и т.д. А карикатура вся строится на одном образе, и если он неудачен, то неудачен и результат.

Жанровая особенность карикатуры (быть загадкой, требующей разгадки и интерпретации) диктует ряд требований к хорошей карикатуре. Хорошая карикатура строится на *одной* идее; эту одну идею автор пытается воплотить в образ, в котором *каждая черта должна работать на убедительное образное представление идеи*. В карика-

¹ Fischer, Roger A. Them Damned Pictures: Explorations in American Political Cartoon Art. Archon Books, 1996. С. 15.

туре не должно быть случайных черт, так как случайная черта, не вошедшая в создаваемый образ как его составная органическая часть, мешает расшифровке, мешает пониманию карикатуры. Символика, с помощью которой автор пытается отразить свою идею в образе, не должна быть слишком сложной или субъективной, она должна быть понятна предполагаемой аудитории. (Необходимо учитывать, что символы отнюдь не общенародны и то, что является символом для одной группы населения, для другой — случайная деталь. В другом случае, символ может иметь разные значения для разных групп, принадлежащих к одному дискурсу. Скажем, образ Сталина для одной группы аудитории — это символ почти абсолютного зла, и он используется как дискредитирующий образ, а для другой группы — это ценный положительный символ. (Ср. образ Сталина на сатирическом плакате 2004 г., где Путин изображен стоящим за Сталиным в образе его младшего соратника и помощника. Здесь Сталин используется в качестве дискредитирующей Путина характеристики. А образ Сталина на плакатах советского времени и в современной коммунистической пропаганде имеет положительное значение.)

Кроме того, жанровую специфику карикатуры задает ее важнейшее свойство — элемент комического. Карикатура выполняет свою функцию политического текста, участвует в политической борьбе прежде всего с помощью шутки, сатиры. Автор стремится создать комический эффект, дать неожиданный и комический поворот известной теме. Если в процесс расшифровки, отгадывания, восстановления заложенного автором смысла входит как его составная и определяющая

ВОТ С ТАКИМИ РЕБЯТАМИ, ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, ВЫ РЕШИТЕ СВОИ ПРОБЛЕМЫ С ЧЕЧНЕЙ И ВЫБОРАМИ!

часть понятный читателю комический эффект, сделанный читателем вывод, восстановленный им первоначальный тезис, запоминается более прочно и воспринимается менее критично. Благодаря этому удачная карикатура иногда становится важнейшим фактором политического процесса, инструментом политической борьбы, более значимым, чем политические тексты. (Речь идет, например, об известной карикатурной серии американца Томаса Нэста в значительной степени благодаря которой в 1871 г. был смещен с своего поста, а позже задержан и осужден, мэр Нью-Йорка Вильям Твид.) Если карикатура не может рассмешить целевую аудиторию (являясь слишком утонченной или, наоборот, — грубой, слишком субъективной или непонятной большинству аудитории, или попросту из-за отсутствия чувства юмора у автора), то каким бы правильным, прогрессивным ни являлся первоначальный тезис замысел автора, политический эффект от нее будет таким же, как и эффект комический, т.е. нулевым. Нельзя утверждать, что люди не разделяющие или не полностью разделяющие ценности автора не способны понять карикатуру и не подпадут под ее комическое обаяние. Сторонники сильного лидера и просто люди осторожные нейтральные, могут отказаться даже слушать прямые обвинения направленные против него, но против хорошей шутки, умной сатиры они не защищены.

Политическая карикатура в отличие от чисто художественного образного взгляда на мир не может быть принципиально субъективным жанром. Дело в том, что карикатура по большей части — массовый комический жанр, а рассмешить значительную часть аудитории можно только шуткой, сатирой, полностью понятной этой аудитории. Именно поэтому карикатура не может предлагать чисто субъективный взгляд. В основе ее сообщения лежат факты и оценки этих фактов и идеи, выраженные в форме образов и символов, понятных целевой аудитории. Требования к смыслу карикатуры, к изображаемому — достаточно жесткие и являются по своей сути объективными: факты должны быть априорно известными и значимыми для предполагаемой аудитории, а предложенные оценки фактов — понятными и более или менее близкими этой аудитории.

Смысл любой шутки, как давно было отмечено, в том, что, говоря об отклонениях от нормы, она опирается на нее, на ценности, реальные для аудитории, а если автор искренен, то и для автора. Для того чтобы шутка была понятной, она должна опираться на базовые представления о норме, разделяемые данной аудиторией.

Так же, как и в обычном политическом тексте, в карикатуре можно выделить отдельные приемы, образы; в ней задана авторская позиция и мир описан с определенной точки зрения: и то и другое можно выделить и описать. Основным риторическим приемом воздействия на аудиторию является предполагаемый комический, сатирический эффект.

Как и в словесном политическом тексте, и даже в еще большей степени, в карикатуре важна каждая деталь; каждая деталь имеет свое значение, несет информацию, важную для понимания смысла карикатуры, контекста сообщения. Собственно «картинка» в карикатуре может быть построена как иллюстрация к словесной шутке, данной в виде подписи, а может быть и основным носителем смысла. Комический эффект может возникать как примитивная демонстрация каких-то «смешных» физических черт: уродства, толщины, худобы, — или как выявление отрицательных свойств: мещанства, неграмотности, холопства, хамства и т.д. В качестве еще одного важного приема может использоваться столкновение противоречивых, взаимоисключающих черт, образов, заявлений (заявление о стремлении к миру, сделанное убежденными милитаристами; утверждение о полном отсутствии боязни, исходящее от трясущегося от страха героя).

Карикатуры в разных дискурсах отличаются своими особенностями. Главное отличие — это разная степень свободы в той или иной политической системе. Если современная российская карикатура в большей части центральных изданий подвержена внутренней цензуре автора и внешнему давлению разного рода обстоятельств, то советская политическая карикатура была попросту инструментом пропаганды, ни о какой самостоятельности авторов не могло быть и речи. Американская карикатура, по мнению некоторых американских журналистов и исследователей, также подвержена если не прямому давлению власти, то почти принудительному внешнему социальному заказу. К одному из примеров такого толкования исследователями карикатуры в американской газете мы еще вернемся. Однако разница между политической карикатурой во все же не полностью свободной американской прессе и карикатурой в прессе советской, да и современной российской, велика.

В самом общем смысле в советской карикатуре не было самого главного — права на свободу творческого авторского видения. Так же как и политическая журналистика, карикатура только называлась одним именем с аналогичным явлением в свободном мире, не имея

с ним почти ничего общего, вернее, представляя собой вариант отдельного маргинального явления, присущего любой политической системе — партийной, пропагандистской карикатуры.

Важнейшее формально-стилистическое отличие обусловлено ролью карикатуры в разных политических дискурсах. В более или менее свободном политическом дискурсе, в развитой демократии политическая карикатура — это один из важных инструментов политической борьбы, это способ и возможность влияния на политический выбор, на политические представления аудитории. Основная цель карикатуры — дискредитация одних сил и апология других. Поэтому англо-американская политическая карикатура — это прежде всего сатира на конкретных лиц, политических лидеров, крупных чиновников, реакция на конкретные события внутренней политики. Сюжеты же советской, и отчасти российской, карикатуры в области внутренней политики — имели значение агитационное (знаменитые серии «Окон РОСТА» В. Маяковского), но в основном — воспитательно-охранительное. Поэтому большое значение придавалось осмеянию нравов, общих недостатков внутренней жизни, а не конкретных лиц, политических лидеров. (Понятно, что речь шла не об оценке самой политики — сам карикатурист был инструментом ее насаждения — а исключительно о том, что мешает осуществляться этой прекрасной политике.) Традиция смеяться не над конкретным политиком, а осмеивать нравы населения, чиновничества, скажем, воровство, перешла и в российскую политическую карикатуру. Поэтому большая часть российских карикатур осмеивает не конкретные действия конкретных политиков, военных, бюрократов, например в Чечне, а то, как власть вообще решает проблему Чечни. Связано это, уже отмечалось, с традицией воспитательной сатиры — спор с нравами, характерами, а не с лицами. (О цензуре мы сейчас не говорим.) Российская сатира не столько инструмент политической борьбы, сколько средство воспитания и внушения.

Еще одним важнейшим фактором, влияющим на разный характер карикатуры в разных политических дискурсах, является отличие в том, как информация воспринимается и какая информация является, так сказать, привычной для аудитории. Дело в том, что шутка по поводу какого-то факта воспринимается, понимается только если аудитория восприняла его как отдельное и важное событие. Любая аудитория, в том числе и российская, мало интересуется новостями, фактами, напрямую ее не касающимися. Современная российская аудитория плохо различает отдельные события, происходящие,

например, в Чечне, да и в стране в целом, а тем более в мире. Только когда отдельные события складываются в большую проблему, например терроризма, повышения цен, развала инфраструктуры, шутка по поводу этой проблемы начинает быть понятной, т.е. карикатура сильно зависит от компетентности аудитории. Это понятно, так как только компетентная аудитория может понять намек, уловить и восстановить смысл по какой-то одной детали в рисунке.

Одна из особенностей советской карикатуры — внимание к персонажам из зарубежной политической жизни, из капиталистических, реваншистских, колониальных кругов Запада. Советская карикатура (за ничтожно малым исключением) вообще не изображала советских партийных и общественных деятелей: лишь в единичных случаях в качестве положительных персонажей.

Один из самых тонких наблюдателей советской действительности, Виктор Платонович Некрасов, известный писатель, с 1974 г. — эмигрант, писал: «...Я не говорю уже о критике каких-либо действий правительства — это (было) начисто исключено. Немыслим и шарж, даже дружеский, на кого-нибудь из членов правительства. ...Я могу припомнить один только случай, когда в лакейско-шутливой форме изображен был в газете Хрущев. Он отправился на «Балтике», роскошном турбоэлектроходе, в Нью-Йорк на сессию ООН и изображен был в виде капитана у штурвала. ...А в волнах барахтались

Приезд Н. С. Хрущева в ООН вызвал в Вашингтоне состояние, близкое к истерии. Американские политики бьются над вопросом: «Что делать в отношении программы, которую наложит Н. С. Хрущев?».

Из газет

...пигмеи Уолл-стрит и Пентагона ...Кажется, в двадцатых годах появлялся на страницах «Крокодила» Ленин, но и это более отдаленно можно было назвать карикатурой. Да что карикатура — просто фотографию в неустановленном, неутвержденном ракурсе, нельзя — только с этой точки... А Мавзолей только фронтально и что все поместились»². (Курсив мой. — А.А.)

Я попробовал найти эту карикатуру, но во всех центральных изданиях была одна и та же, с небольшими вариациями, карикатура с пароходом. Во всех изданиях в воде, рассекаемой огромным кораблем, барахтались пигмеи и реваншисты, о борт бились утлые лодки с американской военщиной, но ни на одной не было Хрущева в качестве правителя³. На всех карикатурах теплоход был похож на корабль мертвеца, на борту не видно было ни одного человека, и только огромные лодки, разные в разных изданиях, украшали его палубу. Зато в одной из сатирических изданий начала 1920-х гг. смог найти подобный образ корабля-крейсера, со стоящим на носу впередсмотрящим, очень похожим на Ленина (кепка, борода, усики). В роли потерпевших кораблекрушение жертв исторического процесса выступали меньшевики, суденышке в виде шляпы-цилиндра. Имелось в виду не пролетарское, а господское происхождение и сущность меньшевиков⁴.

Многие советские карикатуры имеют одну чисто формальную общность. Так, в упомянутых нами карикатуре 1960 г. и в карикатуре 1923 г. совмещаются пропагандистский плакат (большевистский крейсер, устремленный в будущее; мощный мирный корабль, идущий под лозунгом мира) и собственно карикатура — на меньшевистскую «американскую военщину», оказавшихся за бортом истории.

Подобные карикатуры можно назвать «положительными», назвал одну из своих работ, где изображен Хрущев, известный советский карикатурист Борис Ефимов. Звучит это как оксюморон и в значительной мере и является. В американской прессе, в особенности в крупных, солидных изданиях, положительные карикатуры не приняты, они слишком откровенно идеологичны, и если и встречаются, то в небольших, откровенно партийных, идеологических изданиях, либо в местных, либо ориентированных на какие-то группы сторонников. Зато этот кентавр (смесь плаката и карикатуры) принимался и применяется до сих пор официальной пропагандой откровенно тоталитарных режимов. Вот еще один пример советской поло-

² Записки зевачи. М., 2003. С. 104–105.

³ Похожие — как близнецы, эти карикатуры принадлежали разным авторам!

⁴ «Красный перец». 1923. № 4.

Приложение к газете „Рабочая Москва“

Цена в отд. продаже 7 руб

КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ

Март 1923 года.

№ 4.

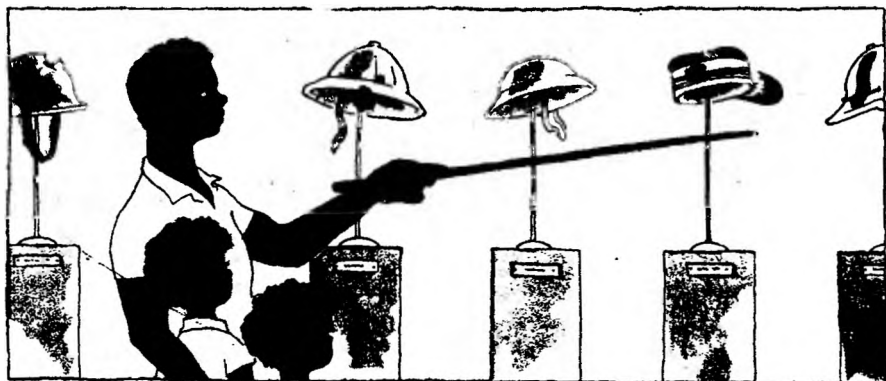
Двадцать пять лет РКП

Рис. Ю. Гаври.

Всякому кораблю — свое плавание.

тельной карикатуры: на рисунке изображен педагог-негр, показывающий своим воспитанникам выставку головных уборов разных колониальных войск. Положительное начало воплощено в воспитателе, курносом молодом человеке, только цветом кожи отличающемся от плакатного советского педагога, ведущем по будущему музею своих

— А здесь выставлены шапки, по которым мы в свое время им дали!

воспитанников, тоже очень похожих на изображения их советских сверстников. Осмеиваемое, карикатурное начало — в образе изгнанных колонизаторов, от которых остались только их головные уборы. Комический эффект вызывается столкновением двух значений одного слова: нейтрального «шапка» — это значение задается обычной для музея экспозицией коллекции головных уборов колониальных войск) и просторечного фразеологизма «дать по шапке» — прибить.

Карикатура, где советский художник изобразил действующего советского лидера тоже является «положительной» карикатурой, больше напоминающей плакат. В карикатуре 1959 г. Хрущев изображен с отбойным молотком (когда-то Хрущев был шахтером), разбивающим ледяную статую холодной войны. Дополнительное значение отрицательного начала вносит надетый на статую цилиндр — непрменный атрибут «капитализма». Комический эффект достигается сатирическим изображением холодной войны в виде то ли статуи, то ли живого существа с большими зубами и носом, однако не опасной, маленькой и уже тающей. Хотя сама картинка построена по типу иконографического изображения Св. Георгия, поражающего дракона, вплоть до того, что отбойный молоток (как копьё Св. Георгия) вставлен прямо в пасть ледяного чудища, для современной аудитории

карикатура выглядит несколько отталкивающе, возможно потому, что имеет антропоморфные черты. Отбойный молоток, врезающийся в пасть чему-то отдаленно напоминающему человека, кажется слишком откровенным живодерством, несовместимым с теплым образом лидера, интеллигентного рабочего.

Как правило же, партийных лидеров на карикатурах предпочитали не изображать ни в положительном, ни, тем более, в сатирическом контексте. Исключением были первые годы советской власти, но и тогда речь шла не о сатире на главных лиц, а о подшучивании над, так сказать, лидерами «второго ряда», например над Луначарским, наркомом просвещения. Почему-то именно над Луначарским подсмеиваться разрешалось, и изображали его почему-то с подчеркнуто еврейской внешностью. В карикатуре 1925 г. представлены Калинин и Луначарский (изображения шаржированы, но узнаваемы для тогдашней аудитории). Они показаны в обстановке мещанско-купеческого быта: на стенах «богатые» обои, на столе самовар, большая банка с вареньем, Калинин как крестьянский староста пьет чай из блюдечка, Луначарский — интеллигент (см. ручку в кармашке жилета) — из стакана. На стенах висит «коммунистический иконостас» (иконы, семейные портреты — тоже черта купеческо-мещанского быта). Обратим

внимание, что Ленина там нет, зато есть Маркс, Троцкий, Зиновьев, возможно, Плеханов. Буденный как младший святой прикреплен внизу и кнопками, а остальные портреты в рамках и рамах.

Вот еще одна карикатура (1927): на первый взгляд, вполне обычная сценка — диалог учителя Васеньки и его жены Машеньки на берегу Черного моря. Говорят они о радости купания в Черном море. Герои кажутся постаревшими действующими лицами из «Трех сестер», охарактеризованы и через внешний вид (очки, неловкое, слабосильное тело у Васеньки, Машенька дородна и мечтательна) и через их реплики — смеси сентиментальности и холопства. И все же это карикатура не только на типичного интеллигента, учителя-мещанина — «обломка старого» и его сентиментальную женушку, но и на... Луначарского. Упоминание Луначарского делают его третьим и едва ли не самым важным героем карикатуры. Главная радость для учителя — купаться в водах, омывавших тело самого Анатолия Васильевича (Луначарского — наркома просвещения). Учитель искренно радуется, но и радость эта странная, и выражается она в полных холопства репликах, жена называет наркома «они». Своим унижением герои возводят Анатолия Васильевича на уж очень высокий и (в контексте времени) старорежимный пьедестал. Как бы между прочим, подчеркивается, что нарком отдыхал в Биаррице, во Франции, что отсылало к привычному образу капиталистов из недавнего

УЧИТЕЛЬ: — Не то, Машенька, приятно, что в море купаемся, а то заманчиво, что в том же самом, в котором Анатолий Васильевич изволили купаться!

ЖЕНА: — Ты же, Васенька, рассказывал, что они в Биаррице были, — разве это на Черном море?

УЧИТЕЛЬ: — А проливы ты забыла? Моря-то соединяются, водица-то общая!

прошлого, когда аристократия и буржуа ездили на заграничные курорты. И хотя Ленин, например, тоже в свое время жил в курортных местах, но советские карикатуристы в легальной прессе не осмеливались подшутить над этим, так как Ленин там не отдыхал, а работал, и даже если отдыхал (прогулки), то лишь для того, чтобы опять работать.

Троцкий жив, но „дзедо“ его умерло!

А вот Луначарский ненадолго стал как бы разрешенным объектом незлобной насмешки. В конце 1920-х гг. всякое сатирическое изображение действующих лидеров из карикатур исчезло.

Когда лидер попал в опалу, он мог появиться в качестве персонажа карикатуры. Так, например, Троцкий, изображенный на карикатуре 1927 г., — одинокий, задумавшийся, сжавшийся человек на фоне толп, идущих в здание ЦК ВКП(б) вступать в партию, изгнавшую оппозиционеров. (И это пример

«положительной карикатуры», совмещения положительного начала (ВКП(б) и осмеиваемого человека.)

Рассмотрим карикатуру 1918 г. — едкое изображение «новой аристократии». В канонической советской истории в роли осмеиваемых персонажей в первые годы советской власти нам привычны изображения «бывших»: дворянской аристократии, буржуев, их жирных подруг и их разного рода прихлебателей. Здесь же мы видим не жадных богачей, а явно пролетарскую шпану, персонажей из «Двенадцати» Блока и героев картины Петрова-Водкина «Переезд в новую квартиру». Сатирический эффект возникает из столкновения понятия

«аристократия», задававшего понятный для той аудитории образ, подкрепляемый такими деталями, как вечернее платье дамы, экипаж, доставляющий новую аристократию на бал (реально на танцы),

личный шофер, и того, что эти люди, при наличии претензий и некоторых аксессуаров, никак не могут быть названы аристократией (ср. выражение лиц, внешний облик мужчин и дам, афиша с ДостАевским и танцами).

Вернемся к современной американской политической карикатуре. Она занята прежде всего сатирой на политиков и их политические действия. Американские авторы также обращаются и к проблемам, и к общим темам (не только к конкретным фактам), но значительно реже, чем российские. Как пример обращения к теме, а не к единичному факту, рассмотрим карикатуру из газеты «Miami Herald» времен первой войны в заливе. Мы видим огромного страшного клыкастого паука с обликом, напоминающим С. Хусейна. В сравнении с пауком роскошный американский лимузин с дядей Сэмом за рулем и его подружкой — Свободой кажутся ничтожно маленькими и очень испуганными. В дополнение к изображению автор сделал несколько надписей: миллионная армия Ирака, иракская нефть составляет 20% мировых запасов, нефтяная зависимость США и «внешность» (паука)... Из всего этого возникает образ крайне страшного и опасного дикта-

тора и испуганной страны — США. Комический эффект создается, во-первых, столкновением этого страшного образа и самой большой надписью: «иракоНЕбоязнь». Последняя является характеристикой официального дискурса и явно входит в противоречие с создаваемым в том же дискурсе образом диктатора Ирака, т.е. в карикатуре обыгрывается то, что автору карикатуры кажется внутренним противоречием американского политического дискурса. Во-вторых, претензия на «небоязнь» не совмещается с образом маленьких испуганных пауком человечков — дяди Сэма и его подружки.

Замечательно, что серьезные американские исследователи дают следующую характеристику этой карикатуры: «Такие образы помогают созданию и усилению в сознании аудитории образа врага как опасного чудища, лишённого человеческих качеств»⁵, т.е. расценивают ее едва ли не как заказную, в то время как эта карикатура является очевидной сатирой на официальный дискурс Белого дома. Такое непонимание связано с тем, что смысл карикатуры не является простой и однозначно-лобовой шуткой. Но это и пример того, как исследователи, исходя из построенной ими концепции, пытаются найти подтверждение ей в иллюстрациях и примерах, а не идут от примеров к концепции.

В карикатуре из «Нью-Йорк Таймс» 2005 г. изображен белый обыватель, читающий газету с объявлением об извинении сената перед неграми за существовавшую дискриминацию и реагирующий на это так: «Опять этим неграм потакают», — где понятие «потакают» («pandering») задает значение неуместных и недостойных претензий этих самых негров. Сатирический эффект возникает из столкновения этого прямого слова с краткой историей отношений белой и черной расы, показанной автором: бичевание рабов, законы сегрегации, разделение рас, линчевание. Прямое уничижительное слово сталкивается с образами страдания негров, при этом явно, что страдания перевешивают, поэтому замечание, что неграм «потакают», начинает казаться явно неуместным.

Стороннему наблюдателю иногда трудно понять, какой именно факт отображен в карикатуре, и он воспринимает ее как сатиру на общую проблему. Так, может показаться, что здесь представлена сатира не на конкретного политика или событие, а на современного обывателя — потомка белых расистов, уже не расиста, конечно, но явно недалеко ушедшего от своих предков. На самом же деле за три

⁵ Jowett G.S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. L., 1999. P. 314.

дня до появления этой карикатуры, 13 июня 2005 г., сенат принял решение принести извинения жертвам линчевания и их потомкам, что явилось первым в истории страны извинением высшего законодательного органа США перед афро-американцами, и карикатура является комментарием к этому конкретному политическому акту. А вот политические карикатуры из международного англоязычного журнала «The Economist» — это, по большей части, обращение именно к общим темам. Вызвано это особенностями компетенции аудитории. Международная аудитория журнала в курсе общих проблем американской и любой другой политики, но, что естественно, не может быть в курсе множества ежедневных событий отдельно взятой страны.

На карикатуре из «Экономиста» изображен дядя Сэм перед телевизором, с экрана которого лучезарная американская дикторша зачитывает хорошие новости из Ирака. А из телевизора, находящегося позади президента, мрачный бородатый моджахед зачитывает плохие новости из Ирака, буквально бьющие дядю Сэма кувалдой по голове. Дядя Сэм пытается сосредоточиться на хорошем, но от ударов молотка из глаз летят искры, бородавка растрепалась. В карикатуре осмеивается не какое-то конкретное событие, а политика Белого дома, его настойчивый акцент исключительно на позитивных изменениях и нежелание замечать плохие новости. Сатирический эффект вызван

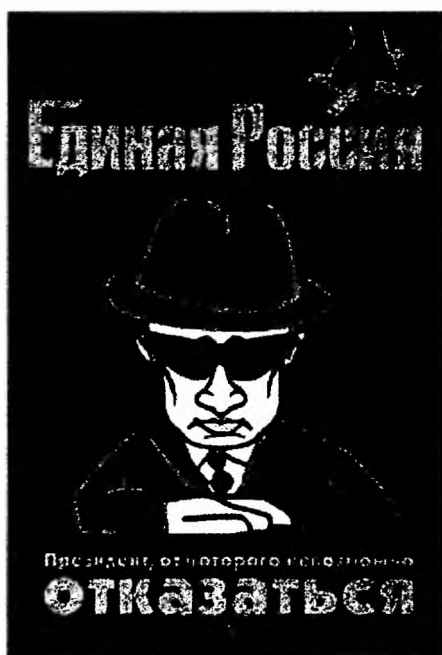
столкновением двух интерпретаций событий, из которых одна представлена явно более насущной, но ее-то как раз и пытаются игнорировать.

Еще одна карикатура из «Экономиста» касается российских выборов 2004 г. Огромный медведь в ушанке с надписью «Россия» выполняет разные трюки по команде маленького, но грозного человечка с кнутиком и надписью «Путин». Медведь по его приказу послушно садится, ложится, кувыркается, пляшет. Под конец хозяин приказывает ему: «А теперь я хочу, чтобы ты проголосовал в соответствии со своими убеждениями», — на что медведь послушно отвечает: «Да, господин».

Обратим внимание на детали образов: медведь — символ России — огромный, мощный, со страшными когтями, тупо уставился на дрессировщика. Шапка-ушанка — для иностранца это характерная черта российского, вернее, даже советского быта, для россиянина она, конечно, таковой давно не является. Дрессировщик — маленький, грозный карлик в сравнении с медведем, со своим кнутиком кажется отвратительным мрачным мучителем. Комический эффект достигается за счет нескольких коллизий. Первая: мощный зверь слушается маленького человека с кнутиком. (Смешным подобное подчинение

мощи огромного животного воле одного человека может показаться только иностранцу. Россияне это воспринимают как естественно состояние, хотя и обидное для их гордости.) Вторая: послушно выполняющему любые приказы животному, для которого его хозяин — господин, приказывают голосовать в соответствии с убеждениями. Тезис

идея, которые пытается предложить автор и которые достаточно легко восстанавливаются из карикатуры: российская демократия — это противоречие в определении, такое же, как и наличие политических убеждений у рабски послушного животного.

Из этой карикатуры видно, как сегодня воспринимается Россия и российская демократия некоторыми влиятельными западными комментаторами и частью западного общественного мнения.

Как уже отмечалось, особенности современной российской политической карикатуры обусловлены традицией и теми чертами демократии по-русски,

которые высмеивает «Экономист». Из-за невозможности пробиться на страницы массовых изданий карикатура нашла для себя выход — Интернет. Появились сайты политических карикатур, хотя их и не очень много. Самый известный — это www.vladimirvladimirovich.com с многочисленными карикатурами на Путина, в значительной степени, правда, из иностранных изданий. Здесь представлены отдельные замечательные карикатуры, но огромное большинство из них демонстрирует очевидное стилистическое отличие современной российской политической карикатуры в Интернете — повышенную субъективность. Эта карикатура преследует не столько реальные политические цели, не столько стремится удовлетворить потребности аудитории в комическом, сколько является продуктом чистого авторского стремления к самовыражению. Политическая карикатура, как мы уже упоминали, это массовый жанр по определению. Субъективная политическая карикатура, карикатура для немногих — это противоречие в определении. Имея, без сомнения, право на существование, она никакого прямого политического эффекта не может.

Анализ речей и текстов. Анализ их элементов. Значение места публикации, предполагаемой аудитории

Политические речи, как правило, не имеют своих собственных названий. Кажется, не было случая, чтобы политик, перед тем как произнести речь, назвал ее. Это придало бы выступлению ненужную театральность. Самые известные речи называются лапидарно, и происходит это постфактум: Апрельские тезисы Ленина, Фултонская речь Черчилля, Берлинская речь Джона Кеннеди. Иногда для названия используется ставшая знаменитой фраза из данной речи: «I have a dream» (Мартин Лютер Кинг), «Ich bin ein Berliner» (Джон Кеннеди).

Для политических статей название значительно важнее. Есть две актуальные в нашем дискурсе традиции: одна — «творческие» названия, привлекающие внимание, и вторая — «прагматичные» названия, отражающие смысл содержания статьи. Доминирующая российская традиция — это названия «творческие». При этом диапазон колеблется от чистого авторского самовыражения, когда по названию даже невозможно догадаться, о чем пойдет речь в статье, до чистого же обслуживания самых низких инстинктов предполагаемой

аудитории. Вторая традиция — прагматическая — наиболее заметна в американской политической журналистике. Даже статьи-мнения с их максимально допустимой творческой свободой, имеют названия, по которым вы можете понять, о чем будет идти речь.

Содержание статьи обычно проясняет и дополняет подзаголовок.

Лид — первый абзац, иногда выделенный графически. В нем обычно сообщается основная информация. Считается, что лид — принадлежность исключительно информационных жанров, но это не так. Даже политические статьи и комментарии в американской журналистике обычно сообщают в первом абзаце краткий смысл, идею всего текста. Делается это для удобства читателей. В европейской политической журналистике, и российская здесь идет вслед за ней, лид отнюдь не считается обязательным. Это не значит, что европейская политическая журналистика хуже. Статьи одного из самых авторитетных политико-экономических изданий Европы, британского «The Economist», обычно обходятся без лида, зато их подзаголовки дают основную идею статьи. (Мы не входим в подробности жанровых различий журналистики газетной и журнальной.)

Как и во всем, что касается риторических и стилистических приемов, невозможно сказать: такой-то тип названий, такой-то прием лучше, а такой-то хуже. Опытный политик, спичрайтер, журналист, политолог исходит не из абстрактной ценности приема, а из того, к какой аудитории обращен текст; прием ценен не сам по себе, а только как средство воздействия, действенное или нет, на аудиторию. Поэтому основное внимание обращено на аудиторию, и пишущий соизмеряет свои пристрастия с ожиданиями аудитории. То, что хорошо для аудитории популярной молодежной газеты, не подойдет для массовой общегородской газеты. То, что производят сегодня в российской провинции (я сознательно не говорю: читают), уже не будут читать и покупать в столице.

Иллюстрации к тексту всегда были слабым местом поздней советской журналистики. Большинство политических материалов приходило извне, и иллюстрации, за исключением портретов, подбирались по ассоциации. Этот принцип до сих сохраняется в некоторых районных газетах, муниципальных московских изданиях. Статьи о собрании даются с иллюстрацией сидящих в ряд пожилых женщин с каменными лицами смотрящих куда-то вперед, статьи о начале сева сопровождаются неизменным изображением трактора в поле. Вопросы о том, куда едет этот трактор и что он обозначает, обычно остаются без ответа.

Традиция неизменно помещать иллюстрацию общего характера, как нам кажется, идет от народных изданий середины—конца XIX в. Создатели книг для народа, букварей помещали иллюстрации для лучшего понимания текста малограмотными и совсем неграмотными учащимися и читателями: если давалось слова «пахота», «сев», то для лучшего понимания и запоминания давались ассоциативные иллюстрации: крестьянин идет за плугом и т.д. Эта «просветительская» традиция перекочевала в советскую журналистику и так в ней и закрепилась. Сегодня роль иллюстрации коренным образом изменилась. Читатель уже понимает, о чем идет речь в статье. Он ждет от иллюстрации либо дополнительной информации к тексту, либо эмоционального к нему дополнения, поддержки (именно дополнения к конкретному тексту, а не вообще эмоционального, например, смешного), либо прямого развлечения.

Редактор одной из ведущих общероссийских газет попробовал перенять европейскую традицию портрета с хорошо проработанным крупным планом, с каплями пота, порами лица. Это и есть эмоциональная поддержка, дополнение к тексту. Сегодня любой рядовой член читательской аудитории видит в иллюстрации текст, он способен «читать» иллюстрацию и достаточно легко осваивает ее смысл. Для опытного читателя политических текстов иллюстрация не менее значима, чем сам текст. Такой читатель легко отличает официальные протокольные фото-

графии от удачно пойманного момента. Ракурс, одежда, выражение лица, место съемки, расположение, обстановка, фон — все это давно стало для опытного читателя смысловой *информацией*.

Случайная иллюстрация в политическом тексте — это не просто отражение низкого уровня издания. Плохо подобранная иллюстрация может нести в себе смысл, совершенно противоположный смыслу статьи. Вот один пример: статья в газете «Труд» от 1 апреля 2003 г. под названием «Научно-обоснованный грабёж», с подзаголовком: «Даже со спутника нельзя уследить за расхитителями морских богатств». Статья написана владивостокским корреспондентом и посвящена браконьерству под покровительством высоких чиновников, незаконному лову ценных пород рыб и краба под прикрытием научных квот. Причем речь идет о хищениях, взятках на многие миллионы долларов. Статья имеет обличительный характер и направлена против бывшего руководства рыболовной отрасли и отраслевых НИИ, администрации Магаданской области. К статье дается крупная иллюстрация, занимающая площадь, равную площади, занятой самой статьей. На фотографии изображен человек в бушлате, несущий на плече вилы с нанизанными на них двумя рыбинами на фоне никакого не океана, а явно внутреннего водоема, пруда, поймы реки. И смысл этой иллюстрации однозначен: «Кушать хочется». Весь пафос статьи забивается неумело подобранной иллюстрацией.

Анализ структуры статьи, политической речи, выступления. Анализ содержания

Прежде чем начинать анализ содержания статьи, речи, необходимо с этим содержанием как следует ознакомиться. Для этого полезно составить подробный план статьи, а затем попытаться понять, как выстроена статья, какова ее структура, из каких блоков она состоит. Как автор строит введение — в виде общего взгляда, обзора? Или же он сразу переходит к проблемам и их решению? Что представляет собой основная часть: программу, полемику с оппонентом, изложение взглядов, перечисление проблем? Как построено заключение?

Анализ содержания может производиться по-разному, в зависимости от того, какие цели у аналитика, критика. Мы будем придерживаться плана анализа политического текста, о котором говорилось

в начале курса. Начнем с уровня прямого слова. В качестве примера мы попробуем разобрать содержание уже упоминавшейся статьи Сергея Шойгу (см. лекцию 3).

Заглавие статьи: «Взгляд на будущее России» предполагает развернутую картину будущего страны. Однако в статье идет речь исключительно о прошлом и настоящем, о проблемах, идущих из прошлого, и о предлагаемых мерах для их решения. Правда, подзаголовок вполне адекватен содержанию: «Как вывести страну из зоны чрезвычайной ситуации». В этом контексте название статьи имело бы хоть какой-то смысл только в том случае, если бы Шойгу писал ее, уже победив на выборах, и излагал не предвыборную программу, а план действий в непосредственном будущем. Речь же идет о предвыборном материале, и название приобретает значение несколько прожектерское.

Иллюстрация — фото сидящего Шойгу; угадывается, что сидит он за столом (очертания стакана) во время беседы в служебной обстановке, может быть, во время интервью. Слегка приподнятая рука с повернутой к себе ладонью, расслабленная поза, лицо человека, безуспешно пытающегося убедить своего собеседника. Иллюстрация

плохо соответствует и названию статьи, и подзаголовку, и жанру, и тексту статьи. В ней нет ничего поддерживающего энергичное программное политическое заявление лидера блока.

Статья имеет следующую структуру.

1. Введение, в котором автор кратко задает свое видение ситуации в стране.

2. Основная часть, распадающаяся на два раздела:

а) рассказ о блоке «Единство», программные тезисы, принципы формирования, базисные мировоззренческие принципы;

б) краткий взгляд на основные политические, экономические, управленческие проблемы: государственное устройство, казнокрадство и бюрократизм, сокращение налогов, государственное регулирование, техногенные катастрофы, Чечню, СМИ, армию.

3. Заключение, кратко повторяющее основные положения статьи.

А теперь попытаемся кратко ответить на некоторые базовые для политического текста вопросы (см. лекцию 3):

Как автор видит ситуацию в стране? Он видит ее как сплошной кризис, системный кризис, а Россию — как зону сплошной чрезвычайной ситуации.

Какие проблемы автор выделяет в качестве важнейших? Во-первых, это — сама ситуация «сплошного кризиса». «Реформы обернулись против народа», население находится в состоянии растерянности и сплошного стресса. «Политические силы тянут одеяло на себя».

Во-вторых, слабая президентская власть и независимость отдельных субъектов федерации.

В-третьих, нет «порядка в экономике», коррупция и бесхозяйственность. С. Шойгу упоминает скудость бюджета, слабое участие государства в экономике, слабую национальную валюту, казнокрадство и утечку капитала. «Экономика трубы», основа экономики — сырьевой сектор; отсутствие дисциплины в управлении, опасное состояние технической инфраструктуры. И, наконец, — проблемы внутренней политики: парламент — политический балаган; ситуация в Чечне — тяжелая война, диктатура СМИ; не защищены интересы армии, силовых структур и ВПК.

Какие пути решения проблем автор предлагает?

Действовать надо быстро и решительно: привести во власть лучших представителей народа, сделав упор на регионы. Всем желающим работать в думе с максимальной отдачей необходимо объединиться в блок «Единство», начать с единения, перестать тянуть одеяло на себя. Надо накормить население, найти жилье, дать работу... Патриотизм

и работа на будущие поколения. У России свой путь. Опора на таланты и квалификацию людей. Сильная президентская власть, сильная законодательная и исполнительная власть (так), сильное местное самоуправление. Количество чиновников сократить, оставшимся повысить зарплату. Сократить налоговое бремя. Обеспечить сильную роль государства в экономике, сильный рубль, возвращение капиталов. Создать условия для развития высоких технологий. Ввести жесткую дисциплину. Уменьшить вероятность техногенных катастроф. Парламентарии должны дело делать, а не рассуждать. Обеспечить безопасность в Чечне, разоружить бандформирования, потом вести переговоры о статусе Чечни. Защитить общество от произвола прессы. Отстаивать интересы армии, силовых структур и ВПК.

К кому обращается автор? Кто адресат текста? К чьему мнению он апеллирует, чьей поддержки ищет?

Формальный адресат — аудитория газеты «Известия». Подразумеваемый адресат — те, о ком в первую очередь говорит Шойгу, чьи проблемы он замечает. Во-первых, это «миллионы простых людей», страдающих от реформ политиков-экспериментаторов и бюрократов, люди, живущие в провинции. Автор несколько раз обращается к проблемам и страданиям «простых людей», обещает использовать этих людей и «опираться» на них. Специально упоминаются две группы потенциальных избирателей: население Чечни, которое надо защитить, и «армия, силовые структуры и ВПК», которых надо поддерживать. Именно с последней группой отождествляет себя автор, и именно проблемы этой группы прописаны наиболее подробно: «я уверенно заявляю: «Единство» сделает все возможное для поддержки армии, силовых структур и ВПК». (Автор идентифицирует себя по социальному признаку дважды: как «спасателя» и как генерала.)

Как автор определяет сам себя с политической точки зрения, как определяет занимаемое им место на политическом поле?

С. Шойгу несколько раз подчеркивает: он участвует в политике вынужденно. Идеино он близок таким разным партиям, как «Яблоко», СПС, НДР, «Отечество — вся Россия». Основа его взглядов — не политическая платформа или идеи, а «здравый смысл». Если говорить о месте на политическом поле, то это — все политическое поле. Автор готов «объединить всех, он за единство со всеми», признающими «диктатуру здравого смысла».

Кого он видит союзником, кого противником?

Союзники — это «здравомыслящие люди», «подлинно народные избранники», «люди, стремящиеся попасть в Госдуму для того, чтобы

работать там с максимальной отдачей для своих сограждан», «люди, которые, независимо от своей партийной принадлежности или отсутствия таковой, готовы принимать реальные законы». Автор предлагает объединяться не по политическому признаку, не по взглядам, а на принципиально иной, неполитической платформе — например готовности работать на благо сограждан и «здравомыслии». Слой людей, готовых «работать на благо» вне зависимости от своих взглядов, в российском обществе всегда был очевиден — это чиновники. Политические союзники — это «губернаторы и мэры» и ряд партий (см. выше).

Противники: «политическая элита»; большинство политиков — «столичных политиканов»; политики, экспериментирующие с собственным народом. Это бюрократы и чиновники, против бесконтрольности которых автор и его соратники «испытывают ярость». Подразумеваются в качестве противников те, кто желает «великих потрясений», хотят жить в «княжествах» и «ханствах», а не в «сильной стране»

Как предложения (программа) автора относятся к текущему моменту, к проводимой политике, на какие моменты этой политики обращается особое внимание?

Вся обстановка в стране в целом оценивается как катастрофическая. Предыдущие реформы «обернулись против людей» и стали причиной постоянных кризисов. Значение и необходимость прошедших реформ полностью отрицается, а политики, их проводившие, дискредитируются. (Прием жесткого отрицания прошедшего — это обычный прием для любой политической кампании, однако особую пикантность придает всем обличениям то, что сам Шойгу стал крупным чиновником именно в годы реформ, а все его «соратники» и «союзники» — это также чиновники и политики. Партии с «созвучными идеями», СПС, НДР, «Отечество — вся Россия», состояли и состоят как раз из тех, кто проводил реформы и был у власти в то время.)

Подчеркивается реальность особого пути для России, непригодность «многих западных рецептов» (т.е. некоторые рецепты все же могут быть полезны). Намечена большая программа реформ: усиление президентской власти (вместе с законодательной и исполнительной); реформа госслужбы (сокращение чиновников); реформа в экономике совмещает уменьшение налогового бремени и усиление роли государства, а также прекращение утечки и возврат оказавшихся за границей капиталов. Намечен план действий в отношении Чечни: сначала безопасность, разоружение, потом переговоры о статусе. Замечательны

резкость и прямота высказываний в отношении СМИ: они «превращаются в диктатуру», налицо «произвол прессы». Особо подчеркнуто, что армию и силовые структуры будут поддерживать.

Сегодня, более чем пять лет спустя, остается только отметить, насколько не случайной и заранее продуманной была политика последних лет в том, что касается знаковых, основных направлений.

Из всех перечисленных направлений наибольшего успеха удалось добиться в области усиления президентской власти и подавления прессы. В особенности знаменательно, что курс на подавление прессы был взят уже в 1999 г., и он последовательно выдерживался. Остальные программные задачи были выполнены с меньшей степенью успешности, а что касается сокращения чиновничьего аппарата — реформа даже не начиналась. Полностью видоизменился только план действий в отношении Чечни. Связано это скорее всего с тем, что в 1999 г. война планировалась как быстрая операция. Затянувшиеся военные действия заставили скорректировать планы и провести референдум о конституции (статусе Чечни) во время ведущихся военных действий.

С кем автор вступает в полемику? По каким вопросам (точки полемики)?

Собственно в полемику автор не вступает. Его оценки категоричны, резки и однозначны. Но выступление Шойгу — это эпизод политической борьбы, и его категоричность, декларации «за» и «против», дискредитация противников можно расценить как реплику в политическом споре. Именно в этом смысле оно становится частью ведущейся полемики, со своими оппонентами, аргументами и пр. Часть этих точек полемики мы уже отметили. Это видение ситуации как катастрофы (причина — прошедшие реформы). Оппонентами Шойгу можно считать политиков прошлых лет. Основные проблемы, по которым Шойгу выступает «против», мы уже описали: слабая президентская власть, коррупция, утечка капитала, силовые структуры, оставшиеся без «поддержки».

Особо стоит отметить отказ от «многих западных рецептов», от традиционного западного пути. Образ великой России, о котором мы уже говорили, подчеркивает это неприятие западных ценностей. Надо отметить и негативный взгляд на свободу СМИ.

Что нового вносит текст в политический расклад, в каком направлении автор стремится изменить баланс политических сил?

Автор пытается дискредитировать саму идею политической борьбы, политического соперничества. Его основная идея — создание тако-

го блока, который включал бы в себя большинство политических партий и отдельных политиков, причем вне зависимости от политических взглядов. «Сила» законодательной власти понимается прежде всего как единодушие, как готовность не рассуждать, а делать дело, т.е. принимать законы не рассуждая. Сильная президентская власть противопоставляется сильным регионам и согласуется с сильным местным самоуправлением. Речь определенно идет о направлении к унифицированной, «симметричной», федерации.

В лекции 9, анализируя использованные автором риторические приемы, мы увидим, насколько более объемным делает этот анализ представленную политиком картину современной России.

Анализ адресации текстов. Совпадает ли формальный адресат с выявленным в ходе анализа действительным адресатом? Как можно трактовать результаты анализа?

Анализ адресации современных российских политических текстов, да и текстов из других дискурсов — один из самых занятых и тонких моментов.

В отличие от американского политического дискурса, где обычно можно найти прямое обращение, четкую обрисовку предполагаемой аудитории, «нас», российский дискурс не склонен к прямому обращению. Обычно обращение идет опосредованно: через ценные для части аудитории символы; через описание положения, возраста, статуса предполагаемой аудитории. Кроме того, сама идея адресации, необходимости обращения к конкретной аудитории за поддержкой, еще не очень прочно вошла в головы политиков, а до недавнего времени и в головы спичрайтеров. Некоторые из них заняты самовыражением, другие стараются выказать свою преданность клиентам, забывая о важнейшей цели любого политического текста — обращении за поддержкой.

В разбираемом программном тексте Шойгу упоминаются «простые люди», говорится о «человеке» (так сказать, «человеке обычном»), о пострадавших во время реформ, но автор к ним прямо не обращается, не просит их о поддержке. Не просит ее прямо, не говорит: нам нужна ваша помощь. Значительно четче, чем образ «простого человека», прорисован образ союзника, соратника, потенциального члена «Единства», но и к нему автор не обращается. Единственная группа,

интересы которой он прямо обещает защищать, — армия и силовые структуры — тоже не объект его агитации. Он всех их *замечает*, часть из них он *слышит*, он *готов* их всех *объединить*, но он не просит их о поддержке, видимо, предполагая, что самого факта обращения внимания достаточно для того, чтобы все замеченные политиком группы поддержали его.

Бывает и у нас, что политики обращаются прямо к избирателю, к отдельным социальным группам и прямо говорят, просят, требуют поддержки — и получают ее. До сих пор многим памятна кампания Владимира Жириновского 1993 г., когда он разбил свое время на телевизионные выступления. Каждое из них было посвящено обращению к одной группе, с обещаниями на уровне фолы: каждой женщине — мужа и т.д. И его слышали. Не поверили, конечно, в обещания, но слышали и поддержали — за то, что заметил их, услышал, как им тяжело. (Жириновский с успехом использовал и другие приемы адресации — с опорой на ценные символы: хлеб, молоко, волки, большая роль государства и т.д.)

А вот последняя избирательная кампания в Госдуму (2003) и выборы президента (2004) дали примеры как раз обратного эффекта: несколько кандидатов обращались за поддержкой именно к избирателю, настойчиво и требовательно (Ирина Хакамада, Григорий Явлинский) — и не получили ее. И наоборот, отсутствие прямого обращения со стороны президента Путина; адресация, убеждение и мобилизация с опорой на ценные, авторитетные образы, символы (кампания Путина и «Единой России») — все это дало замечательные результаты.

Адресация самым тесным образом связана с распределением в обществе политического суверенитета. Нечеткость адресации, трудность в определении, кому адресован текст, многочисленные случаи неявной, подразумеваемой адресации — все это свидетельствует о растерянности и политиков, и общества. (Схожей бывает ситуация в школах, управляемых жесткой рукой советских директрис, в день, когда школа играет в самоуправление. Желаящие получить какую-то справку, указание шли по инерции к директору, директор объявляла, что она — школьница. А «демократическое» руководство школой было явно неспособно к каким-то управленческим действиям.) Большинство политиков в течение 1990-х гг. оказались явно неготовыми «играть» по новым правилам и искать именно у общества поддержки своим программам. С другой стороны, общество не было готово распоряжаться свалившимся на него суверенитетом. В резуль-

тате оказалось, что прагматичнее, обращаясь формально к широкой аудитории, на самом деле обращаться к власти с советами и пожеланиями, с предложением услуг.

Подобное положение не могло продолжаться вечно, и, в конце концов, вновь пришедший руководитель взял обратно ту часть суверенитета, с которой население просто не знало, что делать. И ситуация отчасти прояснилась. В том числе и с адресацией политических текстов. И мы видим, что Шойгу уже обращается к политической аудитории не за поддержкой, а с *разъяснением* своих планов. Кроме того, стал очевиден феномен адресации текстов высшему начальству. (Мы говорили в лекции 7 о типах адресации, типах отношений между субъектами политического дискурса и выделяли в отдельный тип обращение к высшему начальству с разъяснениями и советами.)

В отношении выборной кампании в парламент в 2003 г. можно сказать, несколько переиначив слова известного политика: Путин — это единственный избиратель России, за голос которого будут сражаться кандидаты, т.е. президент стал основным адресатом многих выступлений кандидатов в Думу, и ссылка на благосклонность президента стала основным убеждающим аргументом для значительной части аудитории. Это был неизбежный и абсолютно рациональный ход: обращаться за поддержкой к тому, кто обладает суверенитетом на деле, а не на словах, и в разговоре с населением, формально сохраняющим свой верховный суверенитет, ссылаться на благосклонность реального обладателя суверенитета.

И все же самый удивительный и необычный из известных мне случаев адресации — это адресация статьи Александра Лебеда (1997). Автор обсуждал расширение НАТО, пытался сформулировать наиболее адекватный вариант реакции России на эти действия НАТО. По ходу статьи, что естественно для политика, Лебедь обсуждал вопросы собственно российской жизни. Автор видит проблемы расширения, он приводит аргументы против расширения, призывает Запад, Америку, «победивших в войне», тщательно все обдумать и взвесить. Но генерал Лебедь еще и давал советы, советы нравственного порядка, объяснял «победившей» стороне, как деликатнее себя вести в отношении России.

Формальным адресатом этой статьи являлась аудитория газеты «Известия». Фактическим адресатом был Запад и Америка, их лидеры. Казалось бы, все естественно: политик обсуждает политику зарубежных стран и его пожелания, советы обращены к лидерам этих стран. Но статья ведь была опубликована в центральной российской

газете, а не в американской прессе. Следовательно, мы можем предположить, что именно российский читатель был его адресатом. Логика политической борьбы говорит, что любой опубликованный материал должен играть свою роль в создании образа политика, привлечении голосов и т.д. И, казалось бы, Лебедь использовал соответствующие приемы адресации: идентифицирующие символы («кровавая цепь унижений», «выталкивать Россию на задворки Европы», «исконные ценности «общины»»), местоимения общности («мы», «нас»), народ, россияне.

Проблема, однако, в том, что Лебедя в принципе не интересовало мнение россиян — ни «полуголодных толп», ни «российских политиков».

«Над властью нависла перспектива мощной волны забастовок, и настоящим «искусством» явится умение придать им «нужную» направленность. Странно будут смотреться толпы полуголодных россиян, не получающих пенсии и зарплаты, с лозунгами типа «НАТО — ни шагу вперед!». Однако такое возможно». «...Основная роль российских политиков, их искусство должны состоять не только в умении навязывать свою волю народу, сколько в способности чувствовать, осознавать и реализовывать скрытый общественный потенциал нации».

Народ настолько покорен, послушен и податлив на манипуляции, что его ничего не стоит заставить забыть о голоде и направить на протесты против расширения НАТО. С другой стороны, российские политики настолько циничны, что вполне готовы использовать даже расширение НАТО в своих корыстных политических интересах. Народ в описании Лебедя — это молчащая покорная масса. Недаром политикам нужно его «чувствовать», а не слышать. Лебедь не подозревает «народ» ни в желании, ни в умении высказывать властям свои нужды. Народ в описании Лебедя можно жалеть, но не обращаться к нему за поддержкой.

А вот мнение американского президента и руководства НАТО Лебедя интересует. «А что будет, если [начнет развиваться]... албанский вариант?» — абсолютно искренне предостерегает он американского президента. «Как-то недавно один из заместителей гenseка НАТО... сказал, что им всем («российским политикам и военным») будто бы «необходимо прочистить мозги». «Согласен, но при условии...» Это разговор не с читателем «Известий», это разговор с натовским бюрократом. Диалога с российским читателем, с российскими политиками у Лебедя не возникает. Через головы читателей Лебедь обращается к западным политикам, к американскому президенту,

к натовским генералам. Их голоса, возражения он слышит и готов вести диалог. Руководство НАТО, западные лидеры, прежде всего американский президент, и являются его фактическим и, главное, единственным адресатом. Формально обращаясь к российской аудитории, российский политик полностью игнорирует российскую политическую аудиторию. Она ему в принципе не интересна.

В этом случае, как и обычно, своеобразие политика, конечно, является важной составляющей его стиля. Но в политике своеобразие допустимо и проявляется только в рамках, задаваемых аудиторией. Сильная эксцентричность сколько-нибудь успешного политика — это характеристика не только его личного стиля, но и его аудитории.

Лекция 9

Риторические приемы: образные системы, интонационные, графические акценты, системы и способы аргументации, мобилизации.

Образы в политическом тексте

Разберем несколько отдельных образов, взятых из различных политических текстов.

Мы уже говорили, что образы нужны для того, чтобы все бесконечное многообразие действительности, ее сложность, противоречивость, многоплановость оформить в уопостигаемой форме, упорядоченной и до некоторой степени логичной. Необходимость упорядочивания действительности становится понятна, если мы примем во внимание, что любой жизненный конфликт, даже самый простой, сопряжен со многими интересами, на него можно посмотреть с самых разных точек зрения. Даже самые заинтересованные люди подчас не знают, как подступиться к простой жизненной проблеме, не говоря уже о ситуации непростой, если речь идет о конфликтах, затрагивающих интересы массы людей, о государственном управлении, реформах. У каждого человека, слоя — свой взгляд, у каждого специалиста — свое объяснение, у каждого — свои приоритеты. В таких ситуациях невозможно сориентироваться, если нет четкого взгляда на проблему, четких приоритетов, или... если нет хорошего образа, систематизирующего всю многосложность и проблемность действительности в четко заданных этим образом рамках. Иногда бывает важнее предложить хороший образ, чем хорошо проработанную программу.

В лекции 3 мы уже говорили, что в «Записке об общественном мнении» 1826 г. Ф.В. Булгарин пытался ответить на важнейший для власти вопрос: что надо сделать, чтобы восстание, подобное происшедшему 14 декабря 1825 г., больше не повторилось. Булгарин предлагал использовать преданных власти литераторов, журналистов для формирования и управления общественным мнением.

Описывая ситуацию, Булгарин использовал следующий образ: «Россия не столь просвещенна, как другие государства Европы, но по своему положению она более других государств имеет нужду в нравственном и политическом воспитании взрослых людей и направле-

нии их к цели, предназначенной правительством. Силою невозможно остановить распространение идей, подобно как корабля на ходу при сильном волнении: можно снять флюгер, указующий направление ветра, но этим невозможно переменить ветер. Напротив того, искусное направление парусами и рулем даже вопреки ветру выведет корабль мимо опасных мест к желаемой пристани».

Каждый образ предлагает видение ситуации: такой-то определенный феномен действительности можно представить как определенный образ. Если мы примем предложенный образ (корабль во время шторма) как корректное описание реального феномена, например управления государством во время смут, социальных волнений, тогда сложная и противоречивая, трудная для постижения реальность получает достаточно простое объяснение, структурируется. У реального феномена появляется логика, становится понятным, как к нему можно подступиться и как можно повлиять на ситуацию.

Каким же образом метафора корабля, бури, спокойной пристани, предложенная Булгариным, оформляет действительность?

Государство в тревожные времена уподобляется кораблю во время сильного волнения. Вопросы, связанные с управлением государством, сводятся к проблеме управления кораблем. Если принять образ корабля как достаточно точное описание государства, появляются четкие, однозначные ответы на многие сложные вопросы. Например, вопросы об опасных идеях, цензуре, на которые у многих крупных чиновников, у приближенных к монарху, у писателей, у восставших, были разные ответы, получают достаточно простую интерпретацию и решение.

Посмотрим, из чего состоит предложенный Булгариным образ. Это: движущийся корабль, волнение, флюгер, ветер и направление ветра, управление парусами, руль, опасные места, пристань.

Каждому элементу образа корабля во время волнения можно найти соответствующий ему феномен государственной и политической жизни.

В рамках предложенного Булгариным образа легко ответить на вопрос, нужна ли цензура. Ответ однозначен: не нужна и даже опасна. Цензура может запретить какие-то статьи, книги, опасные с ее точки зрения для общего спокойствия, но это все равно, что снять флюгер, указующий направление ветра (опасных идейных процессов). Ветер от этого не уменьшится, а его скорость и направление определить будет труднее.

Движущийся корабль	Государство
Волнение	Смятение умов, социальные волнения
Флюгер	Темы публикаций в прессе, разговоров в обществе
Ветер и направление ветра	Идейные течения, воодушевляющие людей
Направление (управление) парусами	Влияние на общее мнение с помощью литераторов и журналистов
Руль	Политика, проводимая властью, принимаемые решения
Опасные места	Социальные, политические, экономические проблемы, вызывающие недовольство населения
Пристань	Устойчивое, спокойное состояние дел в государстве

Известно, что и во времена Булгарина и Николая I, и позже на вопрос, что надо делать, чтобы не было восстаний, было много ответов. Образ, предложенный Булгариным, был одним из таких ответов.

Он задавал логику действия в конкретных ситуациях, позволял ориентироваться в сложных обстоятельствах. Другие ответы могли быть оформлены с помощью других образов (например, чтобы избавиться от растений и деревьев-паразитов, нужно не только вырубить их, но и выкорчевать все корни, буквально искоренить). Другие образы задавали другое видение действительности, в этой по-другому увиденной действительности действия по решению актуальных проблем были совершенно иными. В частности, на вопрос, нужна ли цензура, ответ был противоположный: не только нужна, но и ее действия нужно ужесточить, чтобы окончательно уничтожить все ростки и незаметные корни вредных идей.

Отметим четкость, однозначность, логичность булгаринского образа. Предлагая его, Булгарин обращается к сознанию адресата, он опирается на предполагаемое умение адресата сравнивать, на его способность к элементарным логическим операциям. Это классическая рациональная, механистическая метафора.

Внимательный читатель, очевидно, заметил, что в этом маленьком отрывке есть еще один образ: образ воспитания, состоящий из таких компонентов: просвещенность, воспитание, направление воспитуемых к цели. Это замечательный образ, характерный для эпигонов эпохи Просвещения и, несмотря на то, что он относится к сфере душевно-психического, абсолютно инструментальный. Образ был использо-

ван Булгариным, чтобы прояснить, оформить такую сложную сферу отношений, как отношения власти и подданных. Булгарин предлагает смотреть на власть как на *умных* педагогов, а на подданных — как на учеников. Педагоги именно умные; этот подход — продукт эпохи Просвещения, отвергнувшей установки формальной, карательной педагогики и стремящейся действовать на сознание; а ученики, хоть и взрослые, но, по российским обстоятельствам, они все равно дети. Если считать, что эта метафора корректно, правильно описывает действительность, если согласиться с ее начальными установками, то использование этой метафоры дает возможность оформлять понимание действительности у читателя, направлять осмысление фактов и проблем реальной действительности в соответствии с логикой метафоры. В рамках образа воспитания воспитатель-правительство не наказывает за мелкие проступки (например, чтение и интерес к оппозиционным идеям), сообразует свои действия (в том числе и наказание, т.е. репрессии в отношении подданных) с конечной целью воспитания (общество, состоящее из сознательно лояльных, искренне законопослушных граждан).

Понятно, что определенным образом оформленное понимание действительности теоретически, а часто и практически, ведет к действиям в соответствии с тем, как мы понимаем окружающий мир. Собственно ради этого и выступают политики, и пишут свои тексты интеллектуалы: те и другие хотят заставить своих читателей и слушателей действовать определенным образом, в соответствии с желаниями авторов текстов, ораторов. Однако направлять действия и мысли аудитории — отнюдь не простое дело, где надо всего лишь найти нужный образ, нужный прием — и дело в шляпе: аудитория воспримет предложенный ей образ и начнет действовать в соответствии с логикой этого образа. Именно так понимали и понимают дело многие интеллектуалы, ученые¹. Раньше

¹ Иногда доходило до курьезов, напоминающих времена императора Павла I. Например, исследователи-лингвисты предлагали политикам использовать понятия «свобода» вместо понятий «справедливость» и «равенство». Якобы это должно повлечь усвоение обществом идей индивидуализма и будет способствовать дискредитации уравнилельных представлений. Основывались авторы на том, что семантически мир Свободы якобы резко противопоставлен миру Справедливости и Равенства, а справедливость — это порядок, вера в справедливого субъекта распределения, патерналистский комплекс. Таким образом, Свобода (прежде всего в прототипическом понимании — ничего не желай и будешь свободным) не совместима ни с верой в субъекта распределения, ни с мифологией патернализма. «Категория Свободы является одной из тех ценностей, которые могут помочь избавиться нашему общественному сознанию от весьма опасных “идолов площадей” и “идолов пещеры”, влекущих наше общество в пучину бесконечного распределения и перераспределения». (См.: Баранов А.Н. Политическая аргументация и

этим грешили и политтехнологи. Сегодня практики уже знают: легкость управления общественным мнением — выдумка кабинетных мыслителей. Если бы это было так просто, не было бы ни революций, ни смены режимов. К счастью, сознание человека устроено достаточно сложно, и подобрать к нему ключик не всегда удается даже талантливым профессионалам. Человек вовсе не автоматически усваивает все предложенные ему метафоры, разные люди по-разному реагируют на применяемые политиками приемы. Даже в тоталитарном обществе у человека сохраняется способность к критическому восприятию информации, или, если воспользоваться образом популярного в советские времена анекдота, — достаточно здравом смысле, чтобы поверять пропаганду содержанием своего холодильника. К счастью, в сколько-нибудь свободном обществе активно обсуждается несколько точек зрения на проблемы, несколько мировоззрений, несколько ключевых образов, используемых для объяснения актуальных проблем. И спор между политиками иногда превращается в оспаривание используемых оппонентом образов.

В нашем современном дискурсе для описания отношений власти и гражданского общества, неправительственных организаций до недавнего времени был популярен образ «противостояния», «отстаивания» (прав). Несколько лет назад на этот образ обратили внимание кремлевские пропагандисты и попытались его оспорить как неверный, устаревший, предложив другой образ — «партнерства», который, с их точки зрения, лучше подходит к новым реалиям. Образ этот показался привлекательным очень многим, в том числе и лидерам неправительственных организаций. Идея и образ «партнерства» многими стали восприниматься как корректное и адекватное описание отношений власти и общества. Естественно, готовность воспринять новый образ была оценена властью и поддержана разными способами.

В современном американском дискурсе противостояние и оспаривание образов особенно очевидно. Джон Керри, демократический кандидат в президенты, спорил с тактикой президента Буша в отношении

ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М., 1990. С. 166–177.)

Эти рассуждения базируются на нескольких неверных предположениях. Первое, о том, что у всех членов общества общий набор ценностей. Второе, все члены политической аудитории одинаково понимают одно и то же понятие, оно для них значит одно и то же, например, для всех понятие Свободы означает «не желай ничего — и будешь свободным» и что такое понимание Свободы является символической ценностью для всех членов общества. Конечно, это далеко не так. Частое повторение слова «свобода» взамен «равенства» и «справедливости» привело не к утверждению индивидуализма, а к дискредитации понятия «свобода» в сознании значительной части общества.

Ирака, в частности, опровергая корректность образа «молниеносной», быстрой войны для описания действий Америки в Ираке, и предлагая свое видение, которое основывается на образе «увязнуть, завязнуть». В случае с запиской Булгарина объясняющая способность его метафоры наталкивалась на другие метафоры, по-другому объясняющие отношения «власть — подданные», например в терминах образа семьи (отец — дети) или с опорой на принципиально иное понимание воспитания. Если любишь дитя (народ), не жалеешь времени на наказания (пристальное наблюдение, контроль и репрессии за любое, даже несознательное проявление свободомыслия), небольшая порция лозы легко исправит такой недостаток, который со временем может развиться в порок (злонамеренные умыслы против власти) и который уже придется выколачивать дубиной (жесткими мерами).

Следующий образ взят нами из статьи, посвященной встрече Владимира Путина с женщиной, выдернувшей антисемитский плакат, установленный на обочине Киевского шоссе. Плакат оказался заминированным, героиня (Татьяна) получила множественные осколочные ранения. Один из вопросов, поднимаемых авторами, как на правительственной трассе (Киевском шоссе), вблизи милицкого поста мог быть установлен заминированный плакат и почему его никто не заметил.

«Путину, к счастью, не приходится лично выдергивать экстремистские плакаты. Но он тоже вынужден ежедневно ложиться на амбразуры — там, где амбразур не должно быть по определению. ...На вершине власти — как на Киевском шоссе... Один за всех. Но не все за одного»².

Сначала выделим используемые образы: это «ложиться на амбразуры», «вершина власти», «один за всех». «Киевское шоссе» тоже выступает в качестве образа — как обозначение героического поступка Татьяны. Итак, посмотрим, чье поведение пытаются понять и объяснить авторы, чей и какой образ создать?

Путин не выдергивает плакаты. Но он тоже ложится на амбразуры. В этом рассуждении пропущен начальный тезис: героиня, выдернув плакат, «легла на амбразуру», в таком случае сравнение приобретает смысл: хотя Путин плакатов не выдергивает, на амбразуры он все-таки ложится, и даже каждый день.

Образ «ложиться на амбразуры» — часть известного героического образа: герой бросается (ложится) на амбразуру, чтобы ценой своей

² Архангельский А., Григорьева Е. Та самая Татьяна // Известия. 2002. 26 июля.

жизни спасти тех, кто идет за ним, чтобы они смогли прорваться к цели. Авторы не проясняют образ, не детализируют: кто враг (чьих амбразур?), что именно, с точки зрения авторов, является амбразурами, кого спасает герой, кто идет за ним, к чему они стремятся. Как один человек, даже будучи президентом России, может ложиться на амбразуры? Да еще каждый день? Всю эту интеллектуальную работу авторы оставляют сознанию читателя. Читатель какие-то доли секунды пытается решить эти вопросы (причем один из возможных вариантов — а не ироническая ли это гиперболизация?), а затем, так и не прояснив для себя образа и усвоив лишь то, что, с точки зрения авторов, Путин — герой и иронии здесь нет, устремляется дальше и наталкивается на развитие того же образа: президент вынужден ложиться на амбразур, хотя амбразур не должно быть по определению. В рамках задаваемого образа получается, что враги построили амбразур (воткнули и заминировали плакат) незаметно, а ответственные за контроль над врагом (милиция, ФСБ) их проворонили. В рамках более широкого образа врага, включающего в себя образ героя, бросающегося на амбразуру, возможен и еще один вариант: а может быть, наши — предатели?

Второй образ — вершина власти. Речь опять идет о Путине. Он стоит на вершине. Образ имеет, кроме важного, но тривиального смысла — Путин выше всех, — еще ряд смыслов, проясняемых через образ «Киевского шоссе» и девиз мушкетеров. Один из этих смыслов: на вершине человек одинок. Путин — самоотверженный герой, как героиня Киевского шоссе, и Путин — одинокий герой, сражающийся за всех. Здесь авторы, используя парфразу известного девиза «Один за всех!», вводят образ мушкетеров. Мушкетеры — самоотверженные герои и крепкие друзья. Они всегда выручают друг друга, и вторая часть их девиза звучит так: «Все за одного!» Однако авторы используют образ мушкетеров лишь отчасти для сравнения, а отчасти для противопоставления: «Но не все за одного». Если читатель даст себе труд немного поразмыслить, он поймет, что авторы хотят сказать: похож на героического мушкетера только президент Путин, а вот чиновники ему на помощь не бросаются.

В лекции 4 мы говорили о трех основных типах метафоры: рациональной, эмоциональной и ценностной. В то время как задача рационального образа в политическом тексте — через сравнение прояснять, объяснять действительность, в данном случае авторы добиваются не прояснения реальности, а создания ценного образа и нагнетания эмоционального напряжения.

Авторы стремились создать образ президента с опорой на устойчивые ценностные символы: «каждый день ложится на амбразуры» — и эмоциональное сочувствие: могущественный (на вершине власти), но одинокий герой, покинутый своими помощниками (не все за одного).

Название одной из статей в «Коммерсанта», посвященных Гражданскому форуму, прошедшему в 2001 г.: «Форум гражданский, а строем ходить умеет»³.

В статье идет речь о Гражданском форуме, помпезно прошедшем в Москве, во Дворце съездов, в ноябре 2001 г. В заголовке для характеристики форума использован образ «гражданский форум ходит строем». «Ходить строем» подразумевает следующие смыслы: ходят строем солдаты, заключенные, пионеры... В строю есть ведущий, за которым и идут строем, в строю все построены и шагают в ногу, все идут вместе. «Гражданский форум» по определению не должен «ходить строем». То, что форум «гражданский», подразумевает смыслы, противоположные самой идее «хождения строем»: это форум свободных, независимых людей. Образ построен как столкновение несовместимых смыслов понятия «гражданский» и выражения «ходить строем». Смысл заголовка в том, что название «гражданский форум» не отражает внутренней сути события.

Разберем еще один образ, уже упоминавшийся в шестой лекции. В статье Георгия Ильичева идет речь о распространении PR, о проникновении PR во все сферы жизни, в том числе в политику. В последнем случае автор ссылается на авторитетное мнение У. Эко.

«Великий итальянский писатель Умберто Эко в своей наделавшей минувшим летом шума на всю Европу статье в газете «Республика» прямо обвинил телемагната и нынешнего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони в том, что он «превратил предвыборную кампанию в маркетинговую, в ходе которой фирма-партия, продающая какой-то продукт-персонаж, апеллирует не к гражданам, а к потребителям»⁴.

Об образе, использованном в статье (фирма, продукт, маркетинговая компания, потребители), мы уже говорили. Умберто Эко сам называет все те политические феномены, отношения, которые он хотел прояснить и объяснить с помощью предложенного им образа: фирма-партия, продукт-персонаж (кандидат)... Автор четко и ясно

³ Клин Б. Форум гражданский, а строем ходить умеет // Коммерсант. 2001. 22 ноября.

⁴ Ильичев Г. Страна Пиария // Известия. 2002. 11 января.

задает и объект сравнения, и соответствующий компонент образа. Читателю не приходится домысливать, достраивать соответствующие позиции сравнения. Казалось бы, мы имеем дело с полностью рациональным образом. Но это не совсем так. Вспомним об образе Булгарина: флюгер (тематика публикаций) показывает направление ветра (идейных процессов, приводящих к формированию мнений и в дальнейшем — к действиям). Идеи могут быть ошибочными, даже вредными, но это объективная данность, как ветер, который может нести корабль на скалы, как флюгер, который показывает направление ветра. Булгарин даже предостерегает против эмоционального отношения к «флюгерам», «ветру».

А как обстоит дело в случае с образом политическая кампания — маркетинговая кампания? Образ маркетинговой кампании в авторской интерпретации не нейтрален. Откуда мы это знаем? Из того, какие слова выбирает автор для своего описания. Автор уверен в абсолютной верности сравнения, но сам факт верности сравнения вызывает у него негодование: «Умберто Эко... обвинил телемагната... в том, что тот *превратил*...» В этом свете все сравнение получает негативную интерпретацию.

Образ работает не только как сравнение, но и как противопоставление, и это противопоставление получает эмоционально-ценностную окраску: «гражданина» пытаются подменить «потребителем», но гражданин *не должен* превращаться в потребителя, «партия» не должна превращаться в «фирму», кандидат не должен превращаться в «продукт». Г. Ильичев полностью согласен с трактовкой У. Эко. Откуда мы это знаем? В самом начале отрывка автор задает высокую оценку Умберто Эко: «*Великий... У. Эко*».

Автор пытается создать негативный образ PR и его роли в политической жизни с опорой на цитату из Эко, ценностные символы: «гражданин» — не «потребитель», и — используя собственные оценочные слова: «великий», «прямо обвинил».

Анализ риторических средств

Мы уже говорили, что любой политический автор опирается в своих политических построениях, в предлагаемых им решениях политических проблем и конфликтов на определенные идеи, актуальные в современном ему обществе. Иногда автор прямо декларирует эти

идеи, иногда он ограничивается лишь конкретными практически-ми политическими предложениями, казалось бы, вовсе лишены каких-либо идейных посылок. В этих случаях бывает важно расшифровать идейные установки автора текста.

Для этого иногда бывает достаточно проанализировать прямые слова автора и на их основе судить об идейном базисе рассуждений. Иногда для этого нужно привлечь данные анализа риторических средств. И в том и в другом случае мы пытаемся выделить положения, из которых автор исходит в своих прямых декларациях, а также идеи, на которых основана изображенная автором картина мира. Образная система обычно дает материал для восстановления общей картины авторского мировоззрения и задает характеристики той оптики, через которую автор увидел описанный им мир.

Часто образы, использованные автором, как бы задают общую рамку, «фрейм», видения описываемых автором проблем. Среди таких образов известные образы «перестройки», «корабля—государства», «победы—поражения», «катастрофы—спасателей» и др. Если это основной, доминирующий образ, которым автор пользуется на протяжении всего текста, можно говорить, что образ оформляет общую картину, задает рамки обсуждения, логику рассуждений и до некоторой степени определяет выводы.

Анализ образов, системы аргументации, использования прописных букв и графических выделений может дать важный материал для понимания априорных посылок, на которых автор строит свои рассуждения, и для понимания его мировоззрения. Иногда эти выявленные в ходе анализа априорные послылки вступают в противоречие с прямыми декларациями и даже с устоявшимся образом автора. Тем важнее анализ неявных априорных посылок и тем более важную роль они могут играть при разработке конкретных стратегий в политических кампаниях.

Посмотрим, какие риторические средства использованы в статье С. Шойгу (см. приложение 14) и попробуем ответить на некоторые из следующих вопросов:

— Какие риторические и стилистические, графические средства использует автор?

— Каково смысловое значение этих приемов?

— Есть ли у автора основной общий образ для описания основного конфликта? Как выглядят образ автора, образ адресата, образы оппонентов и союзников: «мы» — «они»? Укладываются ли отдельные образы в общий образ?

— Насыщенность образами? Тип образной системы: эмоциональные, ценностные или рациональные (легко расшифровывающиеся образы, обращенные к разуму, а не к эмоциональной сфере)?

— Каковы субъекты действия? Как обрисовано общество, упоминающиеся социальные группы: они активны, пассивны, какова роль каждой социальной группы? Кто является ведущей и ведомой действующими силами в предполагаемом разрешении конфликта: власть, отдельные социальные группы, автор, отдельные персонажи, общество? Какая сила, какой субъект действия является мобилизующим началом?

— Как автор аргументирует свои положения? Какой способ аргументации используется: рациональные рассуждения, эмоциональные средства, декларации?

Статья Шойгу — это текст-речь, произнесенный им на съезде «Единства». К началу речи были добавлены слова: «Мне редко доводилось писать статьи в газеты», — и в таком виде ее напечатали. Однако из текста статьи можно понять, что мы имеем дело с образцом устного жанра.

Во-первых, обратим внимание на то, что структура текста больше напоминает речь, чем письменный жанр. Налицо обычное, классическое построение речи: ударное начало, середина — развитие темы, наконец, квинтэссенция — ударное окончание.

В начале статьи и в заключении многократно использован прием единоначатия. «Выход... есть. ...Выход — в единстве»; «В единстве людей... В единстве людей... Наконец, в единстве людей»; «Единство» — это не политическая партия... Единство с теми... Единство с теми... Единство с теми... Единство с теми...»

Прием единоначатия в текстах, рассчитанных на публикацию, используется крайне редко и очень осторожно. В том объеме, в котором он использован в тексте статьи Шойгу, этот прием контрпродуктивен. Глаз устает от бесконечных однообразных повторений, в особенности в конце длинного текста, и скользит по ним не останавливаясь. А в тексте Шойгу заключительная часть — не просто подведение итогов, по своему смыслу — это ударная часть. Сделать эту часть ударной может только ее устное произнесение. Именно при устном эмоциональном произнесении единоначатие превращается в сильный мобилизующий прием.

Кроме приема единоначатия, в тексте есть несколько косвенных свидетельств, говорящих об устной установке: «повторюсь еще раз», «не могу не сказать» (два раза), «уверенно заявляю».

В тексте много риторических вопросов и восклицаний, эмоционально окрашенных высказываний: «Что же такое само “Единство”», «Что нас толкнуло к объединению?», «Пора покончить с диктатурой доллара!», «Бездарные управленцы и казнокрады», «Мы должны добиться жесткой дисциплины...», «Решение этой задачи потребует усилий не только правительства, но и миллионов рядовых...» Вестекст — это серия коротких, энергичных высказываний. Предложения в основном простые, без сложных придаточных, с небольшим количеством причастных оборотов. Это тоже характерная черта устных речей.

Обратимся к заключительной части этой статьи-речи. Окончание — это ударная часть речи, она остается в памяти. Вот и посмотрим, как автор сделал концовку.

«“Единство” — это не политическая партия. Это объединение здравомыслящих людей, которым надоело смотреть, как кто-то за них определяет их судьбы. Мы идем на выборы с одной главной целью — добиться единства интересов каждого человека и Государства Российского. И ради этой цели мы готовы объединить всех и выступаем за единство со всеми. Единство с теми, кому нужна великая Россия, и не нужны великие потрясения. Единство с теми, кто хочет жить в сильной, стабильной, развивающейся стране, а не в «княжествах» и «ханствах», объединенных в конфедерацию. Единство с теми, кто устал от экспериментов политиков над собственным народом.

Единство с теми, кто выступает за единственную в мире справедливую диктатуру — “диктатуру здравого смысла”».

Какие риторические, стилистические, графические средства использует автор?

- Единоначатие и повторение. Слово «единство» (вместе с однокоренными словами) повторено 11 раз. Прагматическое значение этих приемов очевидно: во-первых, при эмоциональном произнесении повторение помогает создать сильный эмоциональный, мобилизующий эффект, во-вторых, для значительной части политической аудитории само понятие «единство» — это ценный образ, с сильными положительными коннотациями.

- Использование иронических кавычек: «ханства», «княжества» (см. лекцию 2). Еще одно использование кавычек: «диктатура здравого смысла» имеет иное значение — претензии на термин, на название феномена.

- Во фразе: «...добиться интересов каждого человека и Государства Российского» заглавные буквы подчеркивают значимость

«Государства Российского». Так выделяются ценные символы, значимые для аудитории понятия. Мы уже обращали внимание на имперские коннотации этого образа (см. лекцию 3). Вместе с «великой Россией» образ Государства Российского обращается к аудитории, для которой принадлежность к великому государству, желание быть причастным к нему является важной частью сферы *личных* интересов.

• Параллельные образы-оппозиции: великая Россия и — великие потрясения; сильная, стабильная, развивающаяся страна — в противоположность «ханствам», «княжествам».

Обратимся теперь ко всей статье. Какие еще образы использует автор? Какое значение имеют используемые образы для создания определенной мировоззренческой оптики? Каково смысловое значение этих образов и что они добавляют к прямо сказанному слову?

Единого образа России в тексте найти нельзя. В тексте есть два образных комплекса: первый — Россия это «зона чрезвычайной ситуации», второй — Россия — «великая» страна.

Посмотрим на первый образ и его составляющие: «Россия — зона сплошной чрезвычайной ситуации» («российский системный кризис требует действий не менее четких, быстрых и решительных, чем ликвидация последствий самого страшного землетрясения»; «боли и беды страны», «чрезвычайной ситуации, в которой сейчас оказалась вся Россия», «тяжелейшее положение, в котором оказалась Россия и ее великий народ»; «системный кризис», народу приходится «выживать под гнетом кризиса...»).

Этот образ является обобщающим, определяющим в описании обстановки в стране. Шойгу достаточно подробно прописывает составляющие этого образа: жертвы, спасатели, пострадавшие, действия спасателей, помощь материальная и психологическая, защита.

Шойгу не ограничивается констатацией ситуации сплошного системного кризиса, но задается вопросом: «Почему так происходит?» Отвечает он, однако, в духе схоластов: кризисы и чрезвычайные ситуации оттого, что Россия стала зоной чрезвычайной ситуации. Тем не менее по ходу статьи сделано несколько замечаний, косвенно касающихся этой проблемы. Во-первых, отмечено: «спасатели... *не разбираются, кто прав, кто виноват*, они ...определяют, что делать» (выделено мною. —А.А.), т.е. Шойгу, во всяком случае прямо, не ставит перед своим объединением задачи поиска и обличения виновных за «сплошную чрезвычайную ситуацию» в России. Более того, косвенно заявлено, что поиск виноватых вообще не входит в их задачи. Во-вторых, автор отмечает, что реформы обернулись «против миллионов

простых людей», автор лично «устал от экспериментов политиков собственным народом». Реформы просто не могли сработать, поскольку в России западные рецепты «не действуют» (см. ниже). Как вид, указание на виновных все же сделано. (Последнее тем любопытно, что среди партий, близких к «Единству», назван и Союз правых (объединяющий реформистов первого призыва. На уровне декларации СПС — союзник, на уровне априорных посылок — он враг «простых людей», проводник западных путей.)

Образ «России в кризисе» дополняется образом России — уникальной страны в мировой цивилизации, с тысячелетней историей, опыты сотен народов, бок о бок веками строивших и защищавших огромную страну. Это страна суровых климатических условий и фантастических богатств. «Мы многое подарили миру» и оказали «колоссальное действие на ход мировой истории». В России «не работают... западные рецепты: у России всегда был свой путь».

Здесь четко заявлена оппозиция: Запад — Россия. Шойгу не скрывает, что он понимает под «западными рецептами» — экономические реформы или политические реформы, или и то и другое. И все в политическом тексте, не разъяснено это не случайно, в данном случае важно было сделать намек. Но даже в таком виде намек включает и демократическое устройство, так как демократия в российском дискурсе это синоним Запада, западной демократии.

Так же, как образ «России в кризисе» дополняется образом «России — фантастически богатой», и образ россиян состоит из двух комплексов. Во-первых, россияне — жертвы кризиса («жизнь россиян превратилась в сплошной кризис», «тяжелейшее положение, в котором оказалась Россия и ее великий народ», реформы «обернулись против миллионов простых людей», «произвол бюрократического человека надо вылечить, накормить, найти ему жилье, дать рабочую защиту от мародеров и... вдохнуть веру в свои силы и в завтрашний день»). Часть этого образа — это образ «простых людей», задавленный произволом бюрократов, чиновников и экспериментами политиков. Во-вторых, образ «россиянина — жертвы экспериментов» дополняется образом «великого народа», «сотни народов, веками строивших и защищавших огромную страну».

На первый взгляд, может показаться, что образ россиянина «жертвы» не стыкуется с образом «великого народа» — строителя «великой страны»: россияне либо «великий народ», либо несчастная «жертва». В действительности же все зависит от того, что понимается под «великой страной» и «великим народом».

Тема простой «человек и государство» служит чем-то вроде пояснения темы «великого народа». Для строительства великой России нужны «патриотизм и работа на будущие поколения». (Это и есть задача для «великого народа», которой он уже посвятил «века».) Как трактуются отношения человека и государства, мы уже разбирали в лекции 3. Человек оказывается придатком государства. Народ велик, потому что он веками строит огромную страну. («Величие» в таком виде, в каком его понимает Шойгу, вполне может оборачиваться и оборачивается тем, что народ превращается в «жертву» — жертву «бюрократов» и «казнокрадов», под чьим руководством простые люди строят огромную страну.)

Образ «жертвы» предполагает пассивность «простых людей» и активность «экспериментаторов». И во всех других рассуждениях автора статьи образ «простых людей» строится на идее пассивности простого человека, его неумении обеспечить себя работой, распорядиться своей квалификацией, добиться того, чтобы бюрократы не творили «произвол». (Соратники Шойгу и он сам испытывают «ярость», столкнувшись с «бесконтрольным произволом бюрократов». То, что простой человек тоже может испытывать ярость и принимать меры, даже не предполагается.) Единственной активной силой в обществе, возникающей из рассуждений автора, является он сам и «Единство», т.е. тот же Сергей Шойгу.

Себе Шойгу в рамках предложенного им образа «чрезвычайной ситуации» отводит роль спасателя («мое дело — борьба с последствиями чрезвычайных ситуаций, часто в критических обстоятельствах»; «у спасателей есть правило...», «спасая пострадавших... я не раз убеждался...»). У спасателя есть «сподвижники». Они «пользуются непререкаемым авторитетом», «спасатели» действуют, а не ищут «виновных», они спасают, лечат, защищают. Они «чувствуют боль» за Россию, за ее великий народ.

Разбирая этот образ, обратим внимание на его замечательную особенность: Шойгу и его «сподвижники» сами *не причастны* к системному кризису, хотя он и охватил всю страну и весь народ. Они отдельно, вне ситуации. Как спасатели извне прилетают на место катастрофы, чтобы спасти пострадавших, так и Шойгу со своими «сподвижниками» готов начать спасать находящийся в тяжелейшем положении «великий народ».

В чрезвычайной ситуации спасатели прилетают на вертолете из не затронутого катастрофой центра; все, что они привозят, чем лечат, во что обувают, одевают, селят, — это ресурсы центра. Но если

кризис затронул всю страну, то откуда у политического спасателя возьмется ресурс для спасения всего народа? И здесь возможным ответом может оказаться самая важная функция спасателей — «вдохнуть (в людей) веру в свои силы и в завтрашний день». Спасатели будут вдыхать в «великий народ» веру в свои силы. Одновременно Шойгу заявляет, что «приоритеты “Единства” — это «патриотизм и работа на будущие поколения». Речь при этом идет о всех россиянах. «Работа на будущие поколения» подразумевает, что работать самим себя россиянам пока не придется. Сегодняшние россияне должны работать из патриотических соображений и заниматься тем, что лидер «Единства» считает «благом будущих поколений». В частности необходимо мобилизоваться (нужны усилия «миллионов рядовых граждан») для решения срочных задач по «повышению безопасности атомных объектов, химических... производств».

Образ России 1990-х гг. раскрывается с помощью выражений «печальный опыт последних лет», «реформы обернулись против простых людей», «боль и ярость против чиновников», «бездарные управленцы и казнокрады», «сплошная чрезвычайная ситуация», «сплошной кризис», «выживание». (Нелишне вспомнить, что С. Шойгу во время «экспериментов политиков» над народом последние лет был крупным чиновником, затем министром. Кто его сподвигнул, если не чиновники? Он советуется по поводу кандидатов для своего объединения с мэрами и губернаторами, а ведь это все бюрократические чиновники, а некоторые и — казнокрады?)

Раскрывая образ государственного регулирования экономики С. Шойгу заявляет, что государство должно быть двигателем, а не тормозом.

В рассуждении о роли государства в экономике нарушена обычная логика (логика дискурса): «“Единство” не выступает против государственного регулирования экономики. Но мы за разумное регулирование». В соответствии с логикой дискурса подобное суждение подразумевает желание говорящего ограничить роль государства в экономике. Однако дальше идет прямо противоположное: «роль государства следует усилить». Возможно, это следы редактирования и столкновения двух противоположных подходов. Победила редакция, нацеленная на усиление роли государства, а от первоначально либерального замаха осталась нарушенная логика рассуждений. Образ диктатуры используется разнообразно: диктатура доллар, диктатура здравого смысла, «четвертая власть не должна превращаться в диктатуру».

Тема прессы представлена через образы «важнейшего инструмента влияния», «диктатуры» и «мощнейшего оружия», с которым нужно «обращаться... осторожно». Образ развивается в следующем утверждении: «Закон должен защищать... общество от произвола прессы». Таким образом, создается еще один враждебный обществу образ (чиновники, бюрократы, политики-экспериментаторы и, наконец, пресса). Пресса творит произвол над обществом, произвол превращается в «диктатуру». И задача «Единства» — ограничить произвол, оградить общество от «произвола прессы».

И здесь логика рассуждения нарушена. У оружия не может быть произвола. Произвол может быть только у владельца оружия, т.е. у субъекта, управляющего прессой. Созданный образ прессы — крайне отрицательный. Здесь и опасность «диктатуры», т.е. пресса бесконтрольно подавляет общество и управляет им, пресса — «мощное оружие», т.е. опасна, и важный инструмент влияния. Образ диктатуры предполагает, что автор не видит различий внутри системы разных изданий, разной направленности, позиций, ориентаций. Вся пресса — это мощный однородный инструмент. Это нагнетание эпитетов предполагает самые жесткие меры в отношении прессы. Подразумеваемый смысл этих мер подсказан самим Шойгу: пресса — «важный инструмент влияния», необходимо ограничить эту способность прессы. Отношения общества и прессы видятся Шойгу как полное подчинение общества прессе. Общество не способно справиться с влиянием прессы без покровительственной защиты власти. Здесь развивается все тот же комплекс общества — как объекта покровительства и защиты. Шойгу понимает прессу в духе советской пропаганды, толковавшей о прессе буржуазной: она тоже изображала буржуазную прессу как однородный инструмент влияния, направленный против общества собственной страны и против советского строя.

Логика образа прессы, созданного в статье, отрицает основную идею современной прессы — свободу прессы, свободу получения и распространения информации. Если пресса — «мощное оружие», грозящее диктатурой, т.е. порабощением обществу, то ни о какой свободе для такой прессы не может быть и речи, как не может быть и речи о свободе в обращении с любым видом оружия, тем более «мощного».

Один из самых важных образов, создаваемых автором, касается парламентской жизни и политической жизни в целом. «Народных избранников» — единицы, а большинство политиков — это «массовка для престижного клуба столичных политиканов», хотя они и претендуют на звание «политической элиты». (Кавычками выражение выде-

лил автор. «Политическая элита» — еще один пример использован Сергеем Шойгу «иронических» кавычек.) Эта «массовка» своекорысна, занята собой и не думает о народе. «Политические силы... тяд одеяло на себя, устремляясь в разные стороны». «Российский парламент... превратился в столичный политический балаган», где «дли и красиво говорят».

Шойгу предлагает желающим попасть в думу отказаться от политического разномыслия в пользу «Единства» и единства народа, забыть о принадлежности к политическим партиям и быть готовым принимать законы, отвечающие «реальным нуждам россиян». Вм политических доктрин и убеждений автор предлагает вооружиться «здравым смыслом» и даже готов установить «диктатуру» эт «здорового смысла».

Нужно «привести во власть не представителей лучшей политической партии, а лучших представителей народа». Здесь очевидное противопоставление: политические партии — народ. Политические партии, политики трактуются как оторванные от реальной жизни россиян, они своекорыстны (тянут одеяло на себя, забыли о своих избирателях), шуты из «столичного балагана», самовлюбленны («суждают длинно и красиво»).

Само выражение *привести во власть* «лучших представителей народа» подразумевает несколько иную идею представительства, чем выборы. И тут особенно важно, что идея «приведения во власть» противопоставлена автором идее «лучшей партии». Члены Государственной думы должны стать не представители партий, получивших больше всего голосов избирателей, не активные члены этих партий, занимающиеся политической деятельностью, *сами идущие* во власть, а приведенные (встает вопрос: кем?) во власть.

Сама идея «лучших представителей народа» предполагает оценку с чьей точки зрения они «лучшие»? С точки зрения избирателя? С точки зрения местного руководства? С точки зрения московского шефа? Идея «лучшей партии» предполагает, что в думу проходят те, кто смог убедить избирателей, что партийный кандидат, партия — это лучший выбор.

То, как Шойгу описывает своих «сподвижников», говорит, что с ним будет он сам как начальник, а на местном уровне — мэры, губернаторы. Сподвижники (члены «Единства») не имеют «никакого политического опыта» (работы с избирателем, выработки практических решений на основе партийной идеологии и программы, представительства и защиты интересов избирателя), и это их плюс, с точки зрения автора (и с точки зрения предполагаемого адресата!). Будущее

члены фракции «Единства» в Госдуме — это люди, «стремящиеся попасть в Государственную думу для того, чтобы работать там с максимальной отдачей», это люди, «готовые принимать реальные законы, отвечающие реальным нуждам россиян». Готовность принимать нужные законы, готовность работать с максимальной отдачей, то, что их «привели» во власть, политическая неопытность, отказ от партийных разногласий и опора на всенародное единство в соответствии со здравым смыслом — все это задает совершенно особое понимание парламентской жизни, и политической жизни в целом. Если учитывать противопоставление «лучших представителей народа» идее «лучшей партии», можно сказать, что в тексте сделана заявка на административное назначение в Госдуму.

Парламентские выборы как конкурентная борьба за умы политической аудитории, как предложение разными партиями своих программ и путей развития, видения проблем страны и конкретного региона отвергаются в пользу идеи «единства», толкуемой как назначение, «приведение» во власть административным путем. А идея парламента, который в долгих и тяжелых спорах разных точек зрения и разных интересов пытается выработать решение, законы, удовлетворяющие представителей разных партий и групп общества, отвергается в пользу административных назначенцев, «готовых принимать реальные законы».

Вместе с подразумеваемым отказом от идеи политической борьбы за места в парламенте, с принятием идеи приведения во власть «лучших представителей народа» сама собой отпадает необходимость в новых выборах. Если народ — един, если у власти находится единый блок «Единство», объединяющий «лучших представителей», то зачем переизбирать этих самых лучших представителей? Ведь лучше, чем «лучшие», найти невозможно!

Автор опирается в своих рассуждениях на ценные для сознания значительной части российской аудитории положительные символы и образы «единства», «лучших представителей народа», «работы с отдачей на благо», а также отрицательные образы — «перетягивание одеяла», «столичного балагана», «столичных политиканов», «длинных и красивых рассууждений». По существу, образ предвыборной борьбы, парламента — это попытка дискредитации самой идеи политической борьбы в пользу более простой, административно управляемой процедуры назначения.

О том, что это именно административные назначения, говорит факт совещания с мэрами и губернаторами и то, как Шойгу понимает, что такое «Единство». «На моих плечах — генеральские погоны.

И поэтому я уверенно заявляю: «Единство» сделает все возможное для поддержки армии...» Шойгу уверен: то, как он представляет себе, в чем состоит долг перед защитниками Отечества, — и станет программой «Единства». Фактически здесь заявлено: лидер блока «Единство» — это начальник, а сподвижники — его подчиненные. Решение начальника — закон для подчиненных. Соответственно, и здравый смысл диктатуру которого собирается устанавливать «Единство», — и здравый смысл Сергея Шойгу.

Большая часть используемых образов (работать во благо Человека, работа на будущие поколения, Человек и Государство — единое целое, вдохнуть веру) — это переформулированные советские лозунги («Человек — прежде всего»; «Все во имя человека, все для блага человека»; «Будущее поколение будет жить при коммунизме»; «Народ и Партия — едины»; «Планы партии — планы народа»; «Великая могучий Советский Союз»; «Партия — вдохновляющая и организующая сила»).

Анализ использованных риторических средств позволяет уточнить адресатов выступления Шойгу. Для кого использованные образы могли бы стать мобилизующим призывом? В расчете на какой электорат в статье предпринимается попытка актуализировать старинные ценностные структуры, вернуть к жизни уже подзабытые символы, слегка их обновив?

Все это нужно, чтобы обратиться к той части электората, который испытывает ностальгию по объединяющим идеям, для кого привычные ценности — при всей их, может быть, внешней привлекательности, не являются ни значимыми, ни авторитетными. Прежде всего это люди, потерявшие себя в новой жизни, тоскующие по направляющей руке, по жесткому контролю. Они тонут, им буквально нужен «спасатель». Но нельзя сказать, что Шойгу обращается только к тем, кто потерялся, не нашел себя в происходящих в стране процессах трансформации. Ведь многие из тех, кто смог, опираясь на свой профессиональный, человеческий ресурс, обрести свое место в жизни, все же ждут, чтобы, как в советские времена, власть была более внимательна к ним, чтобы она «опиралась на их ресурс» или даже им (ресурсом) распоряжалась. Эта ностальгия по государственному участию в жизни человека, по обязательной включенности (пусть даже подневольно) в нечто большее, чем личная жизнь, и должна, по мысли создателя текста, заставить их откликнуться на риторику «Единства» и его лидера. Для них принадлежность к «великой России», работа на благо «великой страны» входит в сферу личных ценностей. Они совершенно

искренне хотели бы быть частью «великой страны», а не «княжества»; хотели бы чувствовать себя органически частью некоего большого целого. Другие роли — самостоятельного гражданина, носителя части суверенитета, или приватной личности, опирающейся на себя и свои умения, не ищущей государственного участия, — для них не являются чем-то значимым, привлекательным.

К портрету адресата статьи-речи С. Шойгу следует добавить и такие его косвенные характеристики, как отрицательное отношение к «политикам» вообще, ненависть к чиновникам, неспособность отстаивать свои интересы в столкновении с чиновниками, отрицательное отношение к прошедшим в стране реформам, восприятие информационного бума, разнообразия информации как угрозы. Эти характеристики отражают абсолютно реальные настроения, учитывают реальное состояние умов значительного круга избирателей. Этот адресат частично совпадает с адресатом предвыборной листовки «Единства», которую мы разбирали в предыдущей лекции — бюджетник, занимающий невысокую должность. В число адресатов входит и весь слой, связанный с армией и силовыми структурами.

Одновременно в статье сделана попытка выстроить новые идеологические ориентиры: «мы — они», «друг — враг», «хорошо — плохо». Есть положительный полюс: «спасатели», уставшие от экспериментов простые люди, есть «долг» государства перед армией, силовыми структурами и ВПК, есть «великая страна» и «великий народ», есть «патриотизм и работа на будущие поколения». И отрицательный полюс: «произвол прессы», «произвол бюрократов и чиновников». На момент появления статьи еще были и «столичные политики». (Позже их места в думе заняли члены «Единства».)

Итак, налицо довольно сложная схема: Россия — в тяжелейшем кризисе, в который ее завели, отчасти, по крайней мере, политики-экспериментаторы, чиновники-казнокрады, бездарные управленцы. В таком же тяжелейшем положении оказался народ. Спасатель Шойгу со своими «сподвижниками» обещают вывести народ из этого положения. Они не затронуты кризисом, они болеют за народ и за страну. Основная их задача — «вдохнуть веру», но звучат и обещания накормить, дать жилье, работу. Откуда возьмутся ресурсы спасения, из текста не ясно. Но опираться в своей деятельности «сподвижники» будут на ресурс простых людей, их «талант и высочайшую квалификацию», т.е. спасение будет производиться за счет спасаемых. Заявлено одно из направлений деятельности спасаемых: решение задач безопасности, предотвращение техногенных катастроф потребует усилий миллионов.

Высшей ценностью является «великая Россия», Государство Российское. Смысл деятельности народа — в строительстве огромной страны.

Мобилизирующим фактором Шойгу видится работа на благо «великой России»; «патриотизм и работа на будущие поколения». Что выступление все-таки не казалось прямым наследником советской пропаганды, советских требований «самоотверженного труда во имя построения коммунизма», автор заявляет: исходить мы будем из интересов Человека. Но тут же поясняет: интересы Человека и Государства — едины, а потом уточняет еще раз: необходимо добиться единства интересов «человека и Государства Российского». Интересы человека состоят в том, чтобы строить «огромную страну», «великую Россию» в этом его основная задача и основной «интерес». Иными словами интересы Государства Российского — это и есть интересы «человека»: что хорошо для Государства Российского, то должно быть хорошо по мнению автора, и для человека.

Спасать Россию и «великий народ», вдохновлять «простых людей» будут *спасатели-сподвижники*. Главным спасателем выступает «Шойгу». Его роль, так сказать, организующая и вдохновляющая новые свершения. Врагами, силами, противостоящими человеку названы в тексте «бюрократия», «казнокрады», «бездарные управленцы», «крупные бизнесмены», «хранящие капиталы за рубежом» пресса и политики-экспериментаторы.

В достаточно сложной, полной противоречий картине действительности, возникающей из статьи, из использованных риторических средств, образов, отчетливо виден ее идеологический характер: народ един с властью; власть знает все о народе, чувствует его бои, защищает его от врагов, вдохновляет на подвиги во имя будущего народа полностью отдает себя в руки «лучших представителей народа». Это — понимание мира и человека в духе советской пропаганды, но несколько видоизмененное, приспособленное к современности, очищенное от устаревших идеологических догм. Здесь видна и основа новой идеологической доктрины — идеалы Единства, великая Россия, патриотизм, мобилизация сил ради спасения Родины. И, конечно, вождь-спасатель, не затронутый кризисом и болеющий за миллионы простых людей.

Старые, чуть подновленные символы нужны, чтобы затронуть души людей, тоскующих по символике и идеалам прошлого. Чтобы добиться от них готовности к мобилизации, их жалеют, замечают их страдания, им обещают государственное участие, материальную и духовную

помощь, «веру в завтрашний день», обещают опираться на их квалифиацию. Словом, обещают все то, что социальные, политические изменения начала 1990-х гг. оставили в ведении самих людей.

Замечательно, что стратегия мобилизации — герой-спасатель мобилизует миллионы на усилия по оздоровлению больной России, великой страны, попавшей в тяжелейший кризис, — удивительным образом буквально совпадает со стратегией, обрисованной Сергеем Станкевичем в его полемике с Андреем Козыревым по поводу конфликта в Приднестровье в 1992 г. (см. приложение 12).

Станкевич: «Вопросов таких (к политике российского МИДа. — А.А.) немало. И звучат они не от «партии войны», а, скорее, от партии здравого смысла, озабоченной сохранением достоинства России...

Наконец, нельзя не сказать о патриотизме. Какой немыслимый сдвиг сознания заставил нас превратить... слово (патриотизм. — А.А.) в бранное?.. Неужели не ясно, что только самоотверженный порыв миллионов способен вырвать Россию из тисков тяжелейшего недуга?

И не стоит поспешно открещиваться от слова «Держава». ...Держава означает обращенность государства на себя, отказ от экспансии, мобилизацию внутренних сил и ресурсов для хозяйственного и культурного подъема, для мирного и цивилизованного прорыва на уровень великих держав.

У меня есть отчетливое предчувствие, что Россия... обязательно станет державой. Успеть бы нам всем побольше сделать для этого»⁵.

Сразу бросается в глаза несколько буквальных совпадений: «партия здравого смысла» у Станкевича и «объединение здравомыслящих людей», «диктатура здравого смысла» у Шойгу. «Здравый смысл» выступает мировоззренческой основой, программой объединения у одного и у другого.

«Патриотизм» и там и там рассматривается не как идея, а как лозунг. Он выступает прежде всего как авторитетный символ, способный, по мнению авторов, мобилизовать миллионы на жертвы во имя «великой России». В обоих случаях идет речь о России, находящейся в тяжелейшем кризисе. В обоих случаях «патриотизм» нужен как мобилизующий фактор (для населения, «простых людей»), чтобы «вырвать Россию из тисков тяжелейшего недуга».

«Держава» Станкевича находит свою параллель в тексте Шойгу: «великая Россия», «Государство Российское». И в том и в другом слу-

⁵ Станкевич С. Пока никому не удавалось полностью исключить силу из арсенала политики // Известия. 1992. 7 июля.

чае эти понятия означают обращенность государства на себя, мобилизацию внутренних ресурсов, субъектность, самоценность государства по сравнению с «миллионами простых людей».

И у Станкевича, и у Шойгу отчетливо присутствует идея их личной незатронутости «тяжелейшим недугом», «тяжелейшим кризисом». Шойгу и его «сподвижники» смотрят со стороны и «испытывают боль» за Россию и ее великий народ. «Вырвать Россию из тисков... недуга» предстоит миллионам, а про себя и других политиков Станкевич беспокоится, что Россия так быстро станет Державой, что они могут даже не успеть приложить для этого своих усилий. И там и там мы видим претензии на руководящую роль в деле мобилизации «миллионов».

Разница в мировоззренческой оптике не столь заметна, но она есть. В рассуждениях Шойгу нет идеи моментальности сказочного исцеления России и превращения ее в Державу, наоборот, он говорит о «работе на будущие поколения», т.е. о долгом процессе.

А в целом мировоззренческая основа видения ситуации у С. Шойгу и С. Станкевича почти идентична. Программа, которая провалилась в начале 1990-х гг. (в отношении стран ближнего зарубежья на постсоветском пространстве возобладала политика МИДа, а советник президента Сергей Станкевич был смещен со своего поста за провал на выборах 1993 г.), возродилась в конце 1990-х и даже приобрела популярность у власти и у населения, за нее (за блок «Единство») в 1999 г. проголосовало большинство избирателей.

То, что провалившаяся идеологическая концепция была востребована властью, объясняется тем, что к власти пришла более консервативная по своим установкам группа, для которой идеология Державы «патриотизма» и «самоотверженного порыва миллионов» показала более приемлемой, чем доктрины либерального порядка и совсем уж архаические коммунистические, ультранационалистические идеи. С другой стороны, в обществе по сравнению с началом 1990-х гг. стало острее чувствоваться ностальгия по идеологической обихоженности, встроенности в большое целое. То, от чего в начале 1990-х гг. отталкивались, как от ретроградного, что не поддерживали ни власть, ни наиболее влиятельные интеллектуалы, комментаторы, формирующие общественное мнение, в конце этого десятилетия, когда все либеральные лозунги и основные фигуры демократического процесса оказались дискредитированы, было взято на вооружение властью и было поддержано обществом.

Остается один вопрос, который в 1999 г., видимо, не сильно занимал организаторов кампании: а где в нарисованной ими картине мира

место для Путина? Для него в этой системе места не оставалось. Как выходцу из «силовых структур» Шойгу обещает ему свое покровительство и защиту, но не более того. Главный «спасатель» в той картине мира, которую пытается создать автор текста, может быть только один, и роль его может сыграть только министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу. Возможно, этот факт стал одной из причин того, что политическая линия, намеченная в разбираемой статье, подверглась последующей корректировке, а история страны пошла не совсем по тому сценарию, который предугадывается из данной статьи.

Разберем еще один текст, на этот раз информационный материал о съезде партии «Единой России» — преемнице «Единства». (см. приложение 15).

Заголовок статьи «У “медведей” свое лицо». Подзаголовок: «“Единая Россия” решила стать интеллектуальным и политическим центром страны».

Посмотрим, как построена статья.

1. Вступительный абзац (лид) выделен полужирным шрифтом и полностью дан как цитата из выступления лидера партии и министра внутренних дел РФ Бориса Грызлова. Заявлены две темы: резкая критика правительства, «утратившего способность к... решению актуальных... проблем страны»; и вторая тема: при «отсутствии... партийной власти чрезмерную роль приобрели «группы влияния», связанные с крупным капиталом... Вместо цивилизованной политической борьбы мы сталкиваемся с подковерной борьбой кланов».

2. Начало статьи — развитие выступавшими на съезде темы критики правительства.

3. Автор передает три версии того, почему лидеры партии критикуют правительство: санкция президента; желание отмежеваться накануне выборов от «непопулярного правительства»; и, наконец: «и, конечно, тут можно усмотреть жесткую заявку на “формирование... партийного правительства”».

4. Партия надеется завоевать большинство мест в парламенте и сформировать правительство.

5. Принятие манифеста партии: «Путь национального успеха». Мнение одного из руководителей: «Мы предлагаем идеологию здравого смысла, консолидации общества». Лозунг: «Россияне всей страны, соединяйтесь!»

6. Мнение еще одного руководителя: «не просто “завоевать власть”, но превратиться в национальный политический центр страны».

7. Комментарий политолога: сказано, что нужно менять, но пока нет стратегии.

8. Комментарий члена Центрального политсовета — претензии на то, что партия будет формировать власть.

9. Мнение председателя Петрозаводского городского совета «после съезда у партии появилось свое “лицо”, своя идеология, своя программа».

Мы в первый раз работаем с текстом информационным. Попробуем ответить на вопрос: как автор освещает события? Он нейтрален, сочувствует (пропагандирует) или негативен?

У автора явно получился сочувствующий репортаж.

Откуда это видно? Во-первых, лид, где обычно сосредоточена основная информация, сделан как голос руководства партии; темой статьи заявлено выражение точки зрения партийного руководства. Во-вторых, в тексте есть коллизия, спор — нападки на правительство. Но спор этот односторонен, мы имеем информацию только о том, как «Единая Россия» смотрит на правительство, почему она им недовольна. Точки зрения второй стороны нет. Здесь нарушено стандартное правило объективности: если в тексте есть спор, то должны быть представлены точки зрения и той и другой стороны, например пресс-секретаря премьер-министра. Наконец, в-третьих, все комментарии слишком очевидно положительны и сделаны, за одним исключением, партийными функционерами. Исключение — комментарий политолога — также полностью благожелателен.

Первое, что бросается в глаза в комментариях и заявлениях участников съезда, это — обилие бюрократической лексики, советского сленга, лишь частично видоизмененного: «от имени и в интересах народа», «Россияне всей страны, объединяйтесь!», «съезд сказал, что нужно менять», «партии удалось выйти из застоя», «головокружение от успехов», «ударившись в волюнтаризм», «внутрипартийные разногласия», «ход партийного строительства», «наполнить (манифестную программу) конкретным содержанием».

Второй пласт — это активно формирующийся слой новой политической лексики: «идеология здравого смысла», «завоевать голоса избирателей», «компетентные выдвиженцы», «цивилизованная политическая борьба», «влияние олигархических группировок», «партийное правительство», «цивилизованное гражданское общество», «национальный политический центр страны», «духовная элита». Это смесь из официальной лексики, новых языковых клише, «творческих» нововведений партийных идеологов.

Отметим бедность риторического оформления заявлений. Едва ли не единственный образ в целом ряде высказываний — это «подковерная борьба кланов и группировок», но и он был употреблен в выступлении Грызлова, т.е. в заранее подготовленной речи.

Поробуем провести политический анализ текста. Для этого разберем его основные идеологические узлы.

1. Кто является легальным субъектом политической борьбы: партии или группы влияния? Лидеры «Единой России» отвечают: партии.

Институт «партийности власти» (т.е. формирования правительства партией, победившей на парламентских выборах) способствует «цивилизованной политической борьбе». В отсутствие «партийности власти» политические функции присвоили себе «группы влияния», «связанные с крупным капиталом». Поэтому нужны: «партии корпораций, а не корпорации партий». (Истолковать смысл последней фразы мы не беремся.)

Важность заявления Грызлова о «цивилизованной политической борьбе», т.е. борьбе партий, трудно переоценить. Если сравнивать это заявление с установками лидера «Единства», можно констатировать: произошла реабилитация основы демократической системы — борьбы политических партий, политического соперничества за симпатии избирателей. Если мы вспомним о роли политического руководства страны в организации «Единства» и «Единой России», то превращение *движения* «Единства» в *партию* «Единая Россия» можно смело расценивать как результат смены политических ориентиров руководства страны. Ведь в тексте Шойгу речь шла о тотальном, нерассуждающем единстве будущих депутатов, больше напоминающем не партийную фракцию в парламенте, а административный аппарат; в его статье отрицалась необходимость партийного многообразия, дискредитировался сам принцип партийной и парламентской борьбы за избирателя, политических споров, дебатов.

Б. Грызлов по существу отказывается от этого лозунга в пользу представительства в думе именно «лучшей партии», т.е. партии, победившей в «цивилизованной партийной борьбе». То, что принципу партийного многообразия, партийной борьбы вернули легитимность, говорит, что политическое руководство, по крайней мере формально, готово работать в рамках парламентской демократии, что оно, опять же на формальном уровне, оставляет открытым путь к демократическому развитию.

Идея партийности правительства противопоставлена Борисом Грызловым существующей практике российского правительства, отличающейся, по его словам, «чрезмерной ролью “групп влияния”, которые связаны с крупным капиталом».

Этот тезис можно истолковать так: партийное правительство в своей деятельности *ограничено*. Оно *связано* партийной программой, предвыборными обещаниями, опорой на определенную социальный слой, и это хорошо. Отсутствие этих ограничений, свобода действий правительства в принятии важных решений на деле привела к усилению влияния разного рода лоббистских группировок.

После встречи руководства «Единой России» с президентом партия повела наступление на федеральное правительство.

В чем обвиняют правительство? Б. Грызлов: «оно утратило способность к энергичному... решению... болезненных проблем страны», стало ареной борьбы «групп влияния». Министр сельского хозяйства А. Гордеев: «группам компаний» «все достается». Мэр Москвы Ю. Лужков возмущен «влиянием олигархических группировок на принятие государственных решений». Депутат Госдумы А. Исаев «разбил в пух и прах социальную и трудовую политику» министра труда А. Починка.

Обратим внимание: двое из четырех критиков — члены правительства, один из них — вице-премьер. Положение о том, что нельзя, будучи членом правительства, заниматься его публичной критикой, идея корпоративной этики для министров — «единороссов» не является актуальной. Согласно корпоративной этике⁶ министр не может, оставаясь членом кабинета, где он проработал несколько лет и за деятельность которого, следовательно, несет ответственность, критиковать работу кабинета. Он должен либо выйти из кабинета и уже потом заниматься критикой, либо дожидаться отставки. Более того, критика кабинета министров со стороны действующих министров с прагматической точки зрения бесполезна. Она не способствует лучшей работе кабинета, наоборот, она подрывает его авторитет, дезорганизует изнутри. А если так, то подобная критика с прагматической точки зрения не оправдана и может быть вызвана только сознательным желанием дискредитировать само правительство и его руководство. Именно поэтому и невозможно для действующего члена кабинета заниматься критикой и продолжать работать в правительстве.

⁶ *Корпоративная этика* — это правила поведения людей внутри команды, необходимые для того, чтобы команда работала эффективно.

Нельзя не отметить, что подобная критика не в традициях чиновников, прошедших советскую школу. И если резкая критика все же раздается, это означает, что критика лидерами партии проводимой кабинетом политики была вызвана внешними причинами и выполняла чисто инструментальную роль. Тот факт, что лидеры «Единой России» встречались накануне с президентом, говорит о его возможном участии как инициатора этой критики.

2. Заявка на формирование «центристского» правительства. Партия надеется завоевать более половины голосов избирателей и сформировать центристское правительство. «Единая Россия» видит себя как «ответственного переговорщика со всеми ветвями власти от имени и в интересах народа», т.е. хочет быть посредником, медиатором, получив более 50 % на выборах и сформировав правительство.

Сама идея «партийного правительства» — это демократическая по своей природе идея, прямо вытекающая из демократического принципа партийной борьбы. Партия, победившая на выборах, получает право и возможность реализовать свою программу и свои обещания на практике.

В политической жизни подобное демократическое нововведение (если, как в российской конституции, не предусмотрен принцип партийного правительства) — это политическое завоевание, результат борьбы, в которой участвуют реальные политические силы, при самом активном участии населения. Партийное правительство, как и прямые выборы президента, требует прежде всего устойчивости политического режима, сильных демократических традиций, осознанной поддержки обществом политических партий и готовности общества переизбрать плохое правительство и свергнуть узурпатора. Партийное правительство, введенное в рамках, так сказать, демократического эксперимента, может привести к самым неожиданным последствиям. Легко представить, какие самые неожиданные фигуры могут очутиться на посту премьер-министра.

В России до сих пор любое политическое нововведение было более или менее успешным политическим экспериментом верхов. Таким экспериментом оказалась и смена ориентиров с идеологии «Единства» на идеи политической борьбы, партийного правительства, высказываемые лидерами партии «Единая Россия». Это был, без сомнения, важный шаг, оставляющий политическую жизнь России в рамках демократического поля. Политическая перспектива при доминирующем положении «Единства» — тоталитарное общество. Политическая

перспектива при доминировании «Единой России» остается неопределимой. И эта неопределенность оставляет возможным и демократический путь развития.

И все же мы имеем дело именно с экспериментом верхов. Ни сама «Единая Россия» (несмотря на декларации руководства партии), ни население пока не готовы выступить как реальные игроки на политическом поле.

Посмотрим, как политическая партия, собирающаяся завоевать более половины голосов избирателей и стать правящей, понимает свою роль. Она видит себя в роли «переговорщика» от имени народа. Партия, которой, возможно, будет принадлежать власть в думе и министерские кресла, собирается вести переговоры «со всеми ветвями власти» «в интересах народа». Таким образом, партия видит себя медиатором между реальными субъектами политического процесса и «народом». Себя она к реальным субъектам политического процесса не причисляет, претензий на собственную роль в политическом процессе у нее нет. Но с какими же еще ветвями власти она собирается «переговариваться»? Ведь, победив на выборах, «Единая Россия» получает законодательную власть и часть исполнительной власти. Может быть, с Конституционным Судом?

Видимо, несмотря на серьезные декларации, внутренне руководство партии не готово к той роли, которую требуют правила демократического процесса, — к роли ответственного субъекта действия. В рассуждениях лидеров подразумевается инстинктивное нежелание брать на себя ответственность. А ведь принцип ответственности — это основной принцип партийного правительства: победив, воплощай обещанное, программу, с которой ты победил; а если провалилось на практическом поприще, — уходи. Вот этой ответственности и боялись будущие (сейчас уже нынешние) триумфаторы. Вот поэтому руководство партии и выбрало роль «ответственного переговорщика» — самую безответственную роль в политическом процессе, абсолютно не соответствующую роли победившей и формирующей правительство партии. Поэтому, в частности, и название для правительства выбрано «центристское», т.е. неопределенное, ни правое, ни левое.

3. Об идеологических ориентирах заявление сделал руководитель парламентской фракции «Регионы России» Олег Морозов: «мы намерены стать партией национального успеха», «Сегодня нет... ни "правой", ни "левой" идеологии...», «Мы предлагаем идеологию здравого смысла, консолидации общества», «Россияне всей страны соединяйтесь!».

Здесь второй раз подчеркивается «центризм» — нет ни правых, ни левых, а есть здравый смысл.

Партийные лидеры «Единой России» повторяют зады европейского опыта. Действительно, в современной Европе нет в чистом виде ни правых, ни левых, но остаются и правые, и левые. И правительства либо правые, либо левые. И программы их — либо правые, либо левые, и победившие партии вынуждены эти программы выполнять, и, если в ходе выполнения им не удастся добиться улучшения жизни для всего общества, их переизбирают. Нежелание назваться правыми или левыми говорит не о европейской ориентации, а о полном отсутствии какой-либо внятной политической программы, какой-либо идеологической ориентации. Отсутствие такой ориентации пытаются замаскировать идеей объединения, соединения всех россиян России.

Этот лозунг вызывает недоумение. В политической жизни люди соединяются для отстаивания своих интересов, для политической борьбы. Известный лозунг коммунистов был направлен против мировой буржуазии. Но для борьбы с кем будут соединяться все россияне России? Кто еще живет в стране, кроме россиян?

Взамен правой или левой идеологии предлагается «идеология здравого смысла».

Партия «Единая Россия» не имеет своего избирателя, интересы которого она представляет, не имеет политической, экономической программы, которую она намерена проводить. Ее почти предreshенная победа в марте 2003 г. была обеспечена не осознанной поддержкой ее избирателя, не победой в политической борьбе с другими партиями, другими программами и обещаниями. Политический ресурс этой партии определялся сочувствием президента и поддержкой глав регионов.

Обращение ко «всем россиянам» («Россияне всей страны, соединяйтесь!») — это обращение бюрократов, плохо понимающих логику демократической политической борьбы, но хорошо чувствующих, что за ними, кроме ресурса президента, ничего нет.

Мы видим, что идея «единства со всеми», провозглашенная Шойгу в его выступлении, которая вместе с идеей отказа от политической борьбы является идеей тоталитарной, здесь наполняется несколькими смыслами: предложением россиянам поддержать будущих победителей и нежеланием бюрократов брать на себя ответственность.

После смены политических ориентиров с тотального объединения на конкуренцию политических партий часть руководства бывшего «Единства» (часть «сподвижников» Шойгу) осталась при том

же понимании своей роли в политическом процессе. Они прежде всего назначенцы, они не хотят выдвигать социально и политически четко ориентированные программы. Они не хотят искать политической поддержки у отдельных социальных групп, пусть у самых широких слоев, но все же не у всего населения. Они предпочитают неопределенное единство, некий здравый смысл и безответственность «перворщиков». (Сам руководитель бывшего «Единства» был более определен. У него была четкая программа, была и четкая социальная и идеологическая ориентация.)

Их понимание происходящего политического процесса архангельское и восходит к установкам советского чиновника среднего уровня с боязнью ответственности, нежеланием четко определить свою позицию в критической ситуации и взять на себя обязательства по выполнению обещанного. Для советского чиновника быть бунтарем означало ориентироваться на «здравый смысл». По сравнению с абсурдностью политической, экономической и идеологической практики в СССР даже чиновничий здравый смысл казался восстанием во имя истины и реалистического подхода к жизни⁷.

Лозунг «возвращение к здравому смыслу» в программе «Единство» заместил собой политические и идеологические разногласия, знаменуя принципиальный отказ от политической борьбы как основного движущего мотора политической жизни. Сегодняшние наследники откорректированного «Единства» по-прежнему видят в здравом смысле выражение идеологии, способной примирить все общества. (Замечательно, что слова: «Сегодня нет в чистом виде ни “правой”, ни “левой” идеологии. Мы предлагаем идеологию здравого смысла консолидации общества», — были произнесены в кулуарах, т.е. в неофициальном порядке, и должны отражать собственное видение участника респондента.)

Однако современное общество построено на других принципах. Здравый смысл отнюдь не является общепризнанным критерием для принятия сколько-нибудь важных экономических и политических решений. (Как мы уже отметили, он годится разве что в качестве противоположности абсурдности советской политической, эконом-

⁷ Назначенный в марте 2004 г. первым заместителем министра культуры и массовых коммуникаций Леонид Надиров, бывший сотрудник внешней разведки, потом несколько лет директор Вагановского балетного училища, рассказал в интервью радио «Свобода», что в середине-конце 1980-х на Западе его часто спрашивали, что такое «перестройка». Он отвечал: «Возвращение к здравому смыслу». Надиров заметил, что он обобщает «с точки зрения здравого смысла», проходит решение через этот тест или нет.

ческой практики.) Здравый смысл разный у банкира, у предпринимателя-нефтяника, у производителя тракторов, у военного, у учителя-бюджетника. И у каждого в отдельности, и у социальных групп, к которым они принадлежат, свой здравый смысл, свое видение блага для себя, для своего слоя и для страны в целом. Ориентироваться вообще на здравый смысл в современной России означает для крупного чиновника стать заложником своего ближайшего советника, его способности рационально объяснить необходимость того или иного решения. Поскольку существует несколько подходов к решению любого важного вопроса и за каждым решением стоит свой здравый смысл, в каждом решении выражены какие-то интересы личностей, групп, страны в целом.

В декларативном неприятии четкой идеологии и объявлении приверженности здравому смыслу современные чиновники демонстрируют свой уровень понимания политической жизни, политических процессов. Их политическое развитие, понимание происходящего остановилось где-то в начале перестройки. Сегодня они получили возможность реализовать свои представления о мире, о политике, об экономике. И они воплощают в жизнь один из тезисов времен перестройки: уйти от идеологических шор к здравому смыслу. Но политическая жизнь страны ушла далеко вперед. Не только часть политического истеблишмента, но и значительная часть общества уже понимает, что между здравым смыслом разведчика-патриота и патриота-ученого есть существенная разница.

4. «Мы стремимся... превратиться в национальный политический центр страны, который объединяет интеллектуальную и духовную элиту, все российское общество».

Мы видим, что лидеру явно недостаточно завоевать большинство на выборах, получить политическую власть на четыре года — а это максимум того, на что может претендовать партия в рамках демократического политического процесса. Ему хочется, кроме политической власти, объединить вокруг себя *все общество, всю интеллектуальную и духовную элиту*. Это не просто стремление увеличить свой политический ресурс за счет авторитетных фигур из других сфер жизни общества, в демократическом государстве традиционно не зависящих от власти. Примеры привлечения известных фигур шоу-бизнеса, кино, интеллектуалов мы встречаем в политических кампаниях многих демократических стран, в особенности в США, но там всегда речь идет лишь о привлечении известных людей, имеющих четкие политические симпатии. В нашем случае речь идет о тотальном объединяющем

центре. В современной политической истории было только несколько случаев, когда партии становились такими центрами, — в Германии, Италии времен фашизма и в СССР.

Люди объединяются вокруг политической партии не для того, чтобы быть вместе и весело провести время, а для лучшего отстаивания своих интересов. Партия объединяет людей на основании того, что обещает избирателям защищать их интересы, на основании того, что она воплощает в жизнь именно те решения, которые кажутся приемлемыми этой части избирателей. Заметим, что речь идет не обязательно об имущественных интересах: ведущим актерам Голливуда не нужна материальная помощь президента Америки. Интересы могут состоять в том, как именно решаются социальные, экономические проблемы, увеличивается ли или уменьшается помощь незащищенным слоям, будут ли запрещены или разрешены аборты, курение в общественных местах и т.д. А поскольку понимание, что такое хорошо и что такое плохо, у разных людей и разных групп населения разное, то одна партия принципиально не может быть вообще «национальным политическим центром страны».

В современном обществе одна политическая сила не может воплощать интересы всего общества. Партия, которая предполагает, что ей удастся примирить бюджетника и предпринимателя, либерала и ура-патриота, не является партией в демократическом смысле этого слова, и если воспользоваться выражением Сергея Шойгу, она неизбежно превратится в «престижный клуб столичных политиков». В демократическом обществе такая партия — нонсенс. В тот самый момент, когда партия объявит о своем желании объединить всех, она маргинализуется. Ни одна значительная социальная группа не доверит ей защиту своих интересов, в партии останутся только те, кто не видит никаких других возможностей защитить свои интересы, и партия неминуемо выпадет из политического процесса.

Стремление к созданию национального политического центра, как объединяющего все общество и всю элиту, о чем говорил лидер «Единой России», выходит за рамки традиционной для демократического общества политической практики. Это стремление отражает представления о власти, восходящие к советской реальности, когда партия держала под контролем все сферы жизни общества.

Надежды «Единой России» на создание «национального политического центра» осуществимы только в обществе, где власть независима от общества, где нет политической жизни в современном смысле этого слова.

5. Комментарии участников съезда.

Политолог Сергей Марков: «На съезде главными игроками политической сцены обозначены политические партии. Это шаг к созданию цивилизованного гражданского общества».

Замечательно, что Сергей Марков рассматривает съезд политической партии не как политическое событие в узком смысле этого слова — борьбы за власть, а как событие, связанное с формированием собственно политической сферы. Для него важно декларирование на съезде «Единой России» положения: политическая жизнь будет строиться как борьба партий, а не, скажем, как форма административного управления в рамках единой вертикали власти. С. Марков связывает формирование властью сферы политического в стране с созданием гражданского общества. Здесь встает важный вопрос не только теоретического, но и практического значения: зависит ли создание гражданского общества хоть в какой-то мере от действий властей или гражданское общество — это целиком сфера общественной самодеятельности?

Вопрос о том, что же внес съезд в политическую жизнь, в смысле борьбы за власть, даже не ставится. С чем партия намерена выходить на выборы, что конкретно намерена предложить своим избирателям (кроме общих слов о светлом «пути к национальному успеху»), на какой слой или слои она ориентируется, какую экономическую политику намерена проводить — все эти практические вопросы не поднимаются не только политологом, но и другими комментаторами.

Комментарий Виктора Волкова, члена Центрального политсовета партии: «...обозначены ориентиры, которые помогут “Единой России” превратиться из политической организации, которую власть так или иначе использует, в политическую организацию, формирующую в конечном счете эту власть».

Этот комментарий также говорит о политических проблемах в самом широком смысле, о формировании сферы политического в стране, но здесь, по крайней мере, идет речь и об отношениях власти и партии «Единой России». Все прочие делегаты и комментаторы, касаясь темы власти, говорили о претензии на формирование правительства. Мнение делегата замечательно уже тем, что он характеризует актуальные отношения партии и власти как «использование» партии в интересах власти. Власть «использовала» партию для каких-то своих целей. Предложение о создании партийного правительства, которое коренным образом должно изменить расклад сил внутри власти, вполне реалистически названо лишь «ориентиром» для дальнейшего развития отношений власти и политических партий.

Комментарий Владимира Собинского, делегата из Петрозаводска: «мы приняли манифест партии, который предопределяет... реальную программу действий. ...После съезда у “Единой России” появилось свое “лицо”, своя идеология, своя программа».

Манифест с характерным названием самого общего порядка «Путь национального успеха» представляется делегату «программой». Замечательно, что «лицо», идеология у партии появились только после съезда, т.е. партия сформировалась не в политических баталиях, избирательных компаниях, не в идеологических столкновениях и работе с избирателем, а, как в советские времена, на съезде. В этом проявляется «советская» суть «Единой России» — это не политическая, а бюрократическая организация: все решается начальством на съездах. Стиль и риторика комментария — это риторика советского функционера: «Все вопросы, которые решались на съезде, практически полезны для работы региональных организаций»; «теперь наша задача — наполнить (программу) конкретными делами».

Характерно и то, что все заявления и комментарии делегаты делали, прячась за обобщенным «мы»: «Мы намерены... И заявляем: в России есть партия...»; «Важно предъявить обществу то, как мы видим...»; «Мы стремимся...».

Ни разу не прозвучало ответственного авторского слова от первого лица: я думаю, я считаю... Только в критике, высказанной Виктором Волковым и также звучащей как объективно-безличное перечисление, появляется намек не на свой авторский голос, но хотя бы на авторскую оценку в виде вводных слов: «У некоторых лидеров... к сожалению, случилось головокружение от успехов», «Слава Богу, здоровые силы осознали... ошибки».

За последние годы (1999–2003) на политической сцене полностью поменялись декорации. Межрегиональное движение «Единство» трансформировалось в партию «Единая Россия», с другими лидерами и другими установками. Изменились рамки деятельности внутри политической сферы, общее видение политической сферы. Но все эти изменения касаются скорее не эволюции самой партии и ее членов, а изменений в политической стратегии верховной российской власти. Изменения эти очень важные, по своей природе они демократические (в сравнении с тем, как виделась политическая сфера лидеру «Единства»), однако саму партию они затронули в очень слабой мере. Руководство партии составляют бюрократы советского образца, они считают, что партийная жизнь — это организованное руководством движение, свою роль видят в «наполнении конкретными делами»

решений съезда. Все их размышления тяготеют к пониманию партии как партии советского типа, где все едины, все решается на съезде, а вернее, аппаратом до съезда. Признавая теоретически политическую борьбу, они не понимают сути политической борьбы в демократическом обществе и ориентируются на архаичные советские модели «объединения» общества и партии.

Лекция 10

Своеобразие российского политического дискурса. Советский и нацистский политический дискурс.

Современный российский политический дискурс проходит полосу бурных изменений, трансформации. Как и вся сфера общественного, политического, культурного, социально-психологического, дискурс меняется на глазах. В этих изменениях можно выделить два процесса.

Первый, свойственный любому политическому дискурсу европейского, западного ареала, связан с изменениями реальности: политической, экономической, социальной. Идет постоянное обновление тематики, актуализация новых образов, символов. Изменяются, перегруппировываются социальные слои — адресаты, выходят на первый план новые актуальные темы. Уходят в прошлое одни образы, превращаясь в клише, и появляются новые. Обновляются приемы, в связи с развитием техники коммуникации возникают новые способы обращения к аудитории, часть старых каналов отходит на второй план. Так, самым большим прорывом начала президентской кампании в США 2003 г. стало использование бывшим губернатором Новой Англии Говардом Дином Интернета для сбора пожертвований на свою кампанию. И наоборот, когда новые технические средства не оправдывают возлагавшихся на них надежд, опять становятся актуальными старые технологии, например агитация от двери к двери, которую активно использовал штаб основного кандидата от демократов на президентских выборах 2004 г. Джона Керри.

Такие же изменения тематики, эволюции риторических средств можно наблюдать и в российском дискурсе. Идет освоение пропагандистами Интернет-пространства. Как и во многих областях, активно в этом направлении выступает команда президента. В 2003 г. появился специальный детский сайт президента, разработанный и оформленный лучшими художниками и писателями, в частности Григорием Остером. Дискурс меняется вместе с новыми проблемами, катастрофами, чрезвычайными ситуациями, поворотами во внешней политике.

Особенность развития российского дискурса — отражение того, что в стране идут бурные политические изменения, причем разнонаправленные.

Самым большим, значимым изменением в российском дискурсе последних десяти лет стало его обновление. Важнейшим фактором изменений стала смена политического курса, резкое ограничение свободного обмена информацией, усиление государственного контроля за средствами информации, административный контроль, централизация власти. Резко снизилась агитационная активность всех партий, особенно тех, которые относят себя к оппозиции, усилилась деятельность политтехнологов в области манипуляции общественным мнением. Все это не замедлило сказаться на дискурсе: он заметно обеднел, в него стали возвращаться элементы советского дискурса: неопределенно-личные, обобщенно-личные формы обращения; интонации угрозы в дискурсе власти, патерналистские мотивы.

На расчищенном от сторонних сил политическом и информационном поле заметен только один тип игроков — политтехнологи. Причем роль их далеко не ограничивается техническим формированием общественного мнения в соответствии с нуждами политической власти. Судя по разному направлению текстов, выступлений, смене курсов, часто они выступают и как идеологи. К несомненным большим достижениям политтехнологов я бы отнес кампанию 2000–2002 гг. по дискредитации правозащитного движения, деятельности независимых негосударственных организаций, фондов; формирование образа президента Путина и нового образа власти; кампанию под лозунгом «партнерство с властью»; риторическое прикрытие кампании против ряда олигархов; формирование образов «врага», «террориста-сепаратиста»; тонкая игра с риторикой внешней политики, внешнего врага: оживление антиамериканизма, затем его приглушение. В действие идут и традиционные орудия пропаганды — речи, выступления, специально оформленные «выходы» президента, и более тонкие средства, как продвижение в печать важных для «правильного» осмысления событий материалов, рассчитанных на бизнес- и интеллектуальную элиту. Причем это совсем не лобовая пропаганда: мы хотим, чтобы вы думали так-то и так-то. Вот публикация в «Известиях» — интервью с сокамерницей террористки. Не власть обличает террористку, а бывшая товарка по камере рисует ее как действительно злобного врага. И это удачный ход: показать читателям «Известий», что немногочисленные комментаторы, недоумевающие по поводу осуждения террористки, которая лично никого не убила, на пятнадцать лет заключения, не учитыва-ют реальной опасности этой женщины.

Второй важной составляющей в процессе трансформации русского политического дискурса пока остается вектор трансформации общества — от тоталитарного общества к обществу более свободно типа. В текстах пока еще можно найти яркую речь от первого лица личное обращение. Пока еще сохраняется и важная оппозиция: сторонники и противники реформ (сейчас в виде адресата, симпатизирующего демократическим переменам прошлых лет, и адресата приветствующего реставрацию). Идет дифференциация адресата. В массе сторонников и противников национального политического курса выделяются отдельные социальные группы, объединенные общими интересами: по месту жительства, профессии, возрасту и т. Общество еще движется по инерции в направлении, заданном переменами конца 1980 и начала 1990-х гг., и в развитии дискурса заметны еще оба процесса: революционный (демократический), сходящийся на нет, и реставрационный, постепенно усиливающийся.

И все же разница между современным политическим дискурсом и дискурсом советских времен огромна.

Чтобы оценить эту разницу, разберем несколько советских текстов 1930 и 1940-х гг.

Начнем с небольшого отрывка из статьи Г. Александрова о сущности советской пропаганды¹.

«Смысл всей пропаганды и агитации нашей партии в разъяснении трудящимся всех основных... вопросов общественной жизни и мобилизации трудящихся на выполнение всех тех задач, которые встают перед рабочими, крестьянами, интеллигенцией в ходе борьбы за победу идей передового человечества над темными силами реакции <...>

Политическая пропаганда нашей партии всегда исторически правдива. Лозунги нашей партии... всегда должны быть кристально ясны для всего народа. <...>

...Ход развития Великой Отечественной войны и общественно-жизни во время ее складывается именно так, как предвидел товарищ Сталин. А это значит, что мировоззрение партии большевиков еще и еще раз подтвердило свою полную истинность, научность. <...> (выделено автором. — А.А.).

Мы помним, что «смысл» пропаганды в современном дискурсе — убедить (вариант: внушить) и мобилизовать. В понимании советского пропагандиста смысл пропаганды трактуется несколько по-иному.

¹ Александров Г. Великая сила большевистских идей // Правда. 1942. 10 апреля.

«разъяснить и мобилизовать». Казалось бы, небольшая разница. Но в русском языке понятие «разъяснить» связано с ситуациями: учитель—ученик, начальник—подчиненный, родитель—ребенок — с четкой иерархией: авторитетный субъект наверху — послушный и пассивный объект разъяснения внизу.

Понятие же «убедить» не имеет таких коннотаций и не несет в себе заведомо иерархических отношений между субъектом и объектом пропаганды.

Идея «мобилизации» здесь также имеет несколько иное значение, чем в современном пропагандистском дискурсе. Советский автор предлагает «мобилизацию на выполнение задач, встающих перед рабочими, крестьянами...» Современный пропагандист добивается прежде всего мобилизации на *поддержку* соответствующей политической силы, политика, идеи. Современный политик ищет поддержки у населения, советский пропагандист занят буквальным направлением действий людей, управлением их повседневной активностью. Политическая поддержка как задача для советского пропагандиста даже не стоит. Она, кажется, давно достигнута. Мы увидим далее, что задача эта все же реальна и для советского дискурса, но решается другими средствами. В современном дискурсе политик мобилизует на поддержку свободных людей, которые, даже поддержав его, остаются свободными людьми. В своей повседневной активности они сами ставят перед собой задачи и сами их решают. Советский пропагандист мобилизует народ, как управляющий мобилизует отряды рабочих на выполнение определенных начальством задач. Это еще не армия, но уже активность, диктуемая сверху, требующая самоотвержения и готовности подчиняться.

Идею старшинства, превосходства пропагандиста по отношению к своей аудитории мы изредка встречаем и в современных текстах. Вспомним статьи С. Шойгу и С. Станкевича. В них звучит четкая идея: народ надо мобилизовать на выполнение целей, поставленных перед ним идеологом, радеющим о благе России.

Политическая пропаганда сегодня сохраняет идею *субъективного* взгляда на мир и проблемы. Автор допускает, что есть и другие точки зрения, быть может, неверные, несправедливые, но они имеют право на существование. Политический пропагандист советского образца старается уверить свою аудиторию, что пропагандируемые им идеи — это сама *истина*. Он выделяет слова «исторически правдива» для того, чтобы подчеркнуть: даже тогда, когда действительность, казалось бы, опровергает лозунги и заявления партии, партия все же остае-

ся правой — «в исторической перспективе». Временные поражения не должны смущать население, которому советские лозунги и титанские лидеры обещали всегда побеждать. Их (поражения) надо рассматривать в исторической перспективе как начало кампании в результате которой поражение ждет врага.

Эту же идею — абсолютной истинности пропагандируемой идеологии — подчеркивает и второй выделенный автором отрывок: «ход развития Великой Отечественной войны...» Логика рассуждения строится следующим образом: Сталин предсказывал развитие событий — война подтвердил его предсказания. Значит, мировоззрение партии большевиков (Сталин и есть воплощение этого мировоззрения) подтверждает свою научность — т.е. способность предсказывать будущее. А если руководство и лично Сталин действуют, вооруженные знаниями научной истины, народу остается только подчиняться носителям истины.

Пропаганда, даже в своем теоретическом виде, строится с опорой на риторические средства: образ «борьбы» задают две борющиеся стороны. «Наша» сторона имеет четко положительные коннотации («передовое человечество», обладающее «научной истиной» о том, как развивается история), а противная сторона — это «темные силы реакции». Даже превратившись в стилистический штамп, «темные силы реакции» продолжают создавать отрицательное смысловое поле. (Только подвергнувшись сознательному осмеянию в анекдотах и пародиях 1960–1980-х гг., выражение это утратило способность вызывать отрицательные эмоции.)

Посмотрим, как решается проблема пропаганды на примере одного материала, опубликованного в «Правде» в 1938 г. (см. приложение 7).

Статья посвящена постановлению ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР о ведении сельского хозяйства в засушливых районах Поволжья, приуралья и северного Казахстана. Речь в ней идет о методах обработки земли, о задержке влаги на полях, нормах посева разных сортов семян и других специфически аграрных проблемах. Для современного читателя и сама тема, и публикация в «Правде» и содержание выглядят странно. Почему чисто агрономические проблемы занимается партийный орган? Почему материал опубликовывает центральная пресса? Кто, наконец, адресат статьи?

² Смысл «научности» в просветительской парадигме — умение на основании законов развития системы предсказать ее положение, состояние в любой момент времени.

Формальный адресат — аудитория газеты «Правды», органа ЦК Коммунистической партии. Это был высший и самый авторитетный орган советской печати с тиражом несколько миллионов экземпляров; соответственно, его аудитория — это все советские и государственные органы, все коммунисты, все активные граждане. Статьи из «Правды» изучались на собраниях, на политинформациях во всех учебных заведениях страны, на производствах — т.е. многими миллионами людей.

Но проблемы сельского хозяйства в засушливых районах касаются от силы нескольких сотен тысяч человек, если считать всех сельских жителей этих районов. Это несколько процентов всех читателей газеты. И статья касается именно их. Именно эти три-четыре процента читателей и являются реальным адресатом, к которому обращается текст.

У сегодняшнего читателя возникает справедливый вопрос: зачем публиковать на первой полосе газеты материал, представляющий специфический интерес для ничтожной доли ее читателей? Это ключевая проблема советских текстов. Мы вернемся к ней позже, а сейчас посмотрим на содержание статьи.

Речь идет о постановлении ЦК партии о мероприятиях по борьбе с засухой. Вступление — о невозможности решить проблему стихийных бедствий в дореволюционной России (со ссылкой на Ленина) и о «победе колхозного строя», принесшего возможность решения проблем засухи.

Затем детально перечисляются «мероприятия», проведения которых требует ЦК от всех работников колхозов: вспашка на глубину 20–22 см, боронование в течение двух-трех дней и прочие детально прописанные действия по районам. Указаны меры поощрения и наказания за отступления от этих норм. В заключении подчеркнута важность принятого ЦК и СНК постановления для «зажиточной жизни колхозников».

Именно ЦК и СНК решают: как пахать, бороновать, на какую глубину, что именно и когда сеять, в течение скольких дней, какой вариант севооборота вводить. Они решают, куда и какую сельскохозяйственную технику поставлять. Они создают «боевые программы действий», решают проблему стимулов. Постановление ЦК и СНК «прокладывает путь» и мобилизует «широкие массы колхозников», «делает крупные шаги» «на пути к зажиточной жизни... колхозников». Все действия, которые сегодня обычно предпринимаются самими людьми, сидящими на земле, специалистами-агрономами,

в советской действительности диктовались сверху. А люди, «массы» понимались как пассивный инструмент, выполняющий указания ЦК и СНК.

Из текста очевидным образом вырисовывается активный субъект, принимающий решения. Формально это правительство и ЦК ВКП(б), но все не так просто: в тексте заложена целая иерархия субъектов. Население понимается как нечто направляемое и управляемое. Оно обязано оказывать полное послушание, отклонение от нормы поощряется, а неисполнение наказывается. Население, хотя и сохраняет способность к действию, в самом тексте, в самом построении дискурса подразумевается пассивный объект воздействия.

Анализируемый материал оформлен как *разъясняющий*, примитивный приказ делать так-то и так-то. Текст объясняет, почему и как надо бороться и вспахивать определенным образом нужно, чтобы «максимально сберечь влагу в почве». Соответствует разъясняющему стилю и его стилистика. Это директивный бюрократический стиль.

Посмотрим внимательнее на вырисовывающуюся иерархию субъектов действия, субъектов «разъяснения». По важности их можно разделить на пять групп.

1. Правительство (СНК) и ЦК партии. Они приняли постановление, которое «дает развернутую программу», намечает «конкретные мероприятия» по воплощению программы в жизнь.

2. «Государство», которое «оказывает огромную помощь».

3. «Мы» — советский народ. («Мы располагаем всем необходимым...»)

4. Местные работники, партийные и «беспартийные большевики», руководители партийных и советских органов — должны «довести до сознания всех работников...».

5. «Местные организации, партийные организации... — должны разработать конкретный план действий».

Если вы внимательно прочли текст, то заметите, что мы пропустили (сознательно) еще одну, самую важную инстанцию — Сталина. Потому что принятая СНК и ЦК программа и все намеченные конкретные мероприятия «полностью вытекают из указаний товарища Сталина».

Вся эта иерархия должна «довести до сознания всех работников колхозников... величайшее значение постановления партии и правительства» и заниматься «мобилизацией широких масс колхозников МТС и совхозов на борьбу...».

Мы видим, что, как об этом и говорится в рассуждении о смысле пропаганды, речь в статье идет о «разъяснении» (в нашем случае — «доведении до сознания») и о «мобилизации» «широких масс». Причем мобилизация идет не на поддержку какой-то точки зрения (как это обычно в современном дискурсе), а на выполнение определенных действий, в данном случае — ведения «борьбы за урожай», на *обязательность* выполнения этой задачи.

Посмотрим, в какой форме идет «разъяснение» и мобилизация «широких масс».

Всячески подчеркивается значение принятой программы: «постановление... имеет первостепенное... значение», «оно вытекает из указаний товарища Сталина», «оно дает устойчивую программу превращения... края...», «создает новые мощные стимулы», «проложен путь к подъему», «величайшее значение постановления», «крупный шаг на пути к достижению...». С помощью нагнетания превосходных степеней и ссылок на авторитет Сталина авторы пытаются придать постановлению высокий авторитет, что поддерживается модальностью долженствования.

Использование модальности долженствования, обязательности — это еще один важный прием «разъяснения» и мобилизации. «Партия и правительство требуют», «мероприятия, обязательные для всех...», «обязательное боронование», «обязаны посеять», «должны закончить сев», «необходимость тщательного контроля», «обязательно привлекать... персонал», «трактористы несут материальную ответственность», «надо добиться», «поля должны быть опоясаны...», «первейшая обязанность (работников)», «нужно твердо усвоить».

Модальность изложения имеет явно грозный, даже угрожающий смысл, дополняемый мерами поощрения и наказания.

В статье легко заметить два основных образных комплекса.

1. Образ крестьянина из ленинской цитаты: «ограбленные... задавленные произволом... опутанные сетями... запретов, ...связанные... крестьяне... беззащитны...» («беззащитны против стихийных бедствий и против капитала»). Этот образ, необходим для характеристики прошлого, когда крестьянин был беззащитен перед засухой, чтобы оттенить настоящее. В настоящем декларируется возможность «победы над засухой».

Образный комплекс, связанный с «победой над засухой», и шире — комплекс образов военной тематики: «победа колхозного строя», «вооружение сельского хозяйства», «полная победа над

засухой», «решительное наступление против засухи», «сельское хозяйство терпит урон», «острое орудие борьбы с бракоделами», «борьба за урожай» (два раза), «мобилизация на борьбу», «боевая программа действий».

Система аргументации статьи построена с опорой на высокую символическую ценность постановления; на эмоциональную оппозицию «прошлое—будущее» (униженная незащищенность в прошлом — уверенность в победе в настоящем); на систему рациональных рассуждений и апелляцию к разуму («максимально сохранить влагу»); с помощью угрожающей интонации (в частности, системы наказаний).

Образ войны, важнейший для советской риторики, оформляет действительность в рамках военных действий. Образ задает понимание действительности, и систему ценностей, норм, диктующих, в частности, необходимость беспрекословного подчинения выполнению приказов, четкой военной иерархии, необходимости жертвовать собой, возможность суровых наказаний за невыполнение приказов.

Образ военных действий и другие приемы построения статьи должны внушить аудитории: иные точки зрения, иное мнение, как и отступление от указанного в статье, — невозможно и будет сурово караться. Об этом говорится и прямо — через возможность штрафов, и этот смысл заложен в каждом приеме, он априорно подразумевается.

Теперь постараемся ответить на вопрос: кто же реальный адресат статьи и зачем статья о том, на какую глубину надо пахать в Куйбышевской области (нынешняя Самарская область), была напечатана на первой странице в «Правде».

Смысл публикации в том, что постановление, касающееся, казалось бы, только части советских колхозников, на самом деле понималось руководством страны (и самими советскими жителями!) как касающееся всех, всего советского народа. В начале статьи говорится: «создали в СССР условия... Мы располагаем всем необходимым чтобы перейти в наступление...». «Мы» — это советский народ. Любое действие, любая программа, любое мероприятие, задуманное партийным правительством, вытекающее из указаний товарища Сталина, а также — решений съездов, касается всей страны и каждого человека в отдельности, вне зависимости от его профессиональных занятий, местожительства, возраста. Каждый отвечает за всех, все отвечают за каждого, бригадиры — за своих трактористов, работники — за свое руководство. Все связаны друг с другом. Страна, народ понимаются как единое целое, неразрывно, органически связанное.

Поэтому и печатается статья в «Правде». Каждый должен быть в курсе, каждый должен быть в ответе за выполнение решений партии и правительства.

Мы видим, как в рядовой передовой статье в «Правде» оказывается сосредоточен весь идейный базис тоталитарного строя. Весь текст — его приемы, образы, модальность, тематика, априорные посыпки рассуждений — на всех уровнях пронизан, оформлен в соответствии с тоталитарной идеологической доктриной. Именно так, не только в прямых словах и декларациях — о руководящей роли партии, о гениальности Сталина, о единственно верном пути, — а косвенно, через уровень приемов и априорных посылок, через фразеологизмы, штампы, в отсутствие других образов, штампов, устойчивых символов фиксировалось в сознании определенным образом оформленное видение действительности. Это — социальная иерархия и место в ней «рядового колхозника»; роль начальства, управляющего, контролирующего, источника знаний и решений; это границы дозволенного и неизбежность наказаний; это и привычка к приказам и их выполнению, готовность к санкциям за невыполнение; социальная, политическая, профессиональная пассивность.

Теперь взглянем на способ подачи информационных сообщений из-за рубежа. Проанализируем заметку в «Правде» 3 ноября 1932 г. «Паника среди американских радиослушателей» (см. приложение 5).

В заметке идет речь о том, что многие американцы приняли передаваемую по радио инсценировку пьесы Герберта Уэллса «Война миров» за реальные новостные сообщения о нападении на Америку. Основная тема статьи — рассказ о возникшей панике.

Заметка построена так: название отражает суть содержания (не происшествя!). Автор, передавая случившееся, комментирует реакцию и поведение радиослушателей. Смысл этой реакции — началась «паника». Заключение статьи — обобщающий авторский комментарий. Автор ставит этот эпизод в контекст положения и настроений американского общества: «Этот эпизод живо свидетельствует о растущем беспокойстве населения США за безопасность...».

Смысл публикации этой заметки — не рассказ о забавной новости, а рассказ о «растущем беспокойстве». Даже построение заметки, особенно заключительная фраза-комментарий, оценочные моменты в ходе рассказа, — говорит о том, что автор занят не информацией, а комментарием, и этот комментарий носит очевидно пропагандистский характер.

Для автора самое важное в произошедшем — это то обстоятельство, что американцы подвержены беспокойству, а случившееся — лишь подтверждение этого тезиса. Как пишет Вильбур Шрамм, главная новость для советской политической журналистики — это построение коммунизма (и, добавим, умирание, загнивание, упадок буржуазного общества). Все остальное — лишь подтверждение этой главной новости³. В данном случае подтверждением служит рассказ о «панике» среди американцев.

Посмотрим теперь, какие действия американцев автор толкует как «панику».

«В течение 15 минут около 4000 человек обратилось по телефону в нью-йоркскую полицию... с просьбой указать, где можно получить противогазы. Тысячи людей поспешно покинули театры и общественные учреждения в поисках убежищ от воображаемой воздушной бомбардировки. Многие семьи выехали на автомобилях в провинцию... Сотни лиц в Нью-Йорке и других городах обращались по телефону на электростанции и требовали немедленно выключить свет, чтобы помешать нападению неприятельских бомбардировщиков».

Мы видим, что под «паникой» автор понимает вполне рациональные, более того, абсолютно здравые действия. Причем замечательно, что часть населения занялась собственным спасением, а часть немедленно проявила завидную гражданскую активность. Назвать эти действия паникой можно только, если рассматривать любые спонтанные действия жителей по собственному спасению, самоорганизации и неадекватные.

Само видение автором ситуации, сами его априорные посылки и детельствуют, что норма поведения в чрезвычайной ситуации (даже неправильно понятой), с его точки зрения, — это полный отказ от любых действий на свой страх и риск и ожидание разъяснений от вышестоящих инстанций. Именно такая реакция была нормой с точки зрения советского пропагандиста.

Совсем не все советские тексты писались бюрократическим языком. Для примера разберем статью «Герои Хасана», напечатанную в «Правде» 26 октября 1938 г. (см. приложение 6). Статья носит явно пропагандистский характер, но написана она в ярко-эмоциональном стиле и является примером своеобразного жанра героики, популярного в 1930-х гг., в особенности в рассказах о «военных и трудовых подвигах».

³ Шрам У., Петерсон Т., Зиберт Ф. Четыре теории прессы. М., 1998.

Статья сообщает о публикации указов о награждении бойцов Красной Армии, участвовавших в боях у озера Хасан, и рассказывает о военном столкновении с японскими войсками в августе 1938 г. на Дальнем Востоке. Статья наполнена яркими эпитетами («подлое нападение», «гремел гневный голос народа»), грубыми просторечными выражениями («совать свое свиное рыло в наш советский огород»⁴), изысканными фольклорными образами («кичливые полки»⁵), бюрократическими штампами («записка следующего содержания») и советскими фразеологизмами («смерть японским захватчикам», «японская военщина», «высокие идеи коммунизма», «великий Сталин»). Рассказ о героизме армии основывается на процитированном редакцией мнении «товарища Сталина» о советской армии и о любовном отношении к ней народа. А слова Сталина тут же проиллюстрированы цитатой из письма «девушек села Прилуки» бойцам-дальневосточникам.

Статья построена как фольклорный сказ. Вначале — вводная часть: «Весть о подлом нападении японских генералов на советскую землю всколыхнула весь народ... Японская военщина... получила назидательный урок в боях у озера Хасан, урок, который надолго отобьет у кого бы то ни было охоту совать свое свиное рыло в наш советский огород» (выделено мною. — А.А.). Затем рассказывается о героизме бойцов. Вспомним, что защита рубежей героями — один из обычных фольклорных мотивов. «...Смертью храбрых пал пулеметчик А. Ширманов... "Буду воевать до конца, насколько хватит моей силы, но врагу со своим геройским пулеметом не уступлю"... Красноармейцы не знали страха...» В заключении приведены цитата из Сталина о любви народа к армии и приводятся слова из письма девушек бойцам: «Мы, девушки, всегда готовы встать вместе с вами в ряды... Помните! С вами весь советский народ, всепобеждающая партия большевиков во главе с великим Сталиным». И фольклорная концовка: «Честь и слава героям Хасана».

Статья, что естественно для военной пропаганды, построена как противопоставление образов двух армий: Красной армии и ее бойцов и армии японской. Народный герой побеждает врага. Красная армия ведет «героические бои», пользуется «всенародной любовью», «доблестная», «одушевленная высокими идеями коммунизма», «вооруженная по последнему слову техники», «полная беззаветной любви

⁴ Это выражение — явно цитата из выступления одного из советских руководителей, может быть, Климента Ворошилова или самого Сталина.

⁵ Кичливые — от кичиться: гордиться, быть надменным. От «кичка» (кика) — головной убор замужних женщин.

к родине», «служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным». Бойцы умирают «смертью храбрых», «яростно уничтожают врагов».

Японская армия совершила «подлое нападение», «провокацию», на нее негодуют «беспредельно», «японские захватчики», «суют свое свиное рыло...», «кичливые полки» были выметены как «грязный сор», «пьяные японцы».

Мы видим фольклорную избыточность образов, эмоциональную перенасыщенность. Фольклор, просторечие используются, чтобы оживить уже заштампованную речь советской пропаганды, обновить ее, скрасить приевшуюся дидактическую интонацию. И одновременно статья — это своеобразный стилистический винегрет, смесь просторечия, поэтического и бюрократического языка, причем ни о каком искреннем чувстве автора и речи быть не может. Статья сохраняет все официальные признаки пропаганды: образ единогодушного советского народа; правительства, действия которого являются «отражением» народных чувств и чаяний; великого Сталина, поясняющего и разъясняющего. Герои Красной армии действуют не сами по себе, независимо, они не противопоставлены массе (как большинство фольклорных героев), они — представители народа, его боевой отряд. Замечательно, что образ народа, активного, эмоционального, полного чувств и энергии, полного «негодования», чей голос «гремит гневом», любящего свою армию — сталкивается с полным презрения описанием-разъяснением Сталина «отношений армии и народа»: «армия служит... бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам». Сталин напоминает, что народ — это бывшие рабы, которых кто-то (не они сами, а большевики) освободил. Впрочем, и это несколько презрительное отношение к народу, — тема, встречающаяся в русском фольклоре.

Статья построена с опорой на эмоциональные образы и апеллирует к эмоциям, образному восприятию, не к разуму. Об этом же говорят многочисленные восклицательные знаки. Подчеркиваются теплые, любовные отношения между народом и армией и ненависть к врагу.

Адресат этого текста — самые широкие слои народа, для которых фольклорная традиция была еще живой.

Удивительно, насколько разбираемая статья по своему стилю похожа на тот стиль пропаганды, который Геббельс создавал в Германии. Не исключено, что это было сознательное подражание: эта статья кажется более фальшивой и менее искусно сделанной, чем немецкие образцы.

В приложении приводится еще один текст, связанный с военной пропагандой. Это памфлет Ильи Эренбурга «Рабы смерти» (см. приложение 8).

Этот текст написан мастером совсем другого масштаба. Стиль памфлета Эренбурга выдержан в одном ключе, нет и следа бюрократических штампов, язык, приемы и стилистические средства — говорят о мастерстве автора.

Автор использует традиционный ход агитационного военного, политического памфлета, ведущего свою традицию от афишек Ф. Растопчина и «корреспонденций» в «Сыне Отечества» во время войны 1812 г. — карикатурное изображение противника. Но автор не сводит образ немецкого солдата к карикатуре на «восторженного куродея», так же, как он не сводит образ «наших бойцов» к лубочным героям, презирающим смерть и врага. Он дополняет образ примитивного немецкого солдата образом идейного противника, «равнодушного к курятине и к “трофейным” сапогам». Именно этот идейный враг опасен по-настоящему, он «беспощаден к другим и к себе». «Это сущность фашизма, его эссенция, его философия». Этот прием — совмещение карикатуры и образа безжалостного «патологического изувера», любующегося «тленом» и «распадом плоти», близок жанру современного политического триллера. В основе и того, и другого образа лежит гипербола: гиперболизированные образы «примитивного существа» и «эссенции фашизма».

Противостоит этому гиперболическому кентавру образ «наших бойцов», образ «русского народа». Отметим важный момент: Эренбург создает обобщенные образы фашистов, но не создает такой же образ русского (советского) солдата, он использует более обобщенную форму: «наши бойцы», «советский народ», «мы».

Лица «наших бойцов» одушевлены, на них «живое горе», живые чувства, в сердцах — «презрение к смерти» (у немцев — «стремление к смерти»). «Мужество и человеческое достоинство русского народа» побеждают немцев.

Немецкий солдат (в его примитивном варианте) — это «восторженный куроед», «глубоко невежественный», готовый воевать ради заработка, а при опасности сразу сдающийся в плен, тогда как идеологически выдержанные враги — «изуверы», в их глазах — «огонь сгущенного изуверства», для них свойственно «любование тленом», «культ распада плоти», «культ смерти, извращение».

Автор не так прямолинеен, как стандартный советский пропагандист. Он допускает мысль о том, что немецкий солдат может быть

храбрым. Задача автора — объяснить, почему немцы бывают храбрыми, почему они жертвуют собой. Эту задачу Эренбург решает, дискредитируя храбрость тем, что она от «тупости и жестокости». При этом делает это автор очень искусно. Эренбург не дает прямой характеристики, он ссылается на суждение о немецких солдатах, высказанное немецкой же газетой. «Я приведу показания военного корреспондента „Дойче альгемайне цайтунг“: — ...В уголках рта видна жестокость. «Тупость» превращается в непобедимость».

Эренбург даже ставит «тупость» в кавычки, подчеркивая, что не его слова, а немецкого военного корреспондента.

В предложении: «Миф о „непобедимости“ германской армии сводился на „тупости“ молодых солдат» — кавычки использованы два раза. В обоих случаях это передача мнения третьего лица. Автор подчеркивает — это не мои слова, так говорят сами немцы. Но в слове «непобедимостью» кавычки выполняют еще и роль ироническую. «непобедимость» — это миф. Еще одни кавычки — в выражении «равнодушны к „трофейным“ сапогам». Здесь кавычки употреблены в чисто ироническом значении: якобы «трофейные», а на самом деле — банальное мародерство гитлеровцев.

Основная задача текста — создать отрицательный портрет немца, причем убедительный образ, а не лубок. И при этом созданный образ должен вызывать презрение. Автор замечательно справляется со своей задачей, одновременно создавая глубоко положительный образ русского народа: «тупость» и «изуверство» врага «отступает перед мужеством и человеческим достоинством русского народа».

Адресат текста памфлета, безусловно, — образованный и внимательный читатель, отнюдь не массовая аудитория. Впрочем, как всегда у талантливого политического памфлетиста Эренбурга, любой читатель может найти яркую запоминающуюся фразу: «восторженный курортный деловитый палач», «черствый хлеб фашистской Германии».

Отметим важную деталь — изменение пропагандистской риторики во время Великой Отечественной войны. Изменения коснулись самой сути идеологии. В памфлете ни разу не прозвучали слова «советский народ», зато появился «русский народ», «родные города и деревни». Появилось то, что было немыслимо в довоенной «Правде», — ссылка на христианство как идеологию жизни, «вечной жизни» в противопоставлении фашизму — «культу смерти». Глубоко чуждыми советской пропаганде были и идеи «человеческого достоинства» — как качества гуманистической морали, беспартийного человеколюбия, враждебного классовой морали советского человека. Гуманизм, «человечес-

«достоинство» являются оппозицией любой тоталитарной идеологии. Правда, в гуманистической идеологии это черта отдельного человека, а автор наделяет этим свойством весь русский народ. Это внутреннее противоречие (народ в целом не может быть гуманным, гуманным может быть только отдельный человек) — важная уступка общей тенденции. Субъектом является не беспартийный человек, независимый индивидуум, наделенный человеческим достоинством, а идеологический «русский народ» — символ единения, общности. Позже, в официальном советском дискурсе будет встречаться словосочетание «советский гуманизм», «гуманизм советского народа». Но появилась эта идея только во время войны, когда в большую прессу допустили талантливых писателей, сохранивших гуманистические идеалы, таких как Илья Эренбург, Василий Гроссман.

Мы видим здесь отчетливую прагматичность Сталина в его отношении к идеологии: в момент смертельной опасности он готов допустить даже потенциально опасные для советского строя идейные отклонения, даже церковь, русский народный патриотизм и индивидуальный гуманизм. Но лишь с тем чтобы в более спокойные послевоенные годы самыми жестокими мерами вновь обозначить идеологические рамки существования советских людей.

Резкую разницу между пропагандой времен Великой Отечественной войны и послевоенной легко увидеть, если сравнить текст Эренбурга с Постановлением ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»⁶ (см. приложение 8).

Нацистская и советская пропаганда

Сходство между советской пропагандой и нацистской — разительное. А там, где они различались, эти различия были принципиального характера и были следствием разницы между режимами. В литературе есть несколько хороших исследований, касающихся сходства советского и германского искусства времен Гитлера, но до сих пор нет обстоятельного исследования, посвященного риторике и пропаганде обоих тоталитарных режимов. Очень беглый и краткий обзор сходства и различия двух дискурсов дан мною в работе «*Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica*», посвященной книге Виктора Клемперера «Язык Третьего рейха»⁷.

⁶ Правда. 1946. 21 августа.

⁷ Знамя. 2000. № 8. См. также работы И. Голомштока и У. Лакера.

Так же, как и советская, немецкая пресса времен нацистов имела официальные партийные органы: газету «*Völkischer Beobachter*» («Народный наблюдатель») А. Розенберга; газету «*Reich*» — там печатался Геббельс; дрезденский партийный орган «*Freiheitskampf*».

Как и в СССР, в Германии постепенно замолчала непартийная пресса. Наиболее известный непартийный орган — «*Frankfurter Zeitung*» — сменила «*Deutsche Allgemeine Zeitung*» («Немецкая общенациональная газета»), которую читали за границей. Она была более сдержанной, ее делали более осторожно. (Ее упоминал Эренбург в своем памфлете.)

Гитлеру, как и Сталину, верили. Многие верили до самого конца и даже после конца нацизма и сталинизма. Это, конечно, в основном психологический феномен, но здесь силен и элемент пропагандистского воздействия. В Германии пропагандистской машиной заведовал Иозеф Геббельс, как и многие гитлеровские руководители, убежденный нацист. В разговоре о нацистской пропаганде нас будут интересовать прежде всего параллели с советской пропагандой.

Эпизод с тиражом прессы

Летом 1937 г. на съезде нацистской партии в Нюрнберге прозвучало: «Если сложить в стопку газеты ежедневного тиража всей германской прессы, то она возвысится на 20 км в стратосферу, опровергая зареявших клеветников, твердящих об упадке ежедневной немецкой прессы»⁸.

Мы видим, что тирада построена на образе, игре слов: упадок — возвышение. В заявлении звучит угроза: заявление об упадке — дело «клеветников». На клевету следует опровержение. Но образ «упадка» — предполагает упадок прессы качественный, а опровержение построено как образное опровержение упадка количественного. «Упадку противопоставлено «возвышение» в стратосферу на 20 км.

Пропагандист пытается уйти от проблемы упадка качественного в сферу материального, в противопоставление упадка и подъема производства. Он смотрит на прессу с точки зрения тиражей — и никакого упадка не видит. Другое мнение о прессе в этом случае, конечно, клевета, так как тиражи растут. И в этом утверждении звучит жесткое предостережение «клеветникам».

⁸ Здесь и далее цитаты взяты из замечательного исследования «Язык Третьего Рейха» Виктора Клемперера (М., 1998).

Конечно, критически настроенному читателю этот образ никак не помогает поверить утверждению, что упадка прессы нет. Количество не говорит о качестве. Государство может печатать сколько угодно экземпляров газет и журналов.

Доводы количественного порядка — это любимое упражнение и советских пропагандистов, использовавших разнообразные наглядные средства пропаганды: графики, диаграммы, доказывавшие рост, увеличение в советские времена по сравнению с дореволюционными. В то же время данные об успехах американской промышленности советская пропаганда старалась дискредитировать, представить как буржуазную ложь и пропаганду. А Геббельс в Германии противопоставлял точности немецких цифр «еврейскую числовую акробатику».

Вот еще несколько примеров «количественной» пропаганды.

Немецкие газеты объявляли:

— во время приема Муссолини в Берлине только на транспаранты пошло 40 тыс. м ткани;

— в окружении под Киевом попали в котел 200 тыс. человек (а через несколько дней объявлялось, что в плен взято 600 тыс. человек).

Весной 1943 г. во всех немецких газетах сообщалось: книг из «Полевой библиотеки» (библиотека солдата) разослано 46 млн экземпляров.

Виктор Клемперер пишет: «Раньше в Германии подсмеивались над гигантскими цифрами, которые так любили в Восточной Азии, а позже и в Советской России, в последние годы войны сильное впечатление производило как бы соперничество немецкой и японской пропаганды, военных сводок в бессмысленных преувеличениях».

Реклама и пропаганда

«Лучшие в мире солдаты сражаются лучшим в мире оружием, изготовленным лучшими в мире рабочими» — гласил приказ по армии Вальтера фон Браухича, командующего сухопутными войсками.

В октябре 1942 г. министерство пропаганды инструктивным письмом запретило газетам и рекламодателям использовать в рекламе превосходную степень. Вместо «вас обслуживают наикомпетентнейшие специалисты» предлагалось писать «компетентные кадры».

Возможно, пропагандисты почувствовали сходство своих текстов с текстами дешевой рекламы, и Геббельс не хотел, чтобы читатели также заметили сходство продукции его ведомства с рекламой.

В нацистской, как и в советской пропаганде, постоянно использовались выражения: *великий, величайший, исторический*. Выражения «историческая роль», «историческая встреча, победа» часто появлялись в сообщениях о рядовых событиях, например открытии автостреды. Жизнь советского и немецкого народов превращалась в цепь исторических событий, важнейших вех, всемирно исторических свершений.

«Германия — мировая держава». Все действия, выступления Гитлера, как и любое слово Сталина, а затем и других советских лидеров, имели «всемирно-историческое» значение. В поздние годы советской власти этот эпитет применялся в основном к решениям принятым на съездах партии.

«Величайшая битва в истории» — это сказано, конечно, о выигранной битве. А как говорят о проигранной? «На периферии театров наших военных действий у нас кое-где понижена сопротивляемость» (Геббельс в газете «Рейх», 2 мая 1943 г.)

Параллели с советской пропагандой очевидны.

Приведем несколько буквальных совпадений, отчасти объясняемых заимствованиями, а отчасти — сходством режимов.

- Известное выражение «битва за урожай», так же как и «трудные победы», было заимствовано пропагандистами Германии и СССР из итальянского дискурса времен Муссолини.

- «Народный праздник», «чуждый народу»; «псевдонаучная деятельность».

- Немецкий лозунг начала 1930-х гг. «Победа будет за нами!» стал советским лозунгом времен войны.

- Очень похожими были образы Гитлера, Сталина, Ленина в школьных книгах для чтения: все они любят детей, а Гитлер и Ленин еще и животных.

- Борьба за мир. В 1933 году Гитлер делает все ради «труда мира», «мирного труда», чтобы «защитить мир» от безродной международной клики дельцов, гешефтмахеров. Позже появляется лозунг «Мы ведем священную народную войну!». Буквально те же выражения и лозунги были на вооружении советской пропаганды.

- Выражения, обозначающие вождей в Италии, Германии, России, — это кальки одного и того же слова: дуче — фюрер — вождь.

• В немецком дискурсе чаще, в советском — реже использовались иронические кавычки: красный «генеральный штаб», русская «стратегия», английские «политики», «немецкий» поэт Гейне. Примеры из советского дискурса мы разбирали, используя статьи И. Эренбурга.

• И нацистская, и советская пропаганда активно занимались переименованиями, в частности, топонимов. В Германии изменили несколько тысяч географических названий. В СССР эта цифра, конечно, была значительно выше.

Вот мнение Геббельса о языке пропаганды (1934): «Мы обязаны говорить на языке, понятном народу. Тот, кто хочет говорить с народом, должен, по слову Лютера, смотреть народу в рот».

Примерно то же говорила и делала советская пропаганда, хотя и менее искусно. Нацистской пропаганде не был чужд высокий стиль, но в советской его было больше. Советская пропагандистская машина была более бюрократизирована — и по стилю, и по своей работе.

Разница между пропагандистскими машинами связана с важным различием между двумя режимами. Советская пропаганда, примерно с конца 1920-х гг., опиралась в основном, на печатное слово. Нацистская пропаганда всегда строилась как пропаганда прежде всего устная. В частности, этим и объясняется огромный успех нацистов: живое слово убедительнее письменной речи, в особенности если речь произносит талантливый оратор, обладающий силой гипнотического воздействия. Мы уже отмечали, что советская пропаганда, особенно после ухода с политической арены талантливых ораторов — Ленина, Троцкого, — строилась как письменная, а устная пропаганда считалась «вспомогательным средством». Это было следствием не только параноидального страха Сталина перед большей свободой, которая всегда таится в устном выступлении, но и логикой развития тоталитарной государственной машины. Устное выступление всегда труднее контролировать, чем письменную речь. Сталин и другие коммунистические лидеры боялись своих соратников, Гитлер своим доверял. Поэтому все устные выступления партийных и советских лидеров должны были пройти апробацию более высокого партийного начальства. В СССР не сложилась традиция устного политического слова, политического ораторства, которая была в нацистской Германии. Можно, однако, предположить, что если бы век гитлеровской Германии не был столь короток, и ее пропагандистская машина, после ухода фанатиков первого призыва, тоже постепенно превратилась бы в бюрократический механизм.

В советском дискурсе последних предперестроечных десятилетий по сравнению с 1930-ми гг. появились серьезные изменения.

Он стал значительно бюрократичнее. Как заметил Патрик Серий, практически исчезла грамматическая категория первого лица, исток текстов — адресант — превратился в неопределенного субъекта. В грамматике официального дискурса все большую роль стала играть номинализация (замена глаголов существительными), неопределенность действия: «по решению партии и правительства...» Этот процесс отражал исчезновение яркого лидера. В 1930 — начале 1960-х гг. таким отчетливым и единственным субъектом принятия решений и мнений были Сталин, а затем Хрущев. Начиная с Брежнева появилась отчетливая тенденция на так называемое коллективное руководство. Из дискурса ушел не только личный субъект, но и энергия, дискурс превращался в бюрократический сленг, трудный для восприятия «простого человека».

Советские тексты и речи даже формально не обращались к аудитории за поддержкой. Их задачи были иными, поэтому и шло обращение не к конкретным группам, с конкретными программами, направленными именно на эти группы, а к «массам», к «народу», «советскому народу». Даже в тех случаях, когда власть выделяла какую-то группу «отщепенцев» (стиляг, диссидентов, художников-абстракционистов, враждебных элементов), они противопоставлялись «всему советскому народу».

В перестроечном и постперестроечном дискурсе возникло явление многообразия адресатов, вызванное прежде всего необходимостью добиться их поддержки: в борьбе с партийным аппаратом, а затем в ходе политических дебатов, а позже и выборов.

Обычные для советского дискурса типы модальности в политическом тексте: учительное разъяснение, угроза — во время перестройки начали исчезать. Скажем, в советском дискурсе последние десятилетия советской власти мобилизующее начало на уровне призывов (восклицательных знаков, призывов) было очень сильным, и мобилизация шла не на поддержку определенной точки зрения, а на выполнение определенных решений ЦК КПСС. Убеждающее начало осложнялось угрожающей интонацией. В настоящее время модальность угрозы вновь возвращается в наш дискурс.

Среди особенностей дискурса времени перестройки и более поздних времен — об этом говорилось в начале главы, — гипертрофированное влияние, которое начали оказывать на политический дискурс так называемые манипуляторы: политтехнологи, имиджмейкеры, политконсультанты. Последнюю особенность, впрочем, как и все особенности дискурса, можно объяснить политической неопытностью

становлением нашей демократии по приказу, сверху, при полном отсутствии сколько-нибудь сильных и организованных групп влияния рядового населения. В стране политически, социально пассивной политтехнологи, обслуживающие власть, неизбежно превращаются, независимо от своих убеждений, в манипуляторов общественным мнением. Умный манипулятор, внимательно изучающий настроения российской аудитории, имея в руках монополию на средства влияния: телевидение, центральные и местные СМИ, — способен добиться значительного успеха, направляя общественное мнение в нужное русло. В последние годы кремлевские политтехнологи превратились из важного, но не единственного центра влияния на общественное мнение, в своеобразный идеологический отдел ЦК, только умный, незашоренный и незабюрократизированный, способный решать задачи управления общественным мнением без мобилизации машины подавления и репрессий, а только с помощью технологических манипуляций.

Лекция 11

Анализ исторических политических текстов. Анализ российских текстов XIX в.

Мы уже говорили, что политический текст не всегда имел функции, свойственные современному политическому тексту. Отчасти это связано с иной политической системой, иным распределением суверенитета власти, отчасти — с иными идеологическими представлениями о власти, обществе, праве.

Рассмотрим один из первых политических текстов, касающийся актуальных российских проблем и опубликованный в частном журнале, т.е. являющийся выражением частного мнения.

Памфлет А.П. Сумарокова «Сон. Счастливое общество» (см. приложение 1) — пример распространенного и в европейской, и в российской публицистике жанра «снов», «мечтаний».

Сумароков рассказывает о «счастливом обществе», о том как оно достигло своего благосостояния: о верховном правителе; описывает нравы духовенства; работу Государственного совета и судов; рассказывает о нравах общества и армии.

Государь справедлив, человечен и в своей деятельности руководствуется «всенародной пользой», а не своими прихотями. В этом заключается основной принцип его управления.

Духовенство подобно «стоическим философам» в отношении к благам сего мира. Они просвещенны и человеколюбивы, в светские дела не вмешиваются.

Все законы государства сведены в кодекс. Основа законов — «естественный закон». Государственный совет рассматривает законы либо по воле монарха, либо по «предложению Совета», т.е. по собственной инициативе. В области правления — это ограниченная монархия, при чем сам монарх действует в рамках естественного права — заботится прежде всего о благе подданных. (Это одна из важнейших доктрин естественного права, выдвинутых в XVII в. Гуго Гроцием.) Из рассуждений Сумарокова видно, что право построено на таких нормах как «уважение вольности» каждого; равенство всех перед законом («не имеют люди ни благородства, ни подлородства», «дети за отеческие проступки не наказываются, а за услуги не вознаграждаются» «преступить закон народ опасается», а «живучи честно ничего не

опасается», «за взятки лишается судья и чина и имения»); отсутствие сословных привилегий; разделение церковной и светской властей. В интерпретации Сумарокова это право основано на здравом смысле. Закон строго соблюдается, судьи судят в соответствии с кодексом.

Нравы в обществе скорее пуританские, но идея терпимости им известна: тунеядство, пьянство, азартные игры — «презираются», но, «уважая вольность», не запрещаются.

В армии — порядок, дисциплина, начальники — знающие, они не унижают подчиненных, а воины — послушные. Мародерства, грабежей не допускают, а убийство побежденных карается смертью.

На первый взгляд, мы имеем дело с утопией, но если внимательно прочесть текст, то мы увидим, что «счастливое» общество Сумарокова далеко не идеально.

Там совершают преступления даже судьи (их судят и строго наказывают), есть пьяницы и игроки, последних презирают, однако, как было сказано, не преследуют. Идеальным кажется лишь Великий Государь, правящий «мечтательной страной». Своими делами и чертами характера напоминают российского императора Петра I и прусского монарха Фридриха Великого. Превознесение Петра было привычной темой российской публицистики, а вот обращение к опыту прусского монарха было более чем удивительно, так как Россия в это время вела с Пруссией войну. Однако война с просвещенным монархом была непопулярна в кружке великой княгини Екатерины Алексеевны (будущей императрицы Екатерины II), которой Сумароков демонстративно посвятил свой журнал. Как и монарх из «Сна», Фридрих II был законодателем, реформатором, нечуждым просвещению, пишущим на досуге стихи и одновременно жестко искоренявшим злоупотребления чиновников, выстроившим эффективный государственный аппарат. Фридрих был сторонником веротерпимости и считал, что каждый имеет право стараться достичь вечного спасения «на свой образец». Он провел реформу армии, ввел жесткую дисциплину, давал примеры милостивого отношения к побежденным. Духовенство из «Сна» похоже на добродетельных и уважаемых в обществе прусских пасторов. Нравы «счастливого» общества также напоминают прусское общество: скромные добродетели обывателей, насаждаемые и поощряемые властью. Конечно, Сумароков думал прежде всего об избавлении от пороков российского общества, а не об апологии Фридриха II. Положение в прусском государстве и рассуждения философов о «естественном праве» лишь давали ему материал для сравнения, для образцов и для возможного решения российских проблем.

Ответим на несколько вопросов.

1. К кому обращен текст? — Он напечатан в журнале, следовательно, формальный адресат — читатель. Более того, Сумароков рассчитывает на то, что распространение идей «счастливого общества» будет иметь положительный эффект, способствуя осуществлению «мечтаний»: «Дай боже, чтобы сны, подобные сну моему, многим виделись...», и добавляет: «а особливо — наперсникам фортуны». Здесь заключена важная характеристика адресата и мировоззрения автора: он рассматривает сильных мира сего не как волю божественного провидения, а как случайную прихоть фортуны, но именно на «наперсников фортуны» рассчитывает автор в деле изменения общества.

2. Можем ли мы доказать последнее утверждение? — Да: «Страна сия обладаема великим человеком, которого неусыпное попечение, с помощью избранных... помощников подало... его народу благоденствие». «Благополучие общества» зависит от монарха и помощников. Его власть огромна: он «прощает», «наказует», «делает начальниками».

И все же это не народная утопия, подвешенная на ниточке надежды на доброго царя, обрежь ниточку — и все «счастливое общество» ретируется.

Автор, описывая монарха, отмечает его личные качества, что естественно. В описании действий монарха автор ни слова не говорит об институциональных нормах, регулирующих эти действия. Однако он как бы вскользь упоминает о них, говоря о других сферах жизни государства и общества, причем выясняется, что власть монарха ограничена именно институционально. Государственный совет имеет законосовещательную и законодательную функцию: «узаконения, исправления и прочие государственные основания по повелению монарха или по предложению Совета» рассматриваются. Действует кодекс («книга узаконений», «государственные основания»), основанный на нормах «естественного закона»; действия всех властей, в том числе и монарха ограничены законом. Армия, что очень важно, находится в подчинении Государственного совета, а не монарха («Войска их состоят под воинственным советом, а сей совет под Государственным».)

Возникает справедливый вопрос: как примирить противоречие между идеей ограниченной монархии, действующей в строгих рамках права, и идеей того, что достижение этого благополучия полностью зависит от монарха. Ответ дан в самом эпитете «великий», отражающем подразумеваемый уровень смыслов. Это возможно, но

монарх должен быть «великим человеком». При монархе — великом человеке возможно появление описанных Сумароковым институтов. Намеков на то, что благополучия можно достигнуть каким-то иным путем — общественным давлением, революцией, — у Сумарокова мы не находим.

3. Идеальное ли это общество? — Нет, это общество реально, к нему нужно стремиться и его можно достигнуть. Автор говорит об обществе, «приведенном в такое состояние, какового... *естество достигнуть может*».

Таким образом, текст Сумарокова — это типичное произведение эпохи Просвещения, он излагает истину и обращен к власти. Но в нем есть обращение к читателю, формально это открытая пропаганда взглядов на другое, отличное от российских принципов, устройство государства и общества.

Утопией это общество казалось и кажется лишь потому, что буквально каждая характеристика «счастливого общества» является противоположностью российской действительности. Начиная от пьянства и туеядства, которых не стесняются и которые не презираются российским обществом, и кончая поведением монарха, озабоченного отнюдь не «народным благом».

Автор недоволен своим обществом и хочет его изменений, причем у него есть образец, которому надо следовать. Это не божественный недостижимый идеал, а вполне достижимое — при определенных условиях и введении определенных институтов и мер — общество. Благополучие в значительной мере зависит от доброй воли «великого человека» и наличия такого человека, от его мудрости, способностей; от нравственности духовенства. Однако Сумароков в своем описании рассказывает о конкретных институциональных социальных, политических мерах, способных поддерживать благополучие.

В «счастливом обществе» существуют разделение светской и церковной сфер; церковь находится на содержании у общества, стяжательство клира — наказуемо. Государственный совет имеет власть законодательную; в государстве есть конституция, которую изменяют редко. Законы кодифицированы. Права людей четко очерчены и защищены законом. Сроки рассмотрения дел в судах ограничены. Существует равенство всех перед законом. Судья сурово наказывают за злоупотребления. Сословные привилегии отсутствуют. Всех приучают работать с детства. Армия находится под контролем Государственного совета. В армии поддерживается дисциплина и соблюдаются законы.

Таким образом, «Сон, счастливое общество» — это политический памфлет, написанный российским автором о российских общественных и политических проблемах, и первый политический памфлет, напечатанный в российском журнале.

Функции современного политического текста отличаются от функций текста, написанного 250 лет назад. Это отличие хорошо видно на разобранном примере: автор обращается не столько ко всем читателям, сколько к избранным «наперсникам фортуны». Мобилизующая функция текста ослаблена, аргументация основывается на разнице между российской действительностью и теми образами, которые рисует автор. Автор предполагает, что говорит истину, он не нуждается в объяснении, почему для общества лучше, если люди не имеют «ни благородства, ни подлорождства» и крестьянский сын может стать «великим господином», для него это «естественный закон», т.е. закон природы. В реальности эти образы являлись ценными, положительными и убедительными только для небольшой части тогдашнего российского общества.

Следующий текст (см. приложение 2) замечателен тем, что автором этого политического памфлета¹ была Екатерина Великая. Изданием журнала «Всякая всячина» (1769–1770) и активным авторским участием еще в нескольких изданиях Екатерина дала первый и единственный пример императорской журналистики. (За исключением Петра I, который, впрочем, лишь направлял деятельность по изданию «Ведомостей».) Императрица обращалась к журналистике очень часто, и отнюдь не только в целях развлечения и даже не только в целях воспитательных. В ряде материалов ее журнала обсуждались актуальные политические проблемы, внутренние и внешние, и преследовались четкие политические цели. В разбираемом памфлете Екатерина пытается описать в аллегорической форме проблему, связанную с составлением нового Уложения — свода государственных законов, и работу комиссии по составлению Уложения. В значительной степени памфлет — это объяснение и апология действий императрицы. Для нас важен сам поразительный факт: императрица объясняет свои действия читателям журнала. Уже сама публикация этого материала задавала норму восприятия: власть объясняет читателям свои действия. Пресса по своей природе институт демократический, она предполагает внесловное, внеклассовое равенство читателей.

¹ Как и все материалы журнала «Всякая всячина», эта статья была напечатана под названием. В литературе принято называть этот текст «Сказкой о мужике».

пресса несет в себе идею информирования и обсуждения информации, т.е. привлекает читателей к проблемам актуальной жизни и управления государством, способствует формированию их активной социальной, политической позиции. И русская императрица, абсолютный монарх, без всякого давления, по собственной инициативе и в соответствии со своим пониманием политических проблем, проблем управления, предлагает читателям объяснение своим действиям.

При работе с текстом надо учитывать контекст: традиция политического памфлета идет из Англии, сказки Дефо, Свифта, Арбетнота были известны образованному русскому читателю; язык памфлета — неряшливый, что вызвано нетвердым знанием языка императрицей; комиссия по составлению нового Уложения начала работу в 1766 г., частично приостановила работу в 1768 г. в связи с русско-турецкой войной и больше ее в полном объеме не возобновляла; работа комиссии освещалась прессой и вызывала интерес в публике; старое Уложение было принято в 1649 г. и с тех пор не пересматривалось, принимаемые новые законы часто входили в противоречие со старыми; недавно присоединенные к России провинции, Прибалтийские и Украина, претендовали на особый статус в соответствии со своими старинными статутами; Екатерина была недовольна работой комиссии, долгими спорами, нежеланием искать компромиссные решения.

В сказке рассказывается о мужике (Екатерина акцентирует на этом внимание: все сказки — о царях, а ее — о мужике), который смолоду болел, затем поправился; кафтан у него прохудился, и он стал просить себе нового. Первый приказчик его выпорол, второй приказал шить, но не рассказал, из чего. Наконец, нашелся приказчик, который занялся кафтаном, но дело не идет из-за споров портных, упрямства подмастерьев. А мужик все стоит на морозе без кафтана и почти замерз.

Для современников — читателей журнала трудностей в интерпретации сказки не возникало. Мужик — это народ, государство; смолоду мужик много болел, в том числе и психически, и казался слабым — намек на слабость русского государства; его лечили врачи — это можно понимать как разнообразные государственные реформы, возможно, речь идет о царствовании Анны Иоанновны и бироновской клике. Затем мужик поправился и стал набирать в весе — имеется в виду во время Елизаветы Петровны и самой Екатерины. Но его старый кафтан — Уложение 1649 г., принятое еще при царе Алексее Михайловиче, — прохудился — законы устарели; заплаты не помогают — единичные новые законы только усугубляют противоречия.

Управляющим, т.е. чиновникам, нет дела до мужика. Новый приказчик приказал шить кафтан. Дело поручено портным — депутатам Комиссии по составлению нового Уложения. «Образцовый кафтан», по которому нужно сшить кафтан мужику, — известный Наказ Екатерины депутатам. Одному портному не нравится, что кафтан немецкого покроя, другой спорит о рукавах, третий о пуговицах, четвертый о недостатке сукна. Их пустые споры о покрое — дискуссии в заседаниях Комиссии, рассуждения о том, что нужно хозяину — попытки депутатов сослаться на авторитет императрицы. Четыре мальчика-помощника — представители недавно присоединенных прибалтийских провинций и Украинских земель — затеяли вздорную ссору, упрекают портных и хозяина — требования старых привилегий, обвинения в деспотизме. Управляющие, портные, их помощники никуда не годятся, все отлынивают от дел, крадут, работают из-под палки. Так действуют все помощники хозяина — императрицы. Словом, трудно приходится хозяину и новому управляющему, о котором известно только то, что он хочет добра мужику, заметившего «наготу» и дал приказ шить новый кафтан.

Посмотрим, каким представлен образ мужика. Он болезнен, безобразно толст, с мешающимися мыслями, послушный и терпеливый. Он находит в себе силу духа выгнать врачей из дому (откуда в деревню у нищего мужика врачи?), но ходит почти нагишом, много работает и толстеет. Он выпрашивает новую одежду у управляющего, стоит на морозе, ждет обещанного кафтана и почти замерз.

Как кажется, образ этот, противоречивый и художественно неуклюжий, получает свое объяснение в знаменитом афоризме историка В.О. Ключевского: государство пухло, народ хирел. Екатерина в образе мужика, видимо, попыталась изобразить эту несводимую в единство двойственность государства и народа. Отсюда странность и противоречивость образа.

Вся история — это развитие одной обобщающей метафоры: шитье кафтана мужику. Большинство параллелей очевидны: мужик — народ и т.д. И это закон жанра, именуемого политической сказкой, все образы, сюжетные повороты, детали, где весь смысл заключен в аллюзии, должны быть прозрачными. Однако в сказке есть и не согласные образы, например: мужик не может сам себе шить кафтан, так как бедность, «недостаток (средств) не позволяет». В рамках образа «шитье кафтана — принятие законов», «бедность мужика», т.е. невозможность самому себе шить кафтан — это отсутствие гражданских и политических прав у народа. Только если у народа есть политическое

кие права, он может по своей инициативе влиять на принятие новых законов. В созданной автором картине деревни, поместья бедность мужика, при этом много работающего, очевидным образом является негативной характеристикой этого поместья. Но негативность этой характеристики только подразумевается, автором этот момент не акцентируется и специально не оценивается. Автор не высказывает своего отношения к проблеме собственно «бедности» — отсутствия прав, хотя в описании действий приказчиков, портных авторская оценка выражена ясно и однозначно. Неясность отношения автора к проблеме бедности — отсутствию прав — может быть вызвана как поспешностью работы над сказкой, трудностями выражения нюансов на русском языке, так и позицией Екатерины в то время по вопросу крепостного права. Она не была сторонником крепостного права, но по разным причинам не считала возможным немедленную его отмену. Возможно, этот ее взгляд и обозначен в сказке: крестьянин не имеет прав, и императрица видит, знает об этой проблеме, и описание подразумевает, что автор не считает положение крестьянина справедливым. Но актуальной для нее является другая проблема — отсутствие законов, ее она пытается решить, а проблема отсутствия прав у крестьянина просто констатируется и как бы оставляется на будущее.

Самый интересный, точный и яркий образ — это образ мальчиков-помощников.

«Вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и с холода помирали. Дворецкий приказал им тут же помогать портным. Сии мальчики умели грамоте, но были весьма дерзки и нахальны: зачали кричать и шуметь. Один из них говорит: шить не хочу, я призван глядеть. Другой: вить я не дурак, мы знаем, что вы хотите шить не кафтан, но мешок, в который нас посадят, кинете в воду. Третий стоял у порога и, не вразумясь, говорил: нас в воду кинуть хотят? Семка, мы остережемся: я первый ни с места не пойду. Четвертый не хотел говорить, но три первые толкнули его кулаком в бок; и тот зачал, а что говорил, никто не понял; ибо он сам не знал, что говорил, но наконец раскрыл нагольную шубу и окончил сими словами: пускай мужик нагишом ходит, мы сами наги; ибо шубы мы носим на голом теле: износили кафтаны; просим нам отдать те, кои у нас были, как мы были пяти лет. Мы в них очень нарядны будем; нам теперь пятнадцать лет². Портные сего мальчика сочли за безумного, но

² Речь идет о стремлении депутатов от Прибалтийских провинций и Украины сохранить свои прежние законы, права и привилегии. Выступления депутатов от Лифляндии и Эстляндии освещались в газетах.

услыша такой не обычный крик; и видя сих неугомонных мальчиков дерзость, поостановили свой спор и зачали их унимать, говоря им, что дурно им быть таким не признательным; что они пришли в изодранной рубашонке, а ныне у них уже шуба есть; что пятилетние кафтаны на пятнадцатилетних не лезут; да и черт знает, где те ветошечки; ибо мальчишки недавно к хозяину пришли; что они должны слушаться дворецкого, что они лгут, будто их топить хотят, и для того заставляют шить мешок, а не кафтан; что сами видят, что мужик без кафтана на улице почти замерз; что сшив мужику кафтан, и они могут надеяться на милость хозяина, что одеты будут. Только им наперед ту милость заслужить должно, а не по пустому упорствовать».

Это аллюзия на действия депутатов от вновь присоединенных провинций. Мы видим глубоко субъективный взгляд императрицы, но из изложенного абсолютно ясно, как она видит ситуацию, и что она сильно раздражена на депутатов. Из памфлета видно, чего она ждет от депутатов и жителей провинций и как намерена действовать в дальнейшем. Замечательно, что собственно «хозяин» — императрица — не принимает участия в действии. Его образ создан из реплик других действующих лиц. Полемику с мальчиками ведут «портные» — другие депутаты. Они же обещают благосклонность «хозяина» в случае хорошего поведения и усердия мальчиков. «Хозяин» не снисходит до прямой полемики с мальчиками, что соответствует положению императрицы. Статусные роли прописаны в сказке очень аккуратно.

К кому обращена сказка, для чего она была написана, каковы функции текста? Формальным адресатом выступали все читатели журнала «Всякая Всячина», но из-за аллегорической формы компетентным адресатом, т.е. понимающим политический смысл сказки, были только те, кто следил за работой комиссии по составлению нового уложения. Из текста сказки видно, что адресатом выступали все депутаты, руководящий состав комиссии. Именно их автор прямо укоряет в пустых и ненужных спорах, в тщеславии, нерасторопности. К части же депутатов императрица обращается с другим посланием. Одним из подразумеваемых адресатов были депутаты и власти прибалтийских провинций и Украины. Их автор не просто ругает, с ними она ведет полемику. Часть их требований она оспаривает, часть отвергает как неосновательные, предлагая проявить себя в работе комиссии и обещает заняться и их проблемами.

Мы видим, что сказка имеет актуальное политическое значение. Более того, в этом памфлете императрица отвечает на политические

требования новых провинций, полемизирует с частью депутатского корпуса. Предложив свое видение ситуации, императрица объясняла обществу резоны своих действий. Мобилизующая функция в тексте хотя и ослабленная, но все же присутствует: она выражена в самой ситуации: мужик мерзнет, ему нужен кафтан. Государству, народу нужны законы, а не споры. Дело, однако, в том, что активная деятельность комиссии была приостановлена, и мобилизовать в 1769 г. можно было только аппарат комиссии, но не депутатов. Поэтому речь может идти только об убеждающей, объясняющей функции текста.

Вся сказка — аллюзия на ситуацию в Российском государстве в первой половине XVIII в. и на работу комиссии по составлению нового Уложения. Императрица, нарисовав противоречивый образ деятельности депутатов подводит читателя к признанию необходимости положить конец дискуссиям.

Теперь обратимся к группе небольших текстов, где мобилизующее начало, наоборот, сильно. Это знаменитые афишки Ф.В. Растопчина — московского главнокомандующего в 1812 г., которые тот составлял накануне и во время нашествия наполеоновской армии (см. приложение 3).

В первой из рассматриваемых нами афишек (№ 14) автор рассказывает о том, что армия собирается защищать Москву «до последней капли крови». Он призывает население в нужный момент быть готовым к отпору врагу с оружием в руках: топором, рогатиной, вилами — и обещает объявить, когда дойдет до дела.

В тот же день появляется и другая афишка, в которой автор уже прямо призывает именем Божией Матери вооружаться и идти с ним вместе на защиту Москвы.

В афишке № 18 автор напоминает о возвращении законных властей в город и убеждает прекратить грабежи.

Мобилизация идет не на поддержку определенной точки зрения, а на выполнение определенных действий, необходимость которых представляется автору как бы самоочевидной — на защиту Москвы.

Разберем, какие средства использует автор для достижения своих целей: мобилизации населения на отпор врагу, прекращение грабежей и подчинение начальству?

Обратим внимание на обращение к адресату: «братцы» в первой афишке — и на объединяющее местоимение «мы». Ласковое «братцы» задает объединяющее начало и равенство (братья — равные). Автор рассказывает о положении армии и *объясняет, успокаивает*: «вы, братцы, не смотрите...» — призывает не беспокоиться.

Во втором тексте также автор использует словечко «братцы», но уже с прямым обращением-восклицанием. Опять использованы объединяющие личные «мы, наша, нам, наша». И такие же объединяющие слова «своих выдавать» (т.е. наших), «*вместе* истребим», «Москва — наша мать». По отношению к «отечеству», «Москве-матери» — они («городские и деревенские» и сам Растопчин) дети, а между собой — «братцы», т.е. равные братья. Многократно подчеркнутая ситуация равенства «нас», детей «Москвы-матери», братцев — имеет целью заслонить и устранить существовавшие сословные различия, и объединить всех.

Но автор не просто один из «нас». Он обращается к «братцам», но не стремится раствориться в их среде, в аудитории. Обратим внимание: не «нам» нужны, а «мне нужны». Идите к Трем Горам (по Смоленской дороге), и «я буду с вами». Отчетливо слышно личное начало: «я поднимаю Иверскую (икону)... Я... смотрю в оба»; «Я вас призываю».

Хотя автор постоянно подчеркивает свою роль организующего начала, но видит рядом с собой равных. Сословная разница сходит на нет. (А ведь речь идет о разных сословиях: «молодцы деревенские» — это и крепостные.) Автор выделяется только по тому, что он берет на себя роль лидера, являясь по должности начальством. Существенно ли то, что автор — лидер, так сказать, по должности, а не по принадлежности к другому сословию? Очень существенно. Сословная разница — непреодолимая, это пропасть между двумя мирами. Вот эту пропасть автор и пытается ликвидировать.

Обращаясь к образу французов, мы видим, что с одной стороны, это опасный враг; с другой — это явно несерьезный противник. «Злодей» — в данном случае — это просто синоним преступника, а не существенности угрозы. Против француза можно выходить как против лихого человека, вора, как на охоту, «хорошо с топором, недурно с рогатиной», но это отнюдь не медведь, потому что воевать с ним можно и «вилами-тройчатками: француз не тяжеле снопа ржаного». Это легкий противник. Тон второй афишки чуть серьезнее: «возьмите на три дня хлеба», «вооружайтесь, кто чем может», «возьмите хоругви...» — «и вместе истребим злодея». Серьезность усиливается еще и тем, что автор отмечает не только уверенность в победе, но и возможность гибели тех, кто служит в армии: «готова положить живот, защищая отечество», — тех, кто идет в ополчение: «Вечная память, кто мертвым ляжет!»

Каков характер доводов, используемых автором при обращении к жителям Москвы, к «городским и деревенским»? Он убеждает с оппо-

рой на рациональные рассуждения, эмоциональные средства (братцы, легкость победы) и с опорой на ценные символы, на авторитеты ценностного порядка.

Рациональные аргументы: «сила наша многочисленна», армия стоит на крепком месте, к армии идут 48 пушек со снарядами (само по себе это количество пушек ничтожно в сравнении с количеством орудий у обеих армий, но для малосведущего в военных делах населения это значительная цифра). Рациональные по характеру аргументы хотя и стоят в начале каждой афишки, не занимают важного места в общей структуре аргументации. Эмоциональные средства мы уже разбирали.

К ценным символам относится, во-первых, нравственный императив: «надо пособить», «грех тяжкий своих выдавать», «Москва наша мать. Она вас кормила, поила и богатила». Во-вторых, это обращение с опорой на сакральные символы. Призывы «именем Божией Матери» на «защиту храмов Господних», «земли Русской». «Слава в вышних», «вечная память», «горе на страшном суде» — ценные и сакральные символы.

Здесь автор явно превысил свои полномочия. Он не только разрушал сословные перегородки, но использовал сакральные символы, ценности, обращение к которым было в православной империи строго регламентировано.

Н.М. Карамзин, известный историк, в то время — умеренный консерватор, читал растопчинские афишки «с некоторым смущением», П.А. Вяземский (тогда — молодой либерал) «решительно их не одобрял, потому что в них проскальзывали выходки далеко не консервативные»³. Почему у Карамзина «смущение», почему афишки — «не консервативные», ведь Растопчин — это известный патриот и консерватор, и он, казалось бы, ни слова не промолвил о политике?

Во-первых, в афишках исчезает пропасть между крестьянином и дворянином (зависимость, рабство, несамостоятельность), в них подчеркивается равенство всех защитников Отечества. А крепостное право — основа русского общества. Во-вторых, роль, которую Растопчин берет на себя, обращаясь к «братцам» и призывая их от имени Божией Матери, в Российской империи была закреплена за церковными иерархами. Именно они выступали официальными «посредниками» между небесами и мирянами. Подобное посягатель-

³ Цит. по: Овчинников Г.Д. И дышит умом и юмором того времени... // Растопчин В.Ф. Ох, французы! М., 1992. С. 13.

ство очень серьезно, потому что сакральные символы были живыми для большинства россиян, это была высшая ценность, обращение к нему Божией Матери было высшей санкцией, на которую только мог сослаться человек. В-третьих, Растопчин забыл еще об одном посреднике, более важном даже, чем священник, о посреднике, на котором держится вся идея российской государственности, — он забыл о царе. Царь — помазанник Божий, царь — глава русской Православной церкви. Роль царя как посредника между Богом и русским человеком самая значительная. А Растопчин игнорирует этот важнейшую идеологическую основу, идеологический хребет российской государственности. Он ни словом не упоминает о царе. Более того, он — простой смертный, чиновник — дерзает говорить от имени Божьей Матери призывать на «защиту земли русской», т.е. берет на себя роль царя как сакральной фигуры, что, безусловно, противоречит интересам власти. Растопчин допустил сословную, религиозную и политическую бестактность. Он трижды бестактен.

Мы уже не говорим о том, что, конечно, ни на какие Три Горы он не пошел, «злодея» с добровольным ополчением не истребил (вместо битвы со «злодеем» он выдал толпе несчастного купеческого сына Верещагина) и покинул Москву вместе с отступающими частями русской армии.

В 1814 г., после возвращения армии из похода, Растопчин был отправлен в отставку.

Третья афишка № 18 — совершенно другого содержания.

Крестьяне повели себя активно. И эта активность была направлена и на французов, и на воровство: крестьяне грабили то, что осталось в Москве после французов. Поэтому одной из задач вернувшегося в октябре 1812 г. в Москву Растопчина было — призвать население к порядку.

Посмотрим, как решает эту задачу Растопчин на уровне риторического.

Образ адресата и адресанта. Адресация. Растопчин начинает с официального: «крестьянам московской губернии» — и кончает обращением: «Гей, ребята! ... дураки, забиячные головы...» Сам Растопчин — «батюшка». Он уже не стремится объединить всех в обобщающем «мы», оно не появляется ни разу, наоборот, появляется четкое разделение: «я» и «вы».

Средства убеждения основаны на эмоциональных образах: отрицательных (крестьяне «таскали», «грабят», «попасть в беду», «слушается...вора», «выходите из послушания»), положительных («славное сдела

ли дело», «не поддались»); на предостережениях, угрозах («уже многих зачинщиков привезли», «капитаны-исправники на месте», «неужели хочется попасть в беду», «гей, ребята», «живите смирно да честно»; на рациональных рассуждениях: «Бонапарте не слушались, а теперь слушаетесь какого-нибудь домашнего вора»). Основа убеждения — эмоциональные образы и призывы, отеческие предостережения.

По существу идет восстановление той сословной иерархии, разрушителем которой он выступал в августе: в августе все были «братцами», детьми Москвы и отечества. Сейчас вместо бывших «братцев» опять появляются «крестьяне» — и их «господа» («грабить дома господ своих»), есть и «капитаны-исправники» (полиция); «крестьяне» — «таскают, грабят, выходят из послушания» — для их обуздания есть «капитаны-исправники». Уже они не «братцы» для Растопчина, а «ребята», «дураки, забиячные головы» (понятия с отчетливо уничижительным смыслом), а он для них — «батюшка».

В первых афишках возникала картина общего отечества, семьи, где все равны, где в роли отца выступает «Отечество», а матери — Москва. В новой афишке мы видим другую картину общества: это общество — сословное, семья — патриархальная, где крестьяне — «дураки», «ребята» (в значении: дети⁴), а над ними отец — «батюшка» — главнокомандующий, которого они «просят» о пощаде.

Роль объединяющих символов (братцы, Москва — мать, отечество, грех своих выдавать) хорошо видна именно в сопоставлении с «ребятами» и «батюшкой».

Основная функция этого текста — так сказать, демобилизация крестьян (прекращение грабежей). И достигается выполнение этой функции с помощью разных приемов: убеждения с опорой на эмоциональные образы, угрозы, разрушения образа единства (он недопустим, так как провоцирует вопросы в отношении социального статуса крестьян, отношений с помещиками и отношения к собственности помещиков) и восстановления иерархии-порядка.

В восстанавливаемой иерархии есть вертикаль: начальство и подчиненные, господа и их крестьяне, — есть и силы, которые это иерархию будут защищать — «капитаны-исправники», начальство.

В риторике афишек можно увидеть некоторое сходство с советским и постсоветским дискурсами. Особенно ярко сходство видно в риторике эмоционального объединения, единства ради мобилизации

⁴ Среди значений слова «ребята» в Словаре Вл. Даля названы: «группа молодых мужиков, парней». Это социально маркированное слово. Оно обозначает не вообще «детей», а именно крестьянских детей.

на какие-то действия. В русском политическом дискурсе образ единства — это одно из испытанных средств мобилизации. Один из основных образов, с помощью которых развивается идея единства, — это образ семьи, в самых разных вариациях, от патриархальной до образа Родины-матери, долга перед страдающей Родиной и т.д. В этом единстве автор обычно оставляет за каким-то субъектом, иногда это сам автор, роль объединяющего, направляющего, мобилизующего начала. Мобилизация в этом типе дискурса идет не на поддержку точки зрения, программы, а на определенное действие (действия), на жертву ради какого-то ценного символа. В советском дискурсе и в ряде других примеров мобилизация сопровождалась угрожающей интонацией либо прямым обещанием санкций, либо угрозой, заключающейся в логике рассуждений, образов на уровне подразумеваемых смыслов (военное противостояние, кто не с нами, тот против нас).

В упоминавшихся выше записках Ф.В. Булгарина к императору Николаю I впервые в российской политической практике было дано теоретическое обоснование управления общественным мнением с помощью прессы; была показана возможность инструментального использования риторических средств; предложено дифференцировать аудиторию по социальным признакам и к разным слоям использовать разные подходы: на одних воздействовать с помощью идеи «гласности», на других — с помощью «Матушки России». (См. подробнее Алтунян А.Г. От Булгарина до Жириновского. М., 1998.)

Манипуляция общественным мнением с помощью СМИ во времена Николая I и А.Х. Бенкендорфа — шефа жандармов.

Следующий текст — это замечательное явление русской политической журналистики. Мы уже упоминали в лекции 5 о необычном тексте «перехваченного письма из Вильно», напечатанном в официальном *Journal de St. Peterburg*, а затем перепечатанном «Санкт-Петербургскими ведомостями»⁵ (см. приложение 4). Контекст публикации письма был связан с польским восстанием 1830–1831 гг., распространившимся и в Литву, где было много поляков, в особенности среди дворянства и горожан. Перехваченное письмо было написано человеком, горячо сочувствующим восставшим, и адресовано вождям восстания в Варшаву. В письме автор давал советы вождям восстания. Возникает справедливый вопрос, почему российские власти его опубликовали. Попробуем разобраться с этим.

О чем пишет польский патриот из Вильно в своем письме?

⁵ Письмо печаталось в № 168–169, 1831 г.

О том, что варшавские газеты, видимо по воле руководства восстания, распространяют ложь относительно успехов восстания в Литве, а польские патриоты находятся «в плену губительных обольщений» об успехах восстания. Сообщения варшавских газет не соответствуют действительности и заставляют польских патриотов в Литве сомневаться в добросовестности вождей восстания. В Литве не верят ничему напечатанному в варшавских газетах.

Автор сообщает своему корреспонденту «действительную картину». В Волынской губернии вспыхнуло восстание, но оно «худо соображено, худо управляемо, ...без всякого усердия и плана». Поддержали восстание «самые презренные из дворян», а «значительнейшие люди» устранились. Лидерами стали моты, игроки, недостойные звания польского дворянина. Все действия поляков были неудачны, после него остались «бедствия, разоренные семейства, запутанные в бунте». Крестьяне-православные не поддержали восстания и выступают против своих господ-католиков, последние очутились в «щекотливом положении».

В Литве восставшие «обесчестили имя Польское... ими гнушаются». «Они подлым образом убивали русских чиновников, вешали жидов... Везде грабеж и убийство». Зажиточные жители искали спасения у русских, «с которыми мы желали бы охотнее сражаться, чем быть одолжены их великодушием и защитой против неистовства наших соплеменников».

В заключение автор просит своего корреспондента «образумить варшавских друзей».

Уже из этого описания возникает не совсем симпатичный образ как восставших, так и их руководителей.

Одновременно возникает образ автора как искреннего патриота. Варшавские власти распространяют «выгодные для нашего дела вести, чтобы поддержать благородный порыв наших любезных соотечичей». (Дальше: «наших начальников» — о лидерах восстания, «наших армиях», «наших сообщниках», «храбрые наши воины».) «Рвение к святому делу нашего любезного отечества». «По несчастью» восстание плохо удалось, но это «печальная истина». Автору горько это. Автор «краснеет от стыда» за то, что правительство польское вверило восстание недостойным. Восстание — «благородный вызов нации», «честь польского имени», «мы желали бы сражаться» с русскими.

А вот образ самого восстания: это «бунт», «пламя мятежа», «пламя возмущения», «роковая экспедиция», это и «святое дело», «обширное и славное предприятие». Оно «худо соображено, худо управляемо...».

Герои восстания — «сумасброды», «самые презренные из дворян», занимались «безумными спекуляциями», расточители имений, объекты «посмеяния». Они «подлым образом убивали русских», «вещи и закапывали живыми» евреев. «Везде грабеж и убийство сопутствовали сим извергам».

Мы видим, что и то, как автор называет восстание («бунт», «мятеж» — эти слова имеют негативные смыслы), и то, как он выражает свои эмоции, не совсем согласуется с образом патриота.

Рассмотрим подробнее, как автор описывает пропагандистские усилия вождей восстания.

В Варшаве патриоты находятся в плену «гибельных обольщений». Газеты лгут, начальство польское «умышленно» распространяет «выгодные для нашего дела вести» об успехах восстания в Литве. «система лжи и обмана». «Печальная истина» «мало соглашается с этими известиями о «тысячах волонтерах». Пропаганда питает патриотов «обманчивыми надеждами». «Система лжи и обмана приводит нас беспрестанно сомневаться в откровенности наших начальников». «Не должны ли мы по необходимости предполагать, что все сказанное ими о состоянии Королевства, о наших армиях, об их победах, о вдохновении народа, столь же неосновательно, как разглашаемые ими успехи восстания в Литве?»

Мы видим, казалось бы, искреннего патриота, болеющего за успех восстания и критикующего неразумные действия польских вождей. Однако в его описании есть несколько моментов, заставляющих усомниться в правильности этой картины. Автор настойчиво повторяет о польской пропаганде: «система лжи и обмана», начальство «умышленно» лжет. И делает очень важный для понимания, российской, стороны вывод: не нужно ли вообще сомневаться во всех официальных известиях польских властей? «Даже самые ревностные из наших сообщников уже не хотят верить Варшавским новостям». Создается абсолютно определенный образ лидеров восстания: они недобросовестные люди, готовые на ложь и обман, информация не заслуживает доверия. Если им не хотят верить патриоты, значит, варшавские власти действительно распространяют ложь.

В письме очень полно раскрыт образ и судьба активно содействующих восстанию. Восставшие не были поддержаны большинством дворян, крестьяне и вовсе отвернулись от них и выдавали русским своих господ при малейшем подозрении в сочувствии восстанию.

Русские же «справедливостью и кротостью» (!) заслужили общую признательность, особенно среди зажиточных жителей. Русские платят за все, что требуют, чем, очевидно, выгодно отличаются от восставших.

Упоминание об аккуратности в расчетах сопровождается мнением, что «это весьма сильный довод в глазах народа, более приверженного к деньгам, нежели ко мнениям».

Мы считаем, что представленный нами текст — это удивительно умно составленный пропагандистский материал. В современной работе, посвященной истории, теории и практике пропаганды⁶, авторы говорят о новой, с их точки зрения, тактике пропаганды (дезинформации), с успехом применявшейся в годы холодной войны. Например, маргинальная индийская левая газета печатает статью о лабораториях Пентагона, разрабатывающих ВИЧ-инфекцию, а «Правда» сообщает: «Как сообщает влиятельная индийская газета...» Этот прием можно назвать ссылкой на предположительно нейтральное мнение (сфобрированное!), но в нашем случае пропагандистом сделан еще более смелый ход: он изображает восстание с точки зрения *сочувствующего* патриота. Он вводит крайне отрицательные характеристики восстания, восставших, польского правительства, говорит о бессмысленности жертв и благородстве русских, *сочувствия самой идее восстания*. Именно то, что письмо написано польским патриотом, заставляло верить и негативной информации о восстании. С помощью этого приема организаторы акции добились доверия к рассказу со стороны абсолютно неискушенной аудитории, конечно, не польской, а российской.

Какими формальными средствами автор материала достигает своей цели?

Он использует рациональные доводы (фактическую информацию, логические рассуждения); эмоциональные и ценные образы и символы, нагнетание эмоций, патетику. Активно использовались противопоставление жестокости восставших и разумности русских.

На кого прежде всего был рассчитан этот текст, кто его адресат? Их несколько. Во-первых, первоначально письмо было напечатано в официальном журнале, издававшемся при министерстве иностранных дел. Его аудитория — послы и официальные зарубежные круги. Эта аудитория — основной адресат. Ей пытались внушить идеи о недобросовестности информации о восстании, распространяемой поль-

⁶ Jowett G.S., O'Donnel V. Propaganda and Persuasion. Sage Public. 2004.

ским правительством; показать действия восставших как жестокие и бессмысленные, нарисовать положительный облик русской армии и администрации.

Во-вторых, перепечатка на русском языке была направлена на всех читателей газеты «Санкт-петербургские ведомости». Для этого читателя было важно поддержать распространенный стереотип поляка — жадного, лживого, тщеславного предателя. В отношении среднего слоя — основного читающего слоя русской публики, наиболее продвинутой части публики — было важно дискредитировать саму идею восстания, показать, как жестоко пострадали все вовлеченные в восстание и, что еще важнее, их семьи и близкие.

Известно, что пропагандистские материалы подобного характера писал и печатал в «Северной Пчеле» Фаддей Булгарин, получая за это благодарность руководства III отделения и шефа жандармов. В частности, за двадцать дней до публикации разобранного текста там был напечатан один из таких материалов. Все это дает основания полагать, что и этот материал был написан как пропагандистский, предназначенный для дезинформации и манипуляции общественным мнением.

Лекция 12

Анализ современных российских политических текстов

Основная цель этой лекции — показать, как работает один из самых известных российских политтехнологов Глеб Павловский. Речь идет о его статье «Почему мы эксперты?» (с подзаголовком: «Тезисы клуба «Гражданские дебаты»), опубликованной в бюллетене «Гражданский форум» 21 ноября 2001 г. (см. приложение 16).

Прежде чем перейти к этому тексту, посвященному проблеме отношений неправительственных организаций, гражданского общества и власти, я обращаюсь к некоторым другим текстам на ту же тему.

Но вначале несколько вводных замечаний.

Гражданское общество в современном понимании, восходящем к Гоббсу, Локку и Гегелю, — это пространство социальной активности, находящееся между частной жизнью и государственным вмешательством. Прежде всего это самоорганизация граждан для удовлетворения своих нужд и нужд других людей. Причем под нуждами понимаются не только насущные физические, бытовые потребности, но и филантропия, и защита животных и окружающей среды, и защита прав человека — словом, вся активность, которая характеризуется коллективностью усилий и независимостью от государства. Термин «гражданское общество» стал чрезвычайно популярен и даже моден в 1970–1990 гг., прежде всего в форме идеи, согласно которой демократия невозможна без развитого гражданского общества, без разветвленной сети независимых, негосударственных организаций, возникающих и действующих в результате самоорганизации граждан. Политики занимаются строительством демократических институтов, а частные люди могут помогать строительству демократии, способствуя деятельности неправительственных организаций и тем самым — развитию гражданского общества. Развитие гражданского общества стало социально престижной деятельностью, и ею как важнейшим направлением занялись крупнейшие филантропические фонды, на него тратятся ежегодно сотни миллионов долларов: только в Америке печатается несколько книг и десятки статей о «проблемах развития гражданского общества».

Проблемы, конечно, есть, причем и чисто теоретические (например, включаются ли в гражданское общество политические организации и профсоюзы), и чисто практические. «Развитие гражданского общества» превращается по существу в кормушку для чиновников. Сотни миллионов долларов проходит через благотворительные фонды действующие в странах, где отсутствуют ясные и регламентирующие законы, состав зарплаты граждан; расходуемые фондами средства превращаются в питательную среду для коррупции. В особенности это касается бедных стран, где чиновники, имеющие небольшие государственные зарплаты, но обладающие информацией и влиянием, начинают использовать свое служебное положение и участвовать в проектах «по строительству гражданского общества», решая прежде всего свои финансовые проблемы. В государствах, только-только вышедших из под власти какого-нибудь диктатора, немедленно возникают тысячи, десятки тысяч неправительственных организаций, создаваемых исключительно для «строительства гражданского общества» на деньги американских, европейских и местных благотворительных фондов.

В результате гибнет то здоровое зерно, которое было в идее гражданского общества: самоорганизация, добровольность и независимость мотивов от материального поощрения. А без этого вся громкая деятельность по строительству превращается в огромный мыльный пузырь.

В США и других развитых демократиях также действуют различного рода фонды, неправительственные организации; так называемый третий сектор составляет примерно 10–12% всей рабочей силы США. Появился даже особый слой профессионалов, именующихся организаторами неправительственных организаций. К счастью, гражданское общество в этих странах нуждается скорее в развитии, чем в строительстве, и спасает его, во-первых, очень жесткое законодательство относительно доходов, в особенности чиновников, и того, как и на что можно расходовать полученные гранты. А во-вторых, то, что волонтерство (то есть работа без материального вознаграждения), в особенности в США один из основных устоев общества, и, чтобы разрушить эти устои, требуется много времени.

Одним из самых интересных эпизодов строительства гражданского общества в современной России стал Гражданский форум — совместное мероприятие общественных и государственных институтов, состоявшееся в конце ноября 2001 г. Встрече государственной власти и общественных организаций предшествовала долгая подготовительная работа, которая велась Фондом эффективной политики, Институтом

проблем гражданского общества и др. Государственные органы, в первую очередь, Администрация президента, заняли активную и гибкую позицию. Часть представителей гражданского общества энергично содействовали идее встречи; другие заставляли себя упрашивать, ставили условия. Сомнения возникали в основном у правозащитников. Во-первых, правозащитные организации — это самые известные и обладающие самым большим опытом неправительственные организации. Во-вторых, до недавнего времени эта деятельность понималась в основном как защита личности от произвола государственных чиновников и институтов¹, что предполагало некоторую отстраненность от власти.

И все же почти все правозащитные организации согласились принять участие в форуме. Отказались, например, представители известной организации «Солдатские матери», они аргументировали свой отказ тем, что власть для них — оппонент, а не участник дружеского диалога за чашкой чая.

Не поняла идею форума значительная часть прессы. Организаторы из среды правозащитников были явно этим обескуражены. Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности и один из организаторов форума, заявил: «Меня поражает реакция прессы на предстоящее событие. Штатные аналитики прямо-таки соревнуются в цинизме — они все в один голос говорят: “Мы прекрасно знаем эту власть и знаем, как она назовет всех этих участников Гражданского форума. Они наивны, как дети”. Но аналитики не отвечают на вопрос, кто это “они”. Подразумевается, что это общество “Мемориал”, московская Хельсинкская группа, Фонд защиты гласности... (плюс два миллиона граждан, которые, по подсчетам Симонова, ежедневно обращаются к помощи “гражданских структур”. — А. А.). Тогда я не понимаю пафоса публикаций прессы, которая по определению должна служить обществу»².

Сотрудничество с властью помогло сделать форум торжественным и пышным: во Дворце Съездов собрались несколько тысяч делегатов со всей страны, были выступления Президента, спикера Государственной Думы, председателя Конституционного Суда, десятки круглых столов, на которых делегаты встречались с очень высо-

¹ Деятельность по защите и общественный резонанс защиты прав женщин, детей, жертв семейного насилия и других попираемых прав были меньшими, чем резонанс от деятельности защитников прав личности против ущемления их государством и государственными институтами.

² Гражданский форум. 2001. 21 ноября.

копоставленными чиновниками. Крупных скандалов не было, были только мелкие, вроде давки на входе в Кремль. Словом, с организационной точки зрения мероприятие удалось.

Если же взглянуть на форум немного шире, как на этап в отношениях российской власти и гражданского общества, если посмотреть, как понимают отношения власти и общества организаторы форумов, что стоит за полной самодовольства пышной риторикой его участников, то большего провала российское гражданское общество еще не знало. Оно послушно приняло идею «партнерства» и единства с властью как единственную альтернативу «противостоянию», забыв, очевидно, такие отношения между властью и обществом, как независимость, самостояние.

Какие конкретные цели ставили перед собой организаторы форумов, как они объясняли его необходимость? Почему пресса, совсем не склонная в последнее время к конфликтам с властью, была столь критична в отношении форума? Ради чего пять тысяч человек, в том числе Президент Российской Федерации, собирались во Дворце Съездов?

Вот как ответили на эти вопросы организаторы форума.

1. «Публичное соединение» как механизм диалога

Председатель московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева: «Я выражу не веру, а надежду на установление диалога с властью. ...Первый раз происходит публичное соединение представителей гражданского общества³ и власти. ...На нем (форуме) должны быть созданы механизмы для взаимодействия при решении проблем, которыми власть не может решить без общества, ни общество — без власти. Это концепция. ...Это вообще трудно, а в России особенно, потому что традиции никакой на этот счет нет».

Мысль, на первый взгляд, очевидная, политически корректная и либеральная: «власть» встречается с «гражданским обществом», чтобы выработать «механизмы решения проблем».

Но все совсем не так просто. Обратим внимание на идею «соединения» власти и гражданского общества ради решения проблем, которыми власть без общества, ни общество без власти решить не могут.

³ Выступавшие на Гражданском форуме называли себя представителями гражданского общества, а то и просто гражданским обществом. Отметим неловкое выражение «публичное соединение общества и власти» — результат непривычки к публичному слову «представителей гражданского общества».

Тут верен только один посыл: в любом обществе есть такие проблемы, которые власть без широкой общественной поддержки решить не может. Но ни в российском, ни в каком-либо другом демократическом или полудемократическом обществе нет таких проблем, которые общество не могло бы решить, если оно этого действительно хочет, без всякого предварительного соединения с властью. Для решения конкретных социальных и других проблем общество как бы нанимает специальных работников — выбирает своих представителей в институты власти и наделяет их определенными необходимыми полномочиями. В зависимости от того, насколько успешно решает власть эти проблемы, ее сменяют или оставляют на дополнительный срок. Иными словами, задачи, в том числе и самые серьезные, решаются не путем соединения с властью, а путем поиска наиболее эффективных управляющих. Чем более серьезные задачи стоят перед обществом, тем на большие полномочия может претендовать власть и тем серьезнее общество подходит к выбору своих представителей во властные структуры, так как чем больше полномочий у власти, тем меньше свобод остается у общества.

Идея же о необходимости *соединения* власти и общества для «решения проблем» предполагает, что общество может *усилиться* от соединения с властью, что сумма общества и власти больше общества, а это неверно. Власть в демократическом государстве ничего не может добавить к обществу, поскольку все ее полномочия, силовые ресурсы и т.д. были делегированы ей обществом. Если же власть что-то может добавить к обществу, значит, она обладает отдельным и независимым от общества властным ресурсом, частью суверенитета. Но если в демократическом государстве появляется хотя бы намек на то, что власть каким-то образом получила властный ресурс, независимый от общества, то это общество называют уже не демократическим, а авторитарным или даже тираническим.

В выступлении Людмилы Алексеевой есть намек на то, как именно распределен суверенитет. Это замечание о «надежде» на диалог с властями. *Надеется* «гражданское общество» — один из участников диалога, а *решает* — власть. Из этого следует, что власть не только обладает частью суверенитета независимо от общества, но этого суверенитета у власти больше, чем у общества. Мы видим, что в основе рассуждений председателя московской Хельсинкской группы лежит априорная посылка: носителем суверенитета в российском обществе является прежде всего власть, а само общество не только не претендует на полноту суверенитета, но готово «соединиться» с властью в надежде

на взаимность добрых чувств. Общество оказывается не нанимателем и оценщиком деятельности власти, а зависимым и даже подчиненным по отношению к власти субъектом.

Идея «соединения гражданского общества и власти» — это антидемократическая идея. «Соединение» ведет к деградации демократических механизмов сдерживания, контроля, смены властей. Отказываясь, пусть и неосознанно, от идеи независимости своей деятельности, представители российского гражданского общества отказываются от самой идеи демократии. Попытка соединения с властью, даже из самых лучших побуждений, даже для решения важнейших проблем, неминуемо кончается тем, что гражданское общество как феномен независимой социальной активности перестает существовать и начинает функционировать как бюрократический механизм.

В выступлении Л. Алексеевой прозвучала еще одна постоянно повторявшаяся на форуме тема — необходимость диалога с властью. Так же, как и «соединение» ради решения проблем, «диалог власти и гражданского общества» имеет в русском дискурсе положительные смыслы, и сами утверждения звучат вполне положительно. Но эти слова по существу подразумевают *отказ от формально существующих, но очень плохо функционирующих форм демократического устройства.*

В нашем обществе уже есть механизмы диалога с властью для «решения проблем», важных для общества, и есть механизмы, с помощью которых общество меняет власть, выбирая нового оппонента в диалоге, если старый оказывается к диалогу неспособен. Основные механизмы диалога закреплены и защищены конституцией: это суд, пресса, выборы. Их работа тщательно и подробно прописана в десятках законодательных актов, и введение нового механизма диалога — это чрезвычайное мероприятие, возможно, связанное с изменениями в конституции.

Проблемы диалога власти и общества в стране со свободой слова, митингов и демонстраций, с представительной системой правления не может быть по определению. Если же, по мнению некоторых представителей общества, она все-таки возникает, то значит, их не устраивают те механизмы взаимодействия между властью и обществом, которые в течение трех сотен лет обеспечивали существование развитых демократий, и им надо нечто новое.

Может быть, поэтому СМИ и ополчились на Гражданский форум. Во-первых, у них есть опыт «единства», «партнерства» и посредничества между властью и обществом. Во-вторых, они не могли не почув-

ствовать, что за настойчивой риторикой о необходимости новых механизмов диалога между властью и обществом стоит осознанное или неосознанное желание вытеснить прессу с этого поля.

Что должно случиться в обществе для того, чтобы юридически безграмотные люди заговорили о новых механизмах? Представители гражданского общества объясняют это тем, что власть и общество не слышат друг друга. Но даже если диалога нет, есть, однако, значительно более конституционный, правовой подход: сделать действенными общедемократические процедуры. Вместо этого предлагается новая форма диалога: гражданский форум⁴.

Сама гипотетическая возможность решения проблем, критических для общества, путем введения каких-то новых «механизмов» (прямого диалога власти и общества) предполагает вытеснение из политического пространства суда, думы и других выборных органов и прямо затрагивает конституционное устройство страны. По своей природе эта новая форма диалога является архаичным, протодемократическим политическим механизмом.

2. Гражданские цепи и их использование

Одним из активных участников подготовки Гражданского форума был председатель общества «Мемориал» Арсений Рогинский, который заявил перед форумом: «Мы всегда и всюду заявляли о желательности и необходимости равноправного диалога между обществом и властью. ...Есть некоторая робкая надежда, что удастся сделать хоть что-то из того, что было декларировано в качестве основной цели Форума — создание механизмов диалога с властью по отдельным проблемам». А. Рогинский ждет от форума «возникновения сети постоянно действующих площадок для переговорных процессов между гражданскими организациями и государством. ...В дальнейшем нужны не форумы, а большие тематические конференции. ...Не думаю, что в администрации президента сидят дураки (и что они хотят использовать Форум как площадку для старта новой президентской кампа-

⁴ Полноценного диалога между властью и обществом в нашей стране сейчас действительно нет и пока быть не может. Кроме общих эмоций, общество пока ничего вразумительного сказать власти не может и не хочет. Но все необходимые механизмы этого диалога уже есть: пресса, политическая система, недовольство. И скоро они заработают.

нии). ...Гражданские цепи не приспособлены для их использования в политических целях: они при этом просто перегорают, причем цели остаются нереализованными»⁵.

Арсений Рогинский твердо заявляет о желательности и необходимости «равноправного диалога» между обществом и властью. Но с первого же предложения в его, казалось бы, бодром тоне звучит диссонансом осторожная двусмысленность: «равноправный диалог» не может быть одновременно и «желателен и необходим», он либо «желателен», либо «необходим». В ходе рассуждений исчезает и эта осторожная двусмысленность, нет даже намек не только на «необходимость», но даже и на «желательность». На самом деле у Рогинского есть лишь *«робкая надежда»* на диалог.

Если «необходимость» диалога власти и общества превращается в «робкую надежду» представителя общества, то общество находится в полной зависимости от власти и ни о каком «равноправном диалоге» уже нет и речи. «Мы» можем лишь надеяться, что власть выполнит свои обещания.

Высказывания Арсения Рогинского базируются на априорной посылке, что власть — это абсолютная сила, которая хотя и обещает, но может и не выполнить. Заявка на необходимость «равноправного диалога» трансформируется в «робкую надежду», что власть выполнит то, что обещала, и все-таки пойдет на диалог. Но очевидно, что это заведомо будут переговоры сильного и бессильного.

В таком случае «диалог» — это заведомая готовность ограничиться не диалогом общества и власти (хотя он и заявлен как главная цель), а высказыванием своего личного мнения лично представителю власти, например Владиславу Суркову, дважды посетившему «Мемориал». Возможность такого личного контакта — мечта многих публицистов начала перестройки: добиться доступности власти, возможности «достучаться» до власти (не случайно, что этот перестроечный термин опять пошел в ход у организаторов форума), чтобы текст лег на стол и был прочитан лично товарищем N. Что одушевляло этих иногда честнейших людей в конце 1980-х гг.? В частности, надежда, на то, что власть просто не знает, как на самом деле, и надо им рассказать. В середине 1990-х казалось, что эти надежды и стремления — пройденный этап гласности, однако в последнее время по воле власти и по собственному выбору многих общественных деятелей мы упорно к нему возвращаемся.

⁵ Гражданский форум. 2001. 3 ноября.

В рассуждениях А. Рогинского отношения с властью построены как заведомо зависимые: у нас есть «робкая надежда», что власть нас услышит, что пойдут на «диалог», что захотят создать «механизмы». Но, может быть, самое интересное с точки зрения риторических приемов — это рассуждение о том, почему власти не надо использовать «гражданские цепи» (то есть и общество «Мемориал, и самого Рогинского») в политических целях. Не потому, что «мы», и он сам, активно этого не позволим, а потому что власти от этого проку мало: «гражданские цепи» «просто перегорают, причем цели остаются нереализованными».

Итак, из рассуждений председателя «Мемориала» следует: общественные организации идут к власти с просьбой о личном диалоге «по отдельным вопросам», и у них есть робкая надежда, что власть не дура, что она согласится встречаться и разговаривать с ними и при этом не будет их «использовать».

Как сбываются надежды на то, что умная власть не будет «нас» попусту «использовать», лучше всего показывает название круглого стола в рамках форума, который вели руководители общества «Мемориал»: «Чечня — общая боль и забота. Пути достижения мира и согласия». «Общая боль» предполагает, что боль испытывают и власть, и общество «Мемориал».

В выработке названий круглых столов большую роль играл координатор оргкомитета форума Сергей Марков.

3. Где лежат ресурсы для развития гражданского общества

В отличие от Арсения Рогинского, в голосе которого все же звучат нотки сомнения, Сергей Марков во всем уверен и «не опасается манипуляции со стороны властей»: «Гражданский Форум должен дать... толчок развитию гражданского общества, и он должен породить различные структуры. ...Я считаю, что необходимо найти больше ресурсов для развития гражданского общества, и если мы сможем показать, что способны решать различные проблемы, то соответственно больше пойдет ресурсов. ...Инфраструктурное финансирование на создание ресурсных центров (оплата помещений, бухгалтерия, юридическая, Интернет). Проектное финансирование... ярмарка социальных проектов... Может быть создан большой фонд... развития демократии

и гражданского общества... частично бюджетные деньги, деньги корпораций и... из других, традиционных источников финансирования общественных программ»⁶.

Сергей Марков прямо заявляет: проблемы гражданского общества — это проблемы его финансирования. Гражданское общество для г-на Маркова — это организация, которая развивается благодаря тому, что она дополнительно финансируется из бюджета и корпорациями, «традиционные источники» тоже забывать не надо. Какие источники являются традиционными, С. Марков не пояснил, возможно, Фонд Сороса, еще действовавший в 2001 г., а может быть, Фонд эффективной политики или вообще всякие структуры, способные к материальному вспомоществованию.

Гражданское общество, в структурах которого и сегодня обращаются огромные деньги, могло бы добиться еще большего финансирования, по мнению С. Маркова, если бы доказало свою эффективность, было бы в состоянии решать «проблемы». Спрашивается: кому доказывать, чьи проблемы решать? Ответ прост: тем и тех, кто может финансировать.

Организациям, входящим в гражданское общество, предложено выстроиться перед заказчиками: государством, корпорациями, фондами — и соревноваться за право обслуживания заказов. Гражданскому обществу предлагается стать институтом, дополняющим исполнительные органы власти и обслуживающим «корпорации».

Именно так существуют многие неправительственные организации по всему миру, в том числе в США и Европе. Такие организации, обычно некоммерческие или не стремящиеся к коммерческой выгоде, за счет своей гибкости, мобильности (их создают иногда только для выполнения определенного проекта), дешевизны рабочей силы выигрывают право обслуживать тот или иной национальный или международный проект. Некоммерческие по статусу, по доходам своих менеджеров они часто вполне сравнимы с коммерческими предприятиями. То, что С. Марков предлагает представителям неправительственных организаций заниматься зарабатыванием денег — это абсолютно понятно, а если еще и обеспечить их заказами, то и гуманно, но к идее гражданского общества обслуживание государственных и частных проектов отношения не имеет.

На важнейший вопрос, который раскрывает сущность понимания российской властью гражданского общества: пытается ли власть

⁶ Гражданский форум. 2001. 3 ноября.

установить контроль над обществом, — г-н Марков отвечает просто: нет, поскольку власть «контролирует ситуацию итак». И продолжает с той же замечательной непосредственностью: поскольку власть уже контролирует общество, то ей не нужны «вассалы», а нужны организации, «обладающие собственным видением». Возникает резонный вопрос: собственным видением чего? Ответ опять же прост: того, как наиболее эффективно решать проблемы, которые власть предложит вниманию этих лояльных организаций.

С. Марков: «Меня часто спрашивают, а нет ли противоречия в том, что власть, с одной стороны, хочет развивать гражданское общество ради стратегических целей, а с другой стороны, может и использовать все это для манипуляции в тактических целях. Отвечаю: есть такое реальное противоречие. Но в жизни мы вынуждены сталкиваться с реальными противоречиями и находить некую среднюю линию, имея в виду обе эти составляющие»⁷.

Власть отчасти «развивает гражданское общество», отчасти им манипулирует. Это, с точки зрения автора, нормально. Нужно искать «среднюю линию» — поддаваясь манипулированию, не забывая о «развитии», об «инфраструктурном», «проектном» и других видах финансирования.

4. Как правильно организовать диалог с властью с народом

Президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов, организатор одного из круглых столов «Информационная открытость как основа социального партнерства»:

«...Наши партнеры от власти... ни на кого не давят, они только помогают (в подготовке форума).

Всем гражданским организациям без исключения необходима возможность диалога с властями. Вот я, например, трижды писал обращения к заместителю прокурора России Трошеву — и не получил ответа ни разу. Теперь власть дала указание чиновникам вести диалог с гражданским обществом. Вот я и хочу спросить президента России, почему он намерен прийти на Гражданский форум, кото-

⁷ Гражданский форум. 2001. 3 ноября.

рый специально для него собирается, а на форум правозащитников, которые его приглашали, он не счел возможным... даже отозваться на приглашение.

...У нас появилась, может быть, короткая возможность... глядя в глаза, задать власти вопросы. В том числе неприятные. ... Общественного обсуждения ситуации в Чечне не избежать. Но главная задача форума — создать механизмы переговоров, построить некие «причалы», к которым могли бы «пришвартовываться» плывущие в бурном море гражданские организации.

...Среди представителей власти есть такие люди, которые пашут на идею гражданского общества «как папа Карло»... Есть и люди, которые... преследуют цель сплотить общество в поддержке президента. Но если власть услышит общество, то тогда почему обществу не поддержать президента?»

В дополнение к теме «соединения», уже заявленной другими лидерами Гражданского форума, появляется новая тема — власть как «партнер». Мы поговорим об этом партнерстве далее, когда будем рассматривать тезисы Глеба Павловского.

Вот как видит автор диалог гражданского общества (и лично свой) с властью. Диалог теперь возможен, потому что «власть приказала чиновникам» отвечать на письма правозащитников и граждан.

Но ведь есть закон о государственных учреждениях, есть норматив ответов на письма. Власть, таким образом, в ходе подготовки к форуму приказывала чиновникам выполнять законы. А если на завтра после закрытия форума забудет напомнить? Кто будет напоминать и требовать выполнения законов? Самому Алексею Симонову это не удалось: как видим, он три раза уже обращался к Трошеву — и все безответно. Здесь опять возникает тема пробуксовки в работе уже существующих механизмов диалога власти и общества (ответы на письма — один из таких механизмов, прописанных в законе). Неумение использовать легальные механизмы для осуществления диалога внутри общества провоцирует представителей гражданского общества на поиск альтернативных каналов общения.

Тема диалога и необходимость «создания механизмов переговоров» обогащается образом причала в бурном море, по которому плавают гражданские организации. Причал, то есть спокойное место, пристанище от невзгод и непогоды — это переговоры с властями. Хорошо, а что такое бурное море? Понять этот странный образ помогает тема, прозвучавшая у Алексея Симонова: для него «власть» отде-

лена от «чиновничества». (Плохие чиновники не отвечают, в то время как власть заставляет их прислушиваться к проблемам гражданского общества.)

Образ бурного моря и причала получается теперь вполне логичным: бурное море — это страдания и мытарства гражданских организаций в их борьбе с чиновниками (заявления, письма). Спасительный же причал — это «переговоры с властью». Где же именно кончается «чиновничество» и начинается «власть», с кем можно вести переговоры? Судя по тому, что заместитель генерального прокурора — это еще «чиновник» (он не ответил на три обращения Алексея Симонова), то власть — это не менее чем генеральный прокурор. Получается, что «власть» — это верхушка исполнительной власти и, конечно, президент. Именно о нем как о представителе «власти» говорит Симонов: «Если власть услышит общество, то почему бы обществу не поддержать президента?»

Итак, что же такое диалог с властью, с точки зрения Симонова? Он, диалог, необходим, но его нет. Почему? Потому что «чиновники» его не хотели и не вели. А теперь власть дала указание вести диалог. Появляется возможность «глядя в глаза, задать вопросы», в том числе и «неприятные» (эту возможность реально обратиться к президенту и власти предоставляет форум).

Обратим внимание на настойчиво проводимую тему: диалог — это возможность лично физически обратиться к власти, то есть даже не *разговор* с начальством, а просто *обращение*: «задать вопросы», «власть услышит общество», «получит информацию из первых рук». Я уже упоминал, что эти представления развивают важнейшую тему российской перестроечной публицистики: возможность «достучаться» до власти. Все проблемы у нас якобы оттого, что у власти нет реальной информации, что власть «получала (и получает информацию) через фильтры спецслужб». А когда власть узнает об истинном положении дел, она будет «править» еще лучше, потому что «лучше правит тот, кто владеет объективной информацией». (Странно видеть, как у защитника гласности вдруг меняется лексика, и он начинает советовать президенту, как лучше даже не управлять, а именно «править».) И вторая важная тема — это разделение власти, прежде всего президента, и «чиновников». Власть хочет добра, чиновники все портят.

Симонов, судя по его заявлениям, ответов от власти даже не ожидает, ему достаточно того, что «власть услышит», что президент приказал чиновникам «нас» выслушать. Общество сплотится и поддержит

президента только потому, что власть услышала самого Симонова и других представителей гражданского общества. Не выполнила определенные условия, а просто услышала.

Такое понимание отношений между властью, активистом и обществом лежит целиком в рамках гласности и недемократического политического устройства. Лучше всего они описываются как идеал «единства» власти и общества, вернее, стремление к этому идеалу. Все это казалось естественным в конце восьмидесятых, когда застреленные перестройки пытались «достучаться» до власти и объяснить ей ее ошибки. И до сих пор у многих сильно желание быть услышанным «достучаться». Ответов не надо, дайте возможность личного обращения, личного влияния. Более десяти лет у общества есть возможности требовать, есть политические механизмы, чтобы вести диалог с властью как с равноправным оппонентом. Но и общество предпочитает молчать, и «гражданское общество» (в лице своих «лидеров») хочет лично задавать вопросы, предпочитает такое общение легальному открытому воздействию на власть с помощью легальных механизмов влияния.

Попытки «достучаться» приносили до последнего времени только унижение: президент, как заметил сам Симонов, даже не ответил на приглашение правозащитников принять участие в их съезде. Когда же их самих пригласили встретиться, они согласились, рассудив, что это — возможность «создать механизмы» диалога и «задать вопросы». Что же вышло? Путин просидел почти два часа на форуме и прослушал нескольких выступающих, среди них — Людмилу Алексееву и Олену Миронову. Никто Путину никаких вопросов, в том числе неприятных в том числе и о Чечне, не задал. Говорили о проблемах, но вопросы «глядя в глаза», не задавали, наоборот, всячески хвалили за благие намерения, а когда он покидал форум, по предложению председателя московской Хельсинкской группы, проводили его стоя⁸.

Сама мысль о том, что Гражданский форум, то есть встреча с властью по ее же, власти, предложению, это и есть «диалог», была бы дикой, например, для американского общества. Диалог с властью идет там очень активно, в нем участвуют и представители гражданского общества, однако власть ничего подобного Гражданскому форуму не организует. Слишком очевидно пропагандистским было бы такое мероприятие, а американцы на этот счет обладают удивительной чув-

⁸ В 2003 г. на заседаниях комиссии по правам человека при президенте Алексей Симонов вместе с другими правозащитниками действительно задавал «неприятные» вопросы лично президенту. А задавать такие вопросы — очень трудно.

твительностью. Единственной возможностью публичной пропаганды деятельности правительства является сама деятельность. Никаких дополнительных средств правительству на правительственное радио, газеты, гражданские форумы с участием президента американцы не отпускают. Правительство, может быть, и хотело бы, но общество не дает.

И в американском обществе до президента и правительства очень трудно «достучаться», хотя и проще, чем в нашем. Есть определенные процедуры, и президент значительную часть своего времени уделяет встречам с самыми разными людьми. Конечно, не всем представителям гражданского общества удастся встретиться и лично «повлиять», а иногда и, встретившись, не удастся. Но осведомленные деятели гражданского общества понимают: есть установки, есть интересы, есть расклад сил, и, для того чтобы повлиять на решение, совсем не нужно смотреть в глаза президенту. Нужно изменить расстановку сил. Сделать это можно либо с помощью легальных юридических процедур, либо воздействуя на общественное мнение — прежде всего привлекая своей активностью внимание прессы. Поэтому так называемое отсутствие диалога — это прежде всего установка на действие для самих деятелей гражданского общества. Это значит, что они не умеют заставить себя слушать, не умеют (не хотят, не снисходят) убедить общество в насущности и важности своих требований и добиться массовой поддержки. А если их не понимает и не слушает народ, то почему их должна понимать власть?

Как именно некоторые представители гражданского общества понимают диалог с народом, можно увидеть на примере заявлений философа Игоря Чубайса, опубликовавшего в «Известиях» свой наказ коллегам по гражданскому обществу: «Диалог с гражданским обществом необходим и власти, и народу; в них (в ком? — А.А.) — главная гарантия общей стабильности. ...Гражданские организации должны получить постоянный регулярный доступ в СМИ. 1,5 часа в неделю на телевидении РТР ... — начальное и минимальное условие... Это время также необходимо для организации *общероссийской гражданской дискуссии* о нашем прошлом и будущем.

Независимо от того, будут ли созданы каналы общения гражданских структур с властью, этим структурам необходимо свое *руководство*. Работающим в нем людям мы предоставим право выступать от нашего имени, представлять... наши интересы... Я хочу назвать имена тех, кому доверяю. Это Людмила Алексеева, Валерий Абрамкин, Лидия Графова, Арсений Рогинский, Алексей Яблоков.

Ну, а если кто-то с таким предложением не согласен... он может.. продолжать работу самостоятельно» (выделено И. Чубайсом. — А.А.)⁹.

Началом диалога гражданского общества с властью станет форум потом хорошо бы создать «каналы общения гражданских структур с властью», полагает автор. В любом случае диалог должно осуществлять «руководство», которому он лично, Игорь Чубайс, доверяет и которое по этому мандату доверия будет вести диалог с властью представляя «наши интересы», т.е. видимо, всего гражданского общества.

А как же диалог с народом? Как гражданскому обществу вести диалог со своим народом? По мнению Игоря Чубайса, диалог с народом должен быть установлен путем выделения полутора часов в неделю на государственном телевидении. Выделить эти часы должно государство, а народ будет смотреть и слушать, чтобы узнать о «жизни, проблемах и успехах гражданских структур», чтобы принять участие в общероссийской гражданской дискуссии «о нашем прошлом и будущем», так как такая дискуссия является «самым сильным средством самоочищения». Платить за «самоочищение» будет сам налогоплательщик, и стоит это ему будет довольно дорого.

Что такое «гражданское общество» разные люди понимают по-разному. У Игоря Чубайса свое, впрочем, не очень оригинальное понимание: гражданское общество — это возможность по приказу власти организовать диалог с народом (и, что важно, за счет народа).

Никто из лидеров гражданского общества не осмелился признать: в основе их заявлений о необходимости диалога с властью лежит простой факт: народ их не слышит, не понимает, что ему важно существование «Мемориала», что нужно поддерживать инициативы, направленные на прекращение войны в Чечне, что нужно слушать, как по телевизору Игорь Чубайс будет обсуждать прошлое и будущее.

Российское правительство не слышит деятелей российского «гражданского общества» по тем же причинам, по которым американский президент не замечает некоторых деятелей американского — потому что их не слышит общество. Однако если в стране существует хотя бы отчасти свободная пресса, то в отсутствии внимания общества к проблемам, скажем, правозащитных организаций, нужно винить самих правозащитников, которые не могут добиться массовой поддержки,

⁹ Известия. 2001. 21 ноября.

организовать массовые акции, привлечь внимание масс-медиа и таким образом добиваться изменений в политике, а не благосклонного внимания власти.

Российские правозащитные и другие неправительственные организации больше надеются на то, что всего этого им удастся достичь с помощью личного диалога с властью. Но проблема в том, что власть никогда не услышит того, кто не представляет значительную силу — социальную, политическую, военную, финансовую. А за спиной у неправительственных организаций нет никаких сил. Даже те, кому они помогают, обычно не питают к ним большого доверия: ведь они лишь посредники в распределении чужих денег, а посредников не любят. Так же как население в целом не испытывает симпатии к тем, кто распределяет гуманитарную помощь.

Единственный способ заставить власть отнестись серьезно к заявлениям неправительственных организаций — это путь демократический: добиваться поддержки значительных общественных сил. Но именно это у неправительственных организаций и не получается.

5. Секреты кремлевского закройщика

Организационно оформленной поддержки от населения неправительственные организации не имеют, а претензия быть услышанным остается. И вот здесь появляется Павловский и предлагает очень заманчивый вариант.

Рассмотрим тезисы клуба «Гражданские дебаты» для Гражданского форума, предложенные Глебом Павловским (см. приложение 16).

«Почему мы, солидные общественные и государственные люди, так настаиваем на понятии гражданской экспертизы, себя именуя скромно экспертами, и не торопимся создавать никаких систем взаимодействия с властью помимо экспертных?... (Потому что эти солидные люди договорились считать себя экспертами, а не лидерами и представителями. — А.А.). [Потому что] *Форум — это всероссийская машина гражданской экспертизы* (здесь и далее все выделения в данной цитате принадлежат Глебу Павловскому. — А.А.). Цель Форума — разработка и оценка системы взаимодействия государства и гражданского общества — ... *экспертно квалифицированный, реализуемый гражданский продукт*.

Довольно этих трех причин, чтобы добиваться усиления роли экспертной компоненты в общественно-государственном партнерстве как одного из главных результатов Гражданского форума.

ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ ПРОТИВ ДИКТАТУРЫ ПРАВА

Процесс подготовки и проведения Гражданского форума можно рассматривать как модель общенационального диалога. ...

Критическая черта — переход... к совместной работе (бюрократов и экспертов из независимых организаций) над решениями и контролем их выполнения. ... (Эта работа и контроль) ломает всю бюрократическую логику.

Бюрократия готова допустить институт гражданской экспертизы но только в двух ролях:

1. В роли аппаратного консультанта, обслуживающего закрытый процесс подготовки законодательных и административных актов;

2. В роли бессильного внешнего критика — «эксперта свершившихся фактов».

...Российские СМИ, по скудости немассовых изданий, затрудняют публичную профессиональную коммуникацию независимых экспертов...

Главной проблемой гражданского общества является его неспособность к эффективной экспертной конкуренции с некомпетентной бюрократией.

...Российская бюрократия относительно компетентна в режимах чрезвычайного реагирования. В режиме повседневного управления, то есть в режиме партнерского сотрудничества с обществом, российская бюрократия, как правило, некомпетентна.

Конституционно понимаемая «диктатура закона» неосуществима теми кадрами, которые заполняют нынешнюю «вертикаль власти».

...Пора говорить о формировании нового постиндустриального гражданского сектора, потенциально способного конкурировать с аппаратно-бюрократическими силами по своим организационным, профессиональным и научно-технологическим критериям.

...Разработка организационно-правовых и финансовых форм свободного развития и государственного усиления открытой экспертной среды России — один из главных пунктов повестки дня дискуссий... Гражданского форума...».

С точки зрения рядового члена политической аудитории, выступление Павловского представляет собой очень нечеткую, неясную речь. «Цель Форума... представляет собой экспертно квалифицированный,

реализуемый продукт» — в таком стиле написана вся статья. Но здесь важно отметить, что целевой аудиторией этого текста являются не рядовые члены аудитории, а руководство неправительственных организаций. И, на первый взгляд, главной темой выступления является проблема формирования независимой «экспертной системы».

В этом выступлении нет ярких риторических приемов, образов, восклицаний. Зато графические выделения, которыми автор активно пользуется, довольно разнообразны и чрезвычайно многочисленны. Примерно треть текста выделена курсивом, полужирным шрифтом или полужирным курсивом, что говорит о потенциальной насыщенности текста акцентами и нежелании автора искать собственно риторические или стилистические способы акцентуации.

Автор назвал этот текст тезисами, т.е. декларативными положениями. Павловский описывает свое видение определенного круга проблем, дает оценку этих проблем и намечает пути их решения.

Убеждающая функция этого текста основана главным образом не на рациональных аргументах, а на утвердительной, декларативной интонации и на риторических приемах, например нескольких ценных образах, имеющих отчетливые положительные и отрицательные смыслы: «некомпетентная бюрократия», «партнерство», «постиндустриальный гражданский сектор», «аппаратно-бюрократические силы».

Мобилизационная составляющая, на первый взгляд, невелика: вот, например, как автор кончает свои тезисы: «Итогом Форума может явиться не “палата при властях”, а открытая независимая межотраслевая экспертная система разработки и коррекции основных направлений внутренней и внешней политики государства».

«Может явиться», а может и не явиться, и тогда получится как раз «палата при властях».

Максимальный уровень риторической мобилизации виден из двух примеров: «Довольно этих трех причин для того, чтобы добиваться усиления роли экспертной компоненты...»; «Необходима реальная, недемонстративная способность общественных сил находить внутри себя и предъявлять стране новые профессиональные экспертные кадры».

В первом примере отсутствует субъект действия: кто будет добиваться? Цель действия выражена на профессиональном сленге: «усиление роли экспертной компоненты». (В переводе на русский литературный язык: сотрудничая с властью, неправительственные организации должны заниматься экспертизой).

Во втором примере типичный мобилизационный прием — «необходимо...» обращен не на субъект действия, а на наличие качества. Это не призыв и не мобилизация на действие, а *констатация* необходимости обладания определенными качествами.

Однако невысокая мобилизационная составляющая тезисов соседствует с попыткой завлечь, соблазнить руководство неправительственных организаций возможностью сотрудничества и, что важнее, влияния на власть. Автор намекает на возможную замену бюрократии самими экспертами, обещание важной роли в ходе разработки основных направлений «внутренней и внешней политики».

Посмотрим, как Г. Павловский описывает отношения власти (государства) и общества: «общественно-государственное партнерство», «в режиме партнерского сотрудничества с обществом российская бюрократия, как правило, некомпетентна».

Партнерские отношения — это лишь одна из нескольких парадигм отношений власти и общества. Партнерские отношения с властью могут возникать только у той части общества, которая полностью поддерживает власть и полностью ей доверяет, у тех, кто рассматривает победы власти как свои победы, и поражения — как свои поражения, у тех, кто категорически против любых попыток поставить под сомнение любые действия власти, кто потенциально готов разделить с властью всю ответственность за возможные (а с их точки зрения — невозможные) злоупотребления. Понятно, что с такой парадигмой отношений согласно совсем не все общество, а лишь очень небольшая его часть. Остальная часть общества воспринимает власть через другие образы-парадигмы — например парадигмы «единства» или наемного работника, требующего внимательного присмотра.

Посмотрим, насколько важным для видения конкретных проблем гражданского общества, проблем деятельности экспертов и бюрократов, является общая парадигма видения отношений общества и власти как партнерских.

Для начала ответим на несколько вопросов.

Каковы основные проблемы гражданского общества, с точки зрения Павловского?

Основная проблема гражданского общества — «его неспособность к эффективной экспертной конкуренции с некомпетентной бюрократией», т.е. главная проблема та, что неправительственные организации — плохие эксперты (а не, скажем, низкая активность общества, неумение отстаивать свои интересы). Но совсем не все неправительственные организации занимаются экспериментами или претендуют

на роль экспертов. Большинство их занято не экспертизой, а вполне конкретными делами: помощью неимущим, больным, защитой животных, парков, строительством детских площадок, организацией обучения детей чеченских беженцев и т.д., и т.п. Но автор из каких-то своих соображений всю огромную сферу самостоятельной и самостоятельной активности сводит к экспертной деятельности. Для таких функций, как оппонирование, отстаивание интересов отдельных граждан и групп населения, как разнообразная независимая деятельность в рамках предложенной им программы, места нет. В желании видеть в деятелях гражданского общества прежде всего хороших экспертов есть своя логика, суть которой мы постараемся понять.

Какова, собственно, роль экспертов в обществе, описанном Павловским? Как описаны два типа отношений экспертов и бюрократии?

Автор утверждает, что сегодня у экспертного сообщества есть две роли:

«Бюрократия готова допустить институт гражданской экспертизы, но только в **двух ролях**:

1) *аппаратного консультанта*, обслуживающего закрытый процесс подготовки законодательных и административных актов;

2) *бессильного внешнего критика* — «эксперта свершившихся фактов».

...Экспертное сообщество... не может развиваться и неизбежно стагнирует. Дополнительный факт его деградации...»

Павловский предлагает российским общественным организациям не просто быть экспертами в общепринятом смысле, т.е. консультантами, предлагающими определенную программу действий, а затем анализирующими и оценивающими, во что вылились предпринятые действия. В его тезисах этот тип экспертизы оценивается крайне уничижительно: быть «аппаратным консультантом, обслуживающим закрытый процесс подготовки законодательных и административных актов» и «бессильным внешним критиком — экспертом свершившихся фактов».

На самом деле эти две важнейшие роли по существу исчерпывают все отношения экспертов и власти в демократическом государстве. Власть приглашает экспертов, обычно идейно и политически близких, для внутренней экспертизы, в то время как оппозиционные эксперты точат зубы и становятся критиками принятых решений, обсуждают их, и как правило, без всяких специальных механизмов давления на власть в дополнение к уже существующим. Это обычный расклад,

который не мешает властям прислушиваться к мнениям экспертов и «недружественных» институтов, а идейно близким экспертам — критиковать предпринятые властью шаги.

Павловский же стремится дискредитировать эти привычные функции экспертов, вводя в их описание крайне негативные образы стагнации и деградации. Это те роли, к которым «бюрократия готова допустить институт гражданской экспертизы». Внутренний эксперт — «аппаратный консультант», а экспертиза — «закрытый процесс». Внешняя критика действий правительства осуществляется «бессильным критиком свершившихся фактов». Бессильной критика действий правительства может казаться только тем, кто видит политический процесс как монолитный, где нет места оппозиции, борьбе партий. Именно в таком обществе мнение человека, выраженное постфактум, является «бессильным», т.е. уже неспособным повлиять на решение. В обществе же, где идет политическая борьба, любая критика принимаемых властью решений — это потенциальная позитивная программа будущих действий. Ведь влияние эксперта на политический процесс в демократическом государстве состоит не в том, что его слушает и слышится власть (именно это обещает Глеб Павловский лидерам неправительственных организаций), а в том, что к его мнению прислушивается либо общество в целом, либо квалифицированная его часть.

Как описана «бюрократия» у Павловского? Куда направлен вектор отношений между экспертным сообществом и бюрократией?

Бюрократия «некомпетентна» — это повторено несколько раз. Более того, скоро она станет «полностью некомпетентной». «Бюрократический аппарат присвоил себе монопольное... право заказчика... любых экспертных услуг». «Конституционно понимаемая „диктатура закона“ неосуществима теми кадрами, которые заполняют нынешнюю „вертикаль власти“».

Полную некомпетентность бюрократии скоро «ощутит каждый гражданин». И вот тут на помощь гражданам (и бюрократии!) должны прийти эксперты. Они смогут «оценивать уровень решений еще на стадии (их) выработки», предотвращать и, таким образом, смягчать последствия полной некомпетентности бюрократии. Павловский предлагает российским общественным организациям «совместную работу (вместе с бюрократией) над решениями и контролем их выполнения». В его терминологии эта совместная работа называется «партнерским сотрудничеством». Но бюрократия, по Глебу Павловскому, не хочет и не понимает, как могут эксперты контролировать выполнение решений.

Автор утверждает, что эксперты из неправительственных организаций в перспективе должны заместить бюрократию: последняя просто не сможет функционировать в рамках строгого выполнения законов.

Теперь вернемся к тому, как видение отношений общества и власти в рамках парадигмы «партнерства» влияет на трактовку других проблем, в частности на проблему отношений экспертов и бюрократии.

В обществе, возникающем из описания Павловского, бюрократия принимает решения политического свойства, она может допустить, а может не допустить экспертов к контролю за ходом выполнения принятых решений; она имеет монопольное право заказчика экспертных и даже «интеллектуальных услуг». Бюрократия в этом обществе является субъектом политики.

Экспертное сообщество, с одной стороны, противопоставляется бюрократии, а с другой, оно должно помочь бюрократии избежать слишком серьезных последствий из-за полной ее некомпетентности. В идеале не бюрократия должна разрабатывать основные политические решения, а «независимая... экспертная система» будет заниматься «разработкой и коррекцией основных направлений внутренней и внешней политики государства», т.е. эксперты заменят бюрократию в качестве субъекта политики.

Власть не направляет бюрократию в ее деятельности, а лишь формирует общие правила деятельности. («Путинское... лидерство привело к ситуации, когда бюрократический аппарат присвоил себе право заказчика...»). Власть не обладает возможностями реального управления, реального проведения определенной политической линии, принятия решений. Проблемы, возникающие в обществе в ходе его жизнедеятельности, — не от власти, а от бюрократии, и выход заключается в передаче функций бюрократии по принятию решений экспертам.

Идея Павловского — превратить внутреннюю, внутрибюрократическую экспертизу во внешнюю открытую экспертизу, когда «экспертная система» будет заниматься выработкой важнейших политических решений. Эта идея предполагает, что есть какая-то единственная истинно правильная политика. И «экспертная система» неким единым голосом будет определять и политику, и направление движения, и шаги по ее осуществлению. Автор говорит о «политизации» экспертной деятельности как о «деградации». Получается, что настоящие эксперты свободны от партийных пристрастий, они всегда смогут выработать единую верную политику.

Суть идеи «партнерства» гражданского общества (читай: экспертов) с властью — в реальности существования единственно правильной политики и осуществления этой политики с помощью экспертной системы, корректирующей бюрократию и фактически правящей (хотя и не принимающей собственно решения).

Насколько это видение совпадает с аксиомами демократического процесса? В демократическом обществе победившая во время выборов власть приходит со своей программой и реализует ее.

В реальности всегда есть несколько точек зрения на проблемы, стоящие перед обществом, всегда есть несколько подходов и решений проблем. Даже само видение социальных, экономических вопросов как проблем тоже зависит от позиции наблюдателя, его взглядов, партийной ориентации. Нет и не может быть единственно правильных решений и даже решений, удовлетворяющих все общество. Часть общества, в том числе экспертного, поддерживает проводимую политику, часть настроена критически и занимается критическим анализом, разоблачением проводимой политики.

Эксперты в демократическом обществе часто различаются по своим подходам, причем различия основываются на принципиальных, базисных положениях. Даже на такие очевидные проблемы, как проблемы экологии, у разных экспертов есть разные точки зрения, которые влекут за собой совершенно разные подходы к решению проблем. Нет единого, «правильного» решения даже самой очевидной проблемы. Показателен недавний пример: консультантом-экспертом демократического кандидата в президенты США Джона Керри был крупнейший американский инвестор, один из самых богатых людей Америки Уоррен Баффет, а программа демократической партии — в достижении большей справедливости, в более активном перераспределении доходов. Финансовая политика республиканцев, от которой лично Уоррен Баффет как раз выиграл бы, представлялась ему неправильной.

Экспертный процесс идет параллельно в открытом режиме: внешние эксперты обсуждают на форумах, в прессе, по телевидению мероприятия власти, как уже принятые, так и только намечаемые, и в закрытом режиме, когда обсуждение тех же проблем ведется специально приглашенными властью экспертами.

Бюрократия в рамках демократического процесса не является субъектом принятия решений, она не определяет политику. Это всегда прерогатива более высоких сфер власти — победившей политической партии, формирующей верхушку бюрократии и руководства.

А бюрократия — это машина проведения в жизнь определенной политики. Решения, которые она принимает, — это лишь воплощение в жизнь определенной политики, этих самых важнейших решений, которые выработаны высшей властью. Поэтому бюрократия и не должна быть компетентна в политике, ее задача быть компетентной в выполнении решений, в знании механизмов функционирования власти. «Некомпетентность» бюрократии может возникнуть только при смене режима осуществления власти, при смене правил. Но это проблема переобучения, обучения новым умениям и освоения новых правил.

Тот факт, что общество из-за неких сбоев, например: из-за нереалистичности программы, экономически неоправданных решений, политических рисков, возникающих в ходе принятия решений властью и осуществления бюрократией этих неправильных решений, — идет к кризису, это нормальный результат осуществления неверной политики. В демократическом обществе это обычно влечет не коррекцию первоначально неправильных решений на правильные с помощью «экспертной системы», а кардинальную смену власти, сопровождаемая иногда обновлением бюрократического аппарата. Но это обычный выход для общества, где отношения с властью понимаются как отношения с наемным рабочим. В обществе, где они понимаются как партнерские, обновления не происходит, политика не меняется, квалифицированные эксперты корректируют решения бюрократии, ошибки накапливаются и рано или поздно ведут к коллапсу.

Еще раз повторим: в демократическом обществе нет противопоставления экспертов и бюрократов. Бюрократ — не эксперт; он прежде всего — специалист, знающий процедуру. Это грамотный исполнитель, а не носитель идей; знает, *как* нужно делать, а не *что* нужно делать. Вопрос о том, что нужно делать, решает власть, конкретное наполнение политики цифрами и мерами обсуждается экспертами, а бюрократы выполняют поручения. (А оппозиция критикует и политику, и конкретные решения.) Эксперт и бюрократ — это не две противоположные силы, а две составляющие политического процесса.

Противопоставление бюрократа эксперту, корректировка курса экспертом как политический принцип — это попытка замены политической борьбы, состязательности разных видений общества и его проблем, разных идеологий, разных политических партий идеей партнерства. Власть в демократическом государстве — это скорее не партнер, а наемный работник. А за наемным работником нужен, как уже говорилось, тщательный присмотр. Уйти от проблемы конкуренции

партий, от проблемы легальности политической борьбы и легальности деятельности оппозиции — в этом суть идеи партнерства. Партнерство не предполагает борьбы и состязательности. По существу идея партнерства — это подправленная и приспособленная к современным реалиям уже встречавшаяся нам идея единства власти и общества.

Вернемся к предложенному Глебом Павловским пониманию гражданского общества прежде всего как экспертизы. Гражданское общество в том виде, в котором оно существует в демократии США и некоторых стран Западной Европы, — это прежде всего самостоятельная активность граждан, направленная на удовлетворение их собственных нужд. И если эти нужды оказываются в противоречии с интересами государства или других слоев общества, возникает необходимость в их защите, в противостоянии, в борьбе. Идея же партнерства пытается всю оппозиционную деятельность втянуть в сферу деятельности правящей власти, например в качестве эксперта, корректирующего неверные политические решения. Идея партнерства — это обычный тактический ход любой демократической процедуры, стремящейся принять во внимание интересы оппозиционных слоев. Примером может служить экспертно подкрепленная попытка республиканской администрации США перетянуть традиционно демократический электорат — выходцев из Латинской Америки — путем взвешивания учета их интересов, например частичной легализации нелегальных эмигрантов. Однако есть грань сотрудничества и учета интересов, за которую без измены политическим принципам и, как следствие, утраты своего электората не могут перейти ни политики, ни члены гражданского общества. И в этом смысл демократической борьбы. Компромисс власти с политической оппозицией никогда не превращается в партнерство.

Кроме идеологической парадигмы, обуславливающей определенный взгляд на общество, за рассуждениями Павловского стоит собственно политическая стратегия: решение проблемы управляемого неправительственного сектора, попытка выстроить государственную политику по отношению к нему.

Организаторам Гражданского форума удалось поставить смелый эксперимент, который дал хорошие результаты. Жесткая политика в отношении прав и свобод граждан сопровождалась идеологической кампанией по пропаганде новых парадигм отношений власти и общества. Кульминацией эксперимента стало согласие сомневавшихся принять участие в форуме, а торжественной развязкой — сам Гражданский форум.

Каковы же итоги? Если в 2000 г. буквально все независимые организации и их лидеры слова доброго для Путина и его политики найти не могли, говорили исключительно о противостоянии, наступлении на права человека и свободу слова, то примерно с лета 2001 г. лидеры правозащитного движения заговорили на языке, предложенном командой Павловского: партнерство с властью, единение, диалог, возможность совместной работы над решением проблем.

Некоторых деятелей из неправительственных организаций удалось привлечь обещанием государственных заказов на экспертизу, обещанием содействия и поддержки, государственных субсидий. Инструментарий Глеба Павловского более тонкий и, как показал форум, более действенный. Ведь опасность для власти представляют не те, кого легко купить, а независимые и активные деятели, организации, отстаивающие либеральные идеи, прагматичные и активные идеалисты. В наших гражданских организациях идеалистов мало (они-то и есть самые опасные), но зато много сознательно работающих под лозунгом либеральных идей, защиты прав человека, окружающей среды и т.д. И подступаться к ним легче не с рублем на ладони, а как-то обернув его симпатичным лозунгом или обратившись к амбициям лидеров.

В тезисах Павловского и была озвучена часть его проекта, касающаяся того, как направить амбициозных лидеров общественного сектора на совместную с властью созидательную работу.

Автор тезисов знает настроения российской интеллигенции и стремится нейтрализовать деятельность неправительственных организаций попыткой соблазнить часть руководителей этих организаций, играя на постепенно уходящих в прошлое стереотипах.

Посмотрим, кто же оказался среди врагов, какие институты мешают осуществлению «партнерского сотрудничества (власти) с обществом». Это — СМИ, которые оказываются виновны в «скудости немассовых изданий» и в том, что экспертам негде публиковаться. Мы не будем входить в детали странного, на первый взгляд, обвинения. При чем здесь средства массовой информации, если желание общества познакомиться с «экспертными оценками» не простирается дальше любопытства? Отметим лишь объект обвинений — средства массовой информации. Автор обвиняет российские массовые издания в том, что они якобы не дают места серьезным экспертам и тем самым поощряют «грубую политизацию и вульгаризацию» экспертизы. Еще один враг — это бюрократия. Бюрократия пытается не допустить общественные экспертные организации к принятию решений, она

некомпетентна (в отличие от независимых экспертов), «диктатура закона» неосуществима теми кадрами, которые заполняют нынешнюю исполнительную вертикаль. Власть — это «партнер общества», а бюрократия — это узурпатор полномочий¹⁰.

Отделить «власть» от бюрократии — одно из стратегических направлений в создаваемой Павловским идеологической конструкции. Вернее, он пытается актуализировать очень старые представления: царь — хорош, да вот слуги его, чиновники, бюрократия — плохи. Власть (читай — Путин) хорошая, бюрократия плохая, с ней надо бороться гражданскому обществу. Власть хочет осуществлять «партнерские» отношения, бюрократия этому противится. Но «гражданское общество» может конкурировать с бюрократией, если заставит ее поступиться своей «бюрократической логикой» и вмешается в процесс принятия решений. Более того, поскольку осуществить путинскую «диктатуру закона» с помощью тех кадров, которые заполняют нынешнюю исполнительную власть, невозможно, в дальнейшем желательно и вытеснить эту бюрократию.

Проблема власти и некомпетентной бюрократии в разных странах разрешается по-разному: либо снимают одних бюрократов и нанимают новых (в том числе и президентов, как в США), либо стараются готовить хорошо патентованных бюрократов, как во Франции, но нигде для управления не призывали общественные организации *в дополнение* к бюрократам или вместо бюрократов. Как можно вытеснить бюрократию, во что тогда превратится институт исполнительной власти и управления? Павловский не утруждает себя объяснением. И в самом деле, он ведь не теоретические дебаты ведет, ему нужно соблазнить лидеров гражданского сообщества. И этой цели он успешно достигает. «Коммерсант» цитирует слова директора Института прав человека Валентина Гефтера: «Путину не хватает административного ресурса, и он пришел за поддержкой. Чтобы мы давили на чиновников»¹¹.

Павловский и честные посредники пытаются провести идею: повседневная работа администрации — это «режим партнерского сотрудничества с обществом». Хотя идея партнерства кажется очень заманчивой, но смысл всякого партнерства — в разделении ответ-

¹⁰ Павловский утверждает, что в режиме «чрезвычайного реагирования» бюрократия компетентна, а вот в «повседневном управлении» — нет. Почему в чрезвычайных обстоятельствах обычно некомпетентная бюрократия вдруг оказывается компетентной? Может быть, за компетентность принимается расширение объема полномочий и всеобщая мобилизация?

¹¹ Коммерсант. 2001. 22 ноября.

ственности за принятые решения, а это не совместимо с демократическим устройством¹². В демократической стране общество может *поддерживать* правительство и тем самым облегчать его деятельность, например, оказывая давление на оппозицию, облегчить прохождение законов через парламент. В чрезвычайных обстоятельствах, обычно на очень короткий срок, может произойти *объединение*, но не власти с обществом, а самого общества. Когда Мэдлин Олбрайт, госсекретарь в администрации президента Клинтона, сказала 12 сентября: «Мы все выстраиваемся за президентом», — имелось в виду не объединение демократов с президентом-республиканцем, а то, что в обществе на время должна прекратиться политическая борьба — хотя бы на словах. Само общество объединяется, конгрессмены-демократы, чувствуя давление избирателей, идут на уступки; владельцы роскошных ресторанов Манхэттена закрывают их и начинают обслуживать пожарных и спасателей. Но никто и никогда в Америке не объединялся с властью вообще, даже стараясь преодолеть последствия 11 сентября. Популярность одних управленцев растет, других — падает. С первых же дней после трагедии администрацию стали обвинять в том, что она не оперативна, в стремлении ограничить свободы и т.д. Демократическая власть всегда отвечала и будет отвечать за все свои действия и за все то, что общество сочтет ошибочным в ее действиях. «Партнерские» же отношения делают такую ответственность крайне затруднительной.

Последнее замечание Павловского о финансировании «свободного развития и государственном усилении открытой экспертной среды» — это, при всей туманности, все тот же рубль, но красиво обернутый.

Что нужно Павловскому — очевидно: он нейтрализует потенциально опасную силу. Неправительственные организации — это десятки тысяч организаций. Они оперируют десятками миллионов долларов, неподконтрольных властям. Их деятельность, помощь затрагивает сотни тысяч, может быть, миллионы людей. Ведь это сила может со временем найти нужные подходы и получить поддержку населения. Чтобы этого не произошло, нужно попытаться замкнуть их на власть, а не на общество, именно на власть: давайте вместе вырабатывать

¹² Это не мешает идее партнерства время от времени возникать в самых демократических странах, то по инициативе правительства, то исходящей из либеральных кругов, обычно университетских. Так, в 1994 г. по инициативе американских ученых-политологов возник проект под пышным названием «Американский гражданский форум». Он, в частности, провозгласил идею партнерства гражданского общества и правительственных институтов, но не всех, а лишь нацеленных на сотрудничество.

решения, влиять на важнейшие направления политики, замещать некомпетентную бюрократию. Сотрудничество с властью-партнером даст неправительственным организациям некоторую иллюзию влияния, часть чиновничества получит дополнительный источник доходов, а власть в целом будет более спокойной относительно потенциально деструктивной оппозиции.

Представители гражданского общества откликнулись на предложение «соединиться», на предложение прямого диалога. Желание «единства» с властью, вера в возможность воплощения мечтаний советского человека, в то, что советские лозунги обещали, но не выполнили, оказались сильнее стремления к независимости и самостоятельности.

Лекция 13

Разница между российско-советской письменной и англо-американской устной политической культурой

Я уже говорил, что российский политический дискурс — это часть европейского дискурса. В самой своей специфике, своих архаичных и тоталитарных чертах он остается дискурсом европейским. Нет ни одной характеристики, которая бы полностью выпадала из европейской традиции, если, конечно, помнить, что европейская традиция разнообразна и имеет долгую историю: и парадигма «единства», и исчезновение субъекта действия, и мотив угрозы, и опора на письменное слово — все это черты, которые можно найти в европейской традиции, в том или ином национальном дискурсе в какой-то исторический период. Даже тогда, когда советский режим создавал свой неповторимый «тоталитарный язык», *langue de bois*¹, черты этого языка развивались в соответствии с приемами, нормами, существовавшими в общеевропейской традиции.

Поэтому о разнице между дискурсом российским и советским, российским и американским или европейским можно говорить только как о различиях внутри одной традиции. Обусловлены они степенью развития политических институтов, вовлеченности общества в политическую жизнь. Поэтому различия эти не являются чем-то жестким и постоянным. Все особенности имеют тенденцию к развитию и к изменению, причем до недавнего времени изменения шли очень быстро. Фиксируя какую-то черту российского дискурса как важную специфическую черту, способную нам что-то объяснить в российском обществе, общественном сознании, мы должны быть готовы к тому, что уже завтра столкнемся с трансформацией этой черты. Много раз подчеркивалось, что российские политики не говорят о России: «эта страна», в «этой стране» (калька с английского «that country»). Последнее предполагало, что для российской политической аудитории эти выражения звучат слишком резко

¹ «Деревянный язык» — так назвала советский новояз французская исследовательница Элен Каррер Данкос.

и отстраненно, а это, в свою очередь, предполагало традиции «теплые» чувства, тесные связи с идеей родины, страны. Прош несколько лет, и сегодня выражение «эта страна» вошло в активный политический дискурс и звучит из уст самых разных политиков том числе и принадлежащих к «патриотическому» лагерю.

Происходящие процессы можно объяснить доминированием западных парадигм, их авторитетностью в глазах наших политиков. Но речь политиков, особенно талантливых, обусловлена, в первую очередь, тем, что общество готово от них услышать, понять и принять как свое. Изменения в дискурсе невозможны только из-за того, что меняются политики, — должно изменяться и общество, причём в самых своих глубинных слоях. Сегодня меняется то, что, по выражению Пастернака, «всякой косности косней». И считать, что здесь все дело в популярности Запада, конечно, неверно. Меняется, хотя медленно, постепенно, с отступлениями, глубинное самоощущение человека в мире, суть отношений человека и общества, человека и государства. Выражение «эта страна», его распространение говорит о появлении внутреннего чувства отстраненности, отдельности человека, об ощущении им некоторой независимости, расширении сферы приватного, причём не у отдельных личностей, у отдельных политиков, а, так сказать, на социологически значимом уровне.

Отметим несколько черт, которые определяли специфику российского дискурса конца 1980-х — начала 1990-х гг.

Прежде всего, как мы уже говорили, это различие отчетливо в письменной культуре российской и устной культуры американской. Никто из моих студентов не смог вспомнить хотя бы одну запомнившуюся ему политическую речь, выступление (Вспоминаются лишь отдельные известные выражения: «мочи в сортире», приглашения в Москву сделать «обрезание», «вот так: загогулина», «кузькина мать».) Иногда вспоминают речь Сталина в октябре 1941 г.: «Братья и сестры...», — кто-то справедливо отметил талант Жириновского, но ничего сколько-нибудь напоминающего по своему значению речам Рональда Рейгана, Маргарет Тетчер, Тони Блэра, Джона Кеннеди, Мартина Лютера Кинга в нашем современном политическом дискурсе нет.

Но это отличие, как уже говорилось, обусловлено не особенностями национальной культуры, а особенностями российских политических систем. С укреплением демократической системы, развитием самосознания общества будет укрепляться и развиваться и устная традиция.

В четвертой лекции мы говорили о повышенной идеологичности, концептуальности российского политического дискурса как одной из отличительных особенностей советско-российского дискурса времен перестройки и начального послеперестроечного периода, и там же называли причины этого феномена. Мы вступили в меняющийся мир. Началось быстрое освоение новой реальности. Поначалу оно шло так быстро, что казалось, весь мир застыл в сравнении с нами. Но и на Западе, и в остальном мире шли хотя и более медленные, но важные идеологические, политические процессы, которые влекли и изменения в дискурсе, в особенности в плане выражения. В последние годы большой новой темой, повлекшей новую идеологизацию дискурса, что способствовало, между прочим, появлению множества политических текстов большого объема, стала угроза терроризма и война с терроризмом.

Сходства в советском и американском дискурсах 1950–1980-х гг.

Сходства дискурсов были обусловлены общей парадигмой противостояния, «холодной войны», «железного занавеса». В американском и советском политических дискурсах в 1950-х гг. сложились образы «тайного врага», «единства» общества, приобрела популярность «теория заговора» для объяснения политических проблем и неудач (примеры из речей Дж. Кеннеди, Л. Джонсона и из советского политического дискурса).

Американский политический дискурс характеризует жесткость и прагматичность интерес прежде всего к фактам, к реалиям, от которых уже идут к «пониманию», обобщениям.

Американский политический дискурс по сравнению с современным российским характеризуют большая четкость, прямолинейность, ясность, эмоциональность. Тексты и речи обращены к аудитории. Политики обращаются к аудитории за поддержкой в прямом смысле слова. Поддержка аудитории — это основной политический ресурс. Все остальные ресурсы: административный, финансовый — очень важны, но главное — это поддержка избирателя, т.е. аудитории.

Американский избиратель, хотя он и очень разный (что неудивительно: более 200 млн человек), но активный член политической аудитории, внимательно слушает и слышит, что говорят политические

лидеры. Лидер оценивается по своим действиям, по тому, что он говорит и как он говорит. Конечно, очень важно и то, как он выглядит, какой он человек, чего он добился в жизни, откуда он родом, но мы сейчас говорим о политической риторике. Очень важно то, что можно сказать о лидере на основании его выступлений, его слов. Внимание к речам и текстам обусловлено тем, что из них можно понять, каким будет этот политик, скажем, на посту президента, будет ли он последователен, выполнит ли обещанное, будет ли тверд, способен ли он быть лидером.

Одним из ключевых направлений всякой избирательной кампании является поиск и демонстрация публике таких черт оппонента, которые являются для публики ярко негативными. Идет буквальное прочесывание всего, что оппонент говорил и говорит. Для президентской кампании 2004 г. одним из важнейших пунктов критики в отношении демократического кандидата Джона Керри его оппоненты выбрали тот факт, что Керри не был абсолютно последователен. Он менял свое мнение и иногда голосовал за законопроект, который до этого пытался провалить. Сам этот факт, достаточно обыденный, республиканцы сумели представить как свидетельство «несерьезности и переменчивости» Керри.

Но одно дело, когда для этого нужно демонстрировать «послужной список» Керри, и совсем другое дело, когда можно сказать: «Он несерьезный, изменчивый человек, смотрите, что он сам говорит». 16 марта, выступая перед ветеранами, Керри сказал о проекте администрации по помощи Ираку: «...вообще-то я проголосовал за 87 млрд долларов, прежде, чем я проголосовал против». Это было сказано в контексте, понятном для слушателей, и в конце выступления Керри получил аплодисменты, но внимательно вслушивающиеся в каждое его слово оппоненты получили подарок, о котором любой руководитель кампании может только мечтать. «Вы не часто получаете такие подарки», — сказал менеджер республиканского штаба, имея в виду произнесенную Керри фразу.

Мало того, что собственное признание Керри в переменчивости тут же попало в новости на телеканале CNN, на следующий день все газеты рассказами об этом заявлении. Республиканский штаб использовал это выражение для антирекламы и ознакомил с ним всю Америку.

Чтобы подобных провалов не случалось, руководители предвыборных кампаний составляют списки тем и перечни того, как надо и как не надо эти темы освещать. Тем не менее когда все уже, каза-

лось бы, под контролем, вдруг произносятся слова, которые путают все карты. «Этот урок стоил нам дорого», — признал руководитель предвыборного штаба Керри и добавил, что Керри надо было просто сказать: «Я бы голосовал за эти \$ 87 млрд долларов, если бы мы могли их заплатить».

Вот так не очень обдуманные слова делают предвыборную кампанию менее успешной, чем она могла бы быть, и, наоборот, дают преимущества оппоненту.

И для российской аудитории слова имеют значение, хотя и не такое большое, как для американской. Очень многим в СССР было стыдно, когда Хрущев грозил Америке «кузькиной матерью» и стучал туфлей по пюпитру трибуны ООН. По стране ходили анекдоты о «сиськах-мосиськах», осмеивающих старческое косноязычие Брежнева. «Вот такая загогулина» не прибавила уважения президенту Ельцину.

Но американцы относятся к таким проговоркам политиков несравненно серьезнее — они становятся не только поводом к шуткам, шаржам, но и важным фактором в их решении голосовать «за» или «против». И важно для аудитории даже не то, что конкретно сказал или как обмолвился политик, а какие выводы можно сделать из этих слов и обмолвок, что стоит за ними.

Феномен политкорректности

В какой-то мере серьезное отношение к слову и к тому, что стоит за словом, объясняет одно из важнейших знаковых явлений в американском дискурсе — феномен политкорректности. Речь идет о чисто формальных вещах: как правильно называть негров, женщин, геев и лесбиянок, латиноамериканцев, мусульман и т.д. За политически некорректное высказывание можно не только получить силовой отпор, но и понести наказание как за оскорбление. Нормы политкорректности стали нормами словоупотребления, их нельзя нарушать, это грозит остракизмом и судебными исками.

Конечно, как и всякое социальное явление, политкорректность вызывает самые разные чувства внутри американского общества. Ретивые администраторы от образования издают целые пособия «правильных» названий и тем, а критики печатают книги, осмеивающие эту практику. Но в целом это серьезное и *здоровое* социально-лингвистическое явление. Политкорректность — это своего рода соци-

ально-лингвистический механизм, позволяющий скорректировать несправедливую социальную практику прошлого. Как бы призна ошибку и извиниться постфактум перед поколениями тех негр которых звали: «boy» и «nigger»².

Отношение россиян к политкорректности, судя по замечаниям в прессе, крайне отрицательное, причем как у интеллектуалов, так и у критиков из молодежных изданий. Политическую корректность обвиняют в том, что она все формализует, что она неискренна, что из поведения исчезают естественность и свобода.

Тем не менее и в российском дискурсе действует тот же социально-лингвистический механизм, и в некоторые периоды его функционирование было подчинено таким же жестким и формальным нормам, как и политкорректность. Сразу же после революции 1917 г. из практического дискурса исчезли все вежливые обращения, сколько-нибудь социально маркированные: господин, госпожа, ваше превосходительство и пр. Сегодня ярким примером требования быть политически корректным является постепенное становление непривычной для русского языка нормы «в Украине». Украинцы, не только официальные лица, требуют от российских журналистов политиков, чтобы они говорили: «в Украине» (так же, как и в отношении других стран: во Франции, в Польше), а не более привычные «на Украине». Необычный, но являющийся нормой языка, предлог «на» по отношению к государству объясняется тем, что слово «Украина» произошло от слова «окраина» и первоначально значило «земля на окраине» (русской земли). Предлог «на» несет для украинцев³ смысл, утверждающий их «окраинное», околорусское происхождение, и воспринимается как оскорбительный для независимого государства.

Еще ждут своего часа, чтобы подвергнуться резкой критике и выйти из массового употребления такие заведомо оскорбительные слова как «лица кавказской национальности», «черные» и др. И это произойдет так же, как произошло со словом «жид», которое до середины XIX в. считалось словом общеупотребительным. Бытует мнение, что в начале XIX в., в частности для Пушкина, это слово было общеупотребительным.

² Как известно, в русском дискурсе тоже сложилась оппозиция корректного — некорректного названия людей африканского происхождения: негр — черный, чернокожий, и она ровно противоположна оппозиции американской, где «nigger» — оскорбительное, а «black» — нейтрально.

³ Для россиян этот предлог не маркирован, тем более что есть устойчивые сочетания: «на брянщине», «на орловщине».

ребительным, потому что было нейтральным, как нейтрален «*žyd*» для поляков. Это не так. В русском языке было действительно нейтральное слово «еврей» и отчетливо оскорбительное слово «жид». Пушкин, свободно пользовавшийся этим словом, был один из самых терпимых людей своего времени. И антисемитом он не был только в том смысле, что все общество было проникнуто антисемитскими настроениями. В 1858 г., после очередного оскорбительного антисемитского выступления, ряд русских литераторов, ученых, чиновников выступил в печати с коллективным протестом против антисемитизма и употребления в печати слова «жид». После этого выступления употребление слова стало маркированным, стало рассматриваться как признак антисемитизма и вскоре было вытеснено из общеупотребительной лексики. Общий вектор развития языка направлен на вытеснение из словоупотребления заведомо оскорбительных для какого-то социального слоя понятий.

С уходом в прошлое социальной проблемы, связанной с грубым, оскорбительным названием, с исчезновением предрассудков, уходит и острота споров адептов политкорректности и их противников относительно данного, конкретного понятия.

Тактические функции текста — стратегические функции текста

В первой лекции мы говорили о двух типах текстов: нацеленных на выполнение тактических и стратегических задач. Под тактическими задачами, функциями мы понимаем решение конкретных практических вопросов: информирование, лоббирование, поддержка или провал законопроекта, назначение кандидата на какой-то пост, проведение определенной политики и т.п.

Политические тексты в американской прессе чаще всего преследуют тактические цели. Через тексты идет давление на аудиторию, на общественное мнение, на власть, а следовательно, на принятие конкретных решений: о назначениях, о приостановке проектов и т.д. Связано это с тем, что тексты, речи являются активными инструментами текущей политической жизни. В российском дискурсе в последнее время тексты перестали выполнять подобные тактические задачи. Их используют в целях информации, с целью манипуляции, к ним все реже обращаются отдельные политики.

В России политические статьи в газетах выполняли тактические функции примерно до середины 1990-х гг. В то время журналист мог претендовать на роль посредника между властью и обществом. Сегодня в России тактические задачи предпочитают решать не с помощью прессы или публичных выступлений, а используя другие средства и инструменты: связи, лоббирование, административный ресурс, деньги, угрозы⁴. Сегодня газетные тексты перестали считать средством давления на власть, и власть полностью перестала с ними считаться. Одна из причин этого в том, что сегодняшняя аудитория не считает политическую информацию сколько-нибудь важной. Политическая аудитория не воспринимает информацию о коррупции, о политических скандалах, катастрофах, несчастных случаях как имеющую непосредственное отношение к ее аудитории, политическому выбору, как руководство к действию. Как только общество научится использовать информацию, например публикацию о коррупции властей, начнет руководствоваться имеющейся информацией для своего политического выбора или для давления на власть, пресса начнет рассматриваться как политический ресурс. А пока и наша пресса, и политическая аудитория не являются политическим ресурсом в полном смысле слова. Власть прессы не боится, ее не читает, и внимания на нее почти не обращает, за исключением периодов предвыборной борьбы. Поэтому те, кто пытается влиять на принятие решений, не обращаются к прессе.

И вот в «Известиях» — накануне визита в Москву американского государственного секретаря Колина Пауэлла до встречи с президентом Путиным и министром иностранных дел И. Ивановым появляется его статья (см. приложение 11). Ее заметили все зарубежные СМИ; почти все они расценили заявление Пауэлла как крайне жесткую критику внутренней и внешней политики России. Специальной реакции российской стороны не последовало. Реакция отечественных СМИ была неопределенная.

Информационное агентство «Рейтер» 26 января, комментируя заявление Пауэлла, заметило, что он использовал «необычно жесткие выражения», что, «оставаясь в рамках дипломатической вежливости, Пауэлл в своих комментариях был необычно прямолинеен». Агентство даже высказало предположение, что в словах Пауэлла была

⁴ В дискурсе угроза выражается как прямо, так и с помощью интонации угрозы; в политической жизни в последнее время стало возможным не прикрытое использование государственных институтов, например прокуратуры, в качестве инструментов давления.

«аллюзия на октябрьский арест» Ходорковского. Делать предположения, в принципе, не в обычае «Рейтер», это слишком серьезное агентство и слишком серьезная тема. Видимо, из окружения Пауэлла поступил соответствующий сигнал, дающий основания для таких предположений.

Комментарий российских газет был значительно более спокойным. «Американская администрация... дала понять: у Вашингтона появились вопросы к политической системе России», американцы «не до конца понимают, что происходит у нас с разделением властей», они «засомневались в том, что две страны исповедуют одинаковые ценности». («Известия», 27 января 2004 г.)

Попробуем разобраться, что же было сказано в этой статье. Было ли это «жесткое заявление» или просто «вопросы» и «сомнения»? Имеет ли смысл та часть текста, которую агентство «Рейтер» расценило просто как «дипломатическую вежливость»?

Посмотрим, как построена статья.

Она отчетливо разделена на несколько частей:

- «Как все изменилось!» — сегодняшние воспоминания о визите в 1973 г.
- Что изменилось: нет страха у народа, исчезла подозрительность в отношениях между Америкой и Россией, есть сотрудничество, некоторое совпадение интересов, дружеские отношения лидеров.
- Есть некоторые «основные принципы», которые разделяются широкими слоями общества. Пока эти принципы не являются общими для России и Америки. Россия идет по тяжелой дороге к демократии. Демократия — будущее России.
- Американцы «озабочены» событиями в России последних месяцев. Они «недоумевают» относительно внутренней и внешней политики, отсутствия свободы для СМИ, для политических партий, политики в Чечне, поползновений в отношении соседних стран.
- Если Россия не изменит своей политики, потенциал сотрудничества может быть не реализован.

Кто адресант, от лица кого написан документ?

В статье очень интересно меняется адресант. Вначале идет обращение от лица автора, его впечатления. Затем происходит переключение: автор начинает говорить «мы». Причем «мы» постоянно меняет свое наполнение: «мы оставили позади... взаимный антагонизм» (мы — это русские и американцы) и «мы приветствуем такое будущее России» («мы» говорится от лица американцев, Америки — партнеров россиян и критиков российской политики).

Здесь важно, что Пауэлл говорит не как частное лицо. Его выступление, его мнения и критика относительно российской политики — это точка зрения американской администрации.

Где дано общее видение ситуации, в рамках какого контекста поставлены проблемы? Какой оформляющий образ использован автором для обрисовки общего контекста?

Среди основных образов, использованных в первую очередь, обращает на себя образ развития: «все изменилось за 30 лет», «мы оставили в прошлом», «будущее величие России», «еще через 30 лет мы... будем исследовать...»

В статье нарисован образ России, идущей по тяжелому, трудному пути демократизации, формирования демократических институтов: «дорога к демократическому будущему», «будущее величие России будет достигнуто за счет формирования стабильных демократических институтов»; «препятствия на пути к зрелому обществу».

Очень интересны дополнения к образу России: раньше была огромной, красивой, ее «не только уважали, но и боялись». Сейчас — тоже большая, красивая, но страха нет. Ее «гражданские институты» не сформировались, на ней висит «негативный груз ее истории», Россия только на «пути к демократии», и ее «будущее величие», если и состоится, то только на демократическом пути, в России «строится новая политическая жизнь». «По мере того, как (она) будет строиться», «мы вместе будем выстраивать» более прочное партнерство между США и Россией.

Забавно, что Пауэлл буквально повторяет наших патриотов: раньше нас все боялись, а теперь с нами никто не считается. То, что Пауэлл именно не считается, мы покажем далее.

При описании отношений США и России постоянно используются понятия о совместности действий: «позволяет обеим сторонам разрушать мощный пласт подозрительности», «сегодня русские и американцы часто сидят за одним столом», «мы делаем это в рамках общих усилий», «мы делаем это в Корее, ... делаем это в Совете "Россия—НАТО"... область сотрудничества», «мы стремимся к взаимодействию» и т.д.

Еще один важный оформляющий образ характеризует отношения России и Америки: раньше был страх — теперь дружба, причем если у американцев был страх перед Россией, то у народа России — страх перед «режимом»; была «подозрительность», теперь «вместе», «сотрудничество», «дружба», «узы дружбы». (А «настоящие друзья» говорят «откровенно» о «наших разногласиях».) Дружба «обуслов-

лена доверием», личными отношениями президентов. Но это еще не «прочное партнерство», последнее появится только по мере строительства новой политической жизни на демократической основе.

Для того чтобы установилось прочное партнерство между двумя странами, говорит Пауэлл, необходимо, чтобы совпадали основные принципы, разделяемые широкими слоями общества, необходимы общие первичные ценности. И это совсем не риторическое выражение. Именно отсутствием общих ценностей и базовых принципов Пауэлл объясняет события российской внутренней и внешней политики, и то, что эти события вызывают у «нас» — американцев недоумение и озабоченность.

Посмотрим, что стоит за дипломатическими «недоумениями» Пауэлла. Именно эти «недоумения» вся американская и европейская пресса расценила как жесткие заявления в адрес российского руководства. Для того чтобы понять, почему очень мягкие слова Пауэлла могли быть восприняты в таком ключе, нужно помнить, что Пауэлл — дипломат и говорит на языке дипломатии, за вежливостью которого может скрываться самая жесткая позиция.

Посмотрим, какое отношение имеют перечисленные К. Пауэллом факты к базовым ценностям демократической системы и попробуем перевести их с дипломатического языка на обыденный.

1. «Демократическая система России, как нам кажется, еще не нашла необходимый баланс между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти». Очевидно, речь идет о том, что исполнительная власть задавила все ветви власти. Грубо нарушен принцип баланса ветвей власти, без чего не может быть демократии.

2. «Политическая власть еще не полностью привязана к нормам права» — власть действует вне норм права. Это не исключения, не отдельные тайные махинации, а открытое пренебрежение правом.

3. «Ключевые аспекты гражданского общества — такие, например, как свобода СМИ и развитие политических партий, — еще не приобрели устойчивого и независимого развития». Перевод: подавлена свобода СМИ, подавляются оппозиционные партии.

4. «У нас вызывают озабоченность и некоторые аспекты внутренней политики России в Чечне, а также по отношению к соседям, ранее входившим в состав СССР» — нарушаются права жителей Чечни — граждан Российской Федерации. Россия не признает суверенитета других государств.

Современное демократическое общество базируется на нескольких важнейших принципах, и то, что Россия их нарушает, делает

ее непохожей на другие страны — члены демократического содружества. При всех разногласиях последнего времени американцев с французами и немцами, доходивших до открытого выражения презрения одних лидеров к другим, между ними существуют тесные связи и внутреннее понимание, базовое принципиальное согласие, основанное на общих принципах существования нации и существования наций. Конечно, во всех политических системах есть отклонения от этих принципов, но эти отклонения тайные, их стыдятся. И именно такого согласия нет между российским и американским обществами. В отношениях России и Америки нет важнейшего: они базируются не на общем согласии относительно принципов демократического устройства, жизни нации и межнациональных отношений, а на личных отношениях лидеров. Это важно, но этого мало. Нужны общие ценности, лежащие в основе внутренней и внешней политики, нужно общее понимание того, что такое хорошо и что такое плохо, причем это понимание должно «разделяться широкими слоями российского общества». А это означает, что России, с точки зрения Пауэлла, нужно принципиально менять политику.

Пауэлл старательно пытается избежать интонации угрозы, он предлагает видение ситуации как проблемы роста, он говорит о дружбе и партнерских отношениях, о естественности расхождений во мнениях. Казалось бы, разногласия в рамках образа «партнерства» — это проблема двух сторон, а решение разногласий — это путь взаимных действий и уступок. Но его риторика разногласий — это не риторика равного партнера.

В рамках того, как излагает свое видение американский госсекретарь, недоумение и озабоченность Америки — это проблема не Америки, а проблемы только России. Разрешать американское недоумение должна Россия. Она *должна* проводить принципиально иную политику — и внешнюю, и внутреннюю. Исходя из контекста, можно сказать, что часть недоумений — это жесткое требование, но касается это требование прежде всего внешней политики России.

Посмотрим внимательнее, как выражены недоумения и озабоченность.

«Демократическая система России, как нам кажется, еще не нашла баланс между...» — здесь есть идея, что Россия, по крайней мере, ищет этот баланс, а Америка это видит и констатирует: еще не нашла, но ищет, — и поощряет: ищите дальше.

«Политическая власть еще не полностью привязана к нормам права» — значит, все-таки отчасти привязана. «Ключевые аспекты... еще не приобрели устойчивого и независимого развития» — значит, уже начали приобретать.

В отношении Чечни и по отношению к внешней политике тон становится более жестким: это не только «недоумение», но и «озабоченность». Но и в отношении Чечни американцы высказывают «озабоченность» лишь «некоторыми аспектами», т.е. все же не всей политикой. А вот в отношении соседей позиция заявлена еще четче. Признается право России на территориальную целостность (читай: право России бороться с сепаратистами в Чечне) и даже ее «интересы» в соседних странах (правда, не сказано, каких именно). Однако здесь же заявлено: «Мы не в меньшей мере признаем и суверенитет, и неприкосновенность соседей России, и их право на мир и уважение» со стороны соседей, т.е. России.

Мы видим, что есть существенная разница между риторикой «недоумений» относительно внутренней и внешней политики России. Внутренние проблемы — это все же дело России. Несмотря на то что не соблюдаются демократические принципы, что со стороны Пауэлла заявлено некоторое недовольство антидемократической политикой властей России, все же Россия рассматривается как страна, связанная «дружескими узами» с Америкой, идущая по трудному пути демократии. На этом пути есть успехи: исчез страх народа перед режимом. Пауэлл даже сам предлагает объяснения несоблюдению демократических принципов: «не за один день» строится демократия, давит «тяжелый груз истории», общество не готово («широкие слои общества» явно не разделяют демократических принципов). Америка явно готова учитывать все эти обстоятельства: вы идете по «дороге к демократическому будущему», она «не будет прямой и легкой». Замечательно, что Пауэлл даже называет примерный срок, когда, по его мнению, удастся прийти к согласию относительно общих ценностей и принципов демократического устройства. Это произойдет не скоро, упомянут довольно долгий срок — 30 лет. Впрочем, он вполне реалистичный. Примерно столько может занять эволюция ценностей, разделяемых «широкими слоями общества».

Однако, описывая внешнюю политику России, Пауэлл несколько меняет тон. В данном случае можно сказать, что Америку не интересует, по какой «дороге» идет Россия и какие трудности испытывает. Америка будет задавать пределы, рамки внешней политики России. При этом американцы, как всегда, прагматичны. За Россией призна-

ются некие «интересы в соседних землях», но общая установка высказана отчетливо: мы будем защищать суверенитет соседей. Напротив, каковы конкретно эти «интересы», будут ли они оговорены или определение их оставлено на волю российского руководства, в надежде на его умеренность и мудрость, в тексте Пауэлла не разъясняется.

Чем грозит России продолжение ее политики, вызывающей «недоумение» и «озабоченность»? Какие меры США готовы принять? Об этом прямо не говорится. Косвенным ответом можно считать выделенное автором заявление: «Мы в не меньшей степени признаем суверенитет ...соседей России». Также косвенным ответом можно считать и перечисление областей возможного сотрудничества: «развитие энергоресурсов», «обеспечение рынков продукцией и продукции рынками, диверсификация глобальных энергоресурсов». Здесь можно увидеть намек на возможность дальнейшего развития торговых отношений, осложненных проблемами тарифов, и изменение схем формирования американского нефтяного рынка. Но «потенциал нашего сотрудничества» может остаться нереализованным, хотя американцы этого очень бы не хотели: «мы не можем допустить...»

Сделана попытка показать понимание экономических интересов России и готовности им содействовать. К. Пауэлл старается объяснить действия США: «весь мир выиграет от процветания экономики, науки, искусства в России». Есть убеждение, психологическое по своему характеру: «Россия слишком многое может дать миру, и поэтому мы не можем допустить, чтобы потенциал нашего партнерства остался нереализованным». Предложение «совместно работать над улучшением всемирной системы здравоохранения..., чтобы она соответствовала требованиям времени», тоже звучит как сочувственная уверенность в великом будущем российской науки, если только здесь не произошло ошибки или исправления «русской» на «всемирную».

«Будущее величие России будет достигнуто за счет формирования стабильных демократических институтов». Следовательно, Россия — не враг. Ее проблемы — это проблемы роста. Существующие препятствия будут преодолены.

Это очень важно. Россия была врагом; сейчас — это партнер. Узы дружбы: в результате усилий президентов «между нами установилась дружба». Проблемы рассматриваются сквозь призму партнерских отношений. Это задает перспективу их решения — как преодоления разногласий. Однако еще раз повторим: то, что Америка недоумевает, это не проблема возможного недопонимания, это проблемы России. «Источники разногласий» — в России, Россия должна искать

решения проблем и менять свою политику. Позиция старшего, более опытного, знающего и указывающего путь, остается за Америкой и базируется на образе «пути к демократии», на котором Америка продвинулась дальше; она — «на более высокой стадии развития». В тексте нет ни одного прямого указания на то, что Америка сейчас более сильна, что ее знание о том, куда идет Россия, основано на том, что она сильнее и может России приказывать.

Пауэлл говорит очень вежливо, многословно, уклончиво, многообещающе, но все-таки с позиции старшего и сильного. Здесь есть требование, а не просто размышления о том, что нельзя и ждать от России ничего хорошего раньше, чем через 30 лет. Есть «разногласия», Америка «недоумевает» (это недоумение явно выпадает из образа «Россия на трудном пути демократизации»). Его статья — это требование, подкрепленное обещаниями понимания, сотрудничества.

Остается вопрос: зачем печатать такую статью, да еще и накануне визита? Получается, что она имела характер открытой декларации намерений. Госсекретарь разъяснял, с чем он приезжает в Москву. В статье, конечно, была установка на публичность. Это заявление и для российских властей, и для соседей России, и для мира, и для россиян, а отчасти и для своих избирателей — в качестве ответа на упреки в поддержке Москвы, явно нарушающей все демократические нормы. Последнее было важно накануне президентской кампании в самой Америке.

Американский госсекретарь действовал так, как действуют американские политики. Пытаясь достичь тактических целей, они обращаются не только к тайным рычагам, но и к прессе. Для российского читателя, комментаторов подобное поведение пока непривычно и странно.

Кроме того, сама публикация этой статьи в «Известиях» стала еще и своеобразным тестом для российской власти, российской демократии: опубликуют или нет.

Статью опубликовали, никакой ответной реакции Кремля на нее не последовало. А после переговоров министр иностранных дел Игорь Иванов заявил, что прогнозы охлаждения отношений не оправдались. Путин поздравил американцев с покорением Марса и заметил, что политика России в российско-американских отношениях «будет стабильной и прогнозируемой». Еще более сдержан был Колин Пауэлл. Значит, «озабоченность» американской администрации была услышана.

Приведем еще один пример, свидетельствующий, как по-разному понимаются отношения власти и политического публициста, комментатора, политической прессы в целом в российском и американском дискурсах.

В лекции 7 мы приводили слова крупного российского политика, комментировавшего удаление журналистов с заседания правительства: «Когда в семье... взрослые решают какие-то серьезные вопросы, они же не разрешают, чтобы дети их слушали...». Заданная модель отношений очевидна: власть — отец; пресса, журналист, комментатор — дети. Детей любят, опекают, контролируют их поведение; они полностью зависимы и подчинены авторитету взрослых. В 1994 г. этот образ воспринимался абсолютно естественно, естествен он и сейчас, хотя звучит уже несколько анахронично, так как изменилась общая модель отношений: пресса сегодня вновь трактуется властью как приводной ремень и пропагандист, инструмент влияния. Однако это лишь смена акцентов: из любимого ребенка, которого балуют и иногда наказывают, пресса превратилась в нелюбимого пасынка, которого наказывают и беспощадно эксплуатируют. В сущности общая схема осталась той же: жесткая иерархия. И как бы ни относиться к этому образу, соглашаться с ним или нет, но только такой тип отношений является общераспространенным в нашем дискурсе.

А вот еще одно видение той же проблемы. Морин Доуд (Maureen Dowd), колумнистка газеты «Нью-Йорк Таймс», пишет (3 апреля 2005 г.): «Длительное, четвертое по счету, расследование... так и не дало ответа на главный вопрос: как Белый дом манипулировал [разведывательной] информацией и почему никто за это не понес наказания? Если *ваш ребенок солгал и скрыл что-то от вас* (выделено мной. — А.А.), чтобы сделать нечто, что ему казалось великолепным, то если он не признается или не сошлется на какого-то другого (виновного), он будет наказан, даже если замышлявшееся им и прошло великолепно».

И Морин Доуд предлагает тот же браз провинившегося ребенка в качестве модели, объясняющей отношения власти и читательской аудитории, но в ее интерпретации иерархия отношений прямо противоположна российской, что свидетельствует о принципиально ином понимании сути отношений власти, с одной стороны, и прессы, политического комментатора, с другой. Это прямое, незакавыченное слово-образ. Автор не иронизирует: мол, мы-то знаем, что так не бывает, но... Нет, для автора образ именно проясняет отношения власти и аудитории. Причем власть, президент — это провинившийся

ребенок, а аудитория (обращение «вы» — к читателям) — это родители, которым необходимо наказывать детей (политическую власть) за проступки.

Высшая власть — это аудитория.

Понимание особенностей зарубежного политического процесса и политического дискурса невозможно без хорошего знания контекста

Одна из самых больших проблем в рассуждениях об особенностях зарубежного политического процесса, политического дискурса, американского, английского и других, — это невладение контекстом. Можно заметить какую-то черту, какую-то тему, сравнить ее со знакомой человеку практикой, сделать выводы — и попасть впросак. Один из американских комментаторов — Ариэль Коэн, пишущий для консервативной «Washington Times», известный русскоязычной публике по частым выступлениям на «Голосе Америки» и Би-Би-Си, в одной из своих статей, опубликованной в 2001 г., развивая тему о современных реваншистских милитаристских намерениях Кремля в отношении Америки, в качестве доказательства сослался на Алексея Митрофанова из думской фракции ЛДПР, угрожавшего Америке союзом России с бен Ладеном и Луи Фарраханом — одним из мусульманских лидеров США⁵.

Любой знакомый с контекстом российской политической жизни знает цену воинственным заявлениям А. Митрофанова — слабого повторения Жириновского образца начала 1990-х годов.

Еще больше недоразумений происходит в российских комментариях относительно политической жизни США⁶. Вот один из ярких примеров того, как могут ошибаться даже солидные комментато-

⁵ Cohen A. Putin's choice. 2001. March 27.

⁶ В качестве анекдота приведу случай, касающийся лично меня. После публикации во влиятельной «Вашингтон пост» комментария о том, почему российские политики и военные опасаются американской системы по защите от ракетных ударов, в Интернет-издании «Русский журнал» появилась заметка о том, что американцы ужесточают свою политику в отношении России, свидетельством чему является выступление министра обороны США Рамсфелда и статья в «Вашингтон пост» «русскоязычного журналиста Алтуняна». Для доморощенного политолога статья во влиятельной газете является важным признаком, отражающим направление политики Белого дома. Но Америка не Россия, а «Вашингтон пост» не «Известия».

ры. В начале ноября 2001 г. «Известия» опубликовали статью своего внешнеполитического обозревателя Максима Юсина «Самоцензура» с подзаголовком: «Американское телевидение учится освещать войну с патриотических позиций» (см. приложение 10).

Поводом для статьи послужила внутренняя служебная записка руководителя CNN Уолтера Айзексона (Walter Isaacson; Юсин назвал его почему-то «Иссаксоном»).

В записке, ставшей известной благодаря публикации отрывков из нее в «Washington Post», Айзексон приказывал работникам канала давать сбалансированное изображение разрушений в Афганистане, «слишком большое сосредоточение на жертвах и трудностях в Афганистане представляется искажением перспективы», нужно напоминать аудитории, что Талибан укрывает террористов-убийц.

Айзексон призывал быть внимательными к тому, чтобы хорошие, по журналистским меркам, материалы, полученные из районов, контролируемых Талибаном (например, интервью с лидерами талибов), не превращались в репортажи, где давалась бы исключительно точка зрения талибов и их жесткая критика Америки. Нужно напоминать зрителям, что Талибан ответствен за гибель гражданского населения и в самом Афганистане, и в результате теракта в Америке.

Это заявление руководства было критически оценено некоторыми корреспондентами внутри CNN (они боялись, что их репортажи будут представлены в проамериканском свете) и руководством новостных служб двух крупнейших каналов: CBS и NBC. Из крупных информационных служб только Fox News высказал поддержку инициативе Айзексона.

Здесь важно, что он выступил со своей инициативой *после* того, как вопреки просьбе Белого дома канал показал отрывки выступления бен Ладена. (Белый дом просил воздержаться от прямого показа выступлений бен Ладена, опасаясь, что в них могла быть заложена какая-то тайная информация, кодированные сигналы для террористов. После этого случая выступления бен Ладена давались в пересказе.) Все другие каналы сразу же откликнулись на просьбу администрации.

Как же истолковал служебную записку Айзексона Максим Юсин?

Он решил, что это «документальное подтверждение: в Америке больше нет полной свободы прессы». «Ее и не может быть, если страна ведет войну», — замечает Юсин. «Главный информационный канал планеты отказывается от «абсолютной объективности» в освещении

войны с терроризмом. Война будет представлена не с общечеловеческих, а с патриотических позиций. А никто в Америке при этих словах почему-то не краснеет. *Патриотизм в воюющей стране — это нормально*. Причем этот патриотизм и отказ от «абсолютной объективности» введен, по мнению Юсина, в соответствии с просьбами из «Белого дома, Пентагона, Госдепартамента».

Просьбу Кондолизы Райс, в то время — секретаря по национальной безопасности, о том, чтобы не давали живую картинку с речью, Юсин истолковал как просьбу трех ведомств не быть объективными и быть патриотичными. Трудно представить, какой скандал возник бы в Америке, если бы подобный комментарий прозвучал в каком-нибудь солидном американском издании. Автора могли привлечь за клевету и подрыв репутации. Дело в том, что CNN именно новостной информационный, а не пропагандистский патриотический канал, последних в Америке в 2001 г. было много. CNN делает деньги именно на новостях, информации, точной и своевременной. Его зрителям нужна именно точная информация о том, кто и сколько пострадал в результате неточных американских ударов, о том, что вместо соединений талибов была разбомблена сельская свадьба, о том, где и кем разбомблен склад Красного Креста, а не патриотические зарисовки. Сказать, что этот канал отказался от «абсолютно объективной информации», — значит дискредитировать его. Здесь был бы вполне возможен иск о защите репутации.

Российский автор не понимает, что абсолютно объективная информация может быть сбалансированной. Но изменить «объективности» ради «патриотичности» — это значит перестать давать точную информацию и превратиться в один из десятков американских каналов, день и ночь транслирующих американский гимн, сюжеты со звездно-полосатым флагом, выступления президента и тому подобное. Никогда серьезный информационный канал на это не пойдет, поскольку это чревато потерей своей заинтересованной аудитории.

«Патриотизм в воюющей стране — это нормально», — говорит автор. Это действительно нормально. Но патриотическая информационная журналистика, «представлять войну... с патриотических позиций» — это противоречие в определении. Норма информационной журналистики в Америке, то, к чему стремятся, чем руководствуются, — это именно «объективность». И канал CNN и не думал от нее отказываться.

Вторая ошибка в комментарии Максима Юсина заключается в том, что событие на одном канале, CNN, автор немедленно обобщает до раз-

меров всей американской журналистики. В его руках — только записка руководителя CNN, а выводы автор делает обо всей журналистике Америки. Но даже в новостном телевидении CNN стоит не на первом месте — он уступает Fox News и, по разным замерам, одному или двум общенациональным каналам. Другие каналы выразили свое недоумение заявлением Айзексона и не собираются вводить в практику специальные комментарии для исправления «баланса». Руководство этих каналов надеется, по их словам, на здравый смысл американской аудитории.

Белый дом, Госдепартамент и тем более Пентагон, может быть, и хотели бы обратиться ко всем американским телеканалам с просьбой быть патриотичнее. Но они боятся скандала, поэтому говорят об объективности, о сбалансированности, просят не быть невольными трансляторами шифрованных сигналов, хотя и это уже на грани скандала. Свобода прессы — прежде всего. Это принцип современной американской политической жизни, который исповедует значительная часть общества и которого официально придерживается руководство страны. Это факты как бы на уровне общих знаний об американской политической жизни.

Наконец, третье недоразумение связано с настроениями общества осенью 2001 г. Дело в том, что требование «сбалансированной» информации в значительной степени связано не с тем, что об этом просит руководство страны, а с тем, что большая часть телевизионной аудитории настроена патриотично, не хочет видеть страданий мирного населения — жертв американских действий и попросту переключается на более патриотически настроенный канал. За счет этого и вышел на первое место Fox News. Руководство информационных компаний стоит перед дилеммой: идти на поводу у патриотически настроенной части общества или давать объективную информацию. По реакции руководства других телеканалов, по практике самого CNN можно сказать, что они выбирают объективность.

Почему российский автор столь странно оценил происходившие в 2001 г. события в области политической информации — понятно, и он сам говорит об этом: «Если бы пару лет назад руководитель какого-нибудь российского телеканала сказал что-нибудь подобное (имея в виду Чечню) — что бы тут началось!»

Все дело в Чечне и в том, что на русских журналистов их зарубежные коллеги за «патриотическое» освещение событий «смотрели скептически, осуждающе, порой снисходительно».

Автору кажется, что журналист, который «искренне сочувствует своей армии», должен «отказаться от абсолютной объективности»

и освещать войну с «патриотических позиций». В российской журналистике именно это и произошло во время второй чеченской войны. Но отношение к информации у значительной части американского общества и у большинства членов американского информационного сообщества принципиально иное. Информация — это точность и объективность, это акцент на событии, это разные точки зрения, пусть даже «сбалансированный взгляд», но это отказ от комментария, от идеологизированного подхода. А патриотизм в журналистике, искренний или вымученный, типологически сходен с марксистско-ленинским взглядом на действительность, опять-таки искренним или лживым. Это прежде всего идеология, мнение, оценочный подход, за которым собственно событие, точность, объективность уходит на второй и третий план. Журналистика превращается в изготовление пропагандистских брошюр. И дело не в том, хорошо это или плохо. Многим как советским, так и современным журналистам, российским и американским, вполне комфортно в роли пропагандистов, но к действительно профессиональным информационным службам подобная журналистика отношения не имеет.

Пытаясь оправдаться за утрату профессионального подхода к освещению событий в Чечне, автор хватается за неверно понятый и неверно интерпретированный им факт американской жизни. Виной этому, в частности, непонимание контекста американской жизни, что и привело Максима Юсина к совершенно неверным выводам.

Заключение

Мы завершили наш курс «Анализ политического текста».

Экскурсы в различные области политического дискурса: закономерности его построения, анализ приемов, особенности развития и отличия российского дискурса от других типов дискурса — должны углубить читателю понимание политического текста, помочь различить в непрерывном потоке текста, речи отдельные приемы, увидеть привычные приемы и черты как знаковые, важные для понимания смысла и самого политического выступления, и идущих в обществе процессов.

Политический дискурс — это часть нашей культуры и важнейший элемент политической жизни. Изучение политического дискурса, изучение выступлений отдельных политиков делает нас компетентными участниками политической жизни, помогает нам понять, что несет с собой тот или иной политик, и сделать осознанный выбор. Это особенно важно, если вы участвуете в политическом процессе как комментатор, исследователь, критик, журналист, т.е. оказываете влияние на действия, на принятие решений, на сделанный выбор какой-то части политической аудитории или отдельных участников политического процесса.

Политик раскрывается в политическом тексте, политическом выступлении в значительно большей степени, чем это принято думать. В его выступлении есть все: и то, как он видит сегодняшний день, и то, что он будет делать завтра. Конечно, последнее замечание верно лишь для демократического строя. Более того, только в рамках демократического строя изучение политического текста имеет смысл общественный (а не, скажем, сугубо научный или частный), т.е. является фактором политического процесса. Собственно говоря, и политология как профессия, как научная деятельность имеет смысл только при демократии. Поэтому позволю себе напомнить читателю, политологу и журналисту: охраняя и защищая демократические свободы, мы защищаем также свое профессиональное настоящее и будущее.

Приложения

**Приложение 1. Сон, счастливое общество
(Трудолюбивая пчела. 1759. Декабрь. С. 738–747)**

Заснув некогда увидел я... мечтание благополучия общества, приведенного в такое состояние, какового... естество достигнуть может. Был я в мечтательной стране, и рассмотрел подробно одного благосостояние. Страна сия обладаема великим человеком, которого неусыпное попечение, с помощью избранных... помощников подало... его народу благоденствие. ...Начну я собственную его особою. Сей Государь во многоделии своем ...мрачного вида не имеет. Он имеет обыкновение (не только) в делах, но... и в забавах упражняться,... но и они на всенародной основаны пользе. Всех подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо. Достоинство не остается без воздаяния, беззаконие без наказания, а преступление без исправления. Сим имеет он народную любовь, страх и почтение. Получить его милость (возможно только) достоинством. Раздражить его кроме беззакония и нерадения ни чем не возможно. Слабости прощает он милосердо, беззакония наказует строго. Начальниками делает он людей честных, разумных и во звании своем искусных. Отроки (по наклонностям) в обучение отдаются, люди совершенного возраста по способности распределяются, а в начальники производятся по достоинству, и от того... подчиненные исполняют их повеления с великим усердием, а они о их благополучии стараются. Сей Государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной своей пользе кроме истинной своей славы никогда не думает.

Благочестие не (смешивается) с суеверием в сей стране, и есть основание всего народного благополучия. Духовенство содержится в великом почтении, которого они и достойны. Они во многом подобны Стоическим Философам; ибо страсти самую малую (власть) над ними имеют, а они равны и во благополучии и во злополучии. К пище привыкли они необходимой. Кроме необходимости ничего не требуют, и довольствуются содержанием, без малейшего излишества... Все они люди великого учения и беспорочной жизни. Первое служит ко наставлению добродетели, а второе к показанию образца проповедуемой ими добродетельной жизни. Светские почитают их безмерно; но сие не приключает им высокомерия, но увеличивает их человеколюбие. В светские дела они ни под каким видом не вмешиваются, а науки просвещением почитают. О домостроительстве они не пекутся; ибо содержит их общество, и получают они определенное, а больше того им ни кто ...дать не дерзает; ибо то наказанию подвержено... Суеверия и лицемерия они неприятели...

Главное Светское правление называется там Государственный совет. В него ни каких частных дел не вносится. Там исправления, узаконения и протчия государственные основания, по повелению Монарха или по предложению Совета (рассматриваются). Узаконения в области сей делаются очень редко, а отменяются еще реже. Книга узаконений их не больше нашего Календаря, и у всех выучена наизусть, а грамоте тамо все знают. Сия книга начинается так: чеве себе не хочешь, тово и другому не желай. А оканчивается: за добродетель воздаяние а за беззаконие казнь. Права их от того в такую малую вмещены книгу, что все они на одном естественном законе основаны. Преступить закон, там народ весьма опасается; ибо заслужив приличное вине своей наказание, уменьшения оного иметь не уповает, а живучи честно ничего не опасается. Дражайшая безопасность, упование на невинность, и неизбежное наказание, твердо содержат людей сего народа в границах честности: В Государственном совете и во всех судебных местах больше судей нежели писцов, и бумаги исходит очень мало. Писцы их пишут очень коротко и ясно. Дела во всех приказах вершатся ...по книге узаконений, отчего ни споров, ни неправды не бывает. Те, которые неправильно бьют челом, сверх потерянныя тяжбы и убытка, у всех в презрение приходят, а те, которые не по книге узаконений дела вершат, за неправду лишаются должностей своих... Дела оканчивают очень скоро, для того, что очень мало спорят, а еще меньше пишут, и ни челобитчиков, ни ответчиков лишнего говорить не допускают, а главная причина скорости их беспристрастие. ...И тако не судьи тамо страшны, но суд, который основан на узаконениях, а узаконения на истинне. За малейшие взятки лишается судья и чина своего и всего имения; однако дети винных людей... за отеческие проступки не наказываются, а за услуги не награждаются. Не имеют тамо люди ни благородства, ни подлородства, ...и столько же права крестьянской имеет сын быть великим господином, сколько сын первого Вельможи. А сие подает... ревность ко услугам отечеству и отвращение от тунеядства.

Всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество, и всякое ремесло, ...тамо в почтении, а тунеядство в превеличайшем презрении, ...к работе люди с самага младенчества привыкают. Пьянство — источник наглых и вредительных поведений — так же в великом тамо презрении, и... вкореняется к нему в людях отвращение при воспитании. Денежные игры, приличные тунеядцам... у них, почитая вольность, хотя и не заказаны, подобно как и пьянство, однако часто упражняющиеся в них люди презираются. Больше месяца в судебных тамо местах ни какое дело не продолжается, а по месяцу времени берут только самыя завящивыя дела. Что не требует раздумчивости, на то в самую минуту предложения делается и решение.

...Войски их состоят под воинственным советом, а сей совет под Государственным. Главные люди в воинской службе называются Военачальниками, а под ними Полководцы... Всякой Военачальник и все воинские начальники прежде должны все нижние степени пройти (от рядовых). Но не только едина привычка... и мужество еще не довольны тамо для

Военачальника. Остроумие и великое знание... ему необходимы... Воины... исполняют повеления своих начальников с превеликим наблюдением, и делают им великое почтение, а начальники ни малейшего к подчиненным не имеют уничтожения. В мирное время войско их непрестанно воинским обрядам обучаются, и... во всякое время ко бранному походу готовы. ...Коль велико во время сражения их мужество, таковы после победы их человеколюбие и великодушие. Сим приносят они... славу своему отечеству, и... почтение от самих неприятелей. Подчиненные так привыкли повиноваться своим начальникам, что во время жесточайшего распадения единым словом обуздываются. Добыча воинская им неизвестна; то у них заказано... Победленных и непротивящихся убивать запрещено, под лишением жизни. Больше бы мне еще грезилось; но я живу под самою колокольнею: стали звонить и меня разбудили, и лишили меня сего приятнейшего привидения. Дай боже, что бы сны подобные сну моему многим виделись, а особливо наперсникам фортуны.

Приложение 2. Журнал «Всякая всячина» (С. 164–168)

(Заметка без названия, как и большинство материалов «Всякой всячины». В тексте соблюдена орфография источника.)

Все сказки, кои мне сказывали с ребячества, начинаются: Жил да был царь. Мне сие начало наскучило, и для того начну свою сказку так:

Жил да был мужичок. С молоду он казался слаб, ибо как он имел весьма великую живность, коя разделяла его мысли, то он сам с собою никогда небыл согласен. Сия разделенная его мысль так много действовала над его сложением, что он весьма ослабел. Врачи, кои его лечили, замучили его пуще еще лекарствами, и не позволяли ему долго вставати с постели. Но с летами выросло его рассуждение. Он единожды осмелился вскоча с кровати выгнати врачей из дома. Сделав такое сильное движение, почувствовал он великую охоту есть. Он ел, ел, и хотя он от того не окрепчал, но однакож толще становился час от часа. Кафтан ему стал узок, а достаток не позволял, часто делать новый. Пошел к приказчику, стал просить: Господин приказчик, прикажи кафтан сшить. Видишь каков я толст! Сам не смогу сшить, недостаток не позволяет. Приказчик был человек свирепый, сказав: тот час, приказал принести плетей, да ну сечь мужика. Мужик оттерпелся, пошел домой, говоря: Бог милостив! А в ось либо хозяин увидя, что приказчик все себе собирает, да нас бьет, замилосердится, определит другого. Погодя, сменили приказчика, послали нового. Сей, осматривая село, увидел на улице мужика претолстого, на коем кафтан, у которого все швы треснули, кликнул его, и приказал для него шить кафтан: но от скорости не молвил, кому и из чего шить мужику кафтан. Приказчик между тем уехал. Погодя сделался хлеба недород и скотский падеж, и уже никому шитье кафтана и в мысль не приходит. А мужик

что более работает, то более ест, и чем более кушает, время от времени все становится толще, а кафтан его старше и негоднее, нагишем же ходить нельзя, и не велят. Заплатами начал зашивать. Что более зашивает, то более дерется. По смене разных приказчиков сыскался один добрый человек, велел шить мужику новый кафтан. Шили до зимы. Как пришло надеть кафтан, не лезет, позабыли мерку снять. На тот случай приехал дворецкий заготовити все к хозяйскому приезду, увидел мужика совсем нагишем: осведомился, что тому причину; услыша, послал сыскать сукна. Принесли сукно, позвали портных. Портные зачали спорить о покрое, а мужик между тем на дворе дрожит; ибо тогда случились крещенские морозы. Принесли образцовый кафтан, положили на стол. Иный говорит: хозяин наш желает видеть на своих мужиках кафтаны Немецкие. Другий: нам велено шить кафтан; а о рукавах мы приказания не имеем. Третий сказал: что не видав, какие будут пуговицы, не лзя кроить. Четвертый молвил, что такому толстому мужику половинки сукна мало; надобно две. На конец кое как начали кроить в запас, пока дворецкий разрешит спор. Вошли четыре мальчика, коих хозяин не давно взял с улицы, где они с голода и с холода помирали. Дворецкий приказал им тут же помогать портным. Сии мальчики умели грамоте, но были весьма дерзки и нахальны: зачали кричать и шуметь. Один из них говорит: шить не хочу; я призван глядеть. Другий: вить я не дурак, мы знаем, что вы хотите шить не кафтан, но мешок, в который нас посадя кинете в воду. Третий стоял у порога, и не вразумясь говорил: нас в воду кинуть хотят? Семка мы остережемся: я первый ни с места ни пойду. Четвертый не хотел говорить, но три первые толкнули его кулаком в бок; и тот зачал, а что говорил, никто не понял; ибо он сам не знал, что говорил: но наконец раскрыл нагольную шубу, и окончил сими словами: пускай мужик нагишем ходит, мы сами наги; ибо шубы мы носим на голом теле: износили кафтаны; просим нам отдать те, кои у нас были, как мы были пяти лет: мы в них очень нарядны будем; нам теперь пятнадцать лет. Портные сего мальчика сочли за безумного, но услыша такой не обычный крик; и видя сих неугомонных мальчиков дерзость, поостановили свой спор, и зачали их унимать, говоря им, что дурно им быть так не признательным; что они пришли в изодранной рубашонке, а ныне у них уже шуба есть; что пятилетние кафтаны на пятнадцатилетних не лезут; да и чорт знает, где те ветошечки; ибо мальчики не давно к хозяину пришли: что они должны слушаться дворцового, что они лгут, будто их топить хотят, и для того заставляют шить мешок, а не кафтан; что сами видят, что мужик без кафтана на улице почти замерз; что шив мужику кафтан, и они могут надеяться на милость хозяина, что одеты будут; только им наперед ту милость заслужить должно, а не по пустому упорствовать.

Продолжение вперед сообщу.

**Приложение 3. Ф.В. Растопчин. Дружеские послания
от главнокомандующего в Москве к жителям ее
(Афишки 1812 года)**

№ 14 (30 августа)

Светлейший князь, чтоб скорей соединиться с войсками, которые идут к нему, перешел Можайск и стал на крепком месте, где неприятель не вдруг на него пойдет. К нему идут отсюда 48 пушек, с снарядами, а светлейший говорит, что Москву до последней капли крови защищать будет и готов хоть в улицах драться. Вы, братцы, не смотрите, что присутственные места закрыли: дела прибрать надобно; а мы своим судом с злодеем разберемся! Когда до чего дойдет, мне надобно молодцов и городских, и деревенских; я клич кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжеле снопа ржаного. Завтра после обеда я поднимаю Иверскую в Екатерининскую гошпиталь к раненым. Там воду освятили: они скоро выздоровеют, а я и теперь здоров: у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба.

№ 15 (30 августа)

Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить живот, защищая отечество, не пустить злодея в Москву. Но должно пособить, и нам свое дело сделать. Грех тяжкий своих выдавать. Москва наша мать. Она вас кормила, поила и богатила. Я вас призываю именем Божией Матери на защиту храмов Господних, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чем может, и конные, и пешие; возьмите только на три дни хлеба; идите со крестом, возьмите хоругви из церквей и с сим знаменем собирайтесь тотчас на Трех Горах; я буду с вами и вместе истребим злодея. Слава в вышних, кто не отстанет! Вечная память, кто мертвым ляжет! Горе на страшном суде, кто отговариваться станет!

№ 18 (20 октября)

Крестьянам Московской губернии. — По возвращении моем в Москву узнал я, что вы, недовольны быв тем, что ездили и таскали, что попалося на пепелище, еще вздумали грабить дома господ своих по деревням и выходить из послушания. Уже многих зачинщиков привезли сюда. Неужели вам хочется попасть в беду? Славное сделали вы дело, что не поддались Бонапарте, и от этого он околевал с голоду в Москве, а теперь околевает с холоду на дороге, бежит, не оглядываясь, и армии его живой не приходиться; покойников французских никто не подвезет до их дому. Ну, так Бонапарте не слушались, а теперь слушаетесь кого-нибудь домашнего вора. Ведь опять и капитан-исправники и заседатели везде есть на месте. Гей, ребята! Живите смирно да честно; а то дураки, забиячные головы кричат: «Батюшка, не будем!»

Приложение 4. Перехваченное письмо.

(Санкт-Петербургские ведомости. 1831. № 168–169)

Внутренние известия

Санкт-Петербург, 18-го июля

Известия из действующей армии

Его Императорское величество изволил получить от Главнокомандую действующею армией генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Ериванс донесение о благополучном окончании переправы главных сил вверен ему армии на левый берег Вислы... «имея за собою на правом берегу реки всю главную армию мятежников, но отклонясь от боя с оною, и тем самым избегнув всякой напрасной потери». <...>

Перехваченное письмо

(Из Journal de St. Peterburg)

После поражения мятежников в Литве, перехвачено было несколько писем, тайно отправленных в Варшаву. Мы имеем дозволение напечатать перевод (одного из писем), в котором сохранены выражения, слог и мысли писанные под влиянием плачевного духа партий, который вовлек в безпогибели столь много жертв в наших Польских провинциях.

Вильна 4 июля.

Любезный друг! Т... с точностью доставил мне письмо твое, и я пишу тебе ответ назначенным тобою путем. Желаю, чтобы оно дошло до тебя и послужило к разрушению гибельных обольщений, коим вы, по-видимому, предаетесь. Несколько номеров Варшавских газет, которые я имел случай доставить себе, убеждают меня, что вы услаждаетесь надеждами, вовсе противоречащими действительному положению дел. Мне очень понятно, что наши начальники находят нужным умышленно распространять выгодные вести нашего дела, чтобы поддержать благородный порыв наших любезных соотечественников. Но справедливы ли сии расчеты? Какое они будут иметь последствия? И что можно ожидать от сей системы лжи и обмана? — У вас пишут и печатают, что в Литве пылает пламя возмущения, что рвение к святому делу нашего любезного отечества всеобщее, что тысячи волонтеров стекаются под знамена Гельгуда и Хлаповского, что они одерживают один успех за другим, подступают к Вильне, взяли ее. Но увы, мы, очевидные свидетели событий, слишком хорошо знаем, сколь мало все сие повествование согласуется с печальною истиной. ...Вас питают обманчивыми надеждами. Сия тема обмана приучает нас сомневаться беспрестанно в откровенности наших начальников и в истине, сообщаемых ими официальных известий. Не должны ли мы по необходимости предполагать, что все сказываемое ими о состоянии Королевства, о наших армиях, о их победах, о вдохновении народа, столь же неосновательно, как разглашаемые ими успехи восстания в Литве? Д

самые ревностные из наших сообщников уже не хотят верить Варшавским новостям. Что же касается до случившихся в наших провинциях событий, то я вкратце изложу их в следующем виде:

В Волынской губернии вспыхнуло в разных местах пламя мятежа. Но по несчастью сие движение было худо соображено, худо управляемо, выполнено без всякого усердия и плана. Значительнейшие люди, следуя голосу благоразумия, уклонились от участия в деле. Самые презренные из дворян сего края, сумасброды, подобные Арабу Ржевускому, люди без всяких дарований, как Исидор и Александр Собанские, — вот герои, которые взялись управлять восстанием, и возмечтали в своем безумии, что будут иметь довольно влияния на своих соседей, чтобы преклонить их вверить в столь ловкие руки свое бытие, свою честь и достояние... Я ни мало не удивляюсь, что возмущение Волынского края не удалось под таким руководством, но я краснею от стыда, если подумаю, что таким людям Правительство наше вверило столь обширное и славное предприятие. — Исидор Собанский, промотав в игру половину своего имения, вдался в безумные спекуляции, долженствовавшие лишить его и последней половины. Брат его, Александр, вздумал было приняться за торговлю в Одессе, но через год возвратился оттуда, нажив еще более долгов и потеряв одно из своих поместьев. — Что касается Венцеслава Ржевуского, то нужно ли тебе напоминать о его подвигах; уже несколько лет, расточив богатое имение, чтобы играть роль Бедуина в провинциальном городе, и предпочитая смешной титул Арабского Эмира почетному званию Польского Дворянина, он служит предметом всеобщего посмеяния.

К тому же падение Дверницкого вовлекло в погибель всех, принявшихся за оружие в то время, когда сей генерал, менее счастливый, нежели храбрый, вторгся в Волынскую губернию. Вместе с ним все рушилось, и от его предприятия остались только неисчислимы бедствия, разоренные семейства, запутанные в бунте...

В Подолии ни один из поселян не хотел добровольно последовать благодарному вызову нации. Мелкие помещики, их челядь и наши деловые люди с их клевретами, одни только поддерживали в сем краю честь Польского имени. Они погибли в битвах, оставили свое отечество или покорились вследствие Указа о всепрощении. Крестьяне, которые, как тебе известно, исповедуют по большей части Греко-Российский закон, сделались весьма недоверчивыми к Католическим своим господам. Положение последних стало оттого самое щекотливое. В Киевской губернии бывали даже примеры, что господа, коих верность казалась подозрительною, были схватываемы их крестьянами и выдаваемы местному начальству. Посуди о бедствиях (их) семейств. Таковы-то плоды роковой экспедиции Дверницкого.

В Вильне все осталось спокойным. Народ, граждане и многие из богатых помещиков опасались возмущения. Самогития была главным средоточием (восстания).

Но увы, люди и (их) поступки обесчестили в сем краю имя Польское. Вместо того, чтобы рукоплескать им, мы не можем не гнушаться ими. Они

подлым образом убивали русских чиновников; вешали жидов и даже заживо погребли одного из сих несчастных; отнимали насильно деньги, лошадей, скот и жито. Везде грабеж и убийство сопутствовали сим извергам. Все зажиточные жители искали спасения в бегстве и прибегали к тем самым Русским, с которыми мы желали бы охотнее сражаться, чем быть одолжены их великодушием и защитой против неистовства наших соотечественников.

...Прошу тебя, образумь Варшавских наших друзей. Пускай они хранят храбрых наших воинов для защиты столицы и не расточают сил своих, распространяя ужас и опустошение в стране, где враги наши гораздо их сильнее. Я должен признаться, к великому моему сожалению, что Русские здесь ведут себя с большою справедливостью и кротостью и чрез то успели успокоить волнение умов. — За нами наблюдают, не имеют к нам доверенности, но никого не оскорбляют и ничего не требуют от нас без платы. Это весьма сильный довод в глазах народа, более приверженного к деньгам, нежели ко мнениям. <...>

Приложение 5. Паника среди американских радиослушателей (Правда. 1932. 3 ноября. С. 5)

Нью-Йорк, 1 ноября. (ТАСС). 30 октября вечером радиостанции США предавали монтаж фантастической пьесы «Борьба миров» английского писателя Уэльса. В этой пьесе Уэльс описал будущую мировую войну, которая распространяется на все континенты, в том числе и на Америку. Радиостанции передавали монтаж той части пьесы, в которой изображается военное нападение на Нью-Йорк. Передача о «нападении на Нью-Йорк» была построена в форме кратких сводок.

У миллионов радиослушателей создалось впечатление подлинного военного нападения на Нью-Йорк. Буквально спустя несколько минут после начала радиопередачи повсюду распространились тревожные слухи, вызвавшие панику. В течение 15 минут около 4000 человек обратилось по телефону в нью-йоркскую полицию и 2000 в полицию города Ньюарка (штат Нью-Джерси) с просьбой указать, где можно получить противогазы.

Тысячи людей поспешно покинули театры и общественные учреждения в поисках убежищ от воображаемой воздушной бомбардировки. Многие семьи выехали на автомобилях в провинцию. Паника охватила всю страну. Наиболее широкие размеры она приняла в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси. В некоторых городах плачущие женщины осаждали редакции газет с просьбой дать сведения относительно неприятельского вторжения.

По словам газеты «Нью-Йорк таймс», многие американцы поверили в то, что крупные неприятельские силы напали на США с воздуха, разрушили Нью-Йорк и угрожают западным штатам. Сотни лиц в Нью-Йорке и других городах обращались по телефонам на электростанции и требовали немедленно выключить свет, чтобы помешать нападению неприятельских бомбардировщиков.

С целью прекращения паники радиостанции были вынуждены несколько раз объявлять, что никакого нападения на США не произошло и что по радио передавалось лишь литературное произведение.

Этот инцидент живо свидетельствует о растущем беспокойстве населения США за безопасность Американского континента от нападения агрессоров.

Приложение 6. Герои Хасана (Правда. 1938. 26 октября. Передовая редакционная статья)

Сегодня публикуются Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении бойцов, командиров и политработников, участвовавших в героических боях у озера Хасан с японскими захватчиками. Высокая награда правительства является выражением той всенародной любви, которой окружены в советской стране участники незабываемых боев.

...Весть о подлом нападении японских генералов на советскую землю всколыхнула весь народ. Негодование советского народа было беспредельно. В больших городах и в отдаленных деревнях, на фабриках и заводах — всюду гремел гневный голос народа: «Смерь подлым японским захватчикам!»

Японская военщина, пытавшаяся втянуть Японию в войну с СССР, получила назидательный урок в боях у озера Хасан, урок, который надолго отобьет у кого бы то ни было охоту совать свое свиное рыло в наш советский огород. Доблестная Красная Армия, воодушевленная высокими идеями коммунизма, вооруженная по последнему слову техники, полная беззаветной любви к родине, разгромила японских генералов и, как грязный сор, вымела с советской земли кичливые полки японской «императорской» армии. Провокация японских генералов не удалась.

<...> История хасанских боев насыщена героизмом. ...В бою за высоту Заозерную смертью храбрых пал пулеметчик А. Ширманов. В его ранце товарищи нашли записку следующего содержания: «Буду воевать до конца, насколько хватит моей силы, но врагу со своим геройским пулеметом не уступлю. Отступать не буду от советского рубежа, и японец не вырвется из-под моего пулемета. Отличный стрелок Ширманов».

«...Красноармейцы не знали страха. Помню, как комсомолец Горелов, окруженный пьяными японцами, бросился на них с винтовкой наперевес и яростно уничтожал врагов в штыковом бою».

<...> Товарищ Сталин говорил: «Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армию любят, ее уважают, о ней заботятся. Почему? Потому, что впервые в мире рабочие и крестьяне создали свою собственную армию, которая служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам».

Любовное и заботливое отношение народа к армии с особой силой выразилось в дни боев у озера Хасан. ...Девушки села Прилуки написали письмо бойцам, командирам и политработникам армии, в которых выразили свои горячие чувства: «Мы, девушки, всегда готовы встать вместе с вами в ряды славных дальневосточников. Помните! С вами весь советский народ, всепобеждающая партия большевиков во главе с великим Сталиным».

...Честь и слава героям Хасана! ...

Приложение 7. Большевистская программа борьбы за устойчивый урожай. (Правда. 1938. 27 октября. Передовая редакционная статья)

Постановление Совета Народных Комиссаров ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О мерах обеспечения устойчивого урожая в засушливых районах юго-восточного СССР», изложение которого публикуется сегодня в «Правде», имеет первостепенное народнохозяйственное значение. Оно дает развернутую программу превращения засушливого юго-востока в край высоких, устойчивых урожаев. Намеченные ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР конкретные мероприятия полностью вытекают из указаний товарища Сталина на XVII съезде партии о том, что «Мы не можем обойтись без серьезной и совершенно стабильной, свободной от случайностей погоды — базы хлебного производства на Волге...»

Сельское хозяйство царской России было бессильно против засухи с ее губительными последствиями — голодом и разорением миллионов, а иногда и десятков миллионов крестьян. В блестящей статье «Голод» В.И. Ленин в 1912 году писал: «Ограбленные помещиками, задавленные произволом чиновников, опутанные сетями полицейских запретов, придирок и насилий, связанные новейшей охраной стражников, попов, земских начальников, крестьяне так же беззащитны против стихийных бедствий и против капитала, как дикари Африки».

Победа колхозного строя, вооружение сельского хозяйства самыми совершенными машинами и орудиями, внедрение в широчайших размерах агрономической науки создали в СССР условия для полной победы над засухой. Мы располагаем всем необходимым, чтобы перейти в решительное наступление против засухи и не в отдельных районах или колхозах, а на огромной территории засушливого юго-востока.

Как известно, сельское хозяйство юго-восточных областей терпит еще урон и получает в засушливые годы низкие урожаи потому, что здесь пренебрегают агротехникой, зачастую самыми элементарными ее приемами.

Поэтому партия и правительство требуют организовать подготовку и проведение весеннего сева 1939 года так, чтобы заложить прочную основу для устранения зависимости урожая от случайностей погоды.

В постановлении указываются агротехнические мероприятия, обязательные для всех колхозов и совхозов засушливого юго-востока. К этим мероприятиям относится вспашка на глубину не менее 20–22 сантиметров и обязательное боронование всей зяби не позднее 2–3 дней после подсыхания гребней, для того, чтобы максимально сберечь влагу в почве.

Посев яровых отборным семенным материалом, в первую очередь местными семенами урожая 1938 года, яровизация не менее 50 % семян в Куйбышевской и Оренбургской областях и не менее 40 % в остальных районах засушливого юго-востока обеспечат более ранние всходы хлебов, способных

противостоять засухе и суховеям. Посев не менее 40 % проса широкорядным способом с последующей 2–3-кратной междурядной обработкой будет способствовать очищению полей от сорняков и сохранению влаги в почве.

Нечего и говорить, какое решающее значение имеет выполнение посевных работ в сжатые, наиболее благоприятные с агрономической точки зрения сроки. Колхозы Левобережья — Саратовской, Сталинградской, Куйбышевской областей, АССР Немцев Поволжья, и колхозы Оренбургской, Западно-Казахстанской и Актюбинской областей обязаны посеять ранние яровые в 6–7 рабочих дней, а совхозы этих областей — в 5–6 дней.

Колхозы правобережных районов Поволжья и АССР Немцев Поволжья, а также северо-восточных районов Ворошиловоградской области, северных и северо-восточных районов Ростовской области, юго-восточных районов Воронежской и Тамбовской областей должны закончить сев ранних яровых не более чем в 7–8 рабочих дней, а совхозы — 5–6 рабочих дней.

Постановление СНК и ЦК создает новые мощные стимулы для ускорения посевных работ, улучшив порядок оплаты трактористов и колхозников, установив повышенную оплату за сжатые сроки боронования, культивации и сева.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращает внимание местных организаций на необходимость тщательного контроля за качеством глубокой пахоты и других посевных работ. Для этой цели обязательно привлекать агрономический персонал и опытных колхозников. МТС, бригады тракторных бригад и трактористы несут материальную ответственность за нарушение глубины пахоты и плохое качество работы. Надо повсеместно добиться, чтобы это острое орудие борьбы с бракоделами было использовано полностью и до конца.

Таковы основные мероприятия по борьбе с засухой в предстоящую весеннюю посевную кампанию. Однако ими только начинается широкая программа действий, рассчитанная на окончательное преодоление засухи в районах юго-востока. Совнарком СССР и Центральный Комитет ВКП(б) наметили и дальнейшие меры в борьбе за устойчивый урожай.

Каковы эти мероприятия? Прежде всего, — это введение во всех колхозах и совхозах засушливых областей 8–9–10-польных севооборотов как основы устойчивых урожаев. Для получения устойчивых урожаев и очищения полей от сорняков при помощи черного и чистого пара увеличиваются в ближайшие 2 года посевы озимых на 515 тысяч гектаров и посевы проса в 1940 году на 190 тысяч гектаров.

Чтобы защитить посевы от влияния суховеев и сохранить влагу, поля юго-востока должны быть опоясаны лесозащитными полосами. Местная колхозная ирригация получает большую государственную поддержку. В будущем году на колхозное ирригационное строительство отпускается 12 миллионов рублей.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) проложен путь к подъему производительных сил сельского хозяйства засушливой зоны страны. Государство оказывает огромную помощь районам юго-востока. К весне будущего года сюда завозятся 8390 тракторов, 12 800 сеялок и 14 900 культиваторов.

Сейчас дело за местными работниками, партийными и непартийными большевиками, прежде всего за руководителями партийных и советских органов. Их первой обязанностью является довести до сознания всех работников, колхозников, рабочих совхозов величайшее значение постановления партии и правительства. Партийные организации, советские и земельные органы должны выработать конкретный план действия по каждому району, колхозу, совхозу. Нужно твердо усвоить, что: «теперь, пока строительство Куйбышевского гидроузла и широкая ирригация Заволжья находятся еще в процессе осуществления, основной задачей партийных и советских органов, Наркомзема и комсовхозов СССР является мобилизация широких масс колхозников, работников МТС и совхозов на борьбу за устойчивый урожай в засушливых районах юго-востока, на решительное улучшение агротехники, в особенности на применение глубокой вспашки, культивации зяби и выполнение всех сельскохозяйственных работ в сжатые сроки, на проведение работ по снегозадержанию, на расширение озимого клина и посевов пропашного проса, на полное и правильное использование орошаемых земель, на охрану и насаждение леса, что должно обеспечить получение высоких и устойчивых урожаев при всяких условиях погоды».

Постановление ЦК и СНК — еще один крупнейший шаг на пути к достижению все более обильных и устойчивых урожаев, на пути к зажиточной жизни всех колхозов и всех колхозников. Это постановление должно стать боевой программой действий в сельском хозяйстве для всех парторганизаций юго-востока.

Приложение 8. И.Г. Эренбург. Рабы смерти (Правда. 1942. 7 апреля)

Кто из нас теперь не знает облика среднего гитлеровца, этого примитивного существа, убежденного в своем превосходстве над человечеством, рассматривающего войну, как спорт и заработок, грамотного и, однако, глубоко невежественного, слепо повторяющего все расистские прибаутки, восторженного куроеда и деловитого палача, который, расстреляв патроны и оказавшись в плену, деревянным голосом говорит: «Гитлер капут»? Тысячи дневников, записных книжек, писем раскрыли перед нами несложный мир этих людей, снабженных вечными ручками и автоматическим оружием.

Таков черствый хлеб фашистской Германии. Но имеются в гитлеровской армии и свои дрожжи. Я говорю о тех гитлеровцах, которые равнодушны к курятине и к «трофейным» сапогам, которые беспощадны к другим и к себе, в глазах которых — огонь сгущенного изуверства. Это — сущность фашизма, его эссенция, его философия. Один из таких гитлеровцев — лейтенант Карл Беме написал в своем дневнике: «Война — это высшее состояние человека. На войне становится ясным, что жизнь — только карикатура на смерть».

Нельзя понять фашизм, не поняв, что он тесно связан с культом (Для верующего христианина жизнь на земле — только путь к иной, жизни, и он восторженно повторяет: «Смертию смерть поправ». Для ф жизнь — это путь к смерти, к распаду, к абсолютному небытию. В ком фильме «Утренняя заря» один из героев говорит: «Смысл жизни смерть». ...

Обходя как чума другие страны, фашизм повсюду проповедует сл тлена.

<...> Не случайно на рукавах «гвардии Гитлера» — черепа. Не сл одна из дивизий СС названа «Мертвая голова». Любовь к смерти у фа принимает патологический характер, становясь любованием тленом, к распада плоти.

<...> Живое горе было написано на лицах наших бойцов осенью пр года, когда им приходилось покидать родные города и деревни. А что н на лицах немецких солдат? Я приведу показания военного корреспо «Дойче альгемайне цайтунг» (24 марта 1942): «В пустой избе сидели кие стрелки и ждали начала боя. Их лица преследуют меня, я их ники забуду... Эти лица застыли, как будто линии с усталыми тенями врези них навсегда. В уголках рта видна жестокость. Для них нет ничего и ничего неожиданного, все стало обыденным... Тупость превращается в бедимость». ... Миф о «непобедимости» германской армии основыва «тупости» молодых солдат. Мы увидели зимой, как эта «тупость» отст перед мужеством и человеческим достоинством русского народа.

<...> В нашем сердце наравне с презрением к смерти живо презр нашему врагу, великое и страстное презрение к фашизму. Никакие пр храбрости, проявляемые отдельными немецкими солдатами, не спс смягчить наше презрение. Мы знаем, что их храбрость рождена изувер культом смерти, извращением. <...>

Тексты зарубежных политиков и журналистов

Приложение 9. Дж. Кеннеди. Речь перед жителями Западного Берлина 11 июня 1963 г.

Две тысячи лет назад люди с величайшей гордостью восклицали: «Civis Romanus sum». Сегодня в свободном мире величайшая гордость заявить: «Ich bin ein Berliner»¹.

В мире есть много людей, которые действительно не понимают, или говорят, что не понимают, в чем состоит разница между свободным миром и миром Коммунизма. Пусть они приедут в Берлин.

Есть много людей, кто говорит, что Коммунизм — это наше будущее. Пусть они приедут в Берлин.

Есть и такие, в Европе и по всему миру, кто говорит: «С коммунистами можно сотрудничать». Пусть они приедут в Берлин.

Есть даже те, и их довольно много, кто, соглашаясь, что коммунизм — это порочная система, при этом считают, что она позволяет нам прогрессировать в экономике. Пусть они приедут в Берлин.

У свободы много проблем и демократия не совершенна. Но мы никогда не должны были воздвигать стену, чтобы удерживать за ней наше население и заставлять их оставаться с нами.

Я хочу сказать от имени моих сограждан, живущих очень далеко отсюда на другом берегу Атлантики, что они считают величайшей гордостью то, что имели возможность разделять с вами, даже на расстоянии, события последних восемнадцати лет.

Я не знаю другого города, другой столицы, которая была бы в осаде в течение 18 лет, и которая сохраняла бы жизненную силу, надежду и твердость города Западный Берлин.

Хотя эта стена — самая явная и живая демонстрация провала Коммунистической системы, весь мир видит, что мы не испытываем никакого злорадства или удовлетворения от этого. Поскольку, как сказал ваш Мэр, стена — это преступление не только против истории, но и против человечности, против разделенных семей, разделенных мужей и жен, братьев и сестер. Это стена, разделяющая народ, который хотел бы жить вместе.

Что верно для этого города, верно и для Германии. Настоящий мир в Европе не может быть достигнут, пока за одним из четырех немцев не признается элементарное право быть свободным человеком, право сделать свободный выбор.

¹ Я — берлинец

За прошедшие восемнадцать лет мира и искренней веры новое поколение немцев заработало право быть свободными, а это значит право воссоединиться со своими семьями и всей нацией ради долгого мира и добрых отношений со всеми народами.

Вы живете на огражденном острове, но ваш островок свободы — это неотъемлемая часть большой земли, материка свободы. Поэтому позвольте мне в заключение попросить вас обратить ваши взоры поверх опасностей сегодняшнего дня к надеждам завтрашним, поверх свободы только в вашем городе и вашей стране к приближающейся свободе повсюду, поверх этой стены к наступающему дню мира и справедливости, поверх вас и нас ко всему человечеству.

Свобода неразделима, и если один порабощен, то кто тогда свободен? Только когда все будут свободны, мы сможем увидеть день воссоединения этого города; тогда воссоединена будет и вся ваша страна, и весь великий европейский континент на мирном и полном надежд земном шаре.

Когда этот день настанет, а это будет, люди Западного Берлина будут чувствовать особую гордость за то, что они оставались на линии фронта в течение почти двух десятилетий.

Все свободные люди, где бы они ни жили, сегодня граждане Западного Берлина. И поэтому, как свободный человек, я испытываю гордость повторяя: «Ich bin ein Berliner».

Приложение 10. М. Юсин. Самоцензура.

***Американское телевидение учится освещать войну
с патриотических позиций
(Известия. 2001. Ноябрь)***

«Мы не должны уделять чрезмерно большое внимание жертвам среди мирного населения в Афганистане, которые неизбежно будут в ходе этой войны. Мы не должны забывать, что правительство талибов несет ответственность за ситуацию, которая сложилась сегодня в их стране. Кроме того, каждый репортаж из Афганистана или Пакистана должен сопровождаться комментарием, напоминающим, что талибы укрывают на своей территории террористов, ответственных за гибель пяти тысяч человек» — это выдержки из «памятной записки», составленной новым руководителем Си-эн-эн Уолтером Иссаксоном и разосланной всем журналистам телеканала.

О том, что после терактов 11 сентября на ведущих американских телеканалах действует жесткая самоцензура, было известно и раньше. «Памятная записка» Иссаксона стала в этом смысле не откровением, а лишь документальным подтверждением: в Америке больше нет полной свободы прессы.

Ее и не может быть, если страна ведет войну. Неопереточную, ненужную, непонятную, без потерь, как это было в Косово. Настоящую войну с беспощадным противником — войну, в которой затронуты жизненно важные интересы нации.

Руководство Си-эн-эн прислушалось к просьбам, неоднократно звучавшим из Белого дома, Пентагона, Госдепартамента. Главный информационный канал планеты отказывается от «абсолютной объективности» в освещении войны с терроризмом. Война будет представлена зрителям не с общечеловеческих, а с патриотических позиций. И никто в Америке при этих словах почему-то не краснеет. Патриотизм в воюющей стране — это нормально.

Не протестуют и европейские правозащитники. Хотя могли бы. Чего стоит одно только «пожелание» Иссаксона — «не уделять чрезмерно большого внимания жертвам среди мирного населения». Представим на секунду, если бы пару лет назад руководитель какого-нибудь российского телеканала сказал что-либо подобное (имея в виду, естественно, Чечню) — что бы тут началось!

Но американцы — не русские. К ним относятся сочувственно, с пониманием. Им верят на слово, когда они уверяют, что цензура введена не под давлением властей, что это сознательный выбор самих сотрудников Си-эн-эн, отражение их гражданской позиции.

Когда российские журналисты два года назад приводили примерно те же аргументы, европейские коллеги нам не верили. На нас смотрели скептически, осуждающе, порой снисходительно. Не могли допустить мысли, что журналисты искренне сочувствуют своей армии, ведущей войну, что желают ей победы, а не поражения, что интервью Басаева и Хаттаба мы отказывались публиковать не потому, что этого требовал Кремль, а потому, что не хотели давать таким людям трибуну. Как сегодня американцы не хотят давать трибуну Осаме бен Ладену.

11 сентября многое расставило по местам. Давно уже не слышно ставших столь привычными обвинений, что это Путин, стремясь повысить свою популярность, спровоцировал «вторую чеченскую войну» и что дома в Москве взорвали люди из ФСБ. Вашингтон публично признал, что в Чечне есть международные террористы, связанные с бен Ладеном. А министр иностранных дел Великобритании Джек Стро вчера, в ходе визита в Москву, выразил полную солидарность с действиями российских властей в Чечне.

Теперь мы с Западом — союзники, участники одной коалиции. И если вдруг руководитель какой-нибудь нашей телекомпании потребует от журналистов «сопровождать каждый репортаж из Чечни комментарием, напоминающим, что режим Масхадова укрывает на своей территории террористов, ответственных за вторжение в Дагестан», Россию едва ли обвинят в зажиме свободы прессы.

Другое дело, что таких прямолинейных «памятных записок», как Уолтер Иссаксон, в последние два года не составлял ни один из российских телевизионных боссов. Наши журналисты в столь детальных инструкциях, как правило, не нуждаются. Они многое научились понимать с полуслова.

Приложение 11. К. Пауэлл. Партнерские отношения: работа продолжается (Известия. 2004. 26 января)

Как все изменилось за 30 лет! Я впервые побывал в СССР зимой 1973 года. Ступив на российскую землю в Хабаровске, я отправился по Транссибирской магистрали в Иркутск, а оттуда вылетел в Москву. Я стоял на Красной площади, осматривал ГУМ и пытался как можно больше узнать о стране, которую я, будучи американским военным, научился не только уважать, но и бояться.

Во время той первой поездки в Россию меня больше всего поразили три вещи. Во-первых, громадные масштабы и красота этой страны. Во-вторых, свойственные россиянам и американцам общие человеческие черты, которые, как мне представлялось, когда-нибудь одержат верх над нашими политическими разногласиями. И в-третьих, чудовищное умение советского правящего режима запугать свой собственный народ и подавить проявления человеческого духа.

Сегодня, возвращаясь в Россию, я вижу по-прежнему огромную и очень красивую страну. Я вижу, что общие человеческие черты, присущие россиянам и американцам, восторжествовали над нашими давними разногласиями. Но самое главное то, что больше нет насаждавшегося советским режимом страха; это позволяет обеим сторонам постепенно разрушать мощный пласт подозрительности, которая была характерной чертой наших отношений времен «холодной войны».

30 лет назад российские и американские лидеры сидели порознь и, глядя на карту, видели цели для нанесения ударов. Сегодня русские и американцы часто сидят за одним столом, вместе смотрят на карту и видят на ней возможности сотрудничества для достижения общих целей. Мы делаем это в рамках общих усилий по борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, а также противодействию ВИЧ-СПИДу и устойчивому к лекарственным средствам туберкулезу. Мы делаем это в Корее, где в наше сотрудничество вовлечены также Китай, Япония и Южная Корея. И мы делаем это в Совете «Россия-НАТО», где область нашего сотрудничества простирается от проблем Балкан и Афганистана до противоракетной обороны.

Соединенные Штаты и Россия сотрудничают в обоюдных интересах, и это происходит отчасти из-за того, что эти интересы совпадают. Например, обе стороны признают, что терроризм ставит под угрозу жизни ни в чем не повинных людей и моральные устои международной жизни. Мы можем сотрудничать в дальнейшем развитии энергоресурсов России, обеспечении рынков продукцией и продукции рынками, диверсификации глобальных энергоресурсов — потому что это обеспечит процветание обеих стран.

Однако наша способность к сотрудничеству обусловлена и тем доверием, для укрепления которого президент Буш и президент Путин приложили столько усилий. Мы оставили позади характерный для прошлого рефлектор-

ный взаимный антагонизм и сейчас можем эффективно решать даже самые сложные проблемы, с которыми сталкиваемся. Сейчас между нами установилась дружба, и мы можем говорить друг с другом откровенно, как это делают только настоящие друзья.

Совершенно естественно, что будут возникать ситуации, требующие таких откровенных бесед. Ведь несмотря на то, что мы имеем много общего, у нас разные история, культура и география. Поэтому наши точки зрения совпадают не по всем политическим вопросам — впрочем, любые две крупные державы будут иногда расходиться во мнениях.

Если мы стремимся к взаимодействию, основанному на разумном подходе, то нам необходимо взглянуть на источники наших разногласий. Помимо интересов и доверия, существующих между лидерами стран, способность любых двух стран к сотрудничеству зиждется на совпадении основных принципов, которые разделяются широкими слоями общества. Тридцать лет и в этом случае оказались большим сроком. Сегодня основные принципы наших стран в политике и экономике близки как никогда.

Однако демократия, даже на высокой стадии своего развития, представляет собой незавершенный процесс. Это относится и к России. Мы знаем, что гражданские институты демократического общества не построить за один день, что страна не может в одночасье освободиться от негативного груза своей истории. Мы понимаем, что дорога к демократическому будущему не будет прямой и легкой.

Тем не менее нет сомнений в том, что будущее величие России будет достигнуто за счет формирования стабильных демократических институтов. Политическая, экономическая и интеллектуальная свободы прокладывают путь к процветанию, мощи и высокой степени социального развития в XXI веке.

Мы приветствуем такое будущее России. Для нас это отражение нашего общего человеческого начала, поскольку весь мир выиграет от процветания экономики, науки и искусства в России. Мы делаем это, потому что знаем, что без наличия общих первичных ценностей потенциал наших взаимоотношений не будет реализован. Вот почему у нас вызывают недоумение некоторые события последних месяцев в области российской внутренней и внешней политики.

Демократическая система России, как нам кажется, еще не нашла необходимый баланс между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. Политическая власть еще не полностью привязана к нормам права. Ключевые аспекты гражданского общества — такие, например, как свобода СМИ и развитие политических партий, — еще не приобрели устойчивого и независимого характера.

У нас вызывают озабоченность и некоторые аспекты внутренней политики России в Чечне, а также по отношению к соседям, ранее входившим в состав СССР. Мы признаем территориальную неприкосновенность России, а также ее естественный интерес к землям, которые с ней граничат. Однако мы в не

меньшей степени признаем суверенитет и неприкосновенность соседей России и их право на мир и уважение во взаимоотношениях с теми, кто имеет с ними общие границы.

Россия слишком многое может предложить остальному миру, и поэтому мы не можем допустить, чтобы потенциал нашего партнерства остался нереализованным. Подобно тому, как 30 лет назад мы объединились для выполнения программы «Аполлон-Союз», еще через 30 лет мы, возможно, будем совместно исследовать самые отдаленные уголки Солнечной системы. Здесь, на Земле, ученые наших стран могут, например, сотрудничать с правительствами стран Средней Азии в восстановлении природной среды. Мы можем совместно работать над улучшением всемирной системы здравоохранения с тем, чтобы она соответствовала требованиям времени. Наши лидеры могут совместно работать на благо мира, процветания и свободы во всем мире.

Узы дружбы, которые связывают Америку с Россией и российским народом, сохраняют прочность. Поскольку в конечном счете наше партнерство обусловлено не персоналиями, а обоюдными интересами и общими ценностями, мы всегда будем готовы с открытым сердцем протянуть вам руку дружбы. По мере того, как в России будет строиться новая политическая жизнь на демократической основе, мы вместе будем выстраивать более прочное партнерство между США и Россией. Надеемся, что все препятствия, стоящие на пути России к зрелому демократическому обществу и процветанию, в скором времени будут преодолены. Обе наши страны кровно заинтересованы в достижении прогресса в этом направлении, и мы не сомневаемся в успехе. Для этого потребуется время. Однако в конечном счете кому как не нам знать, как все может измениться за тридцать лет.

Тексты современных российских политиков и журналистов

Приложение 12. Полемика А. Козырева и С. Станкевича

Партия войны наступает — и в Молдове, и в Грузии, и в России
Интервью с министром иностранных дел Андреем Козыревым
(Известия. 1992. 30 июня)

— Андрей Владимирович, сейчас, после встреч на высшем уровне в Даг-мысе и Стамбуле, обстановка в Приднестровье и Южной Осетии и вокруг них, кажется, несколько смягчилась, удалось о чем-то договориться с лидерами Молдовы и Грузии. И вот некоторые считают, что это — результат жесткости, проявленной российским руководством, угроз применения силы в адрес этих республик. Вы с этим согласны?

— Нет! Но это не новая точка зрения, а старая, это логика советского режима. Политический примитивизм — действия на уровне рефлексов, когда есть всегда один ответ — силовой. Ситуация, толкающая к применению силы, создается с помощью соответствующей подачи информации по линии бывшего КГБ и военных ведомств. Не то чтобы совершенно искаженная информация, но с соответствующим окрасом, тенденциозная. Сначала добиваются сдержанной реакции: «Наших надо бы поддержать». А «наши»-то эти часто оказываются экстремистами. И этим экстремистам на ухо, намеком дают понять: «Вас поддержат». Потом им подкидывают небольшую партию оружия, потом, может быть, помогут подготовить группу боевиков... А потом идет реакция с другой стороны. Там-то ведь тоже есть экстремисты! Возьмем пример Молдовы, где сейчас создается военное ведомство, которое тоже может оказаться бесконтрольным. Умеренный спектр вымывается течением, все громче звучат обвинения в «предательстве, маловерии», «дипломатии улыбок» — и вот вам уже мясорубка!

Есть разные версии того, что предшествовало последней трагедии в Бендерах. То ли полицейских сначала атаковали гвардейцы Приднестровья, то ли наоборот. Никто теперь этого уже не прояснит. Но даже если Кишинев прав и его действия носили ответный характер, очевидно, что имел место большой переклест в применении силы со стороны Молдовы. Но значит ли это, что и России следует включаться в политику силовых действий, что на переклесты надо отвечать своими переклестами?

В Афганистане эта же модель была как следует опробована — «на одну пулю отвечать десятью», и к чему это привело? Отвечали мы минометами, танками, авианалетами, под конец ракетами «Р-300» — это уже при

Горбачеве, — и все это кончилось трагично и для Афганистана, и для нас. И вот теперь люди, участвовавшие во всем этом, пытаются ту же логику применить здесь, как будто и не было этого ужасного афганского опыта. Это такая логика: если в Молдове верх начинает брать «партия войны», то давайте и мы отдадим власть этой партии. Если в Грузии Гамсахурдия или его последователи убивают людей без разбору, давайте и мы бить грузин без разбору! Зачем общаться с Шеварднадзе, когда можно бомбить грузинские города!

— Но что же тогда делать, нельзя же, в самом деле, просто наблюдать, как убивают людей и в Приднестровье, и в Южной Осетии...

— Определенная жесткость требуется. Но ни в коем случае не жесткость силовых решений, а жесткая реакция, основанная на праве. Нельзя же уподобляться тем, кого мы хотим призвать к порядку. Суд Линча скор, а нормальный судебный процесс долгов. Так что же, неужели из-за этого предпочитать первый второму?

Применение санкций — возможный путь и в отношении Молдовы, но к таким методам надо прибегать, только когда остальные исчерпаны. Давайте вернемся к югославскому примеру. Во время нашей последней поездки мы убедились: армию, воюющую в Боснии и Герцеговине, снабжают из Белграда, самолеты взлетают оттуда же, горюче-смазочные материалы поступают из Белграда. Сербские силы там действуют как регулярная армия мощного государства. В чем виновен Белград? Как минимум, повторяю, как минимум, в том, что он не гребет против течения, уступает «партии войны».

Президент Снегур, на мой взгляд, пытается идти против такого же захлестывающего националистического течения, вопрос в том, насколько ему это удастся и будет удаваться дальше. Я думаю, что и Эдуард Шеварднадзе тоже пытается бороться с течением, но то ли не имеет полного контроля над ситуацией, то ли действует недостаточно энергично.

В Дагомысе мы продемонстрировали всемерную поддержку именно такому выбору — остановить сползание в пропасть, и нет оснований сомневаться в том, что Россия готова оказать поддержку, дать шанс и грузинскому, и молдавскому руководству.

— Почему же нет оснований? А нас самих разве не грозит захлестнуть то же течение?

— Да, и у нас, к сожалению, поднимает голову партия войны, партия неობольшевизма. Возможно, требуется радикальная реформа наших силовых структур, бывшего КГБ и военных ведомств. Не понимаю, как можно беспокоиться по поводу «дипломатии улыбок», когда идет обвальная передача оружия и в Закавказье, и в Молдове. В последней действительно кое-какое оружие поступает из Румынии, но подавляющая часть идет от армии. По какому соглашению это происходит, хотел бы я спросить, кто его подписывал? Почему военные решают важнейшие политические вопросы? Когда танки становятся самостоятельной политической силой — это катастрофа!

— Но надо ведь как-то все-таки и защищать сограждан... Правда, непонятно, как их определять — не по чистоте же крови, в самом деле... Или же

граждане России — все «русскоязычные»? Или все, кто хочет? Но ведь есть немало русскоязычных и даже русских, которые не хотят нашего гражданства. Третьи — хотят двойного. Четвертые — никак не определятся. Кого же нам защищать?

— Это еще один трудный вопрос. Но известно одно: есть бывшие граждане Союза, чувствующие себя ущемленными — в Латвии, например. В Эстонии, где законодательство прошло международную экспертизу, но, тем не менее, оно тоже не учитывает беспрецедентность нашей ситуации. Иногда речь идет о притеснениях бытового порядка, никак не определенных юридически. В Приднестровье можно говорить о межнациональном конфликте. Но ни один из этих конфликтов силового решения не имеет! В том же Приднестровье живет 150 тысяч русских, а на остальной территории Молдовы — 450 тысяч. Есть только два варианта действий. Или уж быть последовательными, поступать в духе «отца народов», в духе ГКЧП, то есть оккупировать войсками территории республик, миллионами высылать людей, миллионами расстреливать, установить жесточайший режим террора. Или уж все решать мирно, на основе международного права, цивилизованно. А третьего какого-то способа защитить русскоязычных, оказавшихся среди других народов, просто нет. Не пришлете вы «голубой вертолет» защищать каждого русскоязычного мальчика или девочку, идущую в школу. Что бомбить-то будем — города со смешанным населением, что ли? И если мы своими действиями, наломав дров, вызовем там русофобию — вот это будет настоящее национальное предательство, совершаемое национал-патриотами.

Так что я бы не стал торопиться с определением, кто есть гражданин России, а кому в этом отказано. Но, безусловно, те, кто определенно хочет получить гражданство, должны иметь такую возможность. Соответствующий закон должен быть принят Верховным Советом. Но значительная часть тех, кого мы хотим защитить, просит этого не делать! Пресса почему-то замалчивает такие факты, но ко мне во время поездок подходили люди — представители ассоциаций, землячеств и говорили, например, а нельзя ли там как-то унять Бабурина, а то нам его выступления боком выходят. Русские в республиках могут фактически превратиться в заложников национал-патриотов, если они будут восприниматься не как честные граждане этих стран, не как высококвалифицированные работники и носители европейской культуры, а как какая-то пятая колонна империалистической державы. Им уж или надо уезжать, или же браться всем за «Калашниковы». Другой вариант — жить достойно, принимая законы и суверенитет страны, добиваясь законными путями уважения своих прав. В США живут миллионы китайцев и не жалуются на свою судьбу, но и навязывать свои порядки американцам не пытаются. То же самое можно сказать и о русских, и украинцах в Канаде.

Посмотрите, что делает Верховный Совет — голосует за приостановку санкций против Сербии, даже не пытаясь разобраться в сути дела. Но ведь это — прямое нарушение Устава ООН. Депутаты хотели бы, чтобы Россия пошла против воли международного сообщества, в том числе против славян-

ских республик бывшего СФРЮ, которые умоляют усмирить белградских вояк и смотрят с надеждой на Россию, потому что Россия — демократическое государство, которое может спасти их от «югославской КПСС», от сербских национал-патриотов и красно-коричневых. Но наша «КПСС» и наши красно-коричневые вполне логично идут на помощь своим сербским собратьям.

То, что происходит сейчас у нас, — похоже на 1933 год в Германии, когда часть демократов стала переходить на националистические позиции. Понятно, что есть сложнейшие проблемы, на которые чрезвычайно трудно находить демократические ответы. И еще, возможно, в людях возникает инстинктивный страх перед этой темной силой. Наконец, не хочется, чтобы тебя публично называли предателем национальных интересов. Действительно, большое мужество требуется, чтобы выдержать эти истерические обвинения. И появляется соблазн говорить о «Явлении Державы», доказывая таким образом свой патриотизм.

Страшную ответственность берет на себя интеллигенция — та, что играет в «патриотизм», поддается красно-коричневому. Еще в прошлом году радовались мы разнообразию, а теперь во множестве разных газет — речь о «Державе». Наверное, когда в следующий раз ГКЧП захватит власть, список разрешенных газет окажется куда шире. Я даже иногда ловлю себя на мысли: а может, именно на это и рассчитывают некоторые журналисты и редакторы?

Во время визита в республики Югославии с нами ездили журналисты из телеслужбы ТАСС. Рисковали больше нас всех, высывались, снимали честно то, что происходило в Сараево. И что бы вы думали? Показывать их материал наше телевидение не желает! А перед отъездом там говорили о своей живейшей заинтересованности. Рассчитывали, видимо, что получится какая-нибудь пропаганда в пользу национал-патриотического режима в Белграде, а оказалось, что из фильма ясно: это югославская армия воюет в Сараево, и эти формирования, конечно же, поддерживаются и в значительной мере контролируются из Белграда. Такой фильм оказался не нужен. В Верховном Совете, принимая решения по Югославии, не захотели узнать, что видел собственный российский министр иностранных дел в Сараево своими глазами. Почему бы не послушать операторов или не посмотреть снятый ими фильм?

Вот теперь Верховный Совет призывает отказаться от санкций против Сербии, ставится вопрос об отказе от принципа нерушимости границ. Слушая выступления депутатов, чувствуешь себя вернувшимся в старые времена. Все, как и было все эти 70 лет: о НАТО, о США говорят как о заведомых противниках России. Действительно, они были противниками коммунизма и снова будут противниками национал-патриотической России, к которой некоторые депутаты, видимо, себя относят.

Когда Верховный Совет скатывается на подобную позицию, остается надежда лишь на президента. Он остается единственной скалой, единственной реальной силой, противостоящей течению, и мы все должны сплотиться вокруг него.

— Последний визит президента в США, достигнутые там договоренности тоже подвергаются, насколько я знаю, уничтожающей критике. Говорят, национальные интересы были преданы, недаром же 11 раз аплодировали Борису Ельцину конгрессмены.

— Визит в США подтвердил правильность августовского выбора. 45 лет копились горы оружия, но и, начав сокращать их, США делали это в горбачевскую эпоху с большой осторожностью. Они и слышать не хотели о возможности сокращения военно-морского — главного для них — компонента ядерных сил. И вот теперь всего 5 месяцев открытых, честных, без камня за пазухой («социалистический выбор» — помните) переговоров, и США соглашаются сократить военно-морской компонент в три раза! И это произошло не потому, что мы их обманули или вынудили пойти на уступки. Просто американцы впервые нам до конца поверили, поверили в Ельцина и его команду, поверили, кстати, и в то, что эта команда способна справиться с национал-патриотами. Но если нет, если те придут к власти, то гонка вооружений немедленно начнется с новой силой. Вот уж будет предательство национальных интересов! Потому что если уж Советский Союз не выдержал гонки вооружений и рухнул, то что смогут сделать неольшевники в нынешнем состоянии России.

Хочу напомнить: нынешняя власть в России получила от народа демократический, а не национал-патриотический мандат. И в августе прошлого года народ вновь подтвердил свой выбор, отказавшись подчиниться ГКЧП. В его платформе, кстати, не было ни слова о коммунизме, и она была идентична тому, что предлагается национал-патриотами сейчас. Народ такой выбор отверг, но ему снова навязывают его. Считаю, что угроза антидемократического переворота существует. Или через «очередной съезд КПСС», или путем аппаратного реванша. Смотрите, какой контраст: как вяло реагировали соответствующие структуры на события вокруг «Останкино» и как живо, как сильно — на события в ближнем зарубежье. Неделя прошла, пока разогнали это отребье! В демократических странах — в США, во Франции подобных демонстрантов, призывающих к насильственному свержению законно избранной власти, к насилию, мгновенно разгоняют брандспойтами.

Нет, не в Приднестровье, не в Осетии решается сейчас судьба России, она решается здесь, в Москве, в центре государственной власти. Либо российское общество сумеет вновь, как в августе, отвергнуть путь ГКЧП и сжав зубы, идти вперед, по демократической дороге, сочетая твердость со сдержанностью, тонкостью подходов. Либо мы, так и не разрешив ни одного межнационального конфликта, принесем сюда, в Россию, и Приднестровье, и Осетию. Демократия внутри и национал-коммунистические методы вовне — вещи несовместные. Попытаться сочетать их, отдать на откуп «ура-патриотизму» внешнюю политику — это своеобразный Мюнхен. Это обязательно приведет к бесконтрольности силовых структур — армии и госбезопасности, которые затем рано или поздно сбросят ненужные, мешающие им демократические оболочки. Михаил Горбачев испробовал этот путь в Прибалтике, и ему при-

шлось опираться на Янаева, Крючкова и Язова. А потом он стал им ненужен. Сейчас все это может повториться, если мы станем уступать этим силам, заключать с ними компромиссы. Это — путь катастрофы.

С. Станкевич. Пока никому не удавалось полностью исключить силу из арсенала политики (Известия. 1992. 7 июля)

Хорошо, что внешняя политика России становится, наконец, предметом довольно представительной публичной дискуссии: в нее включились и парламент России, и ее вице-президент, и министр иностранных дел. Плохо, однако, что иногда вместо серьезного аргументированного разговора участники дискуссии сбиваются на борьбу с ими же созданными карикатурами, на перебор стандартных ярлыков.

Интервью Андрея Козырева («Известия», № 151) оставило у меня впечатление избыточной защитной реакции и некоторой нервозности, с которыми, на мой взгляд, связан ряд досадных неточностей.

Министр вряд ли прав, утверждая, что нынешней «умеренной» линии МИДа, единственно способной «остановить сползание России в пропасть», противостоит «партия войны» — сплошная реакционная масса «красно-коричневых» и их прислужников, у которых «есть всегда один ответ — силовой».

Беру на себя смелость воскликнуть: «Нет такой партии!» Если оставить в стороне клинические случаи (ибо только безумец может сознательно втягивать Россию в войну), то проблема формулируется иначе: как, какими средствами достичь в отношениях России с соседями долгосрочной стабильности, исключающей войну.

Даже на взгляд людей вполне спокойных, вдумчивых и благонамеренных, с нашей внешней политикой не все в порядке.

Возьмем ситуацию в Приднестровье. Кризис здесь развивается многие месяцы и принял самые острые формы. Реакция России была неизменно запаздывающей, слабой и нере на мой взгляд, ошибочной.

Трудно, к примеру, как-либо объяснить с позиции интересов России киевское заявление по Приднестровью стран — участниц СНГ. Не будучи даже юридически членом СНГ, Молдова получила согласие представителей России на все с односторонние требования (вывод войск, разоружение приднестровской гвардии, восстановление «законных органов власти») без каких-либо одновременных гарантий нормального существования жителей Приднестровья.

Подобная «умеренная» линия, развязав руки одной стороне, сулит приднестровцам разве что кладбищенскую стабильность.

Целесообразность согласия России на четырехстороннюю формулу переговоров по Приднестровью (с Румынией, но без приднестровцев) вызывает серьезные сомнения. В конце концов, комплекс проблем, с которыми мы имеем дело, — это коллективное наследие республик бывшего СССР. И разбираться с ним нужно наследникам, в данном случае — Молдове, Украине

и России. Включение в этот процесс Румынии есть признание де-факто ее особой роли и особой ответственное за события на молдавской территории, что явно на руку сторонникам поглощения Молдовы Румынией. Если эта уступка не используется сейчас, то она, как чеховское ружье, весьма вероятно, выпалит в будущем.

Привлечение внешних сил к поиску решения могло бы стать полезным, но на более широкой основе, например на основе СБСЕ.

Все договоренности и декларации по поводу мирного урегулирования проблем Приднестровья до сих пор неизменно нарушались, поскольку нынешнее руководство Молдовы категорически отвергало и продолжает отвергать единственное разумное решение, предполагающее федеративное устройство республики.

Остается только пожалеть, что Россия до сих пор не настояла на рассмотрении этого главного вопроса (ни четырьмя, ни двумя сторонами). Неверно истолковав явную нерешительность и непоследовательность представителей России, руководство Молдовы сделало ставку на грубую силу. Бойня в Бендерах — трагедия международного масштаба, и именовать ее деликатно «перехлестом» (!), рассуждать о том, что полномасштабная войсковая операция молдавской армии могла быть ответом на рядовую перестрелку, мягко говоря, некорректно.

Сила, разумеется, никогда не заменит дипломатию и право, но, к великому сожалению, пока еще никому не удавалось полностью исключить ее из арсенала инструментов государственной политики. Если бы в Бендерах карательная операция не встретила адекватного силового отпора, дипломатам сейчас уже не о чем было бы договариваться. Приднестровье, было бы расчленено и раздавлено.

Слава Богу, что этого не случилось. Но можно ли, морально ли осуждать и клеймить тех, кто остановил мясорубку?

Трудно понять, что с нами происходит. Нам говорят, что на правом берегу Днестра живут 450 тысяч русских, и мы тут же готовы поддаться шантажу: пусть режут 150 тысяч на левом берегу, если мы не полезем заступаться, может быть, остальных помилуют. Полноте, Андрей Владимирович, разве уместны здесь арифметика и рассуждения о том, кого в первую очередь надо жалеть?

И, право же, только полемическим перехлестом можно объяснить выдвинутую вами дилемму: либо «оккупировать войсками территории республик», «установить жесточайший режим террора», либо все решать мирно и цивилизованно. Конечно, Россия должна все проблемы со всеми соседями решать мирно и цивилизованно. Если наши партнеры согласны и готовы действовать именно так.

Но если наши партнеры, ведя с нами милые дипломатические беседы, параллельно продолжают безжалостную резню, а мы соглашаемся на такой диалог, очень скоро нас перестанут принимать всерьез, ибо с нами все можно. Дело России — не «бомбить города», а остановить вполне конкретных убийц

и убедительно показать, что штыком и пулей проблемы этнических меньшинств решать нельзя, что Россия этого не позволит. Только тогда с нами будут договариваться по-настоящему. Здесь нет ни грана «имперскости». И если смотреть чуть дальше, то именно так и можно избежать войны. Но если творятся — систематические убийства, а дипломатические тормоза не срабатывают, Россия вправе — до вмешательства международного арбитража — применить односторонние санкции.

Еще в 70-е годы мировое сообщество приняло важный принцип: права человека экстерриториальны, систематическое нарушение прав человека не есть «внутреннее дело», а вмешательство в таких случаях необходимо и оправданно. Если же речь идет, как в Приднестровье, о признаках государственного терроризма, то его тем более нельзя прикрыть суверенитетом. Разумеется, вмешательство должно быть цивилизованным и международным.

Возможно, я ошибаюсь, но, по-моему, наш дипломатический корпус недостаточно активно доводит до лидеров зарубежных стран озабоченность России положением русских в «ближнем зарубежье». Иначе чем объяснить тот прискорбный факт, что на мидовский меморандум о нарушениях прав человека странах Балтии за 2 месяца никто официально не откликнулся? В Эстонии некая вооруженная группировка, находящаяся под контролем государства, объявляет войну российским военным и «колонистам», т. е. мирным гражданам — нашим духовным соотечественникам. Мы же, не получив официальных письменных объяснений от правительства Эстонии на нашу, как обычно, запоздавшую ноту, продолжаем двусторонние переговоры, в частности, о довольно выгодных для Эстонии экономических связях. Откуда это странное толстовство?

Прошло полтора года после того, как Россия подписала договоры с Эстонией и Латвией, где, в частности, стороны гарантировали гражданское полноправие для всех этнических групп. Грубо нарушая эти договоры, парламенты Латвии и Эстонии лишили элементарных прав полтора миллиона русских людей. Тем не менее Россия до сих пор не настояла на включении этого вопроса в повестку дня двусторонних переговоров с делегациями балтийских республик. Где же здесь приоритет «цивилизованных методов»? Сколько лет мы будем добиваться, чтобы нас выслушали и приняли во внимание нашу боль?

А как случилось, что при подписании соглашения о порядке выхода Эстонии из рублевой зоны не были учтены интересы семей военнослужащих? Почему российские службы оказались не готовыми к переходу Эстонии на жесткий визовый режим? Ведь об этих проблемах было известно заранее.

Вопросов таких немало. И звучат они не от «партии войны», а, скорее, от партии здравого смысла, озабоченной сохранением достоинства России. Разумеется, за всем этим — преходящие рабочие трудности, неизбежные в большом деле. Но преодолевать их надо бы быстро и эффективно, ибо накопление подобных ситуаций нанесет непоправимый ущерб долгосрочным российским интересам.

Наконец, нельзя не сказать о патриотизме. Какой немислимый сдвиг сознания заставил нас превратить это слово в бранное и намертво связать с образом фашиствующего дегенерата? Неужели не ясно, что только самоотверженный патриотический порыв миллионов способен вырвать Россию из тисков тяжелейшего недуга?

И не стоит поспешно открещиваться от слова Держава. В отличие от империи, которая предполагает сосредоточение сил и ресурсов государства на задачах внешней экспансии, держава означает обращенность государства на себя, отказ от экспансии, мобилизацию внутренних сил и ресурсов для хозяйственного и культурного подъема, для мирного и цивилизованного прорыва на уровень великих держав.

У меня есть отчетливое предчувствие, что Россия уже никогда не будет империей, но обязательно станет Державой. Успеть бы нам всем побольше сделать для этого.

Приложение 13. А.И. Лебедь. «Новая империя» наступает. На старые грабли. Размышления по поводу расширения НАТО (Известия. 1997. № 84)

Один из основополагающих принципов, закрепленный в законодательствах почти всех стран мира, гласит: нельзя превышать пределов самообороны, иначе самооборона становится нападением. Этот принцип формирует и задает целую систему критериев меры. То есть речь идет о том чувстве меры, которая является основой гармонии, а в системе общественных отношений — базой стабильности. Превышение меры в первую очередь наносит удар по справедливости, загоняет противоречие вглубь, создает основу для последующего «отложенного» ответа.

То же самое и в политике. Вспомним Версальские мирные договоры разных веков — восемнадцатого и двадцатого. В 1783 году были заложены основы долгого и бесконфликтного сосуществования свободных государств Америки и Европы, порой с разными политическими и экономическими интересами. А в 1919 году чувство меры изменило победителям в I мировой войне, и было осуществлено позорное надругательство над целой нацией. Степень национального унижения которой была так велика, что полностью затмила у побежденных естественное в таких ситуациях чувство собственной вины. Через унижение немцам был привит вирус мести. Чем все закончилось — известно. А незадолго до этих событий у России был свой «Версаль» — Брест-Литовск. Кровавая цепь унижений неизменно ведет к потерям, которые надолго остаются в памяти народов, особенно если к числу потерь относится национальное достоинство.

Для политиков того времени такая категория, как национальное достоинство, связывалась в первую очередь с количественными показателями территорий, армий, денег и т. д. Но политики не учли тогда, что территории,

армии и деньги могут исчезать и появляться, а национальное достоинство остается всегда, благодаря чему вновь появляются и территории, и деньги и армии.

Пир победителей

В последнее время все чаще стал повторяться тезис о сокрушительном поражении России в «холодной войне». Видимо, это действительно так. Более того, наше нынешнее состояние свидетельствует и о поражении в области реформ. Однако при частом употреблении данного тезиса, на мой взгляд возникает ряд серьезных опасностей, особенно для тех, кто об этом собирается помнить долго.

Во-первых, такой подход опасен во внешнеполитическом плане. На Западе и впрямь может сложиться впечатление, что одержана еще одна «историческая победа» над мировым коммунизмом, и поэтому позволительно вести себя как победителям. При этом никакой разницы между мировым коммунизмом и Россией не делается. И это серьезная ошибка.

Во-вторых, при внутреннем насаждении темы о поражении в российском обществе может сложиться определенный комплекс неполноценности, преодолеть который можно будет только обретением новых побед, и желательных над старыми соперниками. И это тоже большая ошибка. И тот, и другой пути способствуют сохранению старого потенциала противоречий.

Доказательств в пользу увеличивающейся вероятности совершения данных ошибок более чем достаточно. Одна из самых существенных — политическая и военная экспансия НАТО на Восток в той форме, в какой она осуществляется. Встречи с руководством НАТО и политиками различного уровня западных стран убедили меня в том, что со смыслом русской пословицы «семь раз отмерь, один раз отрежь» там не знакомы.

Эйфория от долгожданного крушения восточного блока продолжает подталкивать их к наиболее простым, но не самым оптимальным решениям. На всякий случай «берется» то, что плохо лежит.

Продолжается перегруппировка сил и средств, продолжается усиленное политическое маневрирование с целью занятия более выгодного стратегического положения для продолжения силового диалога с Россией. И все это делается для того, чтобы в случае чего отреагировать на российскую военную угрозу, так как Россия якобы продолжает представлять опасность для альянса. Сомневаюсь, что подобная политика выталкивания России на политические задворки Европы добавит Западу ощущения стабильности и уверенности, а с другой стороны — делает Россию более демократичной и предсказуемой. При таком подходе мы просто обречены по-прежнему дуться друг на друга через плетень и держать в карманах кулаки.

Такова логика отношений победителей и побежденных, при следовании которой, однако, не следует забывать два урока из исторического опыта подобных отношений: первый — во всем, и в политике в том числе, должно быть чувство меры, и второй — можно победить, но унижать нельзя, так как это опасно в первую очередь для победителя.

Новая империя

Об аргументах Запада, оправдывающих и доказывающих необходимость предпринимаемых им шагов написано уже немало. Общий вывод таков: они очень слабы по своим внутренним мотивам и недостаточно доказательны для внешнего представления. Поэтому все же следует еще раз к ним вернуться и попытаться рассмотреть, что стоит за всей этой недосказанной простотой.

Не вызывает сомнения довод, что опасность возникновения региональных конфликтов является для Европы серьезнейшим вызовом, парировать который можно только совместными усилиями. Однако для каждого потенциального или существующего конфликта характерны свои особенности и черты. Нет иного универсального инструмента, кроме силы, для решения проблем, в которых переплелось все — начиная от особенностей сербской православной славянской церкви и кончая уникальностью генетического духа свободы чеченцев, вступающего в противоречие с любыми формами организации жизни их общества, если это навязывается извне.

При такой универсальной целевой «установке на силу» альянс, будет просто вынужден брать на себя ряд фундаментальных государствообразующих функций (что уже наблюдается в Боснии), потому что только так можно задавать определенные правовые параметры, минимизирующие вероятность возникновения каких-либо внутренних конфликтов. Но в этом случае НАТО, хочет она того или нет, обретает черты «империи» нового типа со своим автономным правительством, системы, которая живет и развивается (расширяется) по тем же законам, приведшим в свое время к краху все существовавшие в истории империи.

Это подтверждается внутренней трансформацией аппарата НАТО, становящегося самодостаточным. С развалом Варшавского Договора он был поставлен перед необходимостью поиска путей выживания в новых условиях. Выход был найден в изменении формата блока, так как это выдвигает на первый план целый ряд внутренних задач по всесторонней адаптации новых членов, что, естественно, снимает вопросы о дальнейшей судьбе рабочих структур альянса.

Искусственное накопление и нарастание внутренних противоречий объективно ведет к разрушению системы. Векторы экстенсивного развития через расширение со временем меняются на противоположные. В этом случае традиционная НАТО в качестве ядра расширения испытывает на себе страшную откатную силу сжатия. Последствия будут еще более тяжелыми, чем распад СССР и Варшавского Договора. Понимают ли это в западных столицах?

Скорее всего, понимают. Иначе бы вторым условием не назывались внешние угрозы. Они-то и призваны сыграть роль внешнего каркаса, предохраняющего всю создаваемую систему от распада. Юг и Восток у альянса вызывают наибольшие опасения. Не думаю, что в НАТО под Востоком в первую очередь понимаются Ирак, Иран или Китай. Первые две страны не представляют для консолидированной военной мощи Североатлантического союза какой-либо опасности, не говоря уже об угрозе. А Китай — это уже Дальний Восток.

Конечно же, только Россия, «представляющая собой фактор риска для альянса», служит главным резервом для последующего официального «назначения на должность» в качестве главной внешней угрозы. Правда, для этого еще должны быть созданы определенные условия, так сказать проявиться намерения. Но судя по тому, как наши некоторые доморощенные политики принялись эти условия создавать, ускоренно сколачивая что-то «грозное» на пространстве СНГ, перенацеливая ядерные ракеты на будущих членов альянса и усиленно страдая Украину, навязываемые России правила игры под названием «Угрозу заказывали?» уже принимаются.

Становится очевидным, что мы постепенно втягиваемся в этап взаимного провоцирования, и отыскать потом правых и виноватых будет невозможно. Вновь вводятся во взаимный оборот прежние принципы отношений и сопутствующая им терминология — балансы сил, качественные соотношения, театры военных действий, нулевые уровни и т.д. И это вполне закономерно, так как на данном геополитическом поле, где применяются категории внешних угроз, других критериев их оценки не бывает.

Абсолютно прав Е. Примаков, говоря, что намерение — величина переменная, а потенциал — постоянная. Изменение намерений вызывает перетекание постоянных потенциалов. По этой причине будет развалена система договоренностей, обеспечивающая до недавнего времени стабильность в Европе и мире. Договор об обычных вооружениях в Европе, меры доверия в военной области, договоры о сокращении ядерных вооружений, конвенциональные проблемы — все оказалось под угрозой пересмотра. Так стоит ли заходить так далеко, чтобы начинать потом все сначала?

О европейской прописке США

Еще одним из наиболее часто употребляемых доводов в пользу сохранения и развития альянса является «обозначение НАТО в качестве необходимой формы американских обязательств по защите Европы». В упрощенном варианте это расшифровывается, видимо, как американское присутствие в Европе за американские же деньги при европейской заинтересованности в этих деньгах. В данном случае тезис о защите употребляется по необходимости тогда, когда это надо, а упор в основном делается на американские обязательства. Видимо, стремлением получить доступ к этим «американским обязательствам» объясняется столь упорное желание некоторых государств Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) поскорее стать членом Североатлантического союза. Защита — вещь достаточно абстрактная, а вот дополнительное финансирование — это уже конкретно.

Реализация своеобразного «Плана Маршалла-2» в преддверии 50-летнего юбилея первого варианта является тем лакомым куском, благодаря которому открываются новые возможности по снятию социальной напряженности в государствах-претендентах и обеспечивается дополнительный толчок в осуществлении внутренних экономических программ. И это нормально, но при чем же здесь расширение НАТО? Все дело, видимо, в слове «защита». В нем разгадка целевого предназначения выделяемых средств.

Президент Клинтон уже представил в конгресс проект дальнейших мероприятий и конкретных шагов американской администрации по расширению НАТО с ежегодным выделением на эти цели до 200 млн долларов. Сумма не очень большая, если исходить из того, что для полной адаптации новым членам потребуется, по разным подсчетам, от 80 до 150 млрд долларов. Но сейчас налогоплательщика, видимо, лучше не пугать, а приучать его постепенно к мысли, что лучше поделить в малом, чем потом платить за все самим.

Однако если продолжать обращать внимание на слово «защита», то становится ясным, куда пойдут средства. Тогда возникает еще один вопрос: а что будет, если жители бывших стран «народной демократии» не ощутят на себе последствий подобного финансирования? Албанский вариант? А ведь Албания тоже просится в НАТО. Тут и свои налогоплательщики вновь начнут задавать неприятные вопросы. Кроме того, у всех планов материальной помощи всегда есть и обратная сторона, не измеряемая цифрами и процентами. «План Маршалла» в свое время способствовал быстрому социально-экономическому восстановлению Германии и ряда других стран, наиболее сильно пострадавших от войны. Вместе с тем эти же программы помощи способствовали формированию комплекса «вечного должника». Подобные процессы происходят сейчас у нас в России. Это же приходилось слышать и в Германии. Другими словами, отношения между дающим и берущим представляют собой очень деликатную сферу, орудовать в которой по принципу «ты — мне, я — тебе» очень опасно. Намерение — величина переменная.

Тем не менее такая позиция государств ЦВЕ дает руководству НАТО еще один повод говорить о невозможности с их стороны как-то противодействовать пожеланиям «молодых демократий». Тезис, рассчитанный на простаков. Уж в области-то формирования и удовлетворения «пожеланий трудящихся» Россия имеет богатейший опыт.

Вся многолетняя история существования НАТО говорит за то, что Североатлантический союз не заведение под «красным фонарем», удовлетворяющее любые желания любых посетителей в любое время. Это собрание жестких прагматиков, знающих, на что они идут, ради чего и какой ценой. Они самостоятельны в своих действиях, и какое-либо давление на них исключается, иначе они не достигли бы консенсуса в отношении своего расширения.

К сожалению, этому поколению политиков, приученному вести длительную позиционную борьбу с СССР и Варшавским Договором, оказавшись в выигрышной позиции, трудно отказаться от соблазна наконец-то реализовать свои прежние замыслы, хотя в них уже нет никакой надобности. Так стоит ли уподобляться персонажам анекдотов из дремучих лесов, продолжающим пускаться под откос поезда спустя 40 лет после окончания войны?

Как-то недавно один из заместителей генсека НАТО, сгуля на несговорчивость российских политиков и военных, сказал, что им всем будто бы «необходимо прочистить мозги». Согласен, но при условии, что мозги надо чистить всем — и нашим, и не нашим. Одним — за то, что так бездарно проиграли,

а другим — за то, что, пытаясь добыть лежачего, оставляют после себя полностью разрушенную систему европейской безопасности, удовлетворяющую интересам только нескольких государств.

Трудно предположить, чтобы на Западе не представляли себе подобного результата развития событий, хотя бы в качестве одного из вариантов. Однако соответствующие решения продолжают приниматься, следовательно, существует некий скрытый смысл и скрытая логика действий, о которых не принято открыто говорить. По всей вероятности, все это уместается в достаточно простую формулу: НАТО необходимо США, чтобы удержать под контролем Европу, которой, в свою очередь, НАТО выгодно, чтобы по-прежнему «доить» США ради собственной безопасности, а США и Европе НАТО необходима, чтобы удерживать Россию на периферии мировой политики.

Россия вспрыгнет ото сна

Естественно, что последствия данного западноевропейского курса не могут не затронуть и внутреннюю ситуацию в самой России. Имеются в виду не какие-то ответные действия российского руководства, о которых сейчас много говорится и которые не очень серьезно воспринимаются по причине их малой эффективности и недостаточной реализуемости на практике. Речь идет об изменении векторов тех тенденций, которые усиленно формировались в российском обществе в период «нового мышления» и «стратегического партнерства», но сейчас уже не зависят от желаний и действий властей.

Не найдя понимания у западных индивидуалистов, проповедующих экономический либерализм и демократические ценности в основном протестантского типа, нынешняя Россия все более обращается к своим исконным ценностям «общины» с ее иерархичностью и элементами авторитаризма, к приоритету национально-государственных принципов над чисто человеческими и экономическими интересами.

В этой ситуации основная роль российских политиков, их искусство должны состоять не только в умении навязывать свою волю народу, сколько в способности чувствовать, осознавать и реализовывать скрытый общественный потенциал нации.

Россия пусть медленно, но преодолевает период собственной неуверенности постсоветского периода. Постепенно возвращается осознание собственной идентичности в качестве евразийской державы со всеми вытекающими из этого последствиями.

Можно с уверенностью сказать, что подобная обозначившаяся тенденция со временем определит и естественных союзников в лице государств, народов и наций, чье историческое сознание, психология, мировоззрение, внешняя и внутренняя политика формировались по схожим принципам и правилам. Внутреннюю потребность и готовность к подобным шагам я почувствовал в ходе недавних поездок в Германию и Францию.

Внешняя ситуация вокруг России оказывает также воздействие и на рост внутренней напряженности в обществе из-за неспособности правительства

позитивно решить проблемы как внутренней, так и внешней безопасности страны. Возникшее в обществе ощущение тотальной незащищенности порой толкает людей на безрассудные действия, формирует чувство враждебности ко всему внешнему окружению. Даже ранее непримиримые по отношению друг к другу политики оказываются в одном ряду жестких критиков Запада.

Но если в одном случае можно верить в искренность, то в другом просматриваются явное спекулирование модной темой, попытка отвлечь внимание от внутренних проблем, обвиняя Запад во всех грехах. Тем более что над властью нависла перспектива мощной волны мартовских забастовок, и настоящим «искусством» явится умение придать им «нужную» направленность. Странно будут смотреться толпы полуголодных россиян, не получающих пенсии и зарплаты с лозунгами типа «НАТО — ни шагу вперед!». Однако такое возможно. Будучи главой президентской администрации, Анатолий Чубайс напоминал, что «россиянам не впервые затягивать потуже пояса». Чего здесь больше: откровенного издевательства (у многих уже и поясов не осталось!) или наглого цинизма? Так или иначе, но уже летом этого года правители России смогут объяснять невыплаты по зарплате необходимостью строительства новых самолетов и подводных лодок.

Подобный «ответ Керзону», кроме сожаления, ничего не вызывает. Будет еще сложнее отстаивать перед зарубежными оппонентами важность и историческую целесообразность заключения с НАТО полновесного договора. Хотя в данной ситуации этот договор — последний шанс спасения России от политического унижения в предстоящем июле, когда решится вопрос о приеме новых членов в НАТО.

Не предполагал в 1919 году лорд Керзон, что его план раздела Европы по восточной границе Польши вызовет столько исторических споров, а в конце XX века сохранит перспективу вновь превратиться в линию противостояния Запада и Востока. Силы, подталкивающие к этому, сохранились как с той, так и с другой стороны.

На этот раз: «наш ответ Керзону» (читай: НАТО) должен быть другим, русским. Не размахиванием ядерной дубиной, а погружением в себя, осознанием истинных источников своей национальной безопасности. И своей наступательной политикой Запад в этом нам «поможет».

Приложение 14. С.К. Шойгу. Взгляд на будущее России. Как вывести страну из зоны чрезвычайной ситуации (Известия. 1999. 29 октября)

Мне редко доводилось писать статьи в газеты. Я вообще не привык участвовать в публичных дискуссиях и уж тем более никогда не думал, что займусь в этом смысле большой политикой. В последние годы моим делом была борьба

с последствиями чрезвычайных ситуаций, часто — в критических условиях. Но с каждым годом кризисы случались все чаще, а чрезвычайных ситуаций становилось все больше. Я задал себе вопрос — почему так происходит? Ответ получился печальным — потому что к концу столетия вся жизнь россиян превратилась в сплошной кризис, а сама Россия стала зоной сплошной чрезвычайной ситуации.

У спасателей есть непреложное правило: прибыв на место бедствия, они не разбираются, кто виноват, они сразу определяют, что делать. Российский системный кризис требует действий не менее четких, быстрых и решительных, чем ликвидация последствий самого страшного землетрясения.

Выход из кризиса есть. Этот выход — привести во власть не представителей лучшей политической партии, а лучших представителей народа. Быть может, кому-то моя мысль покажется слишком банальной, наивной и даже дешево-популистской. Всякая партия утверждает, что в нее-то и входят лучшие из лучших. Однако эти утверждения — пустой звук. Да, в каждом политическом объединении есть достойные люди, профессионалы, идущие во власть, чтобы отстаивать интересы своего региона и своих избирателей. Но, увы, таких меньшинство, они — исключение из правила, потому что партий слишком много, а людей, способных стать подлинно народными избранниками, — единицы. Остальные — да простит меня наша так называемая «политическая элита» — лишь массовка для престижного клуба столичных политиков, которые только изредка и с большой неохотой вспоминают, что где-то далеко, за стенами Госдумы, есть еще их избирательные округа и их избиратели.

Выход — в единстве. В единстве людей, стремящихся попасть в Государственную думу для того, чтобы работать там с максимальной отдачей для своих сограждан и своей Родины. В единстве людей, которые независимо от своей партийной принадлежности или отсутствия таковой готовы принимать реальные законы, отвечающие реальным нуждам россиян. Наконец, в единстве людей, которые знают о болях и бедах страны не по телерепортажам, а по собственному опыту жизни в глубинке, в провинции, в регионах.

Наш избирательный блок мы так и назвали — «Единство». Как у любого блока, у нас есть федеральный список, состоящий из центральной и региональной частей, и есть кандидаты, выставляющиеся по одномандатным округам. Но от всех остальных блоков и движений список «Единства» резко отличается сильнейшим акцентом на регионы.

У нас самая короткая центральная часть списка — всего три имени, та самая «первая тройка», которая необходима для регистрации в Центризбиркоме. Остальные полторы сотни кандидатов проходят по региональной части списка. Это не просто наша принципиальная позиция. Это отражение реальности, так как большинство моих сподвижников живут и работают вдали от столиц. Большинство из них, как и я, никогда не помышляли о политике. Большинство из них никогда не становились героями репортажей центрального телевидения, но пользуются непрерываемым авторитетом в своих городах и областях.

В одномандатных округах у «Единства» всего 42 собственных кандидата. Но мы ведем активные консультации с губернаторами и мэрами крупных городов о поддержке наиболее достойных независимых кандидатов. Мы также вступили в переговоры с партиями и движениями, идеи которых так или иначе созвучны идеям «Единства», — с «Яблоком», НДР, «Отечеством — Всей Россией», «Союзом правых сил». В результате на сегодняшний день «Единство» договорилось с теми и другими о взаимной поддержке 150 кандидатов-одномандатников.

Но что же такое само «Единство»? Что толкнуло нас к объединению? Прежде всего то тяжелейшее положение, в котором оказались сегодня Россия и ее великий народ. Та боль, которую мы чувствуем, глядя, как обернулись против миллионов простых людей реформы в экономике и социальной сфере. Та ярость, которую каждый из нас испытал, столкнувшись с бесконтрольным произволом бюрократов и чиновников.

Но главное, что привело нас всех в «Единство», — это общее видение причин системного кризиса в России и общее понимание путей его разрешения. Мы убеждены: преодолеть кризис невозможно до тех пор, пока все политические силы не перестанут тянуть одеяло на себя, устремляясь в разные стороны.

На наш взгляд, начинать путь в XXI век надо с единения. А объединяет людей независимо от их политических взглядов и вероисповедания право на жизнь и безопасность, право на стабильность и свободу, право на обеспеченное настоящее и предсказуемое будущее.

Мы оцениваем политику, экономику и любые другие сферы жизни страны с позиции гражданина, конкретного человека. Спасая пострадавших в результате стихийных бедствий, катастроф и военных конфликтов, я не раз убеждался: все второстепенное, наносное в таких ситуациях отходит на второй план. Прежде всего человека надо вылечить, накормить, найти ему жилье, дать работу, защитить от мародеров и — что, наверное, важнее всего — вдохнуть веру в свои силы и в завтрашний день. Мы знаем это. Поэтому мы знаем, как надо действовать и в той чрезвычайной ситуации, в которой сейчас оказалась вся Россия.

Тысячелетняя история, опыт сотен народов, бок о бок веками строивших и защищавших огромную страну, суровые климатические условия на большей части территории и фантастические богатства делают Россию уникальной страной в мировой цивилизации. В культуре, в науке, в духовной сфере мы очень многое подарили миру, оказав колоссальное воздействие на ход мировой истории. Многие из того, что кажется сегодня утраченным, можно и нужно вернуть. Патриотизм и работа на будущее поколения — вот приоритеты «Единства». Сегодня нам предстоит дать свой, российский ответ на вызовы времени. И нас не должно огорчать, что здесь не работают многие западные рецепты: у России всегда был свой путь. Наш народ самобытен, и в этом — наша сила, а не слабость.

Повторюсь еще раз: мы будем работать исходя прежде всего из нужд Человека. При этом понимая, что Человек и Общество, Человек и Государ-

ство — единое целое. Воля, талант и высочайшая квалификация людей, которые могут, умеют и хотят работать, — это огромный ресурс, на который мы намерены опираться.

Печальный опыт последних лет показал, что в одиночку благополучны не могут быть ни отдельные люди, ни отдельные организации, ни отдельные регионы. Жить, а не выживать под гнетом кризиса, идти вперед, а не вязнуть в болоте нерешаемых проблем мы можем только вместе. Современная Россия — президентская республика. Так есть и так и должно быть. Но мы убеждены: сильную президентскую власть следует уравновесить еще более сильной и значимой законодательной и исполнительной властью. Но есть множество мелких и текущих проблем, затрагивающих жизнь каждого конкретного человека; которые не в силах решить центральная власть. И эти проблемы должно решать сильное местное самоуправление.

Чтобы навести порядок в экономике, нужно прежде всего покончить с государственным расточительством. Низкооплачиваемый, но непомерный по численности аппарат чиновников выступает сегодня главной питательной средой для расцвета коррупции и разбазаривания государственной казны. Количество чиновников следует резко сократить. Оставшиеся госслужащие — а остаться должны лишь действительно высококлассные и, главное, неподкупные специалисты — должны дорожить своим местом, иметь и достойную зарплату, и высокий социальный статус.

Даже добившись сохранности средств в госказне, решить экономические и социальные проблемы страны не удастся до тех пор, пока бюджет России будет соперничать по своей скудости с бюджетами «банановых республик». Единственный способ исправить положение — добиться ощутимого увеличения государственных доходов. Причем для этого совершенно не следует повышать ставки налогов и сборов. Напротив — их необходимо значительно снизить. Ослабление налоговой удавки быстро позволит встать на ноги предприятиям; и снимет искусственные препятствия к росту производства. А это — прямой путь к росту доходов и предприятий, и их работников, и бюджетов всех уровней.

«Единство» не выступает против государственного регулирования экономики. Но мы — за разумное регулирование. Мы считаем, что роль государства следует усилить, но это должна быть роль не тормоза, а двигателя. Ведь главная цель государства — стоять на страже равных и честных условий для всех.

Мы должны так построить нашу экономику, чтобы продавать и покупать товары только за рубли. Пора покончить с диктатурой доллара! Сегодня он стыдливо спрятался под именем «условной единицы», но как был, так и остается самым безусловным мерилom ценностей в новой России. Наша национальная валюта — рубль. Другой валюты нам не нужно. Рубль должны уважать мы сами, и с рублем должны начать считаться все, кто хочет с нами торговать и работать. Сегодня ни российские граждане, ни тем более иностранные предприниматели не хотят вкладывать деньги в развитие производства в России. Это неудивительно — из-за бездарных управленцев и казнокрадов

страна растратила весь кредит доверия. Но мы обязаны восстановить его, создать условия для того, чтобы деньги потекли обратно в Россию, а не продолжали утекать из нее, как это происходит сейчас. Первым шагом на этом пути должно стать возвращение — естественно, добровольное — тех огромных капиталов, которые наши крупные бизнесмены хранят за рубежом. Эти деньги должны вернуться в Россию, чтобы работать на Россию и приносить прибыль России.

Очевидно, что на пороге XXI века наибольший экономический эффект приносят высокие технологии. Государства, обладающие ими, занимают ведущие позиции в мире. Для развития таких технологий требуются значительные и постоянные инвестиции в образование, науку и производство. Без этого не обойтись и России, но уже сейчас у нее есть потенциал, о котором многие страны могут только мечтать. К сожалению, мы не умеем толком распоряжаться этим потенциалом: российская экономика сегодня — это «экономика трубы». В ней безраздельно господствуют предприятия, добывающие невозполнимые ресурсы. Тем временем сфера высоких технологий остается на задворках хозяйства. Ситуацию нужно кардинально менять — это наш стратегический приоритет, и мы убеждены: для поддержки высокотехнологичных производств нужно использовать все возможные средства.

Впрочем, далеко не все наши беды от нехватки средств. Мешает элементарное отсутствие порядка, ответственности и профессионализма. Разгильдяйство на всех уровнях сводит на нет даже самые благие начинания. Отсюда вывод: мы должны наконец-то добиться жесткой дисциплины и от тех, кто принимает решения, и от тех, кто обязан их выполнять.

Есть еще одна проблема, о которой, как специалист по управлению в кризисных ситуациях, не могу не сказать. Инфраструктура России находится в опасном состоянии. Мы сталкиваемся со всеми рисками высокоразвитой индустриальной страны, но пытаемся максимально сэкономить на их предотвращении. Уроки Чернобыля слишком быстро стерлись из нашей памяти. Однако чтобы так называемая техносфера в ближайшие годы не преподнесла нам бед национального масштаба, нужно принимать срочные меры по повышению безопасности атомных объектов, химических и других вредных производств. Решение этой задачи требует усилий не только правительства, местных органов власти и руководителей предприятий, но и миллионов рядовых граждан. Отвести возможную беду — одна из важнейших задач «Единства».

Наш блок — межрегиональный, и в этом заключается один из наших главных принципов. В отличие от других партий и движений, мы предоставили возможность регионам самим делегировать во власть как можно больше своих представителей. Наша цель — не просто победить на выборах: мы хотим, чтобы обновленный российский парламент не превратился вновь в столичный политический балаган. Нас не смущает, что у большинства кандидатов от «Единства» за плечами нет никакого политического опыта. Это их плюс, потому что у каждого из них огромный практический опыт, они привыкли делать дело, а не рассуждать длинно и красиво.

По долгу службы мне не раз приходилось бывать на Северном Кавказе. Сейчас там вновь полыхает пожар войны, в районе боевых действий сложилась крайне тяжелая обстановка. Десятки тысяч мирных жителей Чечни нуждаются в помощи государства, в защите от произвола террористов и незаконных вооруженных формирований. Первым делом мы должны обеспечить их безопасность, затем добиться выдачи террористов, полного разоружения бандформирований и лишь после этого переходить к переговорам о политическом устройстве и статусе Чеченской Республики.

Не могу не сказать и об отношении «Единства» к средствам массовой информации. Свобода слова, безусловно, одно из основных завоеваний сегодняшней России. Однако четвертая власть не должна превращаться в диктатуру. Современный мир шаг за шагом идет от административного управления к информационному. Пресса, радио и телевидение де-факто стали важнейшими инструментами влияния на общество. Это — мощнейшее оружие, и потому обращаться с ним надо крайне осторожно. Свобода должна быть неотделима от ответственности. Закон должен защищать не только прессу от произвола власти, но и общество от произвола прессы.

На моих плечах — генеральские погоны. И потому я уверенно заявляю: «Единство» сделает все возможное для поддержки армии, силовых структур и военно-промышленного комплекса России. Мы добьемся от государства, чтобы оно никогда не оставалось в долгу перед теми, кто самоотверженно и честно исполняет свой долг, служа Отечеству. Мы будем последовательно отстаивать интересы оборонных предприятий, требовать обеспечения их государственными заказами и неукоснительной оплаты произведенной продукции.

«Единство» — это не политическая партия. Это объединение здравомыслящих людей, которым надоело смотреть, как кто-то за них определяет их судьбы. Мы идем на выборы с одной главной целью — добиться единства интересов каждого человека и Государства Российского. И ради этой цели мы готовы объединить всех и выступаем за единство со всеми.

Единство с теми, кому нужна великая Россия и не нужны великие потрясения.

Единство с теми, кто хочет жить в сильной, стабильной, развивающейся стране, а не в «княжествах» и «ханствах», объединенных в конфедерацию.

Единство с теми, кто устал от экспериментов политиков над собственным народом.

Единство с теми, кто выступает за единственную в мире справедливую диктатуру — «диктатуру здравого смысла».

Приложение 15. П. Анохин, В. Игнатов.

У медведей свое лицо. «Единая Россия» решила стать интеллектуальным и политическим центром страны (Труд. 2003. 1 апреля)

«Сегодня правительство утратило способность к энергичному и выверенному решению актуальных и болезненных проблем страны, — заявил в докладе на съезде «Единой России» ее лидер, министр внутренних дел России Борис ГРЫЗЛОВ. — При отсутствии в стране партийности власти чрезмерную роль приобрели «группы влияния», которые связаны с крупным капиталом и фактически присвоили себе многие политические функции. В итоге вместо цивилизованной политической борьбы мы сталкиваемся с подковерной борьбой кланов и группировок. Ситуацию надо в корне менять: чан кутаны партии корпораций, а не корпорации партий».

Эти слова, пожалуй, во многом определяли тональность партийного форума, состоявшегося в столичной гостинице «Космос». «Партия власти», как по некоей инерции называют «Единую Россию», подвергла жесткой критике не отдельные министерства (или персонажи), а правительство в целом. Наступление Грызлова на федеральное правительство вскоре решительно развили вице-премьер, министр сельского хозяйства Алексей ГОРДЕЕВ, недовольный «группами компаний», которым «все достается», мэр Москвы Юрий ЛУЖКОВ, возмущенный «влиянием олигархических группировок на принятие государственных решений». Депутат Государственной Думы Андрей ИСАЕВ нанес персональный удар по Александру Починку, разбив в пух и прах социальную и трудовую политику «министра, который проводит в жизнь программу СПС».

Солитарное неприятие многих действий Белого лидерами центристов сразу после их встречи в Кремле с президентом России предопределяет, как полагают многие эксперты, ближайшую интригу политической жизни страны: грядет дальнейший передел верховной власти. Впрочем, некоторые усматривают за этим желание «единороссов» тактически грамотно отмежеваться накануне выборов от непопулярного во многом правительства. И, конечно, тут можно усмотреть жесткую заявку на «формирование после выборов 2003 года сильного партийного правительства».

С этой целью «Единая Россия» (символ которой — медведь) надеется завоевать вместе со своими союзниками на предстоящих парламентских выборах не менее половины голосов избирателей, а посему уже не скрывает своих амбиций сформировать по их итогам «центристское» правительство. Оно непременно должно состоять из компетентных выдвиженцев «Единой России», которая отводит себе «роль ответственного переговорщика со всеми ветвями власти от имени и в интересах народа».

527 делегатов, представляющих более 400 тысяч членов «Единой России», единодушно одобрили манифест партии — «Путь национального успеха». Он, по словам руководителя парламентской фракции «Регионы России» Олега

МОРОЗОВА, представляет собой «новую идеологию XXI века». «Мы намерены стать партией национального успеха России, — говорится в документе. — И заявляем: в России есть партия, способная ставить и решать задачи, достойные этой цели». Вместо известного лозунга о пролетариях, по словам Морозова, подразумевается призыв: «Россияне всей страны, соединяйтесь!». «Сегодня нет в чистом виде ни «правой», ни «левой» идеологии, есть люди, проживающие в России, — заявляли в кулуарах «единороссы». — Мы предлагаем идеологию здравого смысла, консолидации общества».

В комментарии «Труду» член Генерального совета «Единой России», руководитель парламентской фракции «Отечество — вся Россия» Вячеслав ВОЛОДИН отметил: «Мы стремимся не просто «завоевать власть», но превратиться в национальный политический центр страны, который объединит ее интеллектуальную и духовную элиту, все российское общество».

Что думают о прошедшем форуме его гости и участники?

Сергей МАРКОВ, директор Института политических исследований: «Первое впечатление: съезд сказал, что нужно менять, но пока не ответил — как, не предложил стратегию и методы этих перемен. Отрадно, что на съезде главными игроками политической сцены России четко обозначены не олигархические группы, а политические партии. Это уже шаг к созданию цивилизованного гражданского общества».

Виктор ВОЛКОВ, член Центрального политсовета партии, председатель Комиссии по предпринимательству Московской городской Думы: «Самое главное — удалось выйти из застоя. У некоторых лидеров «Единой России», к сожалению, случилось головокружение от успехов, и партия допустила серьезные ошибки, ударившись в волюнтаризм. «Единая Россия» начала брать на себя функции государства, скажем, в ситуации с выплатой зарплат бюджетникам, и попыталась делать то, что под силу партии, имеющей реальную власть. Такая позиция привела к конфликту интересов, к некоторому внутрипартийному унынию. Слава Богу, здоровые силы осознали эти ошибки. Сегодня обозначены ориентиры, которые помогут «Единой России» превратиться из политической организации, которую власть так или иначе использует, в политическую организацию, формирующую в конечном счете эту власть».

Владимир СОБИНСКИЙ, председатель Петрозаводского городского совета: «Съезд конструктивный и деловой не только по подготовке, но и по содержанию. Важно предъявить обществу то, как мы видим решение конкретных проблем, существующих сегодня в стране. «Единая Россия», наверное, впервые проанализировала ход партийного строительства и открыто о нем рассказала. Все вопросы, которые обсуждались на съезде, практически полезны для работы региональных отделений. Мы приняли манифест партии, который предопределяет региональным отделениям реальную программу действий. Теперь наша задача — наполнить ее конкретными делами, преломляя на проблемы регионов. У нас стало больше свободы действий, прибавилось прав и полномочий. И — больше ответственности. После этого съезда у «Единой России» появилось свое «лицо», своя идеология, своя программа».

Приложение 16. Г. Павловский. Почему мы эксперты? Тезисы клуба «Гражданские дебаты»

Почему мы, солидные общественные и солидные государственные люди, так настаиваем на понятии гражданской экспертизы, себя именуя скромно «экспертами», и не торопимся создавать никаких систем взаимодействия с властью, помимо экспертных? Я бы назвал три причины, по которым Форуму следует сосредоточиться на профессионализации российской независимой экспертной среды:

1) Подготовка форума велась рабочей группой, участники которой, перебрав ряд ролей и отказавшись от них как неприемлемых (роли «представителя», «руководителя», «лидера общественного мнения»), остановились на роли экспертов как единственно для себя возможной. Даже госслужащие в рабочей группе оргкомитета выступают не «представителями власти» (на что у них и не было прав), а в роли экспертов и консультантов по переналадке бюрократической среды к лояльной работе с независимыми структурами. Это были именно переговоры экспертов о политически приемлемых решениях, и они привели к реальным договоренностям.

2) Все проблемные дискуссии, «круглые столы» и переговорные группы, составляющие истинное содержание Гражданского форума, предполагают экспертную проработку концепции, экспертное сопровождение и экспертный же контроль качества решений. Форум — это всероссийская машина гражданской экспертизы, многопрофильный экспертный семинар, где сами лидеры НКО выступают в роли экспертов.

3) Цель Форума — разработка и оценка системы взаимодействия государства и гражданского общества — представляет собой экспертно квалифицированный, реализуемый интеллектуальный продукт.

Довольно этих трех причин для того, чтобы добиваться усиления роли экспертной компоненты в общественно-государственном партнерстве как одного из главных результатов Гражданского форума.

Вертикаль власти против диктатуры права

Процесс подготовки и проведения Гражданского форума можно рассматривать как модель общенационального диалога. Тогда мы увидим все ограничения и все возможности этой модели.

Критическая черта — переход от общего согласия насчет поля будущих действий к совместной работе над решениями и контролем их выполнения. Первое охотно приветствуется бюрократией, в покрытие дефицита ее компетенций; последнее ломает всю бюрократическую логику.

Бюрократия готова допустить институт гражданской экспертизы, но только в двух ролях:

1) в роли аппаратного консультанта, обслуживающего закрытый процесс подготовки законодательных и административных актов;

2) в роли бессильного внешнего критика — «эксперта свершившихся фактов».

Между этими двумя полюсами сегодня фактически распределено экспертное сообщество. В этих двух полюсах оно не может развиваться и неизбежно стагнирует. Дополнительным фактором его деградации выступает отсутствие информационной экспертной среды, свободной от грубой политизации и вульгаризации. Российские СМИ, по скудости немассовых изданий, затрудняют публичную профессиональную коммуникацию независимых экспертов и критическую оценку результатов их деятельности.

Главной проблемой гражданского общества является его неспособность к эффективной экспертной конкуренции с некомпетентной бюрократией. Путинское политическое лидерство привело к ситуации, когда бюрократический аппарат присвоил себе монопольное посредничество между группами общества и право заказчика любых интеллектуальных и экспертных услуг.

Российская бюрократия относительно компетентна в режимах чрезвычайного реагирования. В режиме повседневного управления, то есть в режиме партнерского сотрудничества с обществом, российская бюрократия, как правило, некомпетентна.

Конституционно понимаемая «диктатура закона» неосуществима теми кадрами, которые заполняют нынешнюю «вертикаль власти». Закон не вертикален, его не спускают сверху вниз, как приказ, он уравнивает всех правовой «горизонталью». Кадры «вертикали власти» сегодня — накануне вхождения в зону своей относительной, а вскоре и полной некомпетентности. Последствия некомпетентности ощутит на себе и сможет оценить любой гражданин. Но для предупреждения последствий эксперт должен оценивать уровень решений еще на стадии выработки и формулировки.

Бюрократическая монополия на экспертизу ведет к снижению качества гражданской экспертизы — как за счет оттока профессиональных кадров на ведомственные площадки взаимодействия (закрытые для гласной оценки), так и за счет снижения профессионализма и неизбежной политизации экспертов.

Непрофессионализм и экспертная некомпетентность общественных структур снижает ценность их критики бюрократической некомпетентности властей, искусственно занижая политический вес общества в диалоге с властями. Необходима реальная, недемонстративная способность общественных сил находить внутри себя и предъявлять стране новые профессиональные экспертные кадры.

Открытая экспертная среда

Гражданское общество сегодня — не то же самое, что понималось под этим еще 10 лет назад; это не «общественная самодеятельность»; у него другой облик, другие технологии и другой уровень профессионализма. Радикально переменились практически все виды коммуникационных, политических и других отношений. Возросло влияние независимых научных, исследовательских и иных структур на политику и экономику. Интернет стал массовым

демократическим СМИ гражданского общества. Пора говорить о формировании нового постиндустриального гражданского сектора, потенциально способного конкурировать с аппаратно-бюрократическими силами по своим организационным, профессиональным и научно-технологическим критериям.

Эффективно действующее, квалифицированное гражданское общество при лояльной поддержке и сотрудничестве властей способно сформировать необходимую для себя интеллектуальную инфраструктуру. В открытом гражданском обществе никакие различия не являются непреодолимой преградой для лояльного и продуктивного взаимодействия. Найдутся решения и в экспертной среде, если их искать.

В ближайшие годы экспертный потенциал, распыленный в аппаратных, предпринимательских и общественных структурах, должен собраться в открытую экспертную среду России. Открытая экспертная среда не представляет, не может и не должна представлять собой организацию. Это сеть независимых центров и экспертных сообществ, а также отдельных экспертов, работающих с разными общественными, деловыми и государственными структурами. Основой этой среды должны явиться реально возникшие и развивающиеся в России национальные экспертные сети — возможность мобилизации гражданского интеллектуального и информационного потенциала. Гражданские эксперты работают в рамках разных концептуальных школ, в разных отраслях и представляют в ряде случаев остроконкурентную среду. Что (и это еще раз показал Форум) не является препятствием для участия столь различных сил в единых проектах — от местных до общенациональных.

Разработка организационно-правовых и финансовых форм свободного развития и государственного усиления открытой экспертной среды России — один из главных пунктов повестки дня дискуссий, «круглых столов» и переговорных площадок Гражданского форума. Мы просим серьезно отнестись к документальной фиксации всех позиций и результатов. Поскольку такую задачу невозможно завершить в два дня, система тематических экспертных групп Форума должна после его ноябрьской сессии быть сохранена, перформатирована, распространена в регионы и приспособлена для решения широкого класса общенациональных задач.

Итогом Форума может явиться не «палата при властях», а открытая независимая межотраслевая экспертная система разработки и коррекции основных направлений внутренней и внешней политики государства.

Учебное издание

Александр Генрихович Алтунян

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Учебное пособие

Редактор *С. Прокопьев, Е.В. Комарова*

Корректор *А.В. Полякова*

Оформление *Т.Ю. Хрычевой*

Компьютерная верстка *П.Ю. Аборина*

Подп. в печать 14.01.2006. Формат 60х90/16.

Печать офсетная. Объем 24,0 п. л.

Тираж 2000 экз. Заказ 311.

Издательская группа «Логос»

105318, Москва, Измайловское ш., 4

Отпечатано с готовых диапозитивов

на ООО «ПД «Современник»

445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30.

По вопросам приобретения литературы
обращаться по адресу:

105318, Москва, Измайловское ш., 4

Тел./факс: (095) 369-5819, 369-5668, 369-7727

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте <http://logosbook.ru>